ҚАЗАҚ ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

СП 14982 (1)

МАТЕРИАЛЫ ПО КАЗАХСКОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

1949/8561

2007 Казахстан

СБОРНИК

I

Каз. Гос. Ун-т Научная библиотека им. Горького

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

АЛМАТЫ 1948 АЛМА-АТА

Под общей редакцией и с предисловием
действительного члена Академии Наук Казахской ССР
С. В. ЮШКОВА

Составители:
Научные сотрудники Сектора права
Академии Наук Казахской ССР
Т. М. КУЛЬТЕЛЕЕВ
М. Г. МАСЕВИЧ
Г. Б. ШАКАЕВ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук КазССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из самых неразработанных вопросов в историко-юридической науке является вопрос об истории казахского права. В досоветское время дело ограничивалось тем, что время от времени появлялись сборники обычного казахского права и затем делались попытки на основе этих сборников дать общую характеристику тех или иных отраслей казахского права без всякого учета эволюции, которая в них могла быть прослежена.

Вопрос об истории казахского права остается одним из узких мест и в советской историко-юридической науке. До сих пор не вышло в свет ни одной работы, которая бы на основе марксистско-ленинской методологии давала хотя бы общий очерк истории казахского права.

А между тем, поскольку в Казахстане изменялись в той или иной степени материальные условия жизни, то должны были изменяться и правовые отношения. Несомненно, в Казахстане наблюдалась смена некоторых пластов норм права. Так, нормы, возникшие в период образования относительно объединенного Казахского государства, должны были до известной степени изменяться в период его распада на три жуза, причем в каждом из трех казахских жузов, в которых наблюдались все же некоторые варианты в системе патриархально-феодальных отношений, были и некоторые свои особенности в правовом развитии.

Весьма важным моментом в истории казахского права является время хана Тауке, когда появился так называемый «Жеты-Жаргы». При хане Тауке в системе казахского права очень хорошо отразились изменения, вызванные дальнейшим углублением феодальных отношений, во взаимоотношениях двух групп казахских феодалов — султанов и биев. В «Жеты-Жаргы» стали защищаться интересы бийских групп, экономическое и политическое влияние которых выросло к началу XVIII в.

По имеющимся данным, некоторые изменения, в особенности в системе уголовного права, произошли и в середине XVIII в., когда казахскому народу приходилось напрягать все силы в борьбе с джунгарами и когда надо было усиливать крепость Казахского государства.

В первой половине XIX в. наблюдались попытки перестроить политическую организацию Казахстана. Эти попытки также были обусловлены некоторыми сдвигами в хозяйственном его развитии. Но были моменты, которые должны были ускорить этот процесс, вызванные необходимостью борьбы или со среднеазиатскими ханствами или с русским царизмом.

Наиболее продуманные и решительные попытки перестроить политическую организацию Казахстана были предприняты султанами Арынгазы и Кенесары Касымовым. Но перестраивая политическую и судебную организацию, в частности, внедряя шариат, Арынгазы и Кенесары Касымов должны были в той или иной степени вносить значительные

изменения и в систему права. Роль шариата сделалась более значительной. Внедрение шариата должно было содействовать установлению единого правового режима и ликвидации местных особенностей в развитии казахского права.

Но по мере того, как шел процесс превращения Казахстана в царскую колонию, русские чиновники принимали все меры к тому, чтобы изменить нормы казахского обычного права в целях приспособления их к интересам колонизаторской политики. Превращение Казахстана в колонию русского царизма и влияние русской капиталистической экономики должны были отразиться также на системе казахского права. Остатки патриархальных отношений в этой системе должны были все более исчезать.

Таким образом, глубоко правы составители «Сборника материалов по казахскому обычному праву», когда они пишут, что казахское обычное право нельзя рассматривать статически, как некоторую незыблемую, постоянно действующую систему правовых норм.

Сектор права Академии Наук Казахской ССР решил издать в первую очередь сборники казахского обычного права.

Для того, чтобы изучать историю казахского права, хотя бы по материалам обычного права, надо прежде всего иметь эти материалы. Но когда был организован Сектор права и создалась особая группа по истории казахского права, то оказалось, что эти материалы недоступны для изучения. Некоторые были напечатаны в книгах, которые давно уже сделались библиографической редкостью, а другие вообще не были изданы.

Сектор права решил издать наиболее важные материалы, изучение которых могло бы дать серьезные результаты. Издавая их, Сектор права и редактор, само собой разумеется, должны были быть серьезнейшим образом озабочены, в какой степени точно в предисловии к отдельным материалам будут показаны лица, собиравшие нормы обычного права, и та общественно-экономическая обстановка, при которой составление сборников производилось. Только в этом случае у исследователя была бы возможность установить, в какой степени и мере составители были объективны или были объективны представители казахского общества, которые давали ответы на поставленные составителями вопросы.

Но оказалось, что дать исчерпывающую характеристику данных лиц, а в некоторых случаях и обстановки, было невозможно. Чтобы, например, выяснить, чем обусловливалось различие между материалами Левшина «Собрание киргизских законов» и материалами, собранными чиновниками Оренбургской пограничной комиссии, надо провести огромную, весьма тщательную работу. А эта работа фактически не могла быть осуществлена вследствие отсутствия изданных материалов.

Чтобы выйти из этого поистине заколдованного круга, Сектору права ничего не оставалось сделать, как первоначально издать текст сборника, содержащего материалы по казахскому обычному праву, а затем уже подробно и тщательно изучить лиц, подбиравших материал, и обстановку, при которой составление того или иного материала совершалось.

При этих условиях нам нетрудно понять, что издание «Сборника материалов» является только первым шагом в деле изучения истории казахского обычного права. За этим шагом должен последовать и второй, а именно: нужно дать подробный и тщательный анализ обстановки, при которой каждый сборник получал свое оформление. Поскольку дан-

ное издание является первым шагом в деле изучения истории казахского обычного права, можно вполне оправдать и издание анонимного «Сборника киргизского обычного права», найденного в библиотеке без всякого упоминания составителя, времени и места составления. Последующие исследователи, несомненно, выяснят происхождение этого сборника.

Позволю себе надеяться, что и в том виде, в котором подобран этот «Сборник материалов», он будет началом большой и плодотворной работы в изучении наименее разработанного вопроса в советской историко-юридической науке — истории казахского права.

Действительный член АН КазССР
профессор С. ЮШКОВ.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Изучение истории и, в частности, истории права различных народов необходимо в первую очередь для того, чтобы правильно понимать современность, ибо «...связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни — представляют... не случайное дело, а закономерности развития общества».[1] С этой точки зрения большое значение имеет изучение истории права Казахстана, который пришел к социализму непосредственно с патриархально-феодальной ступени своего исторического развития, минуя капиталистический строй.

Казахский народ, осуществив на основе советского строя под руководством партии большевиков и при помощи великого русского народа скачок от патриархально-феодальных отношений к социализму, на своем примере блестяще оправдал предсказания В. И. Ленина, что «с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».[2]

Выяснение роли государства и права при этом переходе является одной из самых важных проблем современной теории права.

Изучение системы права дореволюционного Казахстана как юридической формы выражения его экономических отношений разъясняет многие спорные вопросы в истории и экономике дореволюционного Казахстана, помогает разрешить многие вопросы общественной жизни и оказывает большую помощь в процессе строительства социалистических отношений в Казахстане.

Однако научная разработка истории казахского права находится еще в первоначальной стадии своего развития. Правильная разработка правового материала, выявление его основного содержания, его периодизация и научная систематизация являются задачами далеко не разрешенными. Изучение системы права дореволюционного Казахстана осложняется тем, что большинство населения Казахстана, у которого преобладающим было кочевое, скотоводческое хозяйство, не имело единого, писаного права. Казахское обычное право — адат — устно передавалось из поколения в поколение, приспосабливаясь и изменяясь в соответствии с изменением экономической жизни Казахстана.

В некоторых районах Казахстана мы видим сильное влияние на нормы адата мусульманского права — шариата — и права соседних народов. Нельзя не учесть и того, что казахское обычное право, выражая общественные отношения феодального общества, даже в конце XIX в. сохранило множество патриархально-родовых пережитков.

Не подлежит сомнению, что серьезное монографическое исследование может иметь место только на основе правильного изучения большого фактического материала.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1945 г., стр. 109.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 354.

К сожалению, мы почти не имеем опубликованных специальных юридических материалов по обычному праву казахов.

В дореволюционном Казахстане вопросами казахского права занимались, главным образом, не юристы, а историки, этнографы и административно-должностные лица, побывавшие продолжительное время на территории Казахстана и исследовавшие казахское право с точки зрения лучшего применения его к интересам царской колониальной политики. В большинстве работ юридические обычаи не отделяются от этнографических данных. Характер изложения этих работ поверхностно-описательный с множеством субъективных выводов. Критика норм обычного права и суда биев имела своей целью доказать необходимость замены этих норм общеимперскими нормами права.

В советской историко-правовой литературе вопросам изучения казахского обычного права до настоящего времени не уделялось достаточного внимания. Подтвердить это можно тем, что мы не имеем ни одной монографии, посвященной исследованию истории казахского права. И дело не только в том, что источников для изучения казахского обычного права в действительности очень немного, но и в том, что многие очень интересные правовые материалы хранятся в архивах не разработанными и до настоящего времени не опубликованы.

В настоящем сборнике мы помещаем некоторые материалы по казахскому обычному праву, собранные в XIX в. Часть из них, а именно: работы Левшина, Баллюзека, Козлова и Маковецкого, были опубликованы до Октябрьской революции. В настоящее время эти работы превратились в библиографическую редкость. Так, например, работы Левшина, Баллюзека, Маковецкого, содержащие весьма ценный фактический материал, имеются в Казахстане только в Казахской государственной публичной библиотеке им. Пушкина в г. Алма-Ата в одном экземпляре. Конечно, это сильно затрудняет изучение их, особенно начинающими молодыми научными работниками.

При отборе литературы для настоящего сборника составители исходили из того, что он должен в основном заключать в себе нормативные материалы, исследование и объяснение которых уже будет являться делом будущего. Мы старались поместить поэтому только те материалы по казахскому обычному праву, которые основаны на первоисточниках, как, например, работы Баллюзека, Маковецкого и др., и не поместили работ, являющихся монографическими исследованиями казахского обычного права, как, например, сочинения Гродекова,[1] Мякутина,[2] Мейера,[3] Ибрагимова,[4] Казанцева,[5] Тронова,[6] Словохотова,[7] Добросмыслова[8] и т. д.

Материалы по обычному праву, содержащиеся в «Собрании киргизских законов и положения на оные Омского Временного Комитета»

---

[1] Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1889 г., т. I, Юридический быт.

[2] А. И. Мякутин. Юридический быт киргиз. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1910 г., вып. XXV.

[3] Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПб, 1865 г.

[4] И. Ибрагимов. Очерки быта киргизов. Древняя и новая Россия, 1876 г., № 9.

[5] Н. Казанцев. Описание киргиз-кайсаков, СПб, 1867 г.

[6] В. Д. Тронов. Обычаи и обычное право киргиз. Материалы по антропологии и этнологии киргизов. Записки по отделению этнографии, СПб, 1891 г., т. XVII, вып. II.

[7] Л. А. Словохотов. Народный суд обычного права киргизов Малой орды. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии за 1905 г., Оренбург, вып. XV.

[8] А. И. Добросмыслов. Суд у киргиз Тургайской области. Казань, 1904 г., вып. XVIII и XIX.

1824 года, были опубликованы в 1876 г. профессором Варшавского университета Самоквасовым в его «Сборнике обычного права Сибирских инородцев» (Варшава, 1876 г.) в главе «Обычаи киргиз». Мы публикуем эти материалы в редакции, взятой из Ленинградского государственного архива. Правда, в самом тексте описания обычаев нет существенных различий от опубликованной работы Самоквасова, но мы публикуем казахские обычаи с заключением на каждую статью Омского особого комитета, которые представляют большой научный интерес для изучения отношения административных властей царской России к казахскому обычному праву.

Мы публикуем материалы по казахскому обычному праву, собранные в соответствии с «Положением об Управлении Оренбургскими Киргизами» от 14/VII 1844 г. по приказанию председателя Оренбургской пограничной комиссии генерал-майора Ладыженского, служившими в Казахстане поручиком Аитовым, губернским секретарем Бегловым, переводчиком Лукиным, письмоводителями Половоротовым, Ячменевым и Сосновским, попечителями Кастыриным, Александрийским и Белозеровым.

В июле 1846 года по разрешению оренбургского военного губернатора Обручева в казахскую степь был командирован Оренбургской пограничной комиссией чиновник по особым поручениям д'Андре специально для собирания материалов по казахскому обычному праву.

Материалы д'Андре, собранные по его черновикам, мы публикуем с некоторыми другими документами, касающимися его поездки.

Как материалы чиновников Оренбургской пограничной комиссии Аитова и других, так и материалы д'Андре содержат большой фактический материал, подробно освещающий нормы казахского адата в области уголовного и гражданского права и судопроизводства. В нем совершенно по-новому говорится о роли шариата в казахском праве в середине XIX в., о правовом положении тюленгутов, сборе налогов, уголовных наказаниях, розыскной форме процесса.

Главная ценность этого материала заключается в том, что казахские обычаи были собраны в степи непосредственно у знатоков казахского адата — у казахских биев, аксакалов и старейшин.

Материалы представляют большой интерес еще и потому, что это последний по времени нам известный и довольно подробный материал по казахскому обычному праву до окончательного присоединения Казахстана к царской России. Содержание этих источников позволяет уточнить не только характеристику отдельных правовых институтов, но и установить посредством сравнения этих материалов с более поздними направление и изменение норм адата впоследствии под влиянием русского права.

Эти материалы до настоящего времени хранились в Казахском государственном историческом архиве и еще нигде опубликованы не были. Это чисто юридические материалы. Материалы д'Андре подтверждены 128 подписями и печатями биев, старейшин и родоначальников и заверены султанами-правителями средней и западной части Младшего жуза. Все эти материалы предназначались для сборника казахского обычного права, предполагавшемся к изданию царским правительством, который опубликован не был.

При ознакомлении с материалами сборника обращает на себя внимание различное, а часто и противоположное объяснение многочисленных обычаев у различных составителей.

По нашему мнению, противоречия эти можно объяснить следующими причинами:

1. Обычаи были собраны в различное время при различных экономических условиях в Казахстане. Поскольку правовые отношения всегда «...коренятся в материальных условиях жизни общества»[1] и являются лишь юридическим выражением производственных отношений, казахское обычное право неизбежно подвергалось изменениям в связи с изменениями экономики дореволюционного Казахстана. Говоря о происшедших изменениях в обычном праве казахов, один из исследователей казахского адата И. И. Крафт в 1898 г. писал: «В настоящее время... обычное право подверглось таким изменениям, что от прежнего адата остаются чуть заметные следы, перепутанные разными наслоениями».[2]

Изменения экономических условий в Казахстане происходили особенно быстро именно в XIX в., и поэтому материалы по казахскому адату, собранные различными лицами даже в течение XIX в., отражая эти изменения, сильно отличаются друг от друга.

Так, например, в материалах Левшина[3] и д'Андре[4] много говорится о правовом положении рабов в казахском обществе. В позднейших работах Баллюзека, Козлова и Маковецкого в связи с уничтожением рабства в Казахстане упоминаний о рабах нет.

Судя по материалам, собранным д'Андре[5] и чиновниками Оренбургской пограничной комиссии, в частности Аитовым,[6] Половоротовым[7] и другими, казахская вдова может отказаться от выхода замуж за брата мужа только в одном случае, а именно, если она имеет сыновей. Баллюзек[8] указывает еще на возможность избавиться от замужества, если вдова возьмет себе на воспитание сыновей ближайшей родни, и говорит, что вдове принадлежит право выбора мужа между членами того рода или отделения, которым принадлежал ее бывший муж. «Сборник киргизского обычного права» в ст. 19 говорит уже, что «никто не может понудить вдову ко второму браку».[9]

В «Собрании киргизских законов и положении на оныя Омского Временного Комитета» указывается, что основным видом доказательств у казахов служит присяга как обвинительная, так и оправдательная.[10] Маковецкий[11] говорит о вытеснении присяги в обязательствах из договоров свидетельственными показаниями и письменными документами.

2. Если обычаи, описанные в разное время, различаются в соответствии с изменениями, происшедшими в экономической жизни общества,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 6.

[2] И. И. Крафт. Судебная часть в Туркестанском крае и в степных областях. Оренбург, 1898 г., стр. 19.

[3] А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб, 1832 г., т. III, стр. 174—175.

[4] Истарх КазССР, ф. 4, д. 2794, лл. 141 — 142, § 33.

[5] Истарх КазССР, ф. 4, д. 2794, л. 157.

[6] Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, л. 14.

[7] Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, л. 47.

[8] Баллюзек. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона. Записки Оренбургского отдела ИРГО, 1871 г., вып. II, отдел III. Решение дел по наследству, § 7, стр.100.

[9] Сборник киргизского обычного права, § 19.

[10] Собрание киргизских законов и положение на оные Омского Временного Комитета, ст. ст. 3, 4, 5, 39, 40, 42, 44, 47, 60, 62 и др. ЦГИАЛ, ф. Первый, Сибирский комитет, д. 214, 1823 г.

[11] П. Е. Маковецкий. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, 1886 г., ч. I, стр. 49.

то также различаются и обычаи, описанные в одно время, но на различной территории Казахстана, в зависимости от экономического развития отдельных местностей. Поэтому сильно отличались обычаи чисто скотоводческих районов от земледельческих. Нельзя отрицать и влияния права соседних народов, как, например, монголов, узбеков, таджиков и других в пограничных местностях на казахский адат. Поэтому обычаи отдельных волостей и даже аулов дореволюционного Казахстана сильно отличались от адата других более отдаленных от них волостей, чему способствовали кочевой образ жизни, слабость централизованной власти, сохранение патриархально-родовых пережитков и, главное, отсутствие писаного права.

3. Несмотря на то, что адат как самостоятельная система права со своими особенностями сохранился в Казахстане до самой Октябрьской революции, было бы неправильным отрицать влияние на адат сначала норм мусульманского права — шариата, особенно в южных областях Казахстана, а потом и русского права. Рост классовых противоречий в Казахстане, постепенный переход некоторой части населения к оседлому земледельческому хозяйству, усиление взаимного общения с соседними народами — узбеками, татарами, таджиками и другими, где мусульманская религия была особенно распространена, привело к тому, что многие нормы шариатного права переплелись с нормами обычного права и стали в известных пределах нормами казахского действующего права.

Большое значение имело и то обстоятельство, что в казахских школах муллы преподавали коран. Основанный на коране Мухамеда шариат не подлежал дальнейшим изменениям и во многих отношениях представлял собою более реакционную систему права, чем обычное право.

Присоединение Казахстана к царской России ускорило развитие феодальных отношений на основе распада патриархально-родовой общины. Развитие производительных сил и изменение общественных отношений привели к изменению правовых норм. Несмотря на то, что дореволюционное русское право в отношении угнетенных народов являлось мощным орудием царизма в деле осуществления его колониальной политики, оно имело значительное прогрессивное влияние на правовые отношения в Казахстане.

Развитие экономической жизни Казахстана привело к распространению торговли, введению денег. Появились новые виды договорных отношений, неизвестные старому адату, изменилось правовое положение членов казахской патриархальной семьи в сторону расширения правоспособности отдельных членов семьи, развилось наследственное право.

Введение письменности и развитие грамотности содействовало приведению норм казахского обычного права в известную систему, которая уже сильно отличалась от системы права древнего адата, так как, с одной стороны, многие преступления были изъяты из подсудности судов биев и переданы на рассмотрение судам Русской империи, а, с другой стороны, стали признаваться преступлениями многие деяния, не считавшиеся таковыми по древнему адату.

Усилились и элементы государственности в казахском праве. Так, исполнение судебных решений биев было возложено на волостных управителей, кровная месть, баранта, нападение рода на род были признаны уголовными преступлениями, появилась возможность обжалования судебных приговоров.

Значение присоединения Казахстана к царской России в области правовых отношений состояло не только в том, что оно имело своим последствием развитие отдельных новых правовых институтов, появление которых было вызвано изменением экономических отношений, но и в том, что оно удерживало распространение в Казахстане закоренелых реакционных норм мусульманского права — шариата, по отношению к которому русское право бесспорно являлось более прогрессивной системой права.

Введение в дореволюционном Казахстане единой системы права Российской империи содействовало изменению казахского адата.

4. Материалы, которые собраны в настоящем сборнике, в большинстве своем собирались чиновниками царского правительства по приказанию их административных властей у казахских султанов, старейшин и биев. Последние старались преподнести как свое судопроизводство, так и нормы материального права с точки зрения защиты интересов казахской феодальной знати и выставить лично себя в лучшем свете перед русским начальством. Об этом еще в 1864 году писал первый казахский просветитель и ученый Ч. Ч. Валиханов: «На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большею частью враждебны интересам массы большинства».[1]

Если к тому же принять во внимание, что царские чиновники не владели казахским языком, а объяснялись только через переводчиков и не имели, как правило, юридического образования, чтобы проверить или даже взять под сомнение некоторые данные, то не приходится удивляться тому, если один и тот же обычай будет описан ими различно. Следует также учесть, что большинство из описанных обычаев, помещенных в настоящем сборнике, предназначалось для использования их в сборнике казахского обычного права, который хотело издать царское правительство, а потому и обычаи были собраны сообразно с интересами колониальной политики царского правительства по определенным программам, которые получали собирающие от своих административных властей. Царские чиновники часто выдавали древние обычаи за современные правила адата, собирали сведения у мусульманских мулл, у казиев, судивших только по шариату, и выдавали нормы шариата за правила казахского обычного права. Так, например, в письме от 21 октября 1846 года чиновник по особым поручениям д'Андре пишет, что «при составлении отчета о собранных... киргизских обычаях я встретил необходимость включить в оный некоторые выписки из Алкорана»,[2] для чего просит предоставить ему переводчика, приводит в качестве норм адата нормы шариата по взиманию зякета и сугума,[3] говорит, что дети, обидевшие своих родителей, должны подлежать суду казиев и т. п.[4]

Также следует учесть, что царские чиновники подходили при освещении и оценке юридического быта казахского народа с точки зрения представителей администрации царской России к колониальному народу, почему грубые выражения и эпитеты, встречающиеся так часто в

---

[1] Ч. Ч. Валиханов. Записка о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства. Сочинения. Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии, т. XXIX, под ред. Н. И. Веселовского, СПб, 1904 г., стр. 152.

[2] Истарх КазССР, ф. 4, д. 2794, л. 47.

[3] Там же, лл. 152, 125 и др.

[4] Там же, л. 148.

материалах сборника, характеризуют не действительные общественные отношения и степень культуры в Казахстане, а лишь это презрительное отношение. Товарищ Сталин подчеркивал, что «царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально «инородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним».[1]

С другой стороны, можно встретить иногда идеализацию жизни, государственного устройства, права и суда казахов. Так, например, Левшин говорит о времени царствования хана Тауке как о «золотом веке», о котором казахи якобы «вспоминают со вздохами»;[2] д'Андре списывает суд биев как суд народный, беспристрастный, материально не заинтересованный;[3] статья 16 «Собрания киргизских законов и положения на оныя Омского Временного Комитета» говорит, что «бии и судьи за разбирательство дел никакой платы не получают, в противном случае если бы кто к тому коснулся, лишается прав своих как пристрастный судья».[4]

Во всяком случае ясно, что исследование казахского обычного права требует критического отношения к его источникам на основе марксистско-ленинской методологии.

Казахское обычное право нельзя рассматривать статически, как некоторую незыблемую, постоянно действующую систему правовых норм. Наоборот, казахский адат непрерывно изменялся в соответствии с изменением экономических отношений в Казахстане.

Материалистическая диалектика учит нас рассматривать мир как единое целое, где все предметы и все явления взаимно связаны, взаимно зависимы и взаимно обусловлены. Поэтому правильно понять и оценить правовые обычаи дореволюционного Казахстана возможно лишь при изучении их в связи с самой историей Казахстана. Обычное право дореволюционного Казахстана, как и всякое право, являлось орудием господствующего класса — казахской феодальной знати над зависимыми от нее трудящимися массами и всегда выражало только интересы этой феодальной знати. Об этом хорошо говорится в песне народного казахского акына Джамбула:

Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина,
От этих законов темнела луна,
От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.
Законы аллаха, законы Аблая,
Законы кровавого Николая.
По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали.
Девушек наших, как скот, продавали.
По этим законам аулы редели.
По этим законам баи жирели.
И крепко на шее народа сидели.
По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.

[1] История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1945 г., стр. 6.
[2] Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, СПб, 1832 г., ч. III, стр. 169 — 170.
[3] Истарх КазССР, ф. 4, д. 2794, лл. 138 — 139.
[4] Ленинградский Центральный Гос. ист. архив, ф. Первый. Сибирский комитет, д. 214. 1823 г., л. 94.

Только руководствуясь марксистско-ленинской методологией при изучении источников казахского обычного права, можно раскрыть его истинное содержание, выяснить при сопоставлении различных описаний адата с экономической структурой общества достоверность того или иного описания обычаев, отделить правила древнего адата от более поздних норм и нормы шариатного права от норм обычного права. Только исторический материализм дает правильный ответ на вопрос о сущности значения влияния мусульманского права и русского права на адат.

Чтобы избежать нежелательных субъективных выводов, мы не сочли возможным располагать все материалы по единой определенной системе, а приводим все как ранее опубликованные, так и неопубликованные материалы с сохранением особенностей их систем, считая, что вся исследовательская работа над этими материалами является делом будущего.

Материалы расположены в хронологическом порядке. Перед каждым источником дается краткая информация, где и при каких обстоятельствах были собраны его обычаи. К сожалению, установить социальное лицо отдельных авторов, собиравших материалы, оценить достоверность приведенных норм и показать историческое значение каждого материала нам в местных условиях в полной мере пока не удалось. Эта большая работа еще впереди.

Комментарии непонятных мест нами обозначаются цифровыми знаками и помещены в конце страницы.

После приведения материалов д'Андре нами даются несколько образцов тамг, которые мы воспроизводим из Казахского государственного исторического архива.

В приводимых материалах мы старались сохранить как орфографию, так и синтаксис подлинников, чтобы избежать возможных искажений смысла текста; чем и объясняется отсутствие единообразия в написании одних и тех же слов.

Ввиду неправильного правописания и перевода многих казахских слов и выражений в текстах сборника, нами дается в приложении к сборнику краткий казахско-русский словарь встречающихся в текстах материала казахских слов с сохранением старых начертаний. В отдельных графах словаря слова даются с соблюдением правил новой орфографии с указанием особенностей их правильного произношения и русским переводом как в дословном, так и в адэкватном значении.

Будем надеяться, что наш сборник материалов по казахскому обычному праву привлечет внимание и возбудит интерес у советских юристов и историков и окажет им помощь при исследовании проблем истории государства и права Казахстана.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ РАБОТЫ А. И. ЛЕВШИНА «ОПИСАНИЕ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ ИЛИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ ОРД И СТЕПЕЙ»

СПб, 1832 г., ч. III

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Алексей Ираклиевич Левшин являлся видным государственным чиновником и ученым царской России середины XIX века.

Родился А. И. Левшин в 1798 году, умер в 1879 году. Образование получил в Харьковском университете, по окончании которого в 1818 году со степенью магистра поступил на службу в коллегию иностранных дел с зачислением в азиатский департамент. В 1820 году он был командирован Министерством иностранных дел в г. Оренбург и Зауральские степи для собирания возможно полных сведений о казахах. В 1823 году его назначили секретарем к новороссийскому генерал-губернатору, где он работал до 1826 года, когда был командирован во Францию, Италию и Австрию. В 1831 году Левшина назначили одесским градоначальником, а в 1838 году причислили к Министерству внутренних дел. В 1844 году он был назначен управляющим 3-го департамента Министерства государственных имуществ, а в 1855 году сенатором и товарищем министра внутренних дел. В 1859 году он был освобожден от этой должности по прошению.

Левшин играл видную роль в разработке основных принципов крестьянской реформы 1861 года.

А. И. Левшин являлся известным ученым. Ему принадлежат труды: «Письма из Малороссии» (Харьков, 1816 г.), «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков» (СПб, 1823 г.), «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб, 1823 г.), «Прогулки русского в Помпее» (СПб, 1843 г.) и мемуары «Достопамятные минуты в моей жизни» (Русский архив, 1885 г., VIII).

Государственная деятельность А. И. Левшина была отмечена царским правительством многими благодарностями, орденами и подарками; его ученая деятельность — званием почетного члена Российской Академии Наук и члена многих русских и иностранных ученых обществ, как, например, Русского географического общества, где он являлся одним из главных деятелей с самого его основания, Императорского вольно-экономического общества, Московского общества сельского хозяйства, Одесского общества любителей истории и древностей, Парижского азиатского общества, Парижского географического общества, Королевского датского общества северных антикваров и др.

Одной из наиболее известных работ А. И. Левшина, сохранившей свое значение до настоящего времени, является его «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» в трех частях, изданная в Санкт-Петербурге в 1832 году.

В этой работе, кроме многих литературных источников, автор, согласно его предисловию, использовал материалы из архива азиатского департамента Министерства иностранных дел, работая над ними в течение 1819 — 1820 годов, и пополнил их личными наблюдениями во время своей поездки в Оренбург и Зауральские степи, а также материалами из архива Оренбургской пограничной комиссии.

[1] От составителей.

1948/85

Лен. Гос. ... библиотека ...

Работа А. И. Левшина была вызвана усилением интереса царской России к истории Казахстана и его общественным отношениям. В 20-х годах в Среднем и Младшем жузах царским правительством были проведены крупные реформы, которые уничтожили ханскую власть и положили начало ликвидации политической независимости Среднего и Младшего жузов. Росла заинтересованность царской России в своей новой колонии как источнике сырья и рынке сбыта и в казахских степях как транзитных путях к странам Востока. Задача освоения царизмом Казахстана требовала всестороннего освещения географии, истории и этнографии казахов, что и было сделано Левшиным в трех частях его работы.

В настоящем сборнике мы публикуем только извлечения из глав XII и XIV части 3-й работы Левшина, относящихся к обычному праву казахов. В главе XIV Левшин приводит описание законов хана Тауке, которые относятся к концу XVII века.

Подавляющим большинством исследователей признано, что описание Левшиным законов хана Тауке является наиболее полным описанием по сравнению со всеми сохранившимися источниками. Но следует учесть, что Левшин описывал законы, со дня объявления которых прошло более ста лет, что могло отразиться на передаче их подлинного смысла.

Конечно, требовать объективного подхода к описанию жизни народа, завоевание которого в то время старалось закончить царское правительство, от такого видного представителя царской администрации, как Левшин, не приходится. Левшин старается изобразить казахский народ как народ «анархичный», «безначальный», «дикий», чтобы обосновать целесообразность и необходимость проведения колониально-захватнической политики царизма в Казахстане, представить завоевание Казахстана как «богоугодное» дело царизма. Но собранный им большой фактический материал о жизни и быте казахов представляет значительную ценность для изучения истории права Казахстана того времени.

А. ЛЕВШИН

ОПИСАНИЕ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ ИЛИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ ОРД И СТЕПЕЙ

СПб, 1832 г., ч. III

(Извлечение)

Глава XIV

ОБРАЗ УПРАВЛЕНИЯ И ЗАКОНЫ

. . . . . .

Причины, на которых основываются выборы Начальников Киргизских, суть: доказанная опытом способность вникать в разбирательство тяжб и правосудие; многочисленность семейства, дающая повелителю возможность подкреплять волю свою силою родственников;* богатство и происходящая от него щедрость; старость лет, естественным образом

* Самие ханы боятся старейшин многочисленных семейств, и стараются жить с ними в дружбе.

внушающая уважение и служащая почти первым правом на отличие там, где не умеют еще отдавать справедливости качествам ума и сердца; и какие-нибудь чрезвычайные подвиги в общенародных делах или войне.

В Ханы избирают только Султанов, которых достоинство, как мы видели, есть наследственное. Все прочие Начальники могут быть, и часто бывают, из простого народа. Происхождение, в сем случае, не уменьшает власти их. Как бы ни была бела кость Ханскаго потомка, но если он умом, богатством или другими качествами, не составил себе значительнаго числа приверженцев, то голос его не делает перевеса в Собраниях народных.

Собрания, о которых здесь упоминаем, бывают очень часто. В делах маловажных они составляются из родственников, приятелей и соседов. При совещаниях-же о предметах относящихся до целого народа или поколения они принимают вид Сеймов. Тут же являются все родоначальники, Батыри, богачи и старейшины с толпами любопытных. Сильнейший, или почетнейший открывает заседание предложением дела; потом начинаются толки, рассуждения, предположения и споры, которые по большей части продолжаются несколько дней сряду. По вечерам главнейшия Ораторы дают Клиентам своим отчет в занятиях дня, и отбирают их мнения. По утрам все опять собираются в главном Сейме и привозят новые умственные запасы. Наконец, после многих прений, или составляется общее положение, которое немедленно объявляют толпящемуся кругом народу, или члены совета начинают ссориться, и разъезжаются по домам, не сделав ничего, кроме шума, а иногда и драки.

Было время, — говорят благоразумнейшие из Киргизов Меньшей Орды, — когда и наш народ жил в покое; было время когда и у нас существовал порядок; были законы и правосудие.

Сей золотой век, о котором воспоминают они со вздохами, есть царствование знаменитаго Хана из Тявки,*[1] который, если верить преданиям, был действительно в своем роде Гений, и в летописях Казачьих должен стоять на ряду с Солонами и Ликургами. Усмирив волновавшиеся долго роды и поколения, он не только ввел в них устройство, порядок, но и дал им многие законы.

Киргизы Большой и Средней Орд утверждают, что народные законы их гораздо древнее Хана Тявки.

Не останавливаясь на изысканиях о том, кому принадлежит первенство законодательства Киргиз-Казачьяго, изложим краткий свод онаго.

Первое место в нем занимает закон возмездия: за кровь мстить кровию, за увечье таким-же увечьем (Droit du taillon).

За воровство, грабеж, насилие, прелюбодеяние казнить смертию.

По сим постановлениям, родственники убитаго имеют право лишать

---

* См. Историч. описание.

[1] Хан Тауке (1680 — 1718), сын хана Жангира, знаменит тем, что в результате победы над джунгарами освободил территорию Казахстана и объединил все три жуза под своей властью. Учитывая социальные сдвиги, происшедшие в казахском обществе в результате дальнейшего углубления феодальных отношений, хан Тауке ограничил самостоятельность и власть старой феодальной знати — султанов и поднял влияние вновь появляющегося слоя казахской феодальной знати — биев и батыров. Вместе с наиболее известными биями, в числе которых был знаменитый бий Туле Алимбеков, он составил свод обычного права казахов «Жеты-Жаргы», в котором отразил изменения, происшедшие в социальной структуре казахского общества. Законы хана Тауке были направлены на укрепление созданного им государства. (Сост.).

жизни убийцу; а отрубивший руку, ногу, ухо и проч. должен быть лишен той-же части тела.

Впрочем, наказания могут быть смягчаемы по приговорам судей, или согласию истцов, и тогда преступник наказывается только установленною за всякое преступление платою.* Убийца возвращает себе жизнь, платя Кун, т. е. отдавая за каждаго убитаго мужчину 1000; а за женщину 500 баранов. Изувечивший, или отрубивший другому какой-нибудь член, платит равным образом определенное число скота. Большой палец стоит 100 баранов, мизинец 20, и так далее.

Кто убьет Султана или Ходжу, тот платит родственникам убитаго Кун за семь человек. Обида Султана, или Ходжи словами, наказывается пенею в 9 скотин; а за побои 27 скотин.

Если жена умертвит мужа, то она непременно предается смертной казни, от которой не может спасти заплата Куна, если родственники не простят ее. Из правила сего исключаются беременные жены, которыя за убийство мужей не наказываются; но навсегда предаются презрению и почитаются безчестными. Если муж убьет жену, то он может избавиться от казни, заплатив Кун.

Родители, за убийство детей своих, ни чем не наказываются; но женщина, умертвившая от стыда младенца, незаконно прижитаго, предается смерти.

Самоубийцы погребаются в отдельных местах.

Ежели женщина будет сбита с ног всадником и изувечена, и от того родит мертваго младенца, то с виновнаго взыскивается плата по следующему расчету: за младенца до пяти месяцев, за каждой месяц по одной лошади; а за младенца от 5-ти до 9 месяцев, за каждый месяц по одному верблюду.

Изнасилование равняется убийству, и потому подвергает виновнаго смертной казни, или заплате Куна мужу за жену, и родственникам за девицу; но женитьба на изнасилованной девице и уплата за нее Калыма избавляет преступника как от смертной казни, так и от Куна.

Муж, заставший свою жену в прелюбодеянии, может ее убить и, если сделает сие тотчас по открытии преступления, остается безнаказанным. Во всяком другом случае, он может просить судей о приговоре к смертной казни неверной жены и ея соблазнителя, если преступление их доказано; если же 4 благонадежные человека присягнут за них в невинности, то суд не подвергает их ни какому взысканию.

Увезший чужую жену, без ея согласия, наказывается смертию или взысканием Куна; а если похищение последовало с согласия увезенной, то похититель может удержать ее, заплатив мужу калым, и доставив ему сверх того девицу без калыма.

Обидевший женщину обязан просить у нее прощения, а в случае отказа в оном, платить безчестие.

Кровосмешение подлежит смертной казни; но она заменяется наказаниями по приговору семейства, ибо преступления сего рода не передаются на разсмотрение сторонним людям.

Богохульника, изобличеннаго семью свидетелями, должно убивать каменьями. Ежели кто приймет Христианскую веру, у того родственники отнимают все его имение.

---

* Закон, известный всем Магометанам; ибо он основан на Коране, котораго в части I-й, главе под словом: телица (Руск. перев.), сказано: правоверные! вам учреждается закон воздавать равное за равное для убитых...; но если брат простит кровь брата своего, то с преступника можно взыскать другое какое удовольствие.

Над рабами владельцы имеют неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигде не приемлется.

Сына, осмелившагося злословить или бить отца или мать свою, сажают на черную корову, лицем к хвосту, с навязанным на шею старым войлоком: корову сию водят вокруг аулов и сидящаго на ней бьют плетью; а дочь связывается и предается матери, для наказания по ея произволу.

Изобличенный в воровстве возвращает трижды девять (27) раз украденное, и наказание сие называется Айбана. Если покража состоит в скоте, то виновный должен придать к верблюдам одного пленнаго, к лошадям одного верблюда, к овцам одну лошадь. Сто верблюдов равняются 300 лошадям и 1000 овцам.

Кто сделал и воровство и убийство вместе, тот платит за два преступления.

Жена и дети, знавшия о воровстве мужа или отца и недонесшия на него, не подвергаются ни какому взысканию, ибо на старшаго в семействе не позволено доносить.

За убитую охотничью собаку или беркута, хозяин может требовать невольника или невольницу.

Ежели сын, отдельный от отца, умрет бездетен, то имение его поступает к отцу его. Малолетния дети отдаются в опеку ближайшим родственникам, а если их нет, посторонним надежным людям.

Духовныя завещания делаются при родственниках и Муллах.

Лошади, коровы и овцы, бывшия в чужих руках, взыскиваются с приплодом, какой был, кроме скота, барантою угнатаго; а для удостоверения в том, что нет утайки, требуется от держателя присяга.

Разбирать ссоры и произносить приговор над виновным должны, если не сам Хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик, приглашая к разбирательству еще и избранных обеими сторонами двух посредников.

Если ответчик имеет подозрение на судей, он может их устранить.

Если ответчик к суду не явится или присужденной пени заплатить не может, то оная взыскивается с его родственников или с его аула, предоставляя оному право возвратить свою потерю совершением над виновным судебнаго приговора.

Для удостоверения в преступлении, требуется не менее двух, и иногда трех, свидетелей. За отсутствием свидетелей, позволяется прибегать к присяге; но давать оной ни истец, ни ответчик, сами за себя не могут: за них должны присягать люди, известные своею честностию. Если же никто за обвиненного не присягает, то он осуждается. Женский пол, равно как работники, слуги и рабы, к свидетельству не допускаются.

Судьям и посредникам, за решение дела, положено давать 10-ю часть всего иска.

Если осужденный не исполняет приговора суда, или Начальник аула умышленно уклоняется от разбирательства дела и тем покровительствует преступнику, то истец получает право, с позволения своего старейшины, произвесть баранту, т. е., с родственниками или ближайшими своими соседами ехать в аул ответчика и тайно отогнать к себе скот его; но, возвратясь домой, должен объявить о том своему Начальнику, который наблюдает, чтобы количество возмездия соразмерно было иску.*

* Сие последнее обстоятельство показывает, что баранта была допущена древними постановлениями Киргизскими совсем не в том виде, в каком ныне существует и в каком мы выше ее описали

В дополнение к сим законам, должны быть присоединены следующия достопамятныя постановления Хана Тявки.

Чтобы сам Хан, равно как и все Султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в средине степи, для разсуждения о делах народных.

Чтобы ни один Киргиз не являлся в собрания народныя иначе, как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему места.

Чтобы всякий, могущий носить оружие (кроме Султанов), платил Хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества, ежегодно.

Всякому поколению, роду и отделению иметь свою собственную тамгу (знак, заменяющий герб). Тамги сии тогда же и розданы, с обязанностию накладывать их на весь скот и имущество, для различения что кому принадлежит.*

. . . . . .

Казни

Сии несчастные лишаются жизни двояким образом: они бывают или повешены на деревьях, или удавлены. В последнем случае осужденный приводится пред собрание Старейшин, родоправителей и народа, с веревочною на шее петлею, которой концы с обеих сторон держат по два или по три человека; потом Мулла, или занимающий его место читает приговор. По окончании онаго повелитель, или глава собрания дает рукою знак, по которому исполнители его воли, держащие концы веревки, вдруг начинают тянуть их в обе стороны со всею силою, и задушают страдальца. В заключение его привязывают к хвосту необузданной степной лошади и пускают в чистое поле. Удары копыт, пни, кустарники, камни довершают действие начатое силою веревки.**

Если преступление не так велико, то вместо смертной казни преступника до половины обнажают, намазывают ему лице сажею, надевают на шею кусок чернаго войлока, велят ему держаться зубами за веревку, привязанную к хвосту лошади, и потом заставляют его бегать за нею; между тем двое погоняют ее кнутьями, а двое других поощряют его тем-же средством к бегу.

(Стр. 167 — 184).

Глава 12: ОБЫЧАИ

е) Свадебные обряды

Выше говорили мы, что, последуя Алкорану, Киргизы соблюдают многоженство. Число жен однако же редко соответствует у них желаниям мужей, потому, что они приобретают их покупкою, которая называется калым и возрастает с количеством жен,*** так, что вторая стоит

---

* Тамги, как мы уже сказали, доныне употребляются с великою пользою. От сего названия взято слово таможня.

** Жаль, что вы не приехали двумя или тремя часами ранее, говорил мне однажды Хан Меньшой Орды, при посещении мною его аула; вы бы видели, как здесь, пред моею кибиткою, удавили двух Киргизов, уличенных в разбойничестве. Словами сими хотел он мне дать понятие о своей силе и правосудии.

*** Количество калыма не определено. У бедных он состоит из 5, 6 и менее, овец, а у богачей доходит до 2000 лошадей или 500 и 1000 овец, с прибавлением разнаго рода имущества, и иногда невольников или невольниц.

дороже первой, третья дороже второй, и так далее. По сему правилу, несколько жен может имть токмо богач, а недостаточные простолюдины вообще имеют по одной. Нур-али,[1] Хан Меньшой Орды, имел 16 или 17 жен и, сверх того, около 15 наложниц (которых также можно держать, и которых дети мало отличаются от законных): а потому он был отцом 32 сыновей и 33 или 34 дочерей.

Молодые мужчины, большею частию, не по выбору своему берут первых жен, но по назначению родителей; девицы же всегда подчинены воле их. От того, истинная привязанность между супругами встречается редко. Многие отцы, особенно знатные и богатые, сговаривают детей своих еще в пеленах.

Первое основание брака составляют условие о числе калыма и срок уплаты онаго. Когда условие сделано, то Мулла освящает его, трижды вопрошая отцев или родных жениха и невесты: согласны ли они соединить своих детей? — и читая молитвы о благоденствии будущих супругов, при свидетелях, или посредниках, избираемых для решения споров, которые в последствии времени могут возникнуть между договаривающимися сторонами. Сговор сей заключается каким нибудь пиршеством, приглашением гостей и разными забавами.

Потом, жених или отец его начинают выплачивать калым, а отец невесты приготовляет ей приданое, какое желает или какое обещался дать.*

Пока калым не выплачен, свадьба не совершается; но жених имеет право посещать невесту наедине, и даже спать с нею вместе, не нарушая однако же целомудрия.

В некоторых поколениях и родах, свидания сии сопровождаются следующими обрядами: пред отъездом жениха к невесте отец его делает домашнее торжество: призывают Муллу, читают за здоровье отправляющегося в путь, молитвы, и поют в честь его песни; наряжают его в богатое платье, дают ему лучшее седло с красивою сбруею, хорошую лошадь, и отправляют. Прибыв в аул своей будущей подруги, он является к отцу ея или старейшему в семействе, объявляет цель своего прибытия, испрашивает позволения разбить свой белый шатер, или палатку, и ищет подарками и угождениями приобрести дружбу жены невестинаго брата, или другой подобной ей родственницы, с тем, чтобы она могла быть посредницею сношений его с нареченною женою, которую между тем от него скрывают. Таковыми средствами и подарками всем женщинам, принадлежащим к семейству, достигает он наконец предмета своих желаний: ему приводят в шатер невесту, и оставляют с нею на едине.

Хотя свидание сие иногда бывает первым в жизни для обоих будущих супругов, но поелику предшествовавшие оному обряды исполнены и калым ежели не весь, то частию выплачен, следовательно отступиться в сие время от заключеннаго до половины супружества нельзя, без гонения родителей, или мщения и взысканий обиженной стороны. Впрочем к такой решительной мере не приступают почти никогда и потому, что девицы не смеют ничего открыто желать; а мужчина имеет средство утешить себя в одном неприятном для него супружестве другим, по

---

[1] Хан Нуралы, сын хана Абулхаира, царствовал в Младшем жузе в 1748 — 1785 гг. Это был первый хан, утвержденный в этом звании царским правительством. (Сост.).

* В числе приданого непременно должна быть кибитка, в которой будет жить невеста, сделавшись женою.

собственному выбору. И так от сего обычая страдают только одне женщины.

После перваго посещения невесты, жених в некоторых местах получает право всегда видеть ее на едине, и потому оставляет в ея ауле белый шатер свой* до свадьбы; в других он должен возвратиться к отцу, и не возобновлять свиданий своих с невестою до совершенной уплаты калыма.

Если прежде свадьбы один из сговоренных умрет, то разбирается: имел-ли жених тайныя свидания с невестою, или нет. В первом случае ему, или родственникам его возвращается $^1/_2$ отданного им калыма; во втором $^4/_5$-х; остальное предоставляется родным невесты. Разбор сей делается потому, что нареченные супруги весьма часто поспевают в тайных свиданиях на перед воспользоваться будущими правами своими; а корыстолюбивые родственники невесты представляют возможность преступления, как право на удержание не принадлежащего им имущества.

Если от преждевременных наслаждений, невеста сделается беременною, то, совершив скорее свадьбу, отдают ее жениху, хотя-бы калым не был выплачен.

Когда же все идет должным порядком, и жених, выплатив калым, желает окончить свадебный обряд, то он дает знать о том будущему тестю, и наконец сам является к нему с ближними своими. Тут родственники невесты приступают к нему с требованиями подарков: один снимает с него халат, другой шапку, третий берет пояс, узду, седло и проч., и всякий приговаривает: это за воспитание невесты. Равным образом (как увидим ниже) поступают и родственники мужа, когда привезут к ним приданое молодой жены.

Пока готовят приданое, подруги и приятельницы невесты собираются к ней по вечерам работать, одевать ее и петь песни.**

По окончании всех свадебных приготовлений, жениха и невесту, наряженных в лучшее платье, приводят в кибитку, назначенную для совершения брака. Мулла становит их по средине, ставит пред ними чашу с водою, и накрыв оную полотном, читает молитвы; потом спрашивает соединяемых, охотно ли они приступают к браку, и трижды поит их водою; наконец дает оную пить всем предстоящим. Если же сих последних много, то он только окропляет их. Некоторые Муллы в чашу с водою кладут при сем случае стрелу с привязанным к ней клочком от гривы жениховой лошади, и с лентою невесты; другие вместо того погружают в воду написанныя на бумаге молитвы.

После сего главнаго обряда, который соответствует венчанию Христиан, новобрачной надевают на голову, вместо девичьяго, женский убор, и сажают ее посреди кибитки, в которой собравшиеся около нее женщины поют песни. Молодой муж подъезжает к дверям оной и просит позволения войти; но его долго не пускают. Наконец он врывается, силою отнимает жену, выносит ее, сажает с собою на лошадь и увозит, или к себе,*** или в приготовленную для них в том же ауле кибитку; и тут уже никто не нарушает их уединения.

---

* Обряды сии возможны только людям достаточным; бедные сокращают их по неволе.

** Это Руские девичники.

*** Рубруквис пишет, в 9-й главе своего Путешествия, что обычай сей существовал в его время (1254 году) у Монголов. — Они доныне соблюдают оный, как видим из Путеш. в Китай, чрез Монголию, Г. Тимковского, том III, стр. 316.

В некоторых частях Меньшой и Средней Орды, невесту, в день свадьбы, носят по всему аулу ея, на ковре, прощаться. В Большой Орде, она сама ходит и прощается со всеми.

Во многих поколениях, обычай врываться новобрачному в кибитку молодой супруги и силою увозить ее, не существует. Вместо того, после совершения брака, женщины отводят молодую на ночь в белый шатер, где она видалась с женихом, еще будучи невестою, и оставляют ее там: по удалении провожатых, туда же приходит и жених. Между тем, к шатру привязывают лошадь с нарядным убором и халат. Поутру, если молодой муж нашел жену свою добродетельною или, по крайне мере, невинною против него, надевает приготовленный ему халат, садится на лошадь и приезжает с радостным лицом к тестю, где, между тем, ожидают его приветствия и поздравления созванных гостей. Если же муж находит жену свою виновную, и если не сам он участник преступления ея, то имеет право приготовленную для него лошадь заколоть, одежду изорвать, кибитку изрубить и, покрыв таким образом преступницу позором, требовать от отца ея возвращения калыма или другую дочь без всякой новой платы.

Заметим здесь мимоходом, что строгия требования сии, введенныя древними обычаями, ныне очень ослабели, как говорят старики, потому, что целомудрие вообще не так охраняется, как прежде.

Счастливо оконченная свадьба заключается празднествами, пирами, скачками и разными играми.

К отъезду новобрачных от отца молодой жены собирается весь аул, в котором она жила. Тут отец торжественно вручает зятю навьюченное на верблюдах и лошадях приданое, а потом делает дочери своей наставления, увещевает ее быть верною и добродетельною, прощается с нею, и наконец, посадив ее на лошадь, подводит за повод к мужу.* Молодые супруги отправляются обыкновенно при слезах и воплях собравшихся на прощание женщин.

По приезде в аул мужа, отец его дает праздник, и созывает гостей. Между тем возле кибитки его ставят кибитку новобрачной и выкладывают приданое ея, из котораго жадные родственники поспешают выбирать себе то, что им нравится, и дарить ей в замену другие, по большей частию худшия, вещи. К приданому жены немедленно присоединяется и та часть имения, которую отец отделяет всякому женатому сыну.

Для доказательства расторопности и рачения, молодая жена обязана несколько дней, по прибытии в аул мужа, вставая как можно ранее, ходить открывать верьхи кибиток у родственников его.

Сколько бы жен Киргиз не имел, всякая из них, при малейшем его достатке, живет в особой кибитке или юрте; потому-то и полагается правилом, что невеста должна в приданом своем непременно иметь кибитку.

Старшая, или первая жена называется байбича (богатая жена); она одна настоящая хозяйка дома. Если бы муж и не любил ее; но он обязан иметь к ней уважение, и внушать оное прочим женам своим, которыя между тем, будучи все равны, не имеют никаких друг пред другом преимуществ, и находятся в некоторой зависимости от байбичи. Впрочем, приданое их не мешается, и всегда остается принадлежащим той, за которою получено. Осторожные мужья даже и скота жен своих никогда не смешивают в одном стаде. Обыкновение сие введено для того, чтобы имущество матери доставалось только ее собственным, а не другим де-

* Иногда вместо отца совершает обряд сей один из почетнейших родственников.

тям ея мужа. Байбича может оставить мужа, если имеет к тому важные причины, и возвратиться к родным своим; младшия жены не могут сделать того же.

По смерти мужа, старший брат его, или старший сын вступает в управление домом. Дядя, заступивший место отца, обязан выдать племянниц за муж с приданым, которого количество, хотя не определено, но должно быть соответственно состоянию семьи; а остальное имущество разделяется между племянниками.

Многие Киргизы женятся на Калмычках, не принуждая их переменять религии; но в выборе жен из своего народа соблюдают самыя отдаленныя линии родства. Многие даже почитают непозволительным брать жену из одного с собою родоваго отделения. Например: Джаголбайулинец не женится на женщине принадлежащей к роду Джаголбайлы, но будет искать себе жены в другом поколении, или, по крайней мере, в другом роде Семиродского поколения. Впрочем, правило сие не общее. В противоположность оному некоторыя Киргиз-Казаки признают, что по смерти одного брата, другой, делающийся главою его семейства, имеет право женитьбы на одной из младших жен покойника.*

(Стр. 98 — 109).

* Обыкновение сие весьма ясными словами запрещено в Коране, гл. 4.

МАТЕРИАЛЫ
ПО КАЗАХСКОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ И ПОЛОЖЕНИЯ НА НИХ ОМСКОГО ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА

1824 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Параграф 68 Устава о сибирских инородцах, утвержденного 22/VII 1822 г., предложил местному начальству «...от почетнейших людей собрать полныя и подробныя о сих законах сведения, разсмотреть оныя по губерниям в особых Временных Комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями, и расположив в надлежащем порядке, представить местному Главному Управлению на утверждение».[2]

В 1823 году по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири в г. Омске был утвержден особый Временный комитет, который 8/II 1824 г. начал свою работу по составлению своих соображений на обычаи казахов Западной Сибири. В работе приняли участие, кроме русских чиновников, казахские старшины, муллы, бии, в числе которых находился известный в то время в Северном Казахстане бий Куттогодамов.

Материалы по обычному праву, составленные на национальном языке и подтвержденные подписями и тамгами с замечаниями на них комитета, были представлены в Сибирский комитет, ведавший управлением всем Сибирским краем, где они пролежали довольно долгое время.

В начале 1838 года они были переданы во II отделение «собственной его Императорского Величества канцелярии».

Сенатор Губе, состоявший при главноуправляющем II отделением, приказал сделать с этих материалов для себя копии с целью издать их со временем, если они правительством опубликованы не будут. В дальнейшем подлинных сборников с переводами на русский язык в делах канцелярии не оказалось. Копии, сохраненные сенатором Губе, были им переданы библиотеке юридического факультета Варшавского университета и опубликованы в 1876 году проф. Самоквасовым в его книге «Сборник обычного права сибирских инородцев».[3]

Публикация Самоквасова в главе «Обычаи киргиз» ограничивается лишь публикацией самих статей обычного права казахов. Старшему научному сотруднику Сектора права Казахской Академии Наук Л. В. Дюкову удалось найти в архивах первого сибирского комитета Ленинградского государственного архива один из экземпляров записи юридических обычаев казахов с заключением на каждую статью их Омского особого комитета. В настоящем издании мы публикуем этот материал.

По ознакомлении с этими замечаниями становится ясным, что чиновники Омского особого комитета хотели приспособить казахский адат к колонизаторской политике русского царизма, изменить и заменить почти все нормы обычного права царским законодательством (см. например, замечания к статьям 6, 7, 8, 18, 19, 25, 36, 48, 67, 79, 84, 134 и др.),

---

[1] От составителей.

[2] П. С. З., т. XXXVIII, № 29126.

[3] Самоквасов. Сборник обычного права сибирских инородцев, Обычаи киргизов, Варшава, 1876 г.

не затрагивая, однако, совершенно правил адата, регулирующих семейно-брачные отношения, изменение которых не входило в интересы русского царизма.

Оценка достоверности материала, опубликованного Самоквасовым, подвергалась различным суждениям как в дореволюционной, так и в советской литературе.

Так, например, Гродеков пишет, что «даже при беглом чтении этого отдела видно, что собранное комиссиею в значительной степени сочинено приглашенными в комитет киргизами».[1]

Максимов, основываясь на данных и выводах Леонтьева,[2] тоже приходит к заключению, что «к сожалению, сборник г. Самоквасова, основанный на данных официальной из инородцев комиссии, учрежденной в двадцатых годах текущего столетия, мало достоверен».[3]

Крупный знаток истории Казахстана проф. М. П. Вяткин говорит, что «явная неполнота и случайность этих записей побудили и в дальнейшем, когда встал вопрос о превращении «Временного положения об управлении в степных областях» 1868 г. в постоянно действующее законоположение, заняться дальнейшим собиранием норм казахского адата».[4]

И, напротив, проф. С. Л. Фукс, занимающийся специально вопросами истории государства и права Казахстана, в оценке материалов Самоквасова приходит к противоположному выводу. Он считает, что «точку зрения Гродекова невозможно признать правильной»,[5] исходя из того, что участие в составлении казахских законов Путинцева и использование в дальнейшем этих материалов Броневским,[6] который также был хорошо знаком с общественной жизнью казахов, «совершенно исключает возможность аналогичного упрека».[7]

Положительную оценку дает материалам, опубликованным Самоквасовым, и казахский историк Е. Бекмаханов.[8]

Не отрицая серьезного значения этого материала для изучения обычного права Казахстана северных областей начала XIX в., следует отметить, что в нем содержится ряд явно ошибочных положений. Так, например, в статье 79 настоящего сборника говорится, что слуга за убийство своего господина не подлежит никакому наказанию; в статье 83 указано, что султаны, хожи, старшины и бии никакой власти и права над простолюдинами не имеют; статья 16 гласит, что бии за разбирательство дел никакой платы не получают и т. п. Неправильность этих утверждений настолько ясна, что доказательств не требует. К тому же многие вопросы общественной жизни совершенно не затронуты или освещены недостаточно полно.

---

[1] Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт, Ташкент, 1889 г., Предисловие, стр. 1.

[2] Леонтьев. Юридический быт киргизов, ж. «Юридический вестник», 1890 г., кн. V.

[3] Н. Максимов. Народный суд у киргизов, ж. «Юридическое общество», 1897 г., кн. VIII, стр. 56.

[4] М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947 г., стр. 40.

[5] С. Л. Фукс. К вопросу изучения истории казахского права и «Описание киргизских обычаев д'Андре», Известия АН КазССР, № 50, серия юридическая, вып. I, 1948 г.

[6] Е. Броневский. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды, Отечественные записки, 1830 г., ч. 41, 42, 43.

[7] С. Л. Фукс. Упомянутая работа.

[8] Е. Бекманханов. Казахстан в 20—40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1947 г., стр. 11.

На достоверность этих материалов могли повлиять и следующие обстоятельства: обычаи записывались со слов казахских старшин, биев и мулл, большинство из которых состояло на службе у царского правительства; муллы, участвовавшие в заседании, повидимому, показывали вместо правил адата нормы шариата; обращает на себя внимание немногочисленность лиц, участвовавших в заседании комитета и тот краткий срок, за который была окончена работа.

Оценка достоверности материалов сборника Самоквасова в значительной мере зависит от правильного выяснения роли шариата в Казахстане во второй половине XVIII и начале XIX века. Проблема эта может быть разрешена в связи с общим и глубоким изучением истории государства и права Казахстана. Во всяком случае материалы, опубликованные Самоквасовым, являются одним из необходимых источников для изучения истории права Казахстана. Установление степени достоверности этих материалов путем сравнения с другими источниками, в частности с архивными данными и практикой суда биев, поможет правильно разрешить ряд вопросов, относящихся к истории права казахского народа.

Как уже отмечалось выше, с точки зрения выяснения отношений царских административных властей к казахскому адату и происшедших изменений в казахском обычном праве большой научный интерес представляют замечания Омского временного комитета, публикуемые в настоящем сборнике впервые.

СОБРАНИЕ КИРГИЗСКИХ ЗАКОНОВ И ПОЛОЖЕНИЕ НА ОНЫЕ ОМСКОГО ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА

Заседание в Комитете по киргизским законам начато 8-го февраля 1824 года.

В присутствии были сверх председательствующего в оном, сперва гг. Коллежский Ассесор Путинцев и Войсковой старшина Леденев, потом за отлучкою из них Путинцова, Артиллерии майор Симанов, Киргизские старшины Капитан Сатыбалдин, поручик Джилгара Байтокин, Чувак Сенкебаев при мулле их Бадше Бокшине и после Сатыбалдина и Байтокина, старшины поручики Янтай Токмамышев и Бий Дос Коттугодамов, они на вопросы о их законах объявили нижеследующее, в первой графе показанное.

Законы их нижеподписавшимися на основании Устава о сибирских инородцах § 68 рассмотрены и применясь к Российским узаконениям сделано Комитетом положение, как во второй графе значит:

Законы существующие у киргиз по преданиям	На оные положение Комитета
1. О богопочитании	
1. Ежели бы кто оказался богоотступником, или хулящий бога, такового по изобличению семи свидетелями, позволяется слышавшему оное, убить камнем и убийце сего не только за грехи не ставить, но и	По сим Соборного Уложения 10-й главы 169 статьи и Наказа Комиссии составление законов главы IX пункта 121: на улику и доказательство буде нет более, то довольно и двух достоверных.

еще почитается сие за спасение в будущей жизни, ежели же убит не будет, то и извергается из общества и извещаются о богохульстве его другие волости, дабы он нигде терпим не был.

2. Ежели богохулитель убьет того, который слышав от него богохуление, намерен был убить его камнем, то богохулитель без всякия пощады должен быть лишен жизни, повешен с общего Совета и никакого об нем поминовения не делается.

3. Ежели тот, который слышав богохуление, ни сам его камнем не убьет и никому не объявит, с того по изобличению судом через присягу посторонних 4-х человек, избираемых к тому обществом, взыскивается пеня 27 штук разного скота, в том числе один верблюд, которые и делятся на общество, коему виновный принадлежит. Буде же платить сей пени он не в состоянии, в таком случае должен быть повешен.

4. Естьли к изобличению богохульника числа семи свидетелей не будет, то судом же от общества избираются равномерно четыре человека для принятия со стороны богохульника присяги, и буде они примут оную, то тогда богохульник свободен от казни и всякого наказания, а если из избранных к присяге, хотя один не согласится принять оной, то богохульник лишается жизни, как выше означено.

5. Буде на кого донесено, о богохуление, а он по справкам окажется честного и благочестивого жития, соблюдает посты и сохраняет все постановления, семи же свидетелей не будет, тогда со стороны уже доказателя избираются к присяге четыре посторонние. В случае же непринятия присяги хотя одним из них богохулитель и доказатель свободны от смертной казни и наказания, а ежели все те 4 человека не согласятся за него присягать; то свидетелей, — богохулителя должно судить и ссылать по изобличении в работу без наказания, по примеру как положено ссылать духоборцов и скопцов. Убивства же камнем впредь не допускать.

Как убивство камнем богохулителя ныне не допущается, а потому ежели оный при взятии его сделал смертное кому убивство, то за оное судить его как убийцу и по наказании кнутом с постановлением штемпелевых знаков ссылать в каторжную работу.

По примеру воинского 5-го артикула, не лишая живота, взыскивать только с виновного за недонесение — на богоугодные заведения пеню 9 штук разного скота.

По основанию первого пункта во всех случаях принимать во свидетельство верных людей, т. е. таких кои бы сами происшедшее видели или слышали, ежели нет более, то двух человек не отдавая по сторонним на присягу, как не сообразную с правилами Российских законов.

В сем случае поступать по постановлению выше сего на 4 пункт не смотря на то, что богохулитель был честного и благочестивого жития, соблюдал посты и все постановления, — но только что бы к доказательству преступления было всегда не менее двух достоверных свидетелей, которые да-бы правду говорили приводить их по киргизскому обыкновению к присяге прежде допроса.

взыскивается с доказателя пеня по 3 пункту.

6. Буде доноситель изобличен будет, или сам признается, что он из злобы, или зависти доносил о богохулении напрасно, то взыскивается с него пеня по 3-му пункту.

Доносителя за ложный извет по примеру Уложения 2-й главы 12 статьи и воинского 148 артикула применяясь к Киргизскому обыкновению подвергать взысканию пени на богоугодные заведения 9 штук разного скота.

7. Кто христианина склонит в киргизское вероисповедание, тот причитается с правоверными в Царстве небесном.

По сим Соборного уложения 22 главы, 24 статьи того, который склонил Христианина в вероисповедание киргизское, по наказании плетьми ссылать в работу, а принявшего оное вероисповедание судить по Российским законам.

8. Ежели кто из роду Киргизского примет христианскую веру, то того не только лишают права наследства и на собственное его имение оставшееся у киргизов; но буде кто из них прежде принятия христианской веры пойман будет с точным намерением креститься, должен по закону лишиться живота за поругание своего закона.

Решить таковые дела по Указу 1763 года июля 22 дня и собственное имение принявших христианскую веру обращать им из киргизского владения, ежели же кто из них прежде принятия христианской веры будет киргизами пойман и остановлен, то таковых не только запретить им лишить живота, или делать какие либо истязания, но и отнюдь не препятствовать им по доброй воле и желанию вступать в христианскую веру; в противном случае с недопустившими желающих креститься поступать как с ослушниками закона, а за убивство судить как убийцов.

II. О суде и судиях

9. Суд составляется из одного почетного Бия, имеющего преклонные лета, а оный уже собирает тоже достойных до 6 человек Киргизов, все они разбирают дело и советуются, но Бию как председателю дают первенство в суждении и тем решаются какие бы то ни были дела.

Для разбирательства следствия и суда по делам Станичных Киргиз составлено в Областном управлении Общее положение, и об них во всех предыдущих пунктах никакого уже заключения здесь не делается; на счет же киргиз, во внешних Округах находящихся, то в произведении разбирательства, следствия и суда поступать по §§ 17. 64 и вообще по Судебному наказу о Сибирских киргизах Главы V.

10. Ежели из судей кто истцу или ответчику будет подозрителен, тот судьею быть не может, а назначается другой.

11. Подозрение на Судью могут быть законными: взятки, или родство и тому подобное.

12. Ежели кто на Судью объявил подозрение ложно, взыскивается с виновного один халат.

13. Ежели Судья не захочет быть судьей, штрафа не полагается.

14. Ежели Судья не скоро решит дело, тоже не взыскивается.

15. Ежели Судья не право решит дело, отвечает богу в будущем веке.

16. Бии и Судьи за разбирательство дел никакой платы не получают, в противном случае если-бы кто к тому коснулся, лишается прав своих, как пристрастный судья.

17. Если ответчик, или истец прежде начатия суда не объявлял на Судью подозрения, а объявит оное после суда, то уже таковое подозрение не приемлется и другого судью не определяют.

18. Если Судья решит дело несправедливо, но без намерения и хитрости, штрафу на него не полагается, а прибегают уже к другому Судье для справедливого решения.

19. Но буде дело решено справедливо, и кто-либо из тяжущихся представит потом новые доказа-

В перемене Судей по исковым и уголовным делам поступать по § 218 Устава о Киргизах, а по уголовным на место подозрительного наряжать других к следствию и суду.

Подозрения на Судей признавать законными непременно те, какие изображены воинских процессов Главы I в пунктах 12 и 13 Указах 1723 года октября 25 и 1724-го мая 20 и ноября 13.

Сие согласно с указом 1724 года ноября 13, а потому и оставляется при них киргизских обыкновениях.

По заключению на 9 пункт положения Комитета, сей 13-й пункт отменяется, а поступать в сем случае по 24 статье 10-й главы Соборного Уложения.

За нескорое решение дела, т. е. если оно в положенный Генеральным Регламентом срок не будет кончено, поступать согласно с Указом 1766 года марта 31.

За неправое решение поступать с виновными по §§ 220 и 224 Устава о Сибирских киргизах.

Оставить в своей силе кроме тех, коим жалование по Уставу о киргизах положено от казны.

Сие согласно и с Российскими узаконениями; но ежели бы тяжущийся или подсудимый в продолжении судопроизводства заметил в ком либо из судей какое пристрастие, то в таком случае может или объявить о том в приказе, или с ясными доказательствами просить о том Главное Начальство.

Поступать с таковым судьею по 10 статье 10 главы Соборного Уложения.

Сие не согласно с Российскими законами обстоятельство сие принадлежит к роду аппеляции,

тельства; то другими судьями оное не перевершивается, а предоставляется паки решить то дело тому же Бию, который прежде судил оное.

а потому и должно оное дело рассмотрено быть в случае жалобы на Бия в Окружном Приказе, а в случае жалобы на Приказ, в Областном суде; но в обоих случаях на подачу таковой жалобы постановить общий годовой срок, по истечении коего жалоба уже не приемлется.

20. Кто пред Судьями станет кричать и браниться, такового Судьи удерживают словами, в противном случае заключающегося по делу бьют плетьми, а иностранного выгоняют вон.

Поступать по 105 статье 10 главы Соборного Уложения и по Указу 1724 января 21-го.

21. Кто пред судьями кого ударит, а не ранит, виновный должен испросить прощения, или наказывается плетью и Бию платит халат.

Поступать по приведенным в 20 пункте законам.

22. Кто кого пред Судьями ранит, обязан раненого пользовать на свой счет, и за увечье заплатить лошадь, а Бию халат.

Поступать по тем же законам в 20 пункте показанным.

23. Кто кого пред Судьями ранит смертельно, или убьет до смерти, платит полный кун, а Судье за бесчестье 9 разных скотин в том числе один верблюд.[1]

Поступать по 105 статье 10 главы Соборного Уложения и по последующим о смертоубийцах узаконениям.

24. Кто пред судьями замахнется на кого оружием, или ножем, наказывается по рассмотрению бия и за решение платит Бию одну лошадь, а Султану верблюда.

Решить по 105 статье 10-й главы Соборного Уложения.

25. Кто обесчестит Судью словом, тот просит у Судьи прощения и платит ему один халат.

Поступать по 106 статье 10 главы Соборного Уложения.

26. Кто судью ударит, а не ранит, тот платит ему 9 разных скотин в том числе одну хорошую лошадь.

На основании той же статьи наказывая виновного плетьми, взыскивать с него бесчестие судить по киргизскому обыкновению.

27. Кто судью ранит не смертельно, платит 9-ть разных скотин и в том числе одного верблюда.

И в сем деле поступать в решении по приведенному на 26 пункте изъяснению, тоже нака-

[1] Один полный кун, по киргизскому обыкновению (как они же присутствовавшие в Комитете депутаты показывают), вообще составляет: 100 лошадей больших и малых, две слуги, один мужска и другой женска пола; если слуг нет, то платит за мужчину 20, а за женщину 15 кобыл больших и малых; два панцыря и два верблюда; по неимению же тех и других взыскивается за один панцырь 20, и за другой 15 кобыл, а за верблюдов за каждого по 5 кобыл и сверх того одного верблюда, на котором полагается тело убитого покрытое ковром и девка одна в траурном платье на вороной лошади, ведя того верблюда, отдается родственникам убитого. Ежели же сего штрафа в том роду или волости, в которой находится убийца, ни тогда, ни после не заплатят, то претензия сия остается навсегда не оконченною, даже до правнуков и далее и обиженные имеют на оную всегдашнее право.

28. Кто судью убьет до смерти, платит полный Кун и сверх того, что в примечании на 23 пункте показано, еще взыскивается с виновного, или с волости 8 разных скотин и один калмык мужеска пола.

29. Кто на судью замахнется только оружием, или ножем, а не ранит, жестоко наказывается плетьми.

30. Если Судья о бесчестии просил ложно, лишается права носить имя Судьи.

31. Естьли дело было уже решено, а истец или ответчик будет вторично просить о том самом у другого бия, то оное сим последним не может быть вновь начато, но ежели претендатель, или ответчик, докажут, что дело решено пристрастно, то могут просить разбирательства оного у другого судьи.

32. Сроку в исках и обидах никакого не полагается кроме, что ежели в течение 10-ти лет обида, иск, убийство и тому подобное никому не было известно, в суде не приемлется, но когда обида, иск, или убийство были известны с самого начала их события, то в праве обиженные искать себе удовлетворения до истечения сорока лет просьба оставляется без действия.

33. Ответчики, свидетели и присяжные вызываются к суду на счет виновного.

34. Кто будет противиться, ежели его потребуют по какому либо занием виновного и взысканием бесчестия Судье по киргизскому обыкновению.

По сим 106 статьи 10 Главы Соборного Уложения поступать с убийцею на основании общих об них Российских узаконений и платить долги за убитого из имения убийцы.

Наказание виновного по киргизскому обыкновению плетьми оставить в своей силе, но в вящее уважение Судьи взыскивать при том за бесчестие обиженному меньший штраф по их обыкновению 9-ть разных скотин больших и малых.

Оставить сие при их киргизском обыкновении.

Не начинать вновь дела иначе, как по аппеляционному прошению, на основании на 19-й пункт положения сего.

По 110 статье 10 главы Соборного Уложения: ежели кто в иске и обиде взнеся просьбу, не будет искать неделю, велено отказывать и суда не давать. Высочайшими манифестами повелено: 1787 апреля 1 в 25 статье, в обиде словом, или письмом по прошествии года иска нет, в обиде же действием по прошествии двух лет иска нет. Того он года июня 28.4 статьею, все без изъятия как уголовные, так и гражданские дела, которые в течение 10 лет не были гласными, или по предъявлении не было по оным хождения, предавать вечному забвению. Сими законами следует руководствоваться и по делам киргизов.

Оставить в своей силе.

То и другое причесть следует к неповиновению власти, и если

делу, и по двум требованиям не явится для разбирательства, тому в вину не ставят, а буде по третьей повестке не явится, то остается уже виновен по платежу всего иска. Когдаж требован будет только на Совет и отзовется тоже трижды и сделается ослушным, того никогда уже более не будут требовать и признавается не достойным быть в Совете.

35. Ежели кто посланного за ним будет бить и сделает на лице раны, то должен напротив и тот ему сделать таковые же знаки, или обязан начинщик заплатить обиженному одну лошадь и один халат; знаки в других местах тела, кроме лица, не признаются важными и решатся только испрошение прощения, или в случае непримирения, взыскивается с виновного в пользу обиженного по другому году жеребенок.

36. Ежели тот, за кем было послано, посланного убьет, то взыскивается полный кун, или по несостоятельности к платежу, сам убийца наказуется смертью.

37. Ежели посланный того за кем он послан, будет бить и сделает раны, или убьет то за битье и за знак взыскания нет, а за убийство платит полный кун, ежели же посланный безвинно будет бить из вымогательства подарков, или мщения, и обиженный имеет на то свидетелей, то взыскивается с виновного лошадь и халат; буде же свидетелей не имеет, то в деле сем просителю отказывается.

38. Если того, за которым послано, прочие Киргизы не дадут, то за сие стыдят их только выговором, а если они посланного будут бить и сделают знак, или раны на лице, обязаны за сие платить ему одну лошадь и один халат; сделанные же кроме лица на других местах знаки решаются одним примирением с испрошением прощение, что неповиновение сие произошло без всяких уважительных причин, как-то: болезни и других важных обстоятельств то с ослушными поступать по указам 1766 марта 31, 1768 генваря 18 и Устава о Сибирских Киргизах § 206 по 4 пункту.

Сие еще важнее ослушающегося, а потому подвергать виновного Суду по тем же законам, кои на 34 пункте сего положения прописаны.

Судить и решить дело, как о убийцах Российскими законами постановлено.

Битье с окровавливанием и без оного, сделанное посланным, считать самоуправством, посланный не вправе производить ни с кем драки, но должен требовать помощи от Аула, в случае какого-либо Ослушания, и если требование его оставлено будет без уважения, то посланному следует токмо обратясь донесть о том тому лицу или месту, от которого был послан, за самоуправство же и тем более за убивство, судить его по российским узаконениям.

За неповиновение власти и буйство поступать по приведенным на 34 пункте, а за убийство по общим Российским узаконениям.

ния; а за убивство взыскивается полный кун, или из числа убийцев одного таких же лет полагается убить.

39. Срок по повесткам полагается к явке в суд для ответа по расстоянию, и именно со дня объявления в каждый день на проезд 25 верст. Ежели же кто будет требован для принятия только присяги за ответчика, или за просителя, то назначается срок 10 или 15 дней, и в сей срок непременно явиться он должен; буде-же не явится, то ответчик, или тот по ком присягать было должно, обвиняется в иске. Таким образом, поступают с тяжущимися, по которым хотя и один из назначенных к присяге кто либо на срок не явится.

40. Ежели ответчик просрочит не по болезни, а по своему произволению, то подлежит только выговору; буде же из назначенных к присяге, кто за болезнию не явится, то истец обязан осведомиться о его болезни; а если он болен будет продолжительно, как и в случае его смерти, избирают присяжного из родственников его другого и сие в вину ответчику не ставят.

41. Буде обвиняемый отвечать не будет, у такового признание испытывают наказанием, чтоб отвечал присягой или платежем.

42. Буде обвиняемый в доносимом на него запирается, то доносчик и обвиняемый посылаются к Бию, который полагает на доказателя, чтоб из волости его доставить одного человека достойного на присягу. А если его не учинит, остается доноситель виновным.

Поверстной срок оставить в своей силе; впрочем разбирательства и следствия по Уставу о киргизах должны быть производимы на местах не через посторонних присяжных, которые за истца или ответчика доселе присягали, но через свидетелей и изыскание другими обстоятельствами, а потому вызов присяжных, которые не знают и даже иногда понятия не имеют, действительно ли прав тот, за кого они присягают или виноват, как не сообразный с Российскими законами отменить, но дела разбирать и исследовать обстоятельствами и свидетелями.

Маловажную просрочку, происшедшую, не от неповиновения власти в вину не ставить; на счет же присяжных сделано уже положение в 39 пункте.

По силе Указа 7208 декабря 24 и в подтверждение к тому изданных, не делая у истца и ответчика никакого испытания наказанием держать под караулом неделю, и ежели который либо из них по миновании оной отвечать не будет, то истцу отказывать в иске, а ответчика винить в оном.

По доносам производить исследования установленным порядком и решить дело по открывшимся обстоятельствам; доставку же присяжного отменить.

III. О свидетелях

43. Для доказательства виновного в содеянном им нужно не менее трех свидетелей лучшего поведения.

По приведенным выше сего на 1 пункте законам достаточно и двух свидетелей, ежели нет более.

44. Беспрепятственно можно к присяге и свидетельству допустить только известного по достоинствам своим в Орде и богобоязливого человека, а не распутного.

Принимать во свидетелей всех тех, кои по 2 пункту 3 главы, 2 части, воинского процесса не будут иметь пороков и не будут оподозрены.

45. Кто фальшивую присягу учинит, и чрез то убыток или вред нанесет, того не почитают достойным и не принимают в общество.

Кто из свидетелей фальшивую присягу учинит, как и тот, кто его к тому склонит, по силе воинских 196, 197 и 198 артикулов и процесса 2 части 3 главы 17 пункта, должны быть наказаны телесно.

Поступать по тем же приведенным выше в 45 пункте законам.

46. За несправедливое свидетельство в каком-либо деле, по изобличению полагается вся вина на свидетеля и с оного взыскивается в штраф одну лошадь и халат; по несостоянию же платы наказывается плетьми без счету на месте разбирательства.

47. При равном числе свидетелей, со стороны истца и ответчика, признаются из них лучшими свидетелями те, которые известны в добром поведении и честной жизни, недостойных же не принимают, дела решатся, или по свидетельству достойных людей, или по другим каким-либо ясным доказательствам, равным образом свидетели, кои сами дело видели и присяжные, кои вызваны к присяге, из посторонних признаются в равном достоинстве и дело решится по рассмотрению Бия, ежели же из тех, или других, хотя один кто окажется поведения ненадежного, то перевес будет иметь уже та сторона, на которой все присяжные, или свидетели, будут честного поведения.

Сие на счет одних свидетелей, а не присяжных, согласно с 12 пунктом 2 части 3 главы воинского процесса, кто из тяжущихся лучших и более свидетелей на своей стороне имеет, которые правду сущую обстоятельствами доказать могут, тому и поверится, а по 13 пункту, лучшие свидетели разумеется мужск пол паче женска, знатной паче худого, ученый неученого и духовный паче светского человека почтен бывает.

48. Женский пол в свидетели ни по каким делам не принимается и в делах судных вовсе они никогда не участвуют.

Как нередко случится может, что свидетелей мужска пола во время содеянного, никого не было, то непротивно будет Российским законам принимать и женщин во свидетельство, буде они при том действительно были.

49. К свидетельству не должны быть допущены люди дурного поведения и кои прежде уже были замечены в ложном свидетельстве, также работники и слуги.

В сем случае руководствоваться воинского процесса 2 части 3 главы 2 пунктом.

50. На кого из свидетелей истец, или ответчик объявит подозрение, в свидетельство не приемлется, а должно буде имеют выставить других на коих бы не было подозрение.

Поступать того же процесса 2 части 3 главы по 3 пункту.

51. Подозрение на свидетелей принимаются законными взятками, или свойство.

Какие подозрения на свидетелей смогут быть законными, о том подробно изъяснено воинского процесса 2 части 3 главы во 2 пункте.

52. Ежели свидетель не явится для свидетельства в суд, то туда, где он находится не посылают никого, как только тот, кто на него ссылался, обязан сам его вызвать или выставить другого из наличных, в противном случае по неявке свидетеля обвиняется в иске.

Ежели кроме отсутствующих не будет никого из наличных свидетелей, то отсутствующего необходимо нужно вызывать для опроса на счет того, кто по делу окажется виновным.

53. Буде же свидетель по болезни, или по другим причинам сам к суду быть не может, а посланный за ним донесет о том иначе, того недопущают после ни к какому подобному делу, как человека ложного.

Больного и даже всякого далеко отсутствующего свидетеля по 16 пункту 3 главы 2 части воинского процесса можно спрашивать и на месте их пребывания через других свидетелей или Биев, но так же под присягою обыкновенною у Киргиз, которую должно произвесть всегда в присутствии истца и ответчика или их поверенных; за несправедливое же показание посланного о свидетеле, или решить поступок его по Киргизскому обыкновению, или штрафовать по рассмотрению вины.

54. Если свидетель скажет, что он сам ничего не видел и не знает, а только слышал о том от посторонних, таковые в свидетели не приемлются.

Сие согласно уложения 10 главы с 172-й статьей и воинского процесса 2 части 3 главы 2-го пункта 17-м отделением.

55. Ежели ответчик пошлется на истцова отца, или брата, или истец пошлется на ответчикова отца или брата, то оные в свидетели принимаются; женщины же ни в каком случае не могут свидетельствовать.

По силе уложения 10 главы 176 и 177 статьи оставить сие при их Киргизском обыкновении.

56. Малолетние и ниже 15 лет от роду, за достоверных свидетелей не признаются и не приемлются.

57. В собственном своем деле, или кто к тому делу сам причастен, в свидетели не приемлется.

58. Иностранцы другой нации к свидетельству по киргизским делам допускаются.

59. Свидетели спрашиваются без всякой присяги; но увещеваются от Бия Богом и Алкораном говорить правду; свидетелей сих должно быть не менее в мужской претензии четырех, а в женской двух человек.

60. Ежели свидетели будут говорить разно, одни по ответчике, а другие по истце, то разноречия сии не дают перевеса ни на которую сторону. Свидетели сии буде переговоря между собою на очной ставке, утверждаются на своих показаниях, то со стороны претендателя избираются уже присяжные в важных делах по 59 пункту, а в прочих случаях, как-то: по иску ста волов животных и более, так же и по имению от 500 руб. и выше полагаются два, а от одного рубля до 500, или от 25 до 100 руб, один присяжный.

61. Есть ли свидетели по чней либо ссылке будут говорить разно, и хотя один не по нем скажет, то всех уже свидетелей им представленных не приемлют, а решат дело только из ближних роду их достойных людей присягою.

62. Есть ли истец, или ответчик будет ссылаться на свидетелей и тот или другой не будут их принимать, то допущать ли их к свидетельству, или во все устранить, предоставляется рассмотрению Судьи, и если он признает их достойными, то по словам их и дело вершится без присяги, буде же из свидетелей будут недостойные, тогда отдают из того же самого родства достойным.

Согласно с 14 Отделением 2 пункта 3 главы 2 части воинского процесса.

И сие согласно с 15 Отделением того же процесса 3 главы 2 части 2 пункта.

Ежели о справедливом житии иностранца известно, то по сим того же процесса 16 Отделения допустить его в свидетели можно.

Свидетелей увещевать через Судью и Муллу, буде сей быть случится, дабы они говорили сущую правду, не наровя ни истцу ни ответчику и потом приводить их к присяге по Киргизскому обыкновению. Число свидетелей показано уже выше сего.

В случае равенства голосов свидетелей, приводить к присяге по Киргизскому обыкновению самих тяжущихся и преимущественно ответчика, а не челобитчика.

По сему пункту, ежели хотя один свидетель скажет вопреки сделанной на него ссылке, или они объявят, что ничего не ведают, в таком случае не приводя уже тяжущихся к присяге, решить дело по силе Соборного Уложения 10 главы 160 статьи.

Подозрения на свидетелей могут быть законными только те, кои воинского процесса 2 части 3 главы во втором пункте показаны. Судья обязан сообразиться с тем законом и ежели подозрения он найдет основательными, а других свидетелей не будет представлено, то в приводе самих тяжущихся к присяге поступать по постановлению выше

людям на присягу, и тем дело оканчивается.

63. Есть ли кто станет на кого ссылаться по стачке, то по разведыванию об нем, с подложного доказателя взыскивается одна лошадь, один халат, а истцу отказывается; лошадь достается в народ, а халат Судье.

64. Ежели свидетель будет отказываться от свидетельства, а истец или ответчик именно на него ссылается, тогда из родственников его должны вместо него дать присягу, принуждения же к свидетельству не делается.

65. Если кто свидетеля опозорит напрасно и в том изобличен будет, наказывается плетьми.

сего на 60 пункте. В случае же ссылки во свидетельство на многих людей руководствоваться Уложения 10-й главы 158, 159 и 161 статьям, а по общей ссылке их на одного, двух или трех человек 167, 168 и 169 статьям той же главы.

Ежели стачка будет доказана, то как того, который на то подговорил, так и того, который на сие согласился, судить по Российским узаконениям.

Поступать с вызывающимся свидетелем воинского процесса 2 части 3 главы по 5 пункту.

Поступать воинского процесса 2-й части 3 главы по 4 пункту.

IV. О смертном убивстве и тому подобных преступлениях, так же о драке и обидах

66. Чтоб кто либо отважился Муллу из роду хожей, кои по Киргизскому обыкновению причисляются к их дворянству во время отправления им по их обрядам, службы божией, ударить тому примеров не было, но в прочих случаях, ежели кто хожу поранит, полагается, чтоб обидчик обидимому заплатил штраф по 3 пункту выщеупомянутых их законов, а буде платить нечем, то должно отсечь один большой палец, но ежели Хожа будет сам начинщик, тогда право иска потерял.

Оставить сие решить по их обыкновению, кроме отсечения пальца, вместо коего подвергать виновного в казенную работу на один или два года по мере вины.

67. Ежели кто Хожу убьет до смерти, тот и вся волость платит родственникам убитого штраф такой, как платится за убивство простых семи человек,[1] буде же не заплатит, то ближайших из той волости убийцы родственников семь человек повесить, в том числе и самого убийцу.

Сей пункт суда Киргизского во все отменить, но с убийцею поступать по Российским узаконениям.

[1] Смотри в примечании на 23 пункт о Куне.

68. Буде же Хожа убьет Султана, или кого бы нибыло из роду султанского, то платит тот же штраф как в 67 пункте показано противу простых семи человек, буде же убив, тело бросит на степи и оно от зверей или птиц будет повреждено, то штраф платит против того в полтора и сверх того отдает одного верблюда, на котором полагается тело убитого покрытое ковром и девка одна в трауре на вороной лошади, которая ведя того верблюда отдается родственникам убитого, ежели же сего штрафа в том роду в котором находится убийца, ни тогда ни после не заплатят, то претензия сия остается на всегда не оконченною даже до правнуков и далее и обиженные имеют на оную всегдашнее право.

И сей пункт также отменяется, но с убийцею поступать по точным словам Российских указаний, кроме, что буде Хожа сделает Султану, или кому бы то нибыло смертное убивство, то токмо освобождать оного от наказания, для преступников сего рода определенного, но с штемпелевыми знаками ссылать в работу. Таким же образом поступать и с Султаном сделавшим Хоже или простому Киргизу смертное убивство.

69. Кто Хожу или Султана обидит словами, или замахнется но не ударит, тот платит штраф 9-ть разных скотин, а ежели ударит, то 26 скотин и верблюда, или отсечь палец.

Оставить сие на принятом Киргизами обыкновении; кроме отсечения пальца, вместо него, если штрафу платить будет нечем, ссылать виновного в работу на один, или два года по мере вины.

70. За обиду Султаном или Хожею простого Киргиза, и за удар ничего не взыскивается, кроме что ежели в публичном собрании ударит Султан, или Хожа, кого из простолюдинов безвинно, тогда платит обиженному одну лошадь и один халат, а за убивство сделанное Султаном, или Хожей, без приговора общества платит пеню родственникам убитого один полный кун по 23 пункту. Ежели же Султан, или Хожа, платить не будет, или не в состоянии, то Кун сей обязана платить вся волость; смертной же казни они не подвергаются, но остаются уже в волости без всякого уважения. На сем же самом пункте основывается и решение за убивство между простолюдинами произведенное.

Штраф за удар Султаном или Хожею простолюдина, остается на прежнем их Киргизском обыкновении, но дела по убийству решить не иначе как по Российским узаконениям, не подвергая никого платежу Куна.

71. Ежели Султан, или Хожа, обидит Султана словами или Хожу или кого-либо из их роду, также жен и детей, или замахнется и даже ударит, то не подвергаясь никакому в обществе Суду, обидчик должен не-

Оставить сие при их Киргизском обыкновении.

пременно испросить у обиженного прощения; ежели же не согласится, то посторонние Султаны стараются их примирить, но общество в то ни мало ни вмешивается.

72. Бии и Старшины почитаются наравне с простым народом из коих только пожалованные от Государя Всероссийского чинами имеют право в обидах своих жаловаться на виновных внутри линии и на оной Российскому Правительству и виновный наказывается по рассмотрению; а за границею тамошнему Султану и взыскивается с виновного штраф, как положено за обиду Султана.

Пункт сей относительно жалобы оставить без изменения, но за границею взыскивать старшине и Бию штраф с виновного не так как положено у них за обиду Султана, напротив того тем, которые офицерские чины имеют, годовое получаемое ими жалование, а не имеющим чинов и не получающим жалования, по примеру Уложения 10 главы, 94 статьи от 15 до 50 рублей, смотря по достоинству и уважению обиженного в Орде.

Оставить без изменения.

73. Между простым народом обида словами мужска пола не почитается важным, кроме, что обидчик у обиженного должен просить прощения.

74. За обиду словами женска пола обидчик тоже должен просить прощение, но ежели обиженная или муж ея, или дочери девки отец, сего не уважит, то виновный должен или заплатить штраф за безчестие одну лошадь и халат, или ежели не заплатит, то наказывается стыдом, и именно водят его вокруг юрты три раза с навешанным ему на шею худым войлоком.

В обиде словами женска пола, буде виновный не испросит прощения, поступать Уложения 10 главы по 99 статье, т. е. согласно 94 статьи, взыскивать штраф замужней жене 2, а девке 4 рубля, все же прочее по обыкновению Киргизов, отменить.

75. За удар мужска пола буде не сделает знаков или раны, тоже просит только прощения; ежели же сделает знак от удара на лице, то должно с ним тоже сделать, что и тот сделал, или заплатить лошадь и халат. Буде же ударит вредно, то пользует больного на счет свой сверх вышеписанного штрафа, удар же по другим местам, т. е. не по лицу, признается наравне как обида словами. Впрочем дела сии решатся Биями с согласия, смотря по уважению в Орде обиженного.

Решать дела сего рода I, испрошением прощения, а буде оного не последует то 2 по 94 статье 10 главы Уложения за удар без вреда взыскивается с виновного обиженному по 2 рубля, а за удар со вредом по 10 рублей и сверх того по Киргизскому обыкновению приказать виновному пользовать обиженного на свой счет.

76. За обиду или удар женска пола без знаков и ран просит обидчик прощения; ежели кто женщину ударит в Юрте, или во время бытности ее в пути и сделает ей знак,

Где бы удар не был произведен, почитается равно, а потому если виновный не испросит в том прощения, то штрафуется взысканием противу 75 пункта, но

или рану, на лице, тогда платит ей 8 разных скотин и верблюда, буде же кто ударит женщину в расстоянии 40 сажень от юрты, то должен только просить прощения, а за удар со вредом пользовать обиженную на счет обидчика сверх вышеписанного штрафа.

77. Буде кто от раны умрет, то виновный платит кун за мужчину полный, а за женщину половину и сверх того заплатить обязан за пользование и лекарства сколько следовать будет.

78. Заочная брань ни во что не вменяется.

79. За убивство господином слуги своего, ответствует он только Всевышнему, равным образом и за убивство слугою Господина своего никакого куна по бедности его не полагается, но тоже отвечает только Всевышнему, исключая тех случаев, когда родственники убитого просить будут, тогда убийца слуга должен быть повешен.

80. Над состоящими у Киргизов в работе калмыками хозяева их имеют неограниченное право наказывать и по вине и даже без вины; в последнем случае ежели бы слуга и выдумал на хозяина своего жаловаться, просьба нигде не приемлется, из сего исключаются однако же отпущенные на волю, которые пользуются уже наровне с прочими общественным правом.

81. Ежели бы слуга кроме господина своего сделал в постороннем месте какое преступление, как-то: воровство, в какой бы сумме не было, убивство и тому подобное, то отдается истцу головою.

82. Султаны, Хожи и Старшины, не имеют права наказывать виновных без Совету общества.

83. Ни Султаны, ни Хожи, ни Старшины и Бии никакой власти и права над простолюдинами не имеют и ежели бы кто приказанию их

только за удар жены вдвое, а девке вчетверо.

Поступать в сем случае по воинскому 154 артикулу и толкованию на оный.

Сие согласно и с Высочайшим манифестом 1787 года апреля 21 дня.

Отменить и поступать в сих случаях с убийцами как в Российских законах постановлено.

Оставить без изменения, поступая впрочем по 277 и 278 §§ устава о Сибирских киргизах.

За уголовные преступления показанные в уставе о Сибирских киргизах § 206 судить и поступать с виновным по Российским указаниям. Все же прочие дела, как и самую кражу, сделанную киргизскими невольниками, оставить решением согласно сему принятому ими правилу.

Оставить пункт сей без изменения, как согласный с Уставом о Сибирских Киргизах.

Султаны, коим вверены внешние приказы и управляющие волостями и Аулами, султаны же и старейшины, должны иметь над

воспротивился, или ослушался, то никакому наказанию не подвергается: ибо народ сей почитает себя свободным, и каждый может исполнять и не исполнять приказания.

84. Ежели один, два, три и более убьют одного, или несколько человек, то претендателю выдают из них одного, кого он потребует, для непременного произведения ему смертной казни. Кун же в таком случае не платится; ежели же два двух, или три трех убьют, то и те предаются все смерти, или платят кун выше сего в 23 пункте показанный.

85. Ежели кто обороняя себя кого убьет, и будут в том со стороны обороняющегося свидетели, то платит только половинный, а буде свидетелей не имеет, тогда причитается к настоящему убийце и платит полный кун по 23 пункту; а ежели кто кого убьет нечаянно, например: невидевши впереди себя человека выстрелит из ружья и убьет или же кто рубя крупный лес, а другой при падении срубленной штуки по неосторожности подвергается под оную и будет убит и тому подобное, те платят кун только половину.

86. Ежели жена мужа своего умертвит, то родственники ее Куна платить не обязаны, а убийца по согласию родственников убитого, или предается смерти, или ежели они ее пощадят, то прощается. Ежели же муж убьет жену, то платит родственникам ее половину Куна противу 23 пункта.

87. Родители за убивство детей своих никакому наказанию не подлежат, исключая ежели женщина прижитого незаконно с посторонним младенца от стыда умертвит, тогда предается смерти.

88. Кто кого отравою погубит, то платит Кун 100 лошадей больших

вверенным им народом право в известных только случаях: первые § 56 Устава о Киргизах права Земского Чиновника, а последние по §§ 55, 96 и 109 Сельского головы и старосты. Они в случае неповиновения Киргиз в делах казенных и общественных, должны поступать с ними по особо начертанным для их инструкциями и по изданным для Земской полиции общим правилам.

Отменить и поступать по Российским указаниям, как о смертоубийцах повелено.

Отменить и решать дела по воинским артикулам 155, 156, 158 и 159 с толкованиями.

Отменить и поступать с убийцами по Российским узаконениям.

Отменить и поступать с убийцами по общим Российским узаконениям, принимая в сих случаях в основание 163 воинский артикул с толкованием и Уложения 22 главы 3 статьи.

Отменить и поступать по воинскому 162 артикулу.

и малых, двух слуг, два панцыря и двух верблюдов, в противном случае, буде платить не в состоянии, виновный наказывается смертью.

Содержание сего пункта, как близкое к воинскому 164 артикулу, оставить в своей силе.

89. Кто сам себя убьет, того тело погребают особо от других умерших в сорока саженях и не делают по оному никакого поминовения.

В сем случае с виновным поступать по толкованию на воинский 161 артикул.

90. Ежели убить хотели, а не убили, но нападение делали, и полагая его уже умершим, оставят на месте, а он после того придет опять в чувство и будет иметь знаки на себе, то виновные платят половинный кун: 50 лошадей, больших и малых, одну девку, один панцырь и одного верблюда, или же за все то платят из родных своих лучшую девку.

91. А кто убийцу у себя скроет, или дает ему способ к побегу, тот делается сообщник убийце и за убитого платит кун, 100 штук разных животных, два калмыка, два верблюда и две колчуги. Кто же скроет у себя убийцу, а потом объявя об оном, выдаст, тот платит штраф третью только часть Куна, т. е. 33 животных, одну девку и одного верблюда.

Укрыватель убийцы по примеру воинского 190 артикула делается уже участником убийства, а потому и должно подвергать такового тому же наказанию, какое по Российским узаконениям за укрывание злодеев положено по 206 воинскому артикулу.

92. Кто примет к себе убийцу с ведома своих родственников и всего аула, тому никакого штрафа не полагается.

По силе уложения 21 главы 78 статьи взыскивать с виновных за укрывательство убийцы с каждого по 50 руб. в пользу приказа Общественного Призрения.

93. Кто ранит кого на баранте невредно, иску нет, как и за легкий знак, а ежели убьет, платит полный кун.

Предавая барантовщика уголовному суду, судить его как в ранах им причиненных, так и в убийстве по 18 Отделению сего положения.

94. В убийстве и других тому подобных злодеяниях, виновный непременно сам отвечать обязан, а не чрез поверенного, поверенные же только допускаются по исковым делам.

Сие согласно и с Российскими указаниями.

95. Кто вора или разбойника, или убийцу, самовольно убьет, таковому в грехе сего не поставляется и дозволяется вора, разбойника и убийцу истребить без всякого взыскания и нарекания.

Исключая случая по 3 отделению толкования на 185 артикул, всех прочих, сделавших злодею самовольно смертное убийство, судить и поступать с ними по Российским указаниям.

96. Кто убьет брата, или сестру, живших не в разделе, то отец и род-

Поступать с убийцами по общим Российским указаниям.

ственники такового жестоко наказывают, но не до смерти; ежели же убийца или убитые жили в разделе, то полагается половинный кун детям, или жене, а буде кто жену свою убьет, платит половинный кун ее родству.

97. Кто кому умышленно отсечет руку, или ногу, или другой какой важный вред учинит, тому должно сделать тоже самое, или обязан заплатить половинный кун. Повредивший же невредно, пользует больного на свой счет и платит штраф, одну лошадь и халат.

Пункт сей хотя согласен с 10 статьею 22 главы Соборного уложения, по ежели бы от повреждения членов приключилась изувеченному смерть, то виновного судить уже как убийцу, буде вред сделан будет, хотя важный, но не смертельный, то виновного наказывать только плетьми и взыскивать с него по Киргизскому обыкновению половинный Кун, а за невредные раны одну лошадь и халат, и в обоих случаях пользовать больного на счет виновного.

98. Ежели жена убьет мужа своего и должно бы самую ее лишить жизни за то, но она в то время будет беременна, то ни тогда, ни по разрешении ее от бремени, ни чем уже не наказывается, а остается бесчестной, ни кто ее в замужество не возмет, и в собрании не приемлется; в случае же убивства женою не беременною мужа, извещают сперва ее родственников, и если из сожаления заплатят за нее половинный Кун, то обращают ее к себе и убийца остается без всякого взыскания; а когда родственники за нее платить не согласятся, то убийцу предают смерти.

Поступать с беременною преступницею по 15 статье 22 главы Соборного уложения, подвергая ее токмо по разрешению не смертной казни, а обыкновенному как ее, так и праздну жену по Российским законам за убивство наказанию и ссылке в работу.

99. Кто кого с умыслу зазовет к себе в гости и станет бить, тот платит одну лошадь и один халат.

Решить по 11 статье 22 главы Уложения и по Указу 1768 года генваря 15.

100. Кто кого стопчет лошадью и сделает вред, то за излом руки, ноги или ребра платит за лекарство, что будет издержано, и в штраф одну лошадь, хотя с намерением или без намерения, а буде от стоптания кто умрет, то виновный платит за него полный кун.

За стоптание с умыслу поступать по 17, а без намерения по 18 статье 22 главы Соборного уложения.

101. Ежели от стоптания лошадью жена родит мертвого младенца, то полагается за пятимесяч-

Решить сего рода дела по тем же двум статьям, кои на 100 пункт выше сего показаны.

ного умерщвленного младенца за каждый месяц по одной кобыле, а от 6-го месяца до девятого по другому года верблюда за каждый месяц, в десять же месяцев за младенца платить за мужской пол полный кун, а за женский половинный.[1]

102. А ежели и сама мать от того стоптания умрет, то полагается за ее половинный же кун, а за младенца, коим она не разрешилась, по неизвестности мужска ли он, или женска пола, платят уже без различия тоже половинный кун.

Поступать в решении по 17 и 18 статьям 22 главы Уложения.

103. Кто стопчет лошадью совсем неумышленно, т. е. ежели испугается лошадь, изорвет на себе узду и тому подобное, то за таковое той только лошадью платится, которая стопчет хотя бы от сего стоптания кто и умер.

Решить по 18 статье 22 главы Уложения.

104. Кто злословит отца или мать свою, сына при собрании общества садят на черную корову, с правой стороны лицом к хвосту с навязанным на шею ветхим войлоком; корову сию водят вокруг Аулов и его сидящего на ней жестоко наказывают плетьми; а дочь только связанная предается рассмотрению матери, как за обиду ей так и отцу причиненную. Таким же образом поступают и с теми детьми, кои отца или мать ударят.

Отменить и поступать в сем случае Уложения 22 главы по 4 статье и Высочайшему повелению 15 ноября 1819 года.

105. К наказанию за преступление плетьми полагается мужск пол с 13 лет, а женск 9 лет от роду, не достигших же тех лет наказывают розгами, но вообще с малолетних никаких исков не взыскивается.

К наказанию за преступление малолетних поступать по секретному указу 1765 года мая 2 дня.

V. О упуске и укрывательстве преступников

106. Кто вора у себя скроет, тот только объявится бесчестным и в общество не принимается.

Укрыватель вора по воинскому 190 артикулу, сам признается вором, а потому и поступать с таковым по уставу морскому 5 книги 126 артикулу и по указу 14 июля 1765 года и в последствии изданным узаконениям.

[1] Киргизы считают 12 месяцев в утробе младенца и всякого животного до произведения на свет.

107. Кто скроет беглого без ведома родственников и Аула и выдаст не прежде как по отыску, тот должен платить убытки за поиск, что израсходовано будет и штрафу одну лошадь и один халат.

108. Кто же беглеца скроет с ведома родственников своих и всего Аула, с того взыску и вины не полагается.

109. Кто виновного из под присмотра отпустит, и ежели не отыщет, то ответствует за все, в чем виновный содержался; а буде по исковому делу содержался, то и иск платит. Ежели же тот беглец пойман будет, то за вину и за побег наказывается, соображаясь с преступлением, в котором содержался, так же и иск взыскивается с него сполна хотя бы и прав был.

110. Ежели кто беглого русского или татарина примет и утаит, таковый наказывается плетьми без счету и порицается укрывателем воров.

111. Кто вора или убийцу или оговоренного в преступлении у себя скроет, таковый считается также вором, от родственников за то наказывается и никогда во общество не приемлется.

112. Ежели поймают вора или убийцу, а он на тех кто его поймает, будет показывать, воровство же или какие другие преступления, то словом приводного веры не дают и оных не приемлют.

113. Кто вредные и ложные слухи будет разглошать, тот наказывается от родственников жестоко плетьми, или морожением в воде.

114. Кто с умыслу лживое имя, или прозвище на себя примет, тот считается беззаконник и отлучается от общества.

Сверх взыскания убытков за поиск поступать с виновными по 11 пункту указа 1754 года мая 13, не подвергая токмо их взятию в воинскую службу.

Поступать с сими по приведенному выше сего в 107 пункте указанию.

Сие согласно Уложения 21 главы с 83 и 84 статьями и воинским 207 артикулом, а потому и поступать в решении дел по оным. С пойманным же по Киргизскому обыкновению как близкому воинского процесса 2 части главы 56 пункта к 1 отделению.

С принимателем беглого поступать по Указу 1754 года мая 13.

Укрыватель вора, или убийцы или другого преступника, есть настоящий участник злодея и подвергается суду по Российским узаконениям точно также как в чем бы должен был судиться укрывающийся.

Сие согласно с 8 статьею 21 главы Соборного уложения, а потому и оставить в своей силе.

Поступать по указам 1757 июня 5, 1762 июня 19, 1763 июня 4, 1764 марта 4, 1772 года апреля 5 и подтвердительному 1807 марта 18.

Дела сего рода решить по Воинскому 202 артикулу.

VI. О содомском грехе, насилии и блуде

115. Скотоложству и мужеложству примеров киргизской степи не было, а потому и положения на сие никакого нет.

В случае ежели бы оно паче чаяния где открылось, то поступать по 165 и 166 воинским артикулам.

116. Кто насилие учинит девке просватанной, с того следует взыскать жениху девку же и сверх того одного слугу и одного верблюда, один панцырь и 24 штуки разного скота; буде же виновный не в состоянии сего платить, то подвергается смерти.

Взыскание штрафа оставить по их Киргизскому обыкновению; но ежели виновный не в состоянии заплатить, то поступать по 167 и 168 воинским артикулам с толкованиями, полагая вместо смертной казни наказание кнутом и ссылку в работу.

117. Ежели жених блуд сделает с невестою своею прежде брака, то порют брюхо у лошади, на которой он приехал и режут на нем лучшую одежду. Лошадь сия отдается в пищу одним порочным женщинам; а ежели сделает сие посторонний тоже без насилия, то предоставляется воле жениха или простить виновных, или взыскать штраф; ежели же не очереватит, то посторонние стараются мирить, а буде жених на сие не согласится, то наказывают виновного плетьми 50 ударами, наказание же невесты предоставляется рассмотрению жениха, с отца же невесты никакого взыскания не полагается; но ежели жених часто ездит к невесте и между тем она брюхатит, хотя бы и от постороннего, тогда виновный штрафу не подвергается; а буде в первый приезд жених найдет ее уже брюхатою, то по требованию жениха виновный наказывается смертию.

Сие допустить можно и впредь к решению по Киргизскому обыкновению; кроме смертной казни, вместо которой, ежли виновный положенного штрафа не заплатит, поступать с ним по 116 пункту сего положения.

118. Кто не просватанной девке учинит насилие и в том изобличен будет, тот должен заплатить за обиду отцу пол куна то-есть 50 лошадей одного слугу, один панцырь и одного верблюда, в противном случае виновного следует повесить; а естьли же девка согласится выйти за него в замужество и отец на то будет согласен, то решаются обыкновенным калымом, т. е. платит жених 32 лошади, 2-х слуг и одного верблюда, калым сей должен он платить в само скорейшем времени.

Платеж полкуна оставить в своей силе, а ежели онаго виновный не заплатит поступать с ним по 118 пункту сего положения.

119. Кто замужней жене учинит насильство, тот наказывается смертию, или по согласию мужа платит ему в штраф пол куна, как выше показано в 118 пункте.

120. Доказательства в насилии должны быть следующие: обиженная должна тотчас объявить о том в Ауле, или сделать знаки на лице виновного, или одежду изорвать на нем, тогда принимается доказательство ее за вероятное, буде же она того не учинит, или промолчит хотя один день, то просьба ее во уважение не принимается,

Пункт сей согласен с толкованием на воинский 167 артикул а потому и остается в своей силе.

121. Кто учинит блуд по согласию с чужею женою и в том изобличен будет, то муж в праве с нею развестись и с виновного получить должен девку без платы калыма; буде же развестись не пожелает, то виновные по усмотрению наказываются телесно.

И сей пункт также остается в своей силе.

122. Кто смешается из ближних родственников, тех по закону хотя следует убить, но из уважения иногда к родству наказывают по домашнему одни родственники, посторонние же в сие дело не вмешиваются.

Оставить в своей силе.

123. Естьли холостой с просватанною девкою сделает блуд без насилия, и она от него родит, то он непременно должен на ней жениться с платежем калыма, в противном случае подвергается смерти.

Оставить в своей силе не подвергая однакож виновного за несогласие жениться и за неплатеж калыма смертной казни, но полагать на него штраф по примеру воинского 176 артикула по рассуждению суда для содержания матери и младенца.

124. Кто с просватанною девкою сделает блуд, по добровольному с нею согласию, то отец девки должен занебрежение дочери отдать жениху сверх одной еще другую девку, как и соделавший блуд обязан отдать ему таковую же. Калым же за первую получает отец от жениха сполна, а виновный в блудодеянии сверх той девки платит жениху 27 разных скотин, или отдают его в работники, буде платить не в состоянии, ежели не согласится жених взять виновного в работники, то наказывают его жестоко плетьми и потом делает свободным.

Как в том состояла собственная воля самой невесты, то отца за несмотрение можно подвергать по их обыкновению ко взысканию другой девки, за тот же калым, который за первую следовал, но взыскание с виновного девки и скота признается излишним, его можно наказать за блуд, по примеру 176 воинского артикула; только плетьми, не более как от 25 до 30 ударов не отдавая в работники.

VII. О зажигательстве

125. Кто что от неосторожности зажжет, или по полю пустит огонь и

Как за неумышленный пожег и по § 194 устава об инородцах

тем причинит вред, никакого иску не полагается.

126. Кто сделает пожег умышленно, и в том изобличен будет, тот за все должен заплатить, и ежели в пожаре сгорит человек, то взыскивается Кун; в противном случае и буде чего на пополнение убытка доставать не будет и волость за него как за первое, так и за последнее не заплатит, то подвергается виновный смерти.

никакого взыскания не положено то и оставить пункт сей в настоящей его силе.

За умышленное зажигательство по воинским 178 и 179 артикулам взыскивать с одного виновного, а не с волости, весь убыток от того причиненный, и по наказании его кнутом ссылать в работу.

VIII. О воровстве и грабеже

127. Ежели кто у кого жену отнимет без согласия жены, то наказывается виновный смертию; а буде с согласия жены, то платит калым, или отдает вместо ее лучшую девку.

Отнятую силою жену возвратить первому ее мужу, а с виновным поступать по примеру 187 воинского артикула, впрочем относительно согласия на то самой жены, то решение предмета сего оставить на их Киргизском обыкновении.

128. Буде кто слугу отнимет, то платит за оного скотом ту сумму, чего слуга стоил.

Слугу преимущественно обращать прежнему его хозяину или по обыкновению Киргизскому взыскивать с виновного ту сумму, чего слуга стоил, а сверх того по указу 1754 года мая 13 дня 11 пункта подвергать еще виновного и денежному штрафу, в пользу того же хозяина.

129. Естьли слуга продаст господина своего, то слуга должен обратить продавцу все, что им было получено сполна; а ежели полученный товар, или скот, уже утрачен, то выдают слугу вместо господина тому, кто его купил. Буде же покупатель купил господина за знамо, то платит ему полный кун, или наказывается как покупатель, так и продавец смертию.

Отменить и поступать по Воинскому 187 артикулу.

130. Кто чужого человека украдет и продаст, то платит виновный обиженному полных полтора куна.

Отменить и поступать по тому же 187 воинскому артикулу.

131. Ежели кто отнимет у кого какую вещь, или скот, то возвращая отнятое, или вместо оных таковые-же вещи, хотя полагается сверх того платить в штраф 27 скотин больших и малых, но решают-

Сей пункт, полагая и штраф за самоуправство, но не более 9 скотин, допускается согласно с Киргизским обыкновениям.

ся большею частию только на 9-ти скотинах.

132. Кто на пути кого ограбит вооруженною рукою, то ограбленное возвращается сполна и сверх того платит в штраф лошадь и халат; но буде при том побьет и поранит, то обиженный пользует от ран на счет виновного, и сей платит еще в штраф лошадь и халат, или обиженный в праве сделать ему такиеже раны, как им сделаны были, или же платит за обе вины 9 скотин больших и малых.

Вовсе отменить и поступать с виновным по воинскому 185 артикулу с толкованием, взыскивая все ограбленное из имения виновного сполна.

133. Ежели кто ночью ворвется в дом и ограбит, то соображая сумму ограбленного по количеству оной платит штраф 27 или за малый грабеж 9 скотин больших и малых; буде же ничего не ограбит, то только одну лошадь и халат. А если при грабеже побьет и поранит, то полагается штраф 22 $^1/_2$ разных скотин. Буде же при том грабеже на пути, или в дому кого убьет, платит в два с половиной, противу полного Куна, первый за убивство, второй за грабеж, а половина куна полагается за брошение мертвого тела на степи; но ежели убитое тело останется в доме, то платит только кун в полтора раза.

Тоже отменить и поступать с виновным по 185, а в случае убивства по 154 воинским артикулам, взыскивая все ограбленное из имения виновного сполна.

134. Ежели кто без оружия ограбит, то удовлетворив сполна иск. виновный обязан заплатить в штраф лошадь и халат.

По указу 3 апреля 1781 года причесть сие к обыкновенной краже и соображаясь с количеством суммы украденного поступать в решении дел таковых по Российским узаконениям, принимая по § 207 устава о Киргизах все кражи, доколе нравы их образованием не изменятся, в числе исковых дел, а не уголовных и по указу 1821 года ноября 24 взыскивать с виновных за употребленную на производство дел гербовую бумагу деньги.

135. Кто сделает кражу в первый раз скота, или имения, то удовлетворив сполна иск, полагается штраф смотря по сумме; ежели кража маловажна и не превышает одной лошади, то платит 9; а ежели свыше то второе, и именно 27 скотин, да

Поступать по вышеупомянутому же указу и согласно изданным в последствии узаконениям.

сверх того ежели вор был один то одну, а ежели их было два, то двух платят лошадей и так далее, но не выше уже семи лошадей, сколько бы воров не было.

136. Кто во второй раз пойман будет на воровстве, тот сверх иску платит штраф половинный кун, а за третью кражу полный кун или наказывается за сию последнюю смертию.

137. Ежели во второй и третий раз сделает воровство несколько человек, то сверх иску отбирается от каждого лошадь и халат, но смертию уже не наказывается.

138. Иск покраденного, отнятого или ограбленного располагается на всех участвующих в сих преступлениях.

139. Кто купит или продаст краденое зазнамо, тот причитается к ворам и по состоянию вещи платит таковую же; за воровство же полагается взыскание с ближних, т. е. одной волости киргизов, в трое против покраденного, а с посторонних волостей, за малую вещь 9 животных; но буде кража сделана была суммою свыше одной животной, то в трое, и именно 27 штук скота.

140. Ежели кто от голоду, или бедности что украдет, то дабы впредь он воровством не промышлял и другим не было повадно, должен заплатить украденное, а есть-ли платить нечем, то отдает из детей своих одного в услужение или сам идет к истцу в услуги.

141. Кто у кого имения выкрадет и пойман будет, платит за всякую вещь в трое, а ежели кража была из животных, то по присуждению общества полагают за одну лошадь трижды девять т. е. 27 штук разного скота.

142. Кто сделает отгон, или баранту скоту или лошадям безвинно, то с того обращается таковая баранта сполна; равным образом обя-

Отменить и поступать по тем же указаниям.

В решении поступать тоже по Российским узаконениям.

Оставить в своей силе, придерживаясь впрочем указу июля 14 дня 1765 года.

Отменить и в решении поступать по Российским узаконениям единообразно без различия, той ли, или другой посторонней волости Киргизами сделана кража.

Сей пункт некоторым образом согласен с толкованием на 195 артикуле, но в случае не имения у виновного к платежу иска отдавать его или одного из детей истцу не в услуги, а для заработания только одного иску полагая за работу по указу 1736 года июля 19 дня не менее как в год по 24 рубля и отдавать для заработования преимущественно посторонним, а не самим истцам.

Отменить и в удовлетворение иска поступать впредь по указу 14 июля 1765 года.

Как по Уставу о Киргизах 206 § баранты причислены к уголовным преступлениям наравне с грабежем, а по §. 106 запреще-

зан виновый удовлетворить претендателей и в том, ежели они во время погони за барантовщиками что-либо у себя повредили, или утратили, более же никаких наказаний не полагается.

143. Кто сделает баранту в отмщение за таковую же и отгонит более нежели сколько у него было угнато, то излишнее возвращает претендателям и тем дело оканчивается.

144. Ежели кто на ком ищет бою и грабежу и ответчик только в одном бою признается, то наказывается за сие от братьев: на счет же грабежа, в котором обвиняемый не признался, обязан претендатель чрез родных своих дать присягу, и ежели оную примет, то иск свой получает сполна; подобно тому решаются и те дела, если кто в грабеже признается, а в бою будет делать запирательство.

145. Таким же порядком дела решаются и по другим претензиям, т. е. если ответчик признание сделает не во всем иску, а только в какой-нибудь части оного, то претендатель для удостоверения в остальном иске доставляет из своих родных на присягу одного человека по назначению ответчиком и по принятии оным присяги получает свой иск, а буде на присягу никого не доставит, то взыскивается с виновного только та вещь, какую претендатель опознал, или на том, в чем ответчик сделал сознание.

146. Кто видя разбой или убийство помощи не даст, такового человека ругают безбожником и недостойным человеком, коим и должен пренебрегать всякой.

147. К кому будет прислежен след, покраденой лошади, или скотины, а он тот след не отведет, то истец и ответчик оба являются к судье, который определяет учинить смотр грязи, или снега, и по удостоверению когда ко двору след дошел и выводу нет, тогда ответчик платит в штраф сверх иску 9 штук

но Киргизам мстить и делать поиски, то виновных и предавать за сие суду по указу 3 апреля 1781 года пункт 3 и 6.

Поступать по положению выше сего на 142 пункте.

Дела сего рода решать по 136 статье 10 главы Соборного уложения.

Отменить и поступать по той же 136 статье Соборного уложения.

Поступать по 53 статье 21 главы Соборного уложения.

Дела сего рода решать по 60 статье 21 главы Соборного уложения.

разного скота и причитается к воровству буде же следов к Аулу не окажется, а только мнительно полагается сумнение в скрытии лошади или вещи аулом, таковые очищаются присягой, тоже если прислежен будет след к табуну, и след сей скотом смят будет, или в ненастную погоду и следу не будет, а подозрение есть на аул, или табунщиков, а они сделают отрицание, то очищаются присягой же.

148. Ежели жена и дети о воровстве знали, таковые остаются без спросов и без взыску; ибо строго запрещается на старшего выводить что либо, от жен объявления о сем не принимается, то ежели сын будет выводить воровство на отца, то донос принимается и судится настоящим порядком, ежели же сын не объявил о воровстве отцом сделанном, то в вину также ему не поставляется.

149. Кто с пожару что либо украдет, с того за вещь в трое налагается взыскание, за лошадь же 9 разных лошадей, тоже и за рогатую скотину 9 скотин, а за барана, три барана.

150. Ежели сын или дочь обкрадут отца или мать, то первого наказывает отец сам, а дочь наказывает мать нещадно, ежели они обокрав родителей бегут, то по поимке сверх наказания отбирают украденное. А буде промотают, то только их наказывают. Ежели же они покажут, что украденное передали кому либо в посторонние руки, а потом в получении не признается, то должен очиститься присягой, или заплатить переданное; боле же штрафу не полагается.

151. Ежели обкрадет жена мужа, то оную муж наказывает за первое воровство, и за второе сам собою, за третье же жесточае, а если и еще учинит воровство, таковую выгоняют вон на свою родину.

152. Естьли сын или дочь, будут на отца или мать доносить, о каком-либо злодеянии, то по доносу

Отменить и поступать с женами и детьми, знавшими о воровстве по 2 Отделению 88 статьи 21 главы Соборного Уложения, в отдаче же их для заработывания выти руководствоваться вышеписанным на 140 пункте положением, назначая женам годовую плату противу мужей в полы.

Покраденое при пожаре взыскивать и возвращать хозяину без всякого излишества, с виновным же поступать по 191 воинскому артикулу.

Наказание родителям детей своих за учиненную у них сими последними кражу, как и за побег, оставить на их Киргизском обыкновении, но с тем, который укрывал детей бежавших от родителей, или принимал от них краденое, поступать по вышеописанному на 140 пункт положению и. Соборного уложения по 25 и 26 статьям 11 главы и по 5 статье 22 главы.

Сие оставить решить во всем по принятому Киргизами обыкновению.

Доносы детей на родителей о злодеяниях принимать и производить следствия, но впрочем

сына Судья или Бий рассматривает на перед поведения отца, и ежели отец честного жития, а сын свидетелей и ясных доказательств на донос свой не имеет, то сына наказывают плетьми без счету, от дочери же никаких изветов на родителей не приемлется.

153. Буде кому что на сохранение дается, а он утаит и запрется, то если он человек уважаемый в народе, должен дать присягу, за недостойного же обязан принять присягу другой из его родственников, а буде тот и другой от присяги отзовутся, то виновный должен заплатить все то, что дано было на сохранение.

154. Естьли достойный и недостойный присягою оправдаются, а после того откроется, что он действительно утаил бывшее у него на сохранение имущество, то причитается к воровству и платит сверх иску штраф за малое 9 штук скота, а ежели иск составляет более, то в трое, т. е. 27 штук, разного скота.

155. Естьли кто кому даст на сохранение лошадь, скота или что ни есть, а у него украдут, то оный должен дать знать о сем по родству своему и по волости и после сего остается в утрате прав, буде же истец объявлению сему не поверит, то обязан подозреваемый дать присягу, какую на него положат. А когда о выкраденном у него никому не объявит, тогда платит какая вещь, или животного, чего стоила без всякого штрафа и к воровству не причисляется.

156. Ежели кто что найдет в поле или в Ауле, и не объявит никому с намерением, найденным воспользоваться, а после отыщется тому найденному хозяин, тогда оное отбирается и остается скрыватель бесчестным человеком, коего всякой должен поносить утаителем и не принимать в общество.

157. А когда кто найденное объявит родственникам или волости,

партикулярные их претензии не только не принимать, но и поступать в том по 6 статье 22 главы Соборного Уложения.

Само по себе разумеется, что отдаватель на сохранение должен иметь доказательства или свидетелей, и ежели есть доказательства или свидетели под присягою утвердят ссылку на них отдавателя, то принявший на сохранение обязан удовлетворить иск сполна.

В изыскании справедливости поступать по 153 пункту сего положения, а в удовлетворении иска и наказании виновного по воинскому 193 артикулу.

Пункт сей в решении оставить по обыкновению Киргиз.

В сем случае поступать по воинскому 195 артикулу.

Пункт сей как согласный с толкованием на 195 артикул,

то тот остается в уважении от народа и из найденного по состоянию вещи получает от потерявшего из вещей четвертую, а из скота 8 часть, или что истец дает ему и тем доволен бывает.

оставить при их Киргизском обыкновении.

158. За обман чем либо для своей или чужой корысти, виновный наказывается плетьми до знаков на теле.

Сей обман по указу 3 апреля 1781 года причитается к воровству и мошенничеству, а потому и следует поступать по тому указу.

159. Кто подделанную вещь продает за настоящую, тот по изыскании, извергается от общества и взыскивается с него вещь настоящая.

Тоже причитается к воровству мошенничеству и следует поступать с виновным по 8 статье указа 3 апреля 1781 года.

160. Естьли мастеровой что испортит, или во всем материале запрется, то полагается испорченное исправить без наказания, а за утайку материалов Судья определяет претендателю на присягу и буде даст оную, то получает иск свой с ответчика.

Испорченное неумышленно предоставить мастеру исправить, или вновь построить на свой собственный счет, утайку же и запирательство во взятии материалов, по изобличению причесть к воровству мошенничеству и поступать по указу 3-го апреля 1781 года, не отдавая ни в каком случае претендателю на присягу, но всегда по не имению свидетелей ответчику.

IX. По исковым делам

161. Естьли кто кому что заложит на время, а у него закладную вещь украдут; собственное же имения залогопринимателя останется все в целости, то залогопринимательдолжен дать присягу, а когда оной не доставит, то платит за всю поклажу без штрафу.

Пункт сей решить по 194 статье 10 главы Соборного уложения.

162. Естьли во взятии в залог вещей или скота, кто запрется, то претендатель обязан тоже дать присягу и по доставлении оной получит весь свой иск, буде же присяжных не доставит, тогда отказывается судом ему от иска.

В сем случае поступать Уложения 10 главы по 189, 190 и 191 статьям допустив по оным не только письменные, но и словесные доказательства, или свидетелей.

163. Если заложенное сгорит от небрежения, то приниматель залога повинен оный заплатить, буде же сгорит неумышленно и при заложении было условие между залогодателем и принимателем при свидетеле, чтоб более сего с первого пос-

В случае спора поступать по 194 статье 10 главы Соборного уложения.

леднему не взыскивать, тогда полагатель вещи от платежа долгу остается свободным и убыток обращается уже на счет принимателя залога; буде же при сгорении вещей свидетелей не было и между тем и другим произойдет спор, тогда залогодатель должен утвердить показание свое присяжными.

164. О сдохшем заложенном скоте от болезни, если приниматель даст знать в то же время посторонним, то оный виновный не причитается.

Оставить решение по сему согласно их Киргизскому обыкновению.

165. Если залог в срок не выкуплен и превышает полученную в одолжение сумму, то приниматель удовлетворяется из того залога только на сумму одолжения; остальное же возвращается залогодателю; буде же залог стоит менее того одолжения, то должник обязан остальным удовлетворить залогопринимателя.

Оставить и сей пункт решать по Киргизскому обыкновению, хотя последнее и не совсем согласно с уставом о банкротах.

166. Если залогоприниматель небрежением своим залог испортит, то должен возвратить оный должнику по настоящей цене, а сей заплатит ему долг свой.

Оставить пункт сей решить по принятому Киргизскому обыкновению.

167. Кто взяв у кого какой товар, или скота для продажи, промотает, и заплатить будет нечем, то таковой идет в услужение к верителю товара, или скота за то и другое.

Поступать в сем случае по указу 1736 июля 19, как в оном о должниках предписано, отдавая однокож должника в работу, преимущественно пред истцом посторонним, кто взять пожелает с платою в год не менее 24 рублей.

168. Кто самовольно займет стойбищем или скотом чужие места, то оного только сгоняют с места, а присмотрщиков бьют и тем дело решится без дальнего взыскания.

Оставить сие решить по их Киргизскому обыкновению, но наказание присмотрщиков предоставить рассмотрению Управляющего Аулом а не самоуправству.

169. Кто юрты или строение какое изломает, или другое что испортит, то виновный платит весь убыток сполна и сверх того в штраф лошадь и халат.

Оставить при их Киргизском обыкновении.

170. Кто вытравит скотом чужие луга, или выкосит траву, определяет Судья за вытаптывание и за потраву по месту положения, чего

И сие предоставить решить по обыкновению Киргиз.

убыток стоил в половину взыскания, выкошенная же трава отбирается без всякой за труды платы.

171. Кто пойманную в потраве лугов скотину с голоду уморит или продаст дешево, а скотину сию у настоящего хозяина прежде торговали и давали ему дороже, то обязан таковой в том и другом случае удовлетворить просителя тем, чего действительно скотина стоила.

Поступать в решении по Киргизскому же обыкновению.

172. Кто чужие сети, капканы, или другие ловушки, с умыслу испортит, тот обязан за испорчение заплатить настоящую сумму и считается виновный в народе бесчестным человеком, а за воровство какой ни есть ловушки платит в трое.

В обоих случаях платить только за испорченное, или украденное, настоящую сумму, и с виновным поступать как за воровство, мошенничество в указе 1781 года 3 апреля и по следующими предписано.

173. Кто из чужих ловушек украдет добытое и узнают о настоящем воровстве, с того взыскивают в трое; недоказанное же воровство очищается присягой.

С виновным по изобличении поступать также по указу 3 апреля 1781 года как за воровство и мошенничество.

174. Кто в чужой даче, или в чужом Ауле вырубит лес, с того за спущение в лесу сучьев, как и за малую порубку лесу ничего не взыскивается, кроме как виновного прогоняют толчками.

Поступать с виновным по 220 статье 10 главы Соборного уложения.

175. Кто долгу на срок не заплатит и платить будет нечем, таковому дают отсрочку, ежели же и по отсрочке не заплатит, то обязан долг сей зарабатывать.

Решить дело по приведенному в 140 пункте сего положения указу 1736 года июля 19 дня.

176. Кто в долгу запрется, а порук и свидетелей не было, претендатель с ответчиком идут на суд к Судье, который определит с претендателя присягу, и если дает оную, тогда получает сполна иск, в противном случает лишается оного.

Буде претендатель на сумму ответчика никаких ясных доказательств и свидетелей не имеет, то не только допущать к присяге претендателя, но и ни в какое разбирательство входить не должно.

177. Ежели ответчик в каком нибудь иске быв обвинен и неразделался с просителем, умрет, то за него иск платит сын и совместно жительствующий с ним брат, также и те, кои в сем деле были участниками; не имевшие же участия и в разделе состоящие ничего не платят; ежели же ни детей, ни брата ни участвовавших после умершего не будет и имения у него

Оставить сие решение и впредь по Киргизскому обыкновению.

не найдется, то предают суду Божию иск сей.

178. Буде кто по ком ручается в платеже иску, а после будет не в состоянии платить, или же насрок не заплатит, оный обязан тот иск непременно заплатить, в случае же несостояния, буде истец не отсрочит, то поступает к нему в работники, а ежели кто поручаясь по ком в платеже иску после будет от того отрекаться, то должен выставить из Аула своего одного достойного принять за него присягу, на которой и решение потом основывается.

179. По всем делам сверх платежа иску, или куна, проторы и убытки должен платить виновный.

180. Кобылы, коровы и овцы, бывшие в чужих руках два или более, взыскиваются по добровольной отдаче с приплодом, какой был, кроме барантою угнатых; по сей баранте скот взыскивается только штука за штуку; ежели же приплод истец будет требовать более, а ответчик будет отдавать менее, то сей последний в неимении оного должен дать прислугу.

181. Кто наймется что либо стеречь, а оное у него покрадут, или скотина от болезни сдохнет, то должен о сем в то же время объявить хозяину, или сторонним людям, и тогда освобождается уже от взыскания, будеже не объявит, то платит иск сполна; равным образом буде от несмотрения сторожа утонет скотина в тине, в воде или ворву, то также обязан платить, что оная стоила; за раненую же от зверей и съеденную никакого взыскания не полагается.

182. Естьли кто в торгу обман сделает, то претендатель должен удостоверить сие присягою и буде таковое удостоверение представит, то иск свой получает сполна, в случае же обвеса, обмера и обсчита, учинитель оного обязан дать присягу в своей невинности, но когда присяги тсй на срок недоставит, то должен удовлетворить в иске обиженного.

Кто платить будет не в состоянии, с тем поступать по указу 19 июля 1736 года. Насчет же отрицания в поручительстве нужно, чтобы истец во время сделки сей имел еще двух посторонних свидетелей, или другие письменные доказательства, без того отзывающийся от поручительства, не может подвергаться взысканию.

Платеж проторов и убытков располагать по рассмотрению суда без излишества.

В решении дел насчёт приплода, поступать по 285 статье 10 главы Соборного уложения.

В решении первого обстоятельства, т. е. на счет покражи из за неприсмотра поступать по примеру вышеприведенных на 155, 161, 163 и 164 пункты правил. А в платеже за утонувшую от несмотрения и в оставлении иска за раненую, или съеденную зверьми скотину решить по Киргизскому обыкновению.

В маловажных исках не нужно требовать присяги, не только от ответчика, но тем менее еще от претендателя: ибо по словам в наказе данному комиссии для составления законов (пункт 125) изображенном, делание присяги чрез частое ее употребление весьма общего, ничто иное есть, как разрушать силу ее, а пото

183. Буде два, или три, сложа вместе капитал, пошлют одного кого либо торговать в другое место, а у него воры товар отнимут и воров сыскать будет нельзя, то сей поверенный обязан дать в том присягу и давши оную остается без взыскания, а когда откроется хотя-бы чрез долгое время, что он о покраже объявлял своим доверителям и присягу дал ложно, то взыскивается с него весь убыток сполна и ему более не делают уже доверия.

184. Кто вверенный ему товар промотает, с того взыскивается оной на срок по условию, а когда на срок не доставит, то задерживается сам виновный в услужение, если никто за него платить не будет.

185. Естьли чужая собака кого укусит и сделает раны, или платье издерет, а та собака пред сим никого не кусала, то оную отдают тому, у кого сделан ею вред, он же может ее убить, или у себя иметь; а когда собака пред сим уже вредила до трех раз, то хозяин обязан изорванное платье зашить и рану лечить, что будет стоить, а в добавок собаку выдает обиженному, более же никакого штрафу не полагается.

186. Кто чужую собаку убьет без всякой причины, платит таковую же

му и присягу по обыкновению Киргиз по содержанию Воинского процесса 2 части главы 5 употреблять следует только в важных и именно предписанных в той главе случаях. Маловажные же иски решить одним разбирательством без всякого письменного производства на основании Устава о Киргизах § 216.

По показанию поверенного необходимо нужно делать изыскание, где в каком месте, около каких качевьев и на какую сумму сделано было похищение? и кому объявлял ли он о том в степи, так же не истратил ли товары своим небреженем или распутною жизнью? и буде сего не откроется и похищение сделано на пустом месте в отдаленности от кочевьев Киргиз, то в таком случае поверенный обязан справедливость своего показания утвердить присягою; но ежели окажется, что товары им промотаны или утаены в свою пользу, тогда должно судить его как за настоящую кражу и поступать по Российским законам на основании Соборного уложения 10 главы 276 статьи.

Во взыскании с промотавшего товары поступать по Указу 19 июля 1736 года и Соборного Уложения 10 главы по 206 статье.

Поступать в сем случае по Киргизским обыкновениям и согласно 281 и 284 статьям 10 главы Соборного уложения.

Поступать тоже по киргизскому обыкновению и согласно

или барана, а кто не с намерением убьет, просит извинения, обороняя же себя, или в гости придет и убьет, никакого взыскания не полагается.

282 и 283 статьям 10 главы Соборного уложения.

187. Ежели собака, корова или бык, или коза, или баран на людей мечутся и учинят вред, и даже если умертвит, то за безсловесное животное никакого наказания и штрафа не полагается, а только ее самую отдают тому, кому сделано повреждение, или в род обиженному.

Поступать по 284 статье 10 главы Соборного уложения.

188. Кто чужею землею завладеет, от того отбирается оная хотя бы и чрез 15 лет, или с согласия смотря по пространству места, владеют оную; вообще, дальнего же взыскания не производится.

Оставить сие на решение по киргизскому обыкновению, кроме что срок иска полагать во всех случаях не 15, а только 10 лет, пропустившим же оный отказывать.

189. Кто опознает у кого лошадь, или другое что-нибудь, а тот скажет, что оное купил у неизвестных людей, то опознанное от него отбирается без всяких на то исследований, более же штрафу не полагается; а естьли действительно окажется, что лошадь им украдена, то сверх оной взыскивается еще в штраф 9 лошадей.

Решить дела сего рода по 52 и 53 статьям 21 главы Соборного уложения.

190. Кто опознает у кого что либо, а тот не будет отдавать ему той вещи, или лошади, тогда претендатель идет к судье с вещью или лошадью, судья определяет истцу дать присягу, и ежели сей доставит оную, то получает себе вещь или лошадь; более же ничего не взыскивается; а буде не дает присяги, то лишается иску.

Без доказательства со стороны претендателя не должно входить в разбирательство, а без исследования не можно удовлетворить претензии, и потому ежели будут доказательства и по исследованию претензия окажется справедлива, тогда не нужно никого приводить к присяге, но решить дело по открывшимся обстоятельствам.

191. Кто с умыслу что-либо к другому подкинет и будет жаловаться на того к кому вещь подкинута, что он будто-бы украл, то покусившийся на сие с ответчиком идет к судье, который прежде рассматривает обоих поведение, и когда покуситель окажется нечестного поведения, то ему не дают веры, буде же честен тот и другой, то очищается ответчик из родства своего присягою.

Отменить и решить дело по силе Соборного уложения 21 главы 54, 55 и 56 статьям.

192. Кто чужую охотничью собаку или беркута убьет, тот платит как за первую, так и последнюю калмыку, или по неимению оной 15 кобыл; в случае же недостатка к платежу примиряются признательностию, тем прощая один другому оставляют претензию.

Ежели истец неприменно будет требовать что-бы иск его был удовлетворен, то поступать в сем случае по 282 и 283 статьям 10-й главы Соборного уложения.

193. По исковым делам поверенные уполномачиваются при свидетелях, и ежели поверенный фальшиво согласится на решение дела в пользу противной стороны, то в невинности своей должен сам принимать присягу, или заплатить иск. Поверенному же тому, отыскивать ли тот заплаченный иск с того, с кем он стакался, или не отыскивать, предоставляется на волю.

Оставить сие на их Киргизском обыкновении.

194. Ежели кто будет иметь претензию ложно, должен у обиженного просить прощения, оставаясь в мнении публики клеветником.

Ежели дело сие примирением не окончится, то с ложным претендателем поступать по Российским узаконениям, и именно воинскому 148 артикулу и процессов 2 части I главы 2 пункту.

195. Ежели кто будет искать чего либо с прибавкою, а по разбирательству окажется, что иску следует заплатить меньше, то платится ему только настоящее, а что излишнее требовал, того уже не взыскивается; равным образом буде кто уже взыскал излишнее, то перебранное обращается по прежнему хозяину и тем дело решится.

Поступать за приписку излишнего иску Соборного уложения 10 главы по. 19 статье и по указу 1765 года июля 14 дня.

196. Ежели истец внеся просьбу, сам за делом ходить не будет, то оное дело остается без разбирательства и удовлетворения.

Поступать по 110 статье 10 главы Соборного уложения.

197. Кто похвалится на кого каким злым делом, а оного в действие не произведет, то того родственники наказывают плетьми до знаков и запрещают впредь таковые речи произносить.

По примеру 135 и 202 статьи 10 главы Соборного уложения оставить решение сего по Киргизскому обыкновению.

198. А естьли кто похвальные слова в действо произведет, такового напротив убивают, или по согласию родственники платят полный кун.

Произведшего в действие похвальные слова судить по мере вреда им учиненного и поступать в решении по Российским узаконениям.

199. Если после таковой похвальбы злодейство произведет другой, а не тот кто похвалялся, то пока ви-

Поступать с первым за похвальбу противу 135 и 202 статей 10 главы Соборного уложения,

новный еще не будет найден, за похвальбу в убийстве, или подобных тому злодеяниях, полагают на присягу двух родственников похвалявшегося; буде же той присяги не доставят, тогда платят полный Кун, а когда окажется в тоже время настоящим убийцею другой, то взыскивается уже с оного полный Кун; ежели же с похвалившегося Кун сей был прежде взыскан и убийца скоро откроется, то истец возвращая оный невинному, платит за притязание бывшим по нем на присяге 9 штук разного скота вообще с убийцом; будеже убийца откроется чрез долгое время, то платит тройной Кун.

кроме пытки, вместо которой производить строжайшее изыскание в открытии виновного в преступлении; когда же откроется виновный, то за сделанное им злодеяние подвергать его суду и наказанию по Российским узаконениям, отменив совсем принятое киргизами решение по их обыкновению.

200. Ежели сын, или дочь, быв уже помолвлены, вступить в супружество с другими без ведома родителей своих, таковых предают смерти, но когда сын, или дочь, первый ни у кого еще не сватал, а последняя тоже еще не была просватана, таковым позволено сочетаться и самовольно, отцы же из сожаления к ним решаются между собой калымом и платят за дочь 32 лошади, две калмынки, одного верблюда и одну лошадь лучшую, да за бесчестие по самовольству от родителей со стороны сына полагается 9-ть лошадей разных сортов и одна лучшая лошадь; ежели платить им будет не чем, то плату производят по исправе.

Первое т. е. предание смерти отменить, а за самовольство и бракосочетание без ведома родителей, предоставить виновных наказывать умеренно сына плетью, дочь розгами, а последнее насчет еще не помолвленных, оставить решением по Киргизскому обыкновению.

201. Ежели сын или дочь станут отпираться от родителей своих, что они не ими прижиты, таковых отец выгоняет из дому, лишает родства и не дает платья и животных, а сверх того приказывает с ругательством отыскать известного им отца, после сего никогда уже к себе их не принимает, и Судья принять таковых не может отца принудить.

Хотя по силе 22 пункта 11 главы Соборного уложения велено таковых детей пытать, но ближе признавается оставить решение сего обстоятельства по Киргизскому обыкновению.

202. Кто умрет бездетным, то жена если была у него только одна, поступает старшему брату, но ежели их было две, три или более, тогда берут братья, буде есть, тоже каждый по одной, только не иначе

Оставить сие на их Киргизском обыкновении, ежели муж не оставит по смерти своей детей, когда-ж будут дети, хотя один сын или дочь, то до совершеннолетия определить к ним и

как с согласия жены и отнюдь не принуждают их насильно итти в замужество, имение разделяют по части каждому хотябы их было до пяти братьев; ежели же жена не согласится быть женой большего брата, а выбрав из младших, который ей поглянется, т. е. средний или самый меньший, то тот должен заплатить большему брату, которому она по закону принадлежала 9 больших и малых скотин, в том числе одну хорошую лошадь; если же не пожелает жена быть в замужестве, то также насильно ее к тому не принуждают, равно имение и скот от нее не отбирается, но токмо смотрят за поведением ее все ближние родственники, дабы она не могла иметь связь с каким-нибудь холостым человеком, и утратить скот, или имение, естьли же пожелает она не за родственников в замужество, а за постороннего какого нибудь человека, тогда запрещения равномерно не делают, но имение скот берут родственники с мужниной стороны и делят между собою по части, а тот, который берет ее в жены, должен заплатить умершего братьям 26 разных скотин, в том числе одного верблюда и одну лошадь, когда же нет родственников ни дальних ни ближних с мужниной стороны, то сохраняется у ней скот в ауле, в котором живет; но ежели и жена умрет, то аул той волости употребляет на четырекратное поминовение из оставшегося капитала три части, а четвертой части половину отдают муллам за чтение алкорана, последнюю же тем, которые жили близ соседа старым и малым мужеска пола по частям, а женскому полу не дают ничего.

203. Ежели сын отдельный от отца умрет бездетен, то имение его поступает отцу его, а жена старшему брату точно таким же порядком как выше в 202 пункте сказано, ежели же братьев родных нет, то наследует тем сродный брат, и сродного нет берет двоюродный, к имению опекунов хорошего поведения; жене же, а их матери принадлежит законная из движимого имения седьмая часть.

Хотя по Российским узаконениям родители не должны быть наследниками имения детей, живших от них в разделе, но как собственностью киргиз располагать по Российским законам значило бы лишить их прав издавна у них существующих, а по-

будеже и сего нет, то наследует внук по линии родства и так далее, но тоже посягает в замужество жена не принужденно, а по своей воле, буде у умершего сына, нет уже отца, дяде один капитал, а дяди не будет наследует оным дед, буде же и сего нет и родства не имеет, то имение делится волостью в поминки муллам и соседам мужска пола, а женского ничего не определяется.

204. Детей оставшихся после отца или матери несовершенных лет, кои еще имением владеть не в состоянии, поручают ближнему родству под опеку, а ежели родственников нет, то посторонних достойных людей определяют к ним до возраста настоящего.

205. Равным образом и безумные сын или дочь оставшиеся по смерти отца и матери вверяются ближнему родству, а когда оного не имеется, то общество принимает их в свое покровительство посмерть безумных; после же того все имение делится на поминок муллам и ближним.

206. Отец и мать при здравом рассудке имеют права уделять посторонним в роде поминка из капитала своего только осьмую часть, а семь частей должны поступать непременно в наследство детям, более же они посторонним отдать не имеют права и общество того им не позволит.

207. Духовные или изъустные завещания делаются завещателями при родственниках и муллах на словах, а не на бумаге, которая у Киргиз почти не в употреблении; дети должны быть довольны тем, что отец или мать при жизни своей им завещают и хотя бы отец или мать одного из них наградили при смерти в двое более, то остается уже при нем и не отбирается равным образом и тот которому противу первого естьли бы дано было мало, претензий на оного иметь не может.

208. Кто кого назовет выблядком напрасно, то обиженный обидчика

тому и оставить сие решить по их обыкновению.

Статью сию оставить в своей силе, потому, что оная согласна с Российскими узаконениями, присовокупить только к тому, чтобы за действиями опекунов наблюдало и усчитывало их местное Начальство или Окружный Приказ.

И в сем случае поступать согласно вышеписанному на 204 статье положению.

Оставить сие также на правах Киргизского обыкновения.

По примеру изъясненному на 203 пункте, статью сию оставить на принятых киргизами правилах.

Вовсе отменить и с назвавшим выблядком поступать по 280-й

ведет заворот к Судье, который определяет бить его кулаками и пинками, что бы доказал отца, а когда не докажет, то теми ударами и решится дело; если же в говоренных словах будет запираться, тогда очищается присягой и буде названный выблядком действительно окажется таковым, то и претензия его остается без уважения, но прелюбодей отвечает за то своей головой или куном из животных законному отцу; естьли же холостой смешается с законною женою, таковые повинны смерти, но в случае не признания их в оном очищаются также присягой четырьмя человеками и избавляются тогда от казни и куна.

статье 10 главы Соборного уложения; о прелюбодеяниях жедела решать по вышеприведенному VI Отделения о Садомском грехе положению.

Подлинное подписали: Председательствующий
Колежский Советник Камаев

Марта 13 дня 1825 года

Омск.

Центральный государственный исторический архив, фонд Первый, Сибирский комитет, дело № 214, 1823 года, лл. 90 — 131.

МАТЕРИАЛЫ ПО КАЗАХСКОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ, СОБРАННЫЕ ЧИНОВНИКАМИ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ В 1846 ГОДУ

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

§ 64 «Положения об управлении Оренбургскими киргизами» от 14 июля 1844 года возложил на Оренбургскую пограничную комиссию обязанность «собрать и привести в порядок киргизские обычаи, имеющие в орде силу закона, дабы составить из оных род особого свода для руководства при производстве тех дел, которые должны разбираться и судиться на основании сих народных обычаев».[2]

В конце 1845 года Оренбургская пограничная комиссия предложила своим чиновникам, находящимся по делам службы в казахской степи, а также лицам, постоянно служащим в степи в качестве письмоводителей, переводчиков, попечителей и прилинейных казахов и др., собрать материалы о казахских обычаях, имеющих в степи силу закона и представить собранный материал в пограничную комиссию к 1 апреля 1846 года.

С начала 1846 года стали поступать рапорты. В Казахском государственном историческом архиве сохранились рапорты:

1) поручика Аитова от 26 февраля 1846 г.,

2) губернского секретаря Беглова от 12 марта 1846 г.,

3) младшего толмача (переводчика) пограничной комиссии губернского секретаря Лукина от 26 марта 1846 г.,

4) письмоводителя при правителе восточной части орды, губернского секретаря Половоротова от 26 марта 1846 г.,

5) попечителя прилинейных казахов Кастырина от 27 марта 1846 г.,

6) попечителя коллежского ассесора Александрийского от 29 марта 1846 г.,

7) исправляющего должность письмоводителя при правителе западной части орды Ячменева от 29 марта 1846 г.,

8) письмоводителя частного управления Средней орды Сосновского от 4/IV 1846 г.,

9) попечителя прилинейных киргизов Белозерова от 17 апреля 1846 г.

В большинстве рапортов указано место, где собирались обычаи.

При изучении этого материала обращает на себя внимание в первую очередь тот короткий срок, в течение которого были представлены ответы. Краткость и небольшой объем представленного материала, незнание казахского языка собиравших обычаи и то, что сведения в большинстве случаев были собраны у прилинейных казахов, конечно, снижают ценность данного материала.

Необходимо учесть, что в представленных материалах можно встретить совершенно ошибочные положения, не отражающие действительности, как, например, утверждение поручика Аитова, что суд биев — справедливый суд, основанный на народных обачаях, «которые будучи

---

[1] От составителей.

[2] См. П. С. З., т. XIX, отд. 1, № 17998.

введены с древнего времени, не изменяются и имеют одинаковую силу во всех киргизских ордах».[1] Ясно, что суд биев был судом классовым, отражавшим интересы феодальной знати, что обычаи, на которых основывался этот суд, оправдывали угнетение трудящихся и феодальную эксплоатацию и изменялись в зависимости от изменения экономических отношений. На характер суда биев более правильно указывал другой собиратель норм адата — попечитель Александрийский, говоря, что «степень судебной справедливости зависела не столько от силы и разумения судьи, сколько их пристрастия».[2]

В этих материалах встречаются повторения одного и того же характера.

Интересно, что описания казахских обычаев, представленные попечителем прилинейных казахов Белозеровым от 17 апреля 1846 года и исправляющим должность письмоводителя при правителе западной части орды Ячменевым от 29 марта 1846 г., почти дословно повторяют описание обычаев в рапорте поручика Аитова от 26 февраля 1846 г., что наводит на мысль о не совсем добросовестном отношении к порученному им заданию.

Но ценность этих материалов заключается, главным образом, в том, что 1) обычаи были собраны лицами, большинство которых продолжительное время и тесно были связаны с казахами и знакомы с их жизнью и бытом; 2) что лица, собиравшие обычаи, имели правительственную установку отображать объективно правила казахского адата и сами лично не могли быть заинтересованы в извращении их; 3) эти материалы отображают довольно подробно различные стороны юридического быта казахского народа, в частности, деятельность судов биев, апелляции на решения этих судов, роды наказаний, виды доказательств, правила при перекочевках, торговли, обмена, бракоразводных дел, опеки и другие.

В настоящем издании мы помещаем письмо председателя Оренбургской пограничной комиссии генерал-майора Ладыженского от 24 декабря 1845 года чиновникам пограничной комиссии, находящимся в продолжительных командировках в степи и на линии, а также письмоводителям при султанах-правителях и 9 вышеуказанных рапортов в том виде, в каком они сохранились в Казахском государственном историческом архиве.

Циркулярно

ЧИНОВНИКАМ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ, НАХОДЯЩИМСЯ В ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫХ КОМАНДИРОВКАХ В СТЕПИ И НА ЛИНИИ, А ТАКЖЕ ПИСЬМОВОДИТЕЛЯМ ПРИ СУЛТАНАХ ПРАВИТЕЛЯХ

В § 64-м положении об управлении оренбургскими киргизами, милейше утвержденного в 14 день июня 1844 г., изъяснено: «Оренбургской Пограничной Комиссией вменяется в обязанность озаботиться собранием и приведением в порядок киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона, дабы составить из оных род особого свода для руководства при производстве и решениях тех дел, которые должны разбираться и судиться на основании сих народных обычаев».

Для достижения в этом деле надлежащего успеха, по предположению моему, будут в свое время посланы особые чиновники, с полными

[1] См. стр. 76 настоящего сборника.
[2] См. стр. 89 настоящего сборника.

инструкциями и всеми необходимыми средствами. Между тем, ваше благородие (или высокоблагородие), ныне находитесь постоянно среди киргиз, где легко можете изучить некоторые отрасли народных обычаев, на которых более или менее основан принятый в орде порядок суда и расправы, по встречающимся предсказаниям вашим разного рода делам общественным, частным и семейным, то пользуясь этим удобным случаем для приобретения также и ваших наблюдений могущих быть в своем месте полезными, я поручаю вам озаботиться — между прочими служебными занятиями — составлением описания, в основательном виде все то, что доселе вами по этому предмету достоверно уже и что по распросам или по наблюдениям своим открыть успеете.

Для большей видимости не лишним считаю указать вам на нижеследущие параграфы (того же Положения об управлении оренбургскими киргизами), которыми достаточно объясняются общие пределы ваших по этому поручению занятий:

§ 56 — Киргизы Оренбургского ведомства по делам в измене, убийстве, разбоях, баранте, захвате русских и в возмущении своих соплеменников против правительства судятся военным судом.

§ 57 — За воровство, кражу, воровство-мошеничество у прилинейных и других жителей свыше 20 руб. серебром, корчемства, насилие всякого рода и тайный переход чрез линию Киргизы судятся в Пограничной Комиссии гражданским — уголовным судом на основании общих узаконений.

§ 58 — В исках между киргизами, превышающих 50 руб. серебром, дела также решают в Комиссии по общим государственным законам.

§ 59 — По всем другим маловажным преступлениям и по искам ниже 50 руб. серебром киргизы в орде разбираются и судятся по народным своим обычаям под наблюдением известного киргизского начальства.[1]

Из этого усмотреть можете, что предметами ваших наблюдений, должны быть только дела и преступления, определяемые § 59, то есть, — не подлежащие общим законам империи. Разумеется, что сверх того, останется вам следить также по мере возможности за основаниями народного права по делам семейным, как-то: опеки, наследства, брака и т. п., а также по делам торговли, относительно права мены, продажи, долгов и прочее. Причем, вы не должны упускать лучше вникать в силу и значение народных обрядов например: свадебного, погребального, принятых обыкновений при перекочевках и так далее.

Успех в этом поручении зависеть будет от вашего внимания, при случаях, которые представляются вам кстати между делом. К непременному же исполнению по части этих занятий обязываю вас следующим: 1) От сведущих ордынцев, с которыми встречи у вас могут быть коротки, постарайтесь узнать отличаются ли значительно в своих обычаях и обрядах одни киргизские роды от других и если окажутся известные

---

[1] Данная подсудность была установлена Положением об Управлении Оренбургскими киргизами от 14 июля 1844 года и относилась только к казахам Малого и части Среднего жуза. Временное положение об управлении Тургайской области 1865 г. и Временное положение об управлении в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях 1868 г., расширили подсудность суда биев и оставили в подсудности русских судов все как уголовные, так и гражданские дела между представителями различных народностей и наиболее важные уголовные дела между казахами (измена, сопротивление власти и возбуждение к сопротивлению власти, похищение казенного имущества, убийство, разбой и т. п.). Последние законодательные акты царского правительства подтвердили примерно это же положение. (Сост.).

изменения, то укажите на главные из них, с поименованием рода или племени, отступающего в чем-либо от общих народных правил.

2) Употребите старание приобрести положительные сведения о том, — кто из биев более уважаемы и более известны по уму и опытности, в тех киргизских родах, которые будут ближе к вашим наблюдениям; причем необходимо знать, где лица те имеют обыкновенно свои летние и зимние кочевки, и к каким принадлежит отделениям.

Все относящиеся до дела этого замечания свои, имеете привести в порядок и доставить мне не позже 1 числа апреля будущего 1846 года.

24 декабря 1845 г. Верно: *Помощ. Протокол. Вроблевский*

ЦИА КазССР, ф. 4, д. 2798, лл. 3 — 5.

Его превосходительству
председателю Оренбургской пограничной комиссии,
господину генерал-майору и кавалеру

Поручика Аитова

РАПОРТ

По предписанию Вашего Превосходительства от 24-го декабря минувшего года за № 871, составив две записки: одну о Киргизских обычаях, имеющих в степи силу законов и относящихся до решения дел по преступлениям и проступкам, а другую, о обрядах наблюдаемых при перекочевках и при погребении умерших, имею честь представить оные Вашему Превосходительству и донести, что невозможно определить, кто из биев более известны по уму и опытности, потому, что каждый бий старается разобрать и решить дела киргизов справедливо и без малейшего отступления от обычаев, которые будучи введены с древнего времени, не изменяются и имеют одинаковую силу во всех киргизских родах.

Впрочем, если бы бий при разбирательстве и решении какого-либо дела отступил от обычаев, то претендатель имеет право отнестись к другому бию или султану, которые обнаруживают несправедливость и дело воспринимает другое правильное решение. По редкости таковых случаев, это почитается между киргизами важнейшим происшествием и разглашается по орде. После того киргизы, для разбирательства претензий не являются уже к бию, обличенному в несправедливости. Итак, никто из биев не согласится быть оглашенным в отступлении от принятых обычаев, старается решать дела правильно и тем привлечь к себе внимание ордынцев. Первая из представляемых записок заключает все преступления и полагаемые за них наказания. Я не ограничился объяснением одних тех преступлений, кои по закону должны бы разбираться и судиться в степи по народным обычаям: и сии преступления невозможно определить, тем более, что они служат иногда началом к важнейшим преступлениям, в особенности к возрождению баранты, которая в степи, на дальнем расстоянии от линии, совершается безнаказанно, почитается, как бы делом правым. А потому киргизы, захваченные по баранте и выданные на линию для суждения, хотя бы были удалены из своей родины, однако, же от этого баранта не только не прекращается до того времени, когда она кончится разбирательством и решением по народным обычаям; но даже те, кои захватили осужденных и сосланных, должны заплатить родственникам их кун, положенный за смер-

тоубийство. Вероятно, Правительство имело это в виду и постановило законом принимать в соображении, при решении дел о преступлении киргизов нравы их, наклонности и понятия. Закон этот, как не вошедший в свод законов, едва ли известен Комиссиям военного Суда, где производятся дела над киргизами обвиненными в баранте.

Обстоятельство это я долгом поставил объяснить Вашему Превосходительству для соображения, не признаете ли Вы полезным исходатайствовать о смягчении меры наказания за баранту, которая строгостью наказания, обвиненным в оной, не прекращается, но усиливается взысканием Куна за осужденнных и сосланных.

Продолжительная служба в Пограничной Комиссии и частые командировки в киргизскую степь доставили мне случай узнать причины, которые вовлекают киргизов в хищнические действия против линейных жителей и которые основаны на обычаях народных. О причинах сих, если Вашему Превосходительству благоугодно предписать мне, я буду иметь честь донести для соображения Вашего при распоряжениях к прекращению беспорядков происходящих со стороны ордынцев.

Поручик Аитов

№ 6-й
26 февраля 1846 г.
г. Оренбург

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 7 — 8.

О киргизских обычаях, имеющих в степи силу законов

Всякое преступление, какого бы рода не было, сделанное Киргизами в степи разбирается и решается Биями, в каждом роде, отделении и подотделении имеющимися, которые отличаются опытами справедливости и безкорыстия.

Дела Киргизов всегда разбираются и решаются словесно по жалобам претендателей.

По роду преступлений, наказания определяются согласно принятому между Киргизами с издревле обычаю, который заключается в следующем.

О наказании за смертоубийство

1. За умышленное смертоубийство Султана, виновный платит ближайшим наследникам убитого Кун[1] в две тысячи, или в тысячу пятьсот баранов, смотря по тому, в какой степени уважался между Киргизами убитый Султан.

2. За убийство Старшины, Бия и простого киргиза, виновный платит Кун, состоящий в одной тысяче баранов.

3. Кто сделает не умышленно смертоубийство в драке, или не предвидимо и случайно, то платит кун в половину умышленного преступления, т. е. за убийство Султана тысячу, или 750 баранов, а за Старшину, Бия и Киргиза 500 баранов.

4. Если сын или дочь убьет отца, то делается разбирательство, с намерением или без намерения сделано смертоубийство? В первом случае преступника присуждают к смерти, которая совершается та-

---

[1] Кун в теснейшем смысле есть выкуп от наказания, или вознаграждение за преступление.

ким же образом, каким (он или она) произвел отцеубийство. За неумышленное преступление не полагается наказания и обстоятельство это предается суду Божию.

5. Буде сын, или дочь убьет мать, в таком случае, ближайшие родственники убитой, взыскивают с убийцов или родителей их и родственников Кун, установленный за убийство.

6. Если отец или мать убьет сына, или дочь не замужнюю, то хотя бы родители и обвинялись в смертоубийстве; но взыскания никакого не делается и поступок их предается воли Божьей.

7. Кто убьет жену свою, с того взыскивается ближайшими родственниками ее кун, какой положен за постороннего убитого.

8. Если же жена убьет мужа, то она подвергается смертной казни.

9. Случается, что родственники убитого не соглашаются, чтобы им за убийство заплочен был кун и требуют, дабы виновного казнить смертью В таком случае казнь совершается, буде не представится препятствия, как ниже сказано.

10. Если родственники убийцы не желают, чтобы он был казнен смертью, то домогаются принятия Куна и если со стороны родственников убитого не будет на это согласия, то предоставляется дело решить с обеих сторон поединком. Избранные для этого Киргизы выходят на единоборство с холодным оружием и действие оканчивается смертью одного из них.

О наказаниях за телесные повреждения, причиненные другим

11. Если кто причинит на голове кому либо рану, то Бий удостоверяется в какой степени рана сделана, т. е. когда голова прорублена или пробита до черепа без повреждения оного; в таком случае, взыскивается с виновного незначительный Кун по решению Бия.

12. Кто прорубит, или пробьет кому голову и повредит череп, тот платит в Кун четвертую часть против того, что полагается за убитого. Впрочем тот может увеличиться, или уменьшиться, по назначению Бия, смотря в какой степени опасна рана.

13. Увечье обоих глаз и лишение зрения, увечье ушей и лишение слуха, и увечье рук и ног и приведение их к бездействию и выбитие зубов, вознаграждается, если человек останется в этом положении жив, взысканием с виновного в пользу его Куна, какой положен за пять человек убитых, т. е. за члены каждого рода, как за одного убитого человека.

14. Впрочем прежде нежели определено будет в пользу изувеченного взыскание Куна, отдается он для излечения, на счет виновного причинившего ему увечье. По прошествии некоторого времени, свидетельствуется изувеченный, и по числу остающихся неизлечиными членов, полагается Кун, как выше сказано. Если же изувеченный во время лечения его умрет, то платится кун положенный за одного убитого человека.

15. Буде кто подвергнется увечью или повреждению одних из членов, т. е. одного глаза, руки и проч. в таком случае виновный в этом должен заплатить Кун в половину против убитого человека, за каждый поврежденный член.

16. Кто изувечит и повредит у другого персты и пальцы, тот платит Кун за каждый поврежденный перст и палец по 100 баранов. Если же один из перстов или пальцев будет изувечен и поврежден, то Кун платится по определению Бия принимая в соображение степень увечья и повреждения.

17. В случае, если бы виновные в смертоубийстве и в телесном пов-

реждении не в состоянии заплатить за убитого Кун, то платит за них родственники, или одноаульцы. Плата это может быть по обстоятельствам отсрочена и на продолжительное время, но взыскание платы не прекращается за давностью и переходит на наследников виновных, родственников их и одноаульцев. Кун получается в таком случае ближайшими наследниками тех ордынцев, коим он в свое время следовал.

Наказание за воровство и баранту

18. Если украден будет скот или другое имущество, то хозяин отыскивает виновного в краже и требует от него возвращения собственности. Когда виновный не удовлетворит требование, тогда претендатель, отправляется вместе с ним к Бию для разбирательства и решения. Буде по разбирательству окажется подозреваемый виновным в краже, он не только должен возвратить украденное, но сверх того, по решению Бия, отдает претендателю по девяти вещей каждого рода из имеющегося у него имущества. Впрочем иногда это взыскание увеличивается вдвое, втрое и более. Претендатель, получив сии вещи, дарит их по своему произволу другим Киргизам, даже родственникам обвиненного, но у себя оставлять, отдавать своим родителям и родственникам не должен. Если же таковые вещи оставит у себя или отдаст сии последним, то поставляется это ему в бесчестие.

19. Кто из подозреваемых в воровстве не пойдет по требованию претендателя вместе с ним к Бию для разбирательства. тот признается уже виновным и взыскивается с него украденное, и проч. изъясное в 18 статье, несмотря ни на какие оправдания.

20. Когда по решению Бия претендатель не получит удовлетворения, по запирательству ли подозреваемого, или по недостатку на уличение его доказательств, но имеет уверенность, что он действительно сделал у него кражу, тогда возвращается в свой аул, объявляет о сем своим родственникам и одноаульцам и о своем предположении произвести в ауле виновного баранту, которую при удобном случае совершает с приглашенными им ордынцами.

21. Если баранта произведена с успехом, то по возвращении барантовщики рассказывают о сем происшествии родственникам своим и одноаульцам, а отбарантованный скот и другое имущество сохраняют у себя, впредь до времени.

22. Те киргизы, у коих отбарантован скот и другое имущество, присылают от себя к барантовщикам избранных ими ордынцев и требуют возвращения отбарантованного. Претензии по этому предмету обеих сторон разбираются Бием и если не будут окончены, по какому либо случаю, то производят взаимные баранты, часто продолжающиеся несколько лет. Они не иначе оканчиваются, как обыкновенным разбирательством Бия и вознаграждением которой либо стороны по решению его, но при сем не требуется ни с кого по девяти вещей из имущества.

23. Если Киргиз, сделавший против своих единоплеменников преступление, будет выдан на линию для законного поступления, то несмотря, что виновный будет осужден по Российским законам, наказан и сослан, обиженные им не прекращают свою претензию и требуют от родственников его и одноаульцев вознаграждения, смотря по степени преступления. Буде дела такого рода не решаются взаимным примирением, в таком случае прибегают к решению Бия и буде при этом не кончатся, то обыкновенно возгорается баранта.

Взыскание по личным обидам

24. Кто кого ударит без повреждения членов, или будет произносить ругательства и по разбирательству окажется в этом виновным, тот по решению Бия должен отдать обиженному в вознаграждение, что-либо из своего имущества, скотом или вещами, которые претендатель не оставляет у себя, а дарит Киргизам (ст. 18).

Браки и последствия от оного происходящие

25. Условия о бракосочетании детей бывают, или когда они находятся в малолетстве, или в юношеском возрасте. Родители и родственники, предположив женить своего сына на избранной ими девице, посылают для сватовства уполномоченного к родителям или родственникам ее. Он делает им предложение, на которое, если они согласятся, то назначается калым (плата за невесту). Часть оного отдается немедленно после сего. Затем в продолжении времени калым уплачивается постепенно. Со стороны родителей невесты или родственников ее, при самом заключении условия, делаются уполномоченному и родственникам жениха подарки, по состоянию их.

26. В течение времени, когда калым еще не выплачивается, жених часто посещает свою невесту. Вблизи аула, где она жительствует, отводится ему особая Кибитка. Ближайшие родственницы невесты днем часто посещают его. Вечером приходит к нему одна невеста и с ним ночует в кибитке. Но притом строго наблюдается, чтобы жених не совокуплялся с нею; за нарушение сего, в особенности насильственным образом, по решению бия, отказывается ему в невесте, а притом он не только лишается своего отданного в калым имущества, но даже отбирается у него лошадь, на коей приехал и платье, в коем тогда находился и с тем вместе жестоко наказывается телесно; иногда же, смотря по значительности родителей невесты, смертной казнью.

27. По уплате калыма, совершается в ауле невесты бракосочетание по обряду Магометанскому. Новобрачные должны непременно ночевать первую ночь после сего в этом ауле. Затем, если новобрачная целомудренна, то по окончании обычного пиршества, новобрачный увозит ее в свой аул. Буде она окажется не целомудренною, в таком случае делается розыскание, кто в этом виновен, новобрачная или муж ее. В первом случае отказывается он от нее, берет обратно калым и разглашает о поведении ее. Если же он лишил ее целомудренности, то поступается с ним как выше сказано (ст. 26).

28. При увозе новобрачной мужем, она непременно должна взять с собой Кибитку, одежду и наряд предварительно для нее приготовленные.

29. Если сосватанная невеста, откажется по каким либо причинам от замужества, то отданный за нее Калым возвращается по принадлежности. Буде эти причины произошли от поступков жениха или родственников его, в таком случае Калым не возвращается, так же не возвращается Калым, когда жених откажется без всякой причины взять ее замуж.

30. Когда Киргиз, имеющий сосватанную невесту умрет, или будет за преступление удален из Орды, то она должна выйти замуж за ближайшего его родственника.

31. По истечении некоторого времени пребывания новобрачной у мужа, она приезжает в гости к родителям своим, или родственникам, которые должны сделать ей, по состоянию, подарок.

32. Когда родятся у ней дети мужского пола, то они в малолетнем возрасте, приезжают к деду и бабке с материной стороны, а в случае смерти сих последних, к наследникам их, кои непременно должны сделать им подарки из вещей, самими малолетними выбранных. Впрочем, если бы не было на это согласия, то малолетние берут выбранное ими насильственно, или тайно, не подвергаясь за это взысканию.

33. После смерти киргиза, вдовы его непременно должны выйти замуж за ближайших родственников умершего. Но бывает изъятие, когда вдовы имеют своих детей, при коих остаются они не замужними.

34. Когда жена укроется от мужа и станет жить у другого ордынца, тогда муж требует возвращения ее к себе. Она по решению Бия наказывается за укрывательство телесно, при собрании посторонних людей.

35. Киргиз соблазнивший к таковому поступку женщину, по решению бия подвергается взысканию в пользу мужа ее по девяти вещей из каждого рода имущества (ст. 18).

36. Если девица, имеющая от роду не менее 12 лет, скроется от родителей и станет жить у постороннего киргиза, то родители ее отдают замуж за этого Киргиза, по предварительному о том с ним согласию и назначению Калыма.

Опека над детьми и имуществом

37. Дети оставшиеся после смерти отца поступают под опеку матери, которая в таком случае, уже не принуждается к выходу в замужество. Она управляет имением, до совершеннолетия их, когда они сами вступят в распоряжением оным.

38. Дети оставшиеся после смерти отца и матери поступают вместе с их наследственным имуществом, под опеку ближайших родственников своих, до совершенного возраста мужского и до выхода в замужество женского пола.

ПРИМЕЧАНИЕ: По обыкновению совершенный возраст считается у Киргизов по минование 15 лет от рождения.

39. Если дети сироты, по достижении совершенного возраста узнают, что из имущества их часть, или все родственниками утрачено, то приносят о сем жалобу Бию, по разбирательству и решению которого возвращается по принадлежности утраченное имущество; более же никакого взыскания с виновных не делается.

Торговля

40. У Киргизов не имеется в обращении денег; они сбывают вещи своего произведения и скот променом на другие вещи и другого рода скот, в коем они имеют потребность. Часто случается, что они отдают вещи свои и скот в долг, с условием уплатить за них в назначенное время, в исполнении чего должник обязан представить поручителей. Если должник по какому либо случаю не заплатит долг в назначенное время, то кредитор сначала требует от него долг, а если он не в состоянии, то от поручителей по нем. В случае уклонения сих последних от уплаты, кредитор прибегает к разбирательству Бия, по решению которого, если действительно должник не в состоянии уплатить долг, то взыскивается с поручителей по нем, но процентов не полагается, хотя бы должник не удовлетворил кредитора от условленного срока в течение продолжительного времени.

О порядке разбирательства дел и решения их

41. Когда принесена Бию какая либо жалоба, то он заставляет претендателя и ответчика сесть рядом. Претендатель при Бие и других присутствующих объясняет свою жалобу во всей подробности после чего ответчик, или признается в выводимом на него преступлении и удовлетворяет претендателя, или отрицается от оного. Претендатель, когда уверен в справедливости своей жалобы, то Бий по настоянию его решает такого рода дело присягою, которую не ответчик должен принимать, но два или более из его родственников, или одноаульцев известные по лучшему поведению, и испытанных в знании правил Магометанского закона.

Свидетели удостоверившись предварительно в невинности подозреваемого, принимают в том присягу и тем оправдывают его. Если же по обстоятельствам не примут присяги, то обвиняется подозреваемый в взводимом преступлении.

42. Когда окончена будет претензия, тогда при Бие и других ордынцах претендатель и ответчик берут веревку каждый за концы, перерезывают ее в знак, что они прекратили свою вражду и не будут один к другому иметь ни малейшей неприязни.

Аппеляция на решение бия

43. Если претендатель не будет доволен решением Бия, то приносит о сем жалобу другому Бию или же Султану, который расспрашивает о существе дела и решения. Смотря по обстоятельствам оного внушает ему, что дело решено правильно, буде же встретит некоторое в том сомнение, то лично при бытности претендателя объясняется по этому предмету с Бием решившим дело, а потом представляет ему собрать ясные доказательства к делу и в присутствии своем решить вновь оное.

Поручик Аитов

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 9 — 16.

О обрядах, наблюдаемых киргизами при перекочевках и при погребении умерших

Перекочевка

Киргизы, по наступлении весны, когда снег будет таять и земля на возвышенных местах обнажится, перекочевывают, с зимнего своего пребывания на другие места. За несколько дней до перекочевки они советываются со старейшинами своими относительно назначения места, на которое должны перекочевать и время к начатию передвижения аулов. С раннего утра дня, назначенного для перекочевки, мужчины и женщины наряжаются в лучшие платья, первые с оружием при себе гонят вперед скот, а женщины следуют за ними с Кибитками и другим имуществом. Прибыв на место новой кочевки, мужчины назначают места, где должны стоять Кибитки их, а женщины, устанавливают оные и укладывают привезенное имущество.

Таким же образом перекочевывают Киргизы с одного места на другое в течение лета, а осенью, по приближении холодного времени, отправляются на зимнее кочевье.

Погребение умерших киргизов

По смерти какого либо из Киргизов, ближайшие родственники приводят немедленно в исполнение, сделанное им завещание, относительно раздела имения детям, и родственникам его. Когда окончено будет погребение, совершаемое обыкновенно, по Магометанскому закону, родственники умершего делают подарки муллам за чтение по нем молитв и приглашают Киргизов для поминовения его, которое состоит в угощении кумысом и мясом. Поминовение делается три раза в разное время, а именно, по прошествии от смерти семи дней, сорока дней и одного года. Последнее поминовение отличается, от первых роскошным угощением многочисленного собрания Киргизов, которые для того приглашаются из других аулов. По окончании поминовения делаются скачки на лошадях и происходит между Киргизами борьба и другие увеселения. За лошадей отличившихся против других и Киргизам отличившимся силою и искусством в борьбе, отдаются призы, предварительно приготовленные. Все это происходит до самой ночи, а по окончании Киргизы разъезжаются по своим аулам.

Поручик Аитов

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 17 — 19.

Получено 29 марта 1846 года.

Его превосходительству председателю Оренбургской пограничной комиссии господину генерал-майору и кавалеру Ладыженскому

Губернского секретаря Беглова

РАПОРТ

В исполнение предписания Вашего Превосходительства от 24 декабря прошлого года за № 864, имею счастье при сем представить Вашему Превосходительству составленное мною собрание сведений, о принятых порядках, суде, расправе, семейных обычаях и обрядах Ордынцев, кочующих в районе Уральского Укрепления.

№ 17
12 марта 1846 года

Губернский секретарь — Беглов.

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 19.

Собрание сведений, о принятых порядках суда, расправы, семейных обычаях и обрядах ордынцев, кочующих в районе Уральского укрепления

12 марта 1846 года

1. В измене между ордынцами, кочующими в районе Уральского укрепления, о существующих у них в обычаях прав я не мог достигнуть сведений.

2. За убийство Киргизы по своим обычаям судятся Султанами, Биями и почетными Киргизами. Виновный отдает претендателю тысячу баранов, или другим скотом на это количество, (это пеня называется Кун), ежели не имеет участников то уплата куна разлагается на всех по равной части. Сверх этого еще отдает виновный одного служителя из персиян, какого-либо пола (если нет такового то обязан купить) одного верблюда покрытого хорошим ковром и одну лошадь (это называется Кара-Гилям, Кара-Нар). Из прописанного выше количества тысячи баранов,

ближний, он же родственник берет половину, а другая делится товарищами сопровождающими его для взятия куна. Разбиратель дела получает с виновного молодого верблюда и еще с него взыскивается старый лучший верблюд под названием Ханская часть, которая если нет ханского поколения, то остается у претендателя. Совершенно же бедный виновник, отдается на волю претендателя, который может с ним поступить, как хочет, даже имеет право убить. Иногда оканчивают сделку миролюбиво с уменьшением Куна а часть производителя дела и ханская часть должна быть взыскана. В окончании иска по их обыкновению претендатель и ответчик берут в руки небольшую веревку, посторонний разрезает ее, которому ответчик должен отдать лошадь (обстоятельство это называется тшаукисте).

3. За учинение разбоя и отнятие чужой принадлежности виновный, один или несколько их обязаны возвратить все вполне ими отнятое и сверх того в виде наказания отдается обиженному, с каждого участвовавшего в разбое по одной лошади и халату. Есть ли же в разбое на стороне невинных будет учинено убийство, тогда начавшие разбой платят **кун,** когда же обороняющиеся убьют зачинщиков, то они не подвергаются никакому взысканию. За разбой и отнятие имущества по каким-нибудь известным причинам, есть ли отнято будет, более, или менее следуемого количества, тогда при суждении делается расчет между ними и иск прекращается. В случае убийства последних, первые начавшие разбой должны платить кун (о взыскании которого поступается как изъяснено во 2-й статье) последние же если и учинят при том убийство первым, то оно остается без внимания. Разбирательство учиняется теми же лицами, как сказано во 2-й статье.

4. За учинение без всяких причин Баранты по осуждении Султанами, Биями, почетными Киргизами, весь скот возвращается хозяину, если при том случится убийство в числе обиженных, тогда взыскивается с виновных **кун.** Есть ли же защищающиеся от барантовщиков убьют их, то они, не подвергаются никакому взысканию. Посылаемые от Судей, есаулы, для возвращения удовлетворения обиженного, от него получают за труды свои со всякого десятка, какого бы то ни было рода скота по одному (это называется **эсаул-хака,** т. е. плата за труды).

5. О правилах суждений Ордынцев за захват Русских и возмущения своих соплеменников, против Правительства, при разговорах с ними, я не мог добиться сведений.

6. За воровство, кражу, воровство-мошенничество, у прилинейных и других жителей, расправляются теми же лицами, как сказано во 2-й статье.

Уличенный в краже движимого, или недвижимого имущества на стоимость трех верблюдов, по разбирательству Ордынцев, должен возвратить похищенное хозяину, если же он растратил, то обязан заплатить долженствующую плату. В наказание виновный подвергается лишению жизни, или взысканию по нижеописанным степеням.

За кражу одного верблюда отдает три раза по девяти, т. е. двадцать семь голов, заключающих три верблюда и двадцать четыре лошади, за два верблюда, вдвое, за три втрое и так далее.

За кражу одной лошади, или коровы, тоже три раза по девяти, двадцать семь голов заключающих: одного верблюда, девять лошадей, одного двух-годовалого теленка и шестнадцати баранов, и так далее за каждую лошадь, или корову, пеня увеличивается, как описано выше.

За кражу одного барана, взыскивается по вышеприписанному порядку, также двадцать семь голов, заключающих одну лошадь, одного двух-годовалого теленка и двадцати четырех баранов. По окончании

прописанных этой статьи сделок, Ханская часть, также с виновного взыскивается.

7. За насилие всякого рода, расправляются своими же судьями. Если отнята будет чья либо собственность, то оная возвращается обратно, а в наказание виновный еще должен отдать претендателю лошадь и халат. В изнасиловании женского пола, виновный штрафуется также. В древности же обоих лишали жизни.

8. За тайный переход через линию, правил осуждений Ордынцами я не мог достигнуть.

9. Иск между ордынцами в больших и малых, количествах прекращается возвращением взятого количества вещей, движимых, или недвижимых, в случае же утраты полное удовлетворение. Это разбирается, также своими же почетными лицами.

10. Опека после смерти родителей, малолетних детей поручается до пятнадцатилетнего возраста родственниками; есть ли таковых не будет, то благонадежным Ордынцам. По совершеннолетию Опекун обязан отдать все принадлежащее им имущество вполне, с которым они уже могут поступать по своему желанию.

11. Наследство по смерти родителей или родственников предоставляется первому в родстве, а есть ли нет родственников, тогда близкому знакомому. Все по смерти покойного при живых детях отдается младшему мужского пола, а женскому ничего не предоставляется, только получивший наследство обязан дать сестрам воспитание до замужества. При живой матери, деда и бабушки, младший сын не предоставляет наследства, а обязан, есть ли они бедны давать содержание. Жена по смерти мужа, если выйдет в супружество при наследнике, тогда отдается только один верблюд. Оставшие по смерти отца дети женского пола, при ближних родственниках мужского, не пользуются наследством, которые за то обязаны воспитывать их до замужества.

12. Обряд бракосочетания Ордынцев начинается сватовством. Желающий вступить в брак, посылает к ордынцу с которым хочет породниться, сватать своего родственника, а если нет тогда знакомого, который решается и условливается отдать родителю, родственнику или воспитателю за калым сто двадцать баранов, одного служителя из Персиян, а если такового нет, то заменяют шестидесятью баранами, одного верблюда (который называется янымагалым: еще одного верблюда) этот называется калымтия (одну лошадь), называемою теат. По отдаче калыма жених отправляется к невесте секретно и берет с собою, для подарков, пять голов скота состоящего из трех верблюдов и двух лошадей, из вещей разного сорта девять (это называется илю). По приезде останавливается в палатке, для него поставленной в отдалении от аула, где отдает воспитателю невесты привезенные подарки и последний в благодарность делает угощение, после этого вечером воспитатель невесты в своей кибитке близ дверей приготовляет приличную постель, при которой ночью жених ожидает невесту, которую родственники женского пола приводят для свидания к жениху, за что жених дарит женщинам лошадь; при рассвете жених отправляется обратно в палатку, что продолжается дня четыре, после чего возвращается в свой аул. В другой раз жених отправляется с двумя товарищами. К воспитателю и берет подарков, для невесты, двух верблюдов и кибитку с половинными кошмами, по приезде туда, дает воспитателю, для свадебного угощения двадцать лошадей, который и приготовляет угощение и сзывает родственников и всех ближних Ордынцев, на свадебный пир; при чем бывает скачка и разные по их обычаям увеселения. После этого жених

должен условиться отдать воспитателю невесты, одного служителя двадцать лошадей (это называется никах-аста) вечером призывается знающий обряд закона, или грамотный, который по закону Магометанскому читает молитвы и совершает бракосочетание и соединяет их. Ему за венчание дается один баран. Воспитатель при отправлении молодых дает приданое пятнадцать верблюдов, навьюченных каждый разным хорошим имуществом, а для молодой — двух лошадей, одного иноходца, и дорогого скакуна.

13. Торговля Ордынцев в степи с посторонними народами производится через выменивание своих избытков на чужие произведения; по существующим обстоятельствам других народов. Иногда по неимению в настоящее время избытков, выменивают в долг с рассрочкою отдачи до известного времени.

14. Обряд погребальный совершается по принятому Магометанскому обряду.

15. В обычаях и обрядах Ордынцев одних родов от других, кочующих в районе уральского укрепления, в разговорах с ними различий не оказалось.

16. Более других по уму и опытности Ордынцами уважаются:

У Чумекеевцев; Сарымова отделения Бий Турган Анаев, прошедшаго лета кочевал близ новой линии, нынешнюю зиму близ Уральского укрепления. По смерти прошлого лета Килдибаева отделения значительного Бия Утятляу, остался сын его Пирхле и Болкиева отделения почетного же Бия Сартая умершего в Марте месяце настоящего года остался сын его Тампыч, прошлаго лета кочевали близ линии, а зимою сего года в районе Уральского укрепления. Каратамирова отделения почетный Бий Темир Сарыев и Сарбаева отделения почетный Бий Бутбай Кучукбаев, летом кочевали близ линии, а нынешнюю зиму в районе Уральского укрепления.

У Чиклинцев: Кичкининова отделения Бии Джангузя Нурмамбетов и Кульбай Иралин летом кочевали на этой стороне реки Сыр-Дарьи, а зимою в районе Уральского укрепления.

У Дюрткаринцев: Сейткулова отделения Бий Биркинбай Кюбеков, Куламанова отделения Бий Джаныс Шигаев, Канысбекова отделения Бий Бигали Чунгарин и Байбекова отделения Бий Кувандык Бутбаев летом кочевали близ линии, а зимою в районе Уральского укрепления.

Губернский секретарь — Беглов

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, стр. 20 — 25.

Получ. 2 апреля 1846 г.

Его превосходительству председателю Оренбургской пограничной комиссии господину генерал-майору и кавалеру Ладыженскому

Исправляющего должность младшего Толмача Пограничной Комиссии Губернского Секретаря Лукина

РАПОРТ

Вследствие предписания Вашего Превосходительства, от 24 декабря минувшего года за № 866, о составлении описания киргизских народных обычаев, имеющих в Орде силу закона, для составления из них род особого свода к руководству при производстве и решения тех дел, имею

честь представить замеченное мною, по сему предмету, на благорассмотрение Вашего Превосходительства следующее:

По преступлениям означенным в § 59 положения об управлении Оренбургскими киргизами, киргизы разбираются и судятся по народным своим обычаям:

Есть ли кто либо из киргизов сделал покражу и не сознается в том, то истец должен представить, по крайней мере, двоих свидетелей, которые могли бы уличить вора; тогда один из них, при обвиняемом и посторонних лицах, по назначению истца, принимает присягу в справедливости показаний его и обвиняемый тогда беспрекословно уплачивает за покраденное.

Иногда сам обвиняемый принимает присягу, в удостоверение его невинности, чем и прекращается претензия истца.

Если же истец не имеет свидетелей и никаких доказательств к улике обвиняемого им, а одно только сильное подозрение на него в краже, то явившись в аул к ордынцам, подозреваемого в краже лица, кочующим вместе с ним требует, чтобы, по избранию его, один из однородцев его, утвердил присягою невинность обвиняемого, тогда старшие его родственники стараются узнать, через распросы и увещевания, точно ли он сделал покражу, и есть ли обвиняемый сознается им, то удовлетворяют истца.

Есть ли же киргиз подозревается в краже, уже не в первый раз и однородцы терпят от него разорение; то по общему приговору однородцев, он удаляется из того аула, и кочует один.

Если же однородцы или одноаульцы лица, подозреваемого в краже, знали о том, или пользовались вместе с ним похищенным, и есть ли истец подозревая кого-либо из однородцев их в краже, потребует от одного из них присяги, в утверждение невинности подозреваемого им лица, тогда однородцы платят уже истцу всем родом или аулом.

В случае убийства человека, есть ли виновный будет изобличен в том, платит в семейство или родственникам убитого, полный кун (тысячу баранов), или половину куна, и отдает в то же семейство в жены девку; за повреждение же члена платит виновный половину, или какую нибудь часть куна, смотря по важности увечья, как например: глаза, руки, ноги.

Киргизы привозят на линию, для мены: кошмы, быков, баранов, овчины, верблюжью шерсть, шкуры, тулупы, козий пух и т. п., меняют все это, большею частью, на муку, крупу и берут часть денег. Между собою же ведут торг и мену одним скотом. Киргизы отдают в долг скот и получают тем же. Есть ли же киргиз отдает в долг годового барана, или бычка, то на другой год получает уже двух годового, на третий трех-годового и т. д.

Киргизы, на вырученныя деньги, с линии закупают: сукно, холсти, выделанныя кожи, бязь, китайку, железо, чай, сахар, табак, деревянную посуду, лекарства для пользования скота: скапидар, невть, нашатырь и т. п.

Тело умершего Киргиза хоронится в первый день смерти его, и никогда не оставляется до другого дня; если он умер ночью, в таком случае оставляется до утра. При совершении погребального обряда, из имущества умершего, есть ли оно есть, все священные особы (муллы), которые находились при том обряде, получают подарки: скотом и вещами; а при зарытии могилы иногда и посторонние, смотря по состоянию умершего. Родственники делают поминки умершему — через семь дней после смерти, а потом через 40, 100 и наконец через год.

По смерти мужа, жена его, должна выйти замуж за одного из братьев умершего, если они есть, преимущественно за старшего, причем получает из имения умершего мужа осьмую часть; прочее же имение остается детям умершего. Братья умершего могут избавить жену его от замужества; и тогда она выходит замуж уже по своему произволу.

При разделе наследства жены умершаго, каждая получает по осьмой части, прочее же разделяется между детьми умершаго, а именно, сыновья получают по полной части, а дочери по половинной, т. е. две дочери получают часть равную части сына. Если после умершаго остаются дети, то они поступают под надзор одного из братьев умершаго до их совершеннолетия.

Киргизы имеют одну, две, три и четыре жены, но не более. Жена всякого киргиза есть раба его, исполняющая беспрекословно его волю, на ней лежит вся обязанность хозяйства по дому. Если же киргиз имеет две жены, или более, то старшая из них замужеством имеет надзор над домом, имуществом и детьми мужа. Разводов у киргиз не существует, как у других магометан, но по домашним ссорам и неудовольствиям, муж отпускает жену кочевать отдельно между его однородцами.

Киргизы откочевывают с зимних на летние кочевки в начале и половине Апреля месяца, и приходят на зимние в конце Октября. При перекочевках на новыя места один из старших в ауле за несколько до того дней осматривает места, для новой кочевки, где должна быть вода и подножный корм скоту, и исправляет переправы через реки, озера и гати, если они при перекочевке могут встретиться, после чего в ауле делается совещание, — и по общему согласию весь аул перекочевывает на новыя места, которыя выбираются иногда очень близко от прежних: в 3,5 верстах и более в 20 — 25, но никогда почти не превышает более 30 верст.

Однородцы более кочуют вместе — отделениями, как на примере в Тама-Табынском роде: Ачибекское, Кужанбердинское и другия. При перекочевках киргизы отправляются вперед на новые места; а перевозят на верблюдах кибитки и имущество — их жены, дети и работники.

Сватовство у киргизов бывает старшими семейств — еще в малолетстве нарекаются жених и невеста, по согласию отцов их, или братьев. Иногда отцы, находясь в дружбе, дают друг другу слово соединить детей своих, хотя они и очень малы; что еще более связывает их дружбу. Часто случается, что находясь в дружеских сношениях, двое, не имея еще детей, дают слово, есть ли будут у них, у одного сын, а у другого дочь, соединить их и таким образом сын, не видавший никогда невесты, исполняет священную волю отца своего. Невеста до совершеннолетия живет у отца в доме. Жених, по совершению брачного обряда, берет ее в свой аул, где жена его ставит новую кибитку (утау).

При сватовстве отец жениха назначает плату (калым) отцу невесты от одной до пяти джигармы (два десятка рогатого скота, или лошадей, каковую джигарму заменяет 60 баранов); и платит по совершении уже брачного обряда.

Игры и увеселения Киргизов однообразы и редки, как например: скачки на лошадях и верблюдах, борьба, стрельба в цель из ружей и стрелами. Скачки бывают на праздниках, которые делают ордынцы. Тогда, дающий праздник ставит скачущим призы, как например: верблюда, лошадь, нескольких баранов, халаты, куски материи и прочее, при борьбе призы бывают менее. Скачки бывают на свадьбах, также

на годовых праздниках: Курбан-байрам (жертвоприношение) в месяц Зулхиджи, после поста (ураза), который продолжается 30 дней, в месяце Рамазане при новорожденных мужского пола и обряде их обрезания, и по умершем.

Бии, уважаемые ордынцами по уму и опытности: в Табынском роде Таучалова отделения Баджик Бишбаев (ныне начальник 10 Киргизской Дистанции) кочует летом по рекам: Илеку и Хобдаш — зимой против. Григорьевского форпоста, и Таминского рода Атачинова отделения Кунчурбай Бутбаев (Начальник 11 Киргизской дистанции), летом кочует по реке Буржаме, зимою противу станции Красногорской.

Народные обычаи в родах: Табынском и Таминском, как узнал я от следующих ордынцев, ни сколько не отличаются от обычаев других киргизских родов.

Губернский секретарь — Лукин

26 марта 1846 года
№ 31
Форпост Изобильный

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, стр. 26 — 29.

Получено 3 апреля 1846 года

Его превосходительству господину председателю Оренбургской пограничной комиссии генерал-майору и кавалеру Ладыженскому

Попечителя Александрийского

РАПОРТ

Собранныя мною сведения о суде и расправе между киргизами, равно о правах их — Семейных и других, также обрядах и обыкновениях, имею честь при сем Вашему Превосходительству представить.

Коллежский ассесор — Александрийский

№ 130
29 марта 1846 года

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 30.

Замечание о суде и расправе киргизов, о правах личных, имущественных и семейных, некоторых обрядах и обыкновениях их

Начало судебной правды у киргизов

Законоположение у кайсаков, до подданства их России, как и у всех необразованных пастушеских племен, — основывалось на тех началах как и во времена Авраамовских: старшие в роде и уважаемые обществом лица, чинили суд и расправу, приспособляли правду свою к времени, месту и той степени нравственного порядка, на котором стоял тогда этот народ; причем и степень судебной справедливости, зависела не столько от силы разумений судьи сколько их пристрастия. Такая правда необходимо подчинялась случайностям и произволу; следовательно и не была еще правдой.

Благодательное влияние Империи, ограничило это зло патриархальное, распространением действий своих законов на киргиз, в слу-

чаях ведущих военное бедствие или двух частных лиц, или двух целых обществ, предоставив однако же им право разбирательства при маловажных исках и жалобах, по ихнему обыкновению. Так обиды, мошенничество неустойка в долговых обязательствах; кража и воровство, не превышающие определенных границ, подвергаются собственному суду и расправе кайсаков.

Форма судопроизводства

Претендатель обращается со своей жалобой или к ордынскому начальнику, или к биям и вообще людям пожилым и известным своей правдой. Собравшиеся судьи, не приступая к выслушиванию претензий, спрашивают истца и ответчика: довольны ли они будут судом их? В знак совершенной благонадежности, те бросают на пол свои нагайки и становятся (справедливее, сидят на коленях) на колени около седого ареопага; один по правую, а другой по левую его сторону; водворяется тишина и претендатель излагает свою просьбу. За тем следуют ответы обвиняемого, улики первого и опровержения последнего. Есть ли доказательства обвинителя равносильны защите обвиняемого, то судебная коллегия подвергает их обоих **шарагату** — духовному увещанию, а если недостаточно и этой меры, то требует присяги на подтверждение правоты иска от почетного лица со стороны претендателя. По приведении таким образом дела в ясность, подсудимые равно и посторонние высылаются из судебной палаты (кибитки). Теперь началось совещание и подача голосов судейских в разрешение дела.

О хранении прав личности и имущества

За обиды, мошенничество и кражу виновные наказываются взысканием из имущества их в пользу обиженного и всегда с лихвой, часть которой предназначается в пользу судей и на общее угощение по окончании суда; неимущий же ответчик подвергается телесному наказанию, если не найдет благонадежного по себе поручителя в уплате присужденной.

За воровство, виновный подвергался прежде уплате превосходящей девятью девять раз ценность украденного, но этот разорительный для виновных и благодетельный для судей закон, ослаблен в настоящее время между ордынцами, вмешательством в права их линейных властей и наклонностью самих ответчиков искать расправу судей русских.

Не излишним считаю представить здесь о всеобщем кредите между киргизами, который до того распространился, что трудно найти взрослого киргиза, который не был бы кому-либо должен, или не замешан в поручительство у других, или не имел бы сам должников. Причина этого явления — недостаток между кайсаками монеты, заменяемой скотом и другими невмещаемыми в карман материалами их производительности; но как скота, кожи, шерсти и т. под. предметы, кроме их неудобообращения, не всегда выгодно отдавать и не во всякое время сходно принимать, то обстоятельство это крайне пугает киргизов в исках и в делах ихней коммерции, при чем слова: дебет и кредит невольно внедряются между продающими и покупающими, как необходимое подспорье при недостатке денег и не сподручности материалов заменяющих оную. А по тому и судно-полицейские меры против несостоятельных должников крайне слабы.

Права семейные

Власть родительская у киргизов, была прежде слишком неограниченна над детьми, но ныне не выступает из пределов законом империи определенных.

За оскорбление родителей и неповиновение власти их, — дети того и другого пола подвергаются сначала телесному наказанию; при повторительных же огорчениях отца или матери изгоняются из среды семейства без всякого пособия и предоставляются собственной участи, впредь до смягчения родительского гнева.

Жалобы детей на родителей, весьма малоуважительны, и если бы оказались весьма важными, то большей частью оканчиваются увещаниями судей и вознаграждениями за их беспокойство и за расходы красноречия.

Обязанности супружества

При дозволенном религиею многоженства и настоящих понятиях о женщине, униженной Мугамедом самые тяжкие исполнения достаются на долю слабого пола. Безусловное повиновение воле мужа, деспота и все труды домоводства на ответственности ея. Непослушная и ленивая жена, кроме побоев, может быть даже отторгнута от супружества, мужем тунеядцем.

Разврат и распутство

Подвергают виновных телесному наказанию, если они бедны, богатый же выплачивает определенную судом часть из имущества своего отцу соблазненной (если была девица) или мужу (когда замужем). Участницы преступления предоставляются мерам семейного взыскания, которое для девицы ограничивается ворчаньем стариков и маленьким стеснением свободы их, но женщина должна бояться или ревности мужа, или полномочия его на расторжение с нею супружества.

Расторжение супружества

Поводом к разрыву супружеского союза бывают следующие причины:

1. Нерасположение мужа к жене, особливо когда она сварливостью или другими неприятными качествами усилит это нерасположение. Выведенный из терпенья муж произносит ей отвержение, словом: талак и пораженная оным рабыня, как бы не любила своего деспота, должна оставить его и своих сыновей, дочерей же имеет право брать с собой. Отторгнутая талаком женщина, по уведомлении о том муллы, со стороны мужа, имеет право вступать в другое супружество, но не ранее 2-х месяцев и 10 дней после своего изгнания.

2. Нерасположение жены к мужу, усиливаемое другими дурными свойствами, которые вынуждают ее просить и даже покупать у мужа своего талак баин согласие на расторжение.

3. Распутство жены и другие нестерпимые качества порождают талак мугаллаза, при котором, отторгнувший от себя жену муж может опять взять ее к себе, но не иначе как после супружества ее за другим.

Наследство

По смерти мужа достояние его наследствуют сыновья, а жена если не стара, выходит замуж за его же родственника, который обязан принять на свою ответственность дочерей ее. Если у покойника сыно-

вей не было, то наследство переходит к его брату, или другому ближайшему родственнику из мужчин, который обязывается дать приют в своем ауле и всякое вспомоществование вдове и дочерям ея.

Опекуном к малолетним сыновьям усопшаго конгресс из родственников, избирают честнейшего и достаточного из среды своей. Его обязанность: блюсти и прирощать хранимое для малюток. Опекун, лют и небрежный подвергается должному взысканию из собственности за растраченное.

Долги покойного, дознанные действительными выплачиваются из имущества его.

Недостаток уложения на права поземельные

Сообразно роду жизни киргизов, бывшему нерасположению к земледелию и обширности занимаемых ими степей, у них вовсе не видно постановлений, относящихся до определения прав на владение по земельным. Это обстоятельство порождает много запутанности, споров и распрей между прилинейными кайсаками, принимающихся за земледельчество, особливо в районе между линиями, где по отсутствие ясных границ с владениями войсковыми киргизы подвергаются всевозможным неприятностям черезполосности.

Гостеприимство

У кайсаков, как и всех кочевых народов мугаметанского закона, хотя далее не истреблялось благое обыкновение об обязанностях гостеприимства и странноприимства, но обязанности эти от корыстного злоупотребления соседей приняли в настоящее время, самую неблаговидную сторону. Нет истинного разумия в гостеприимстве киргиза, если не предвидет он пользы и вознаграждения, со стороны посетителя (в этом случае я разумел исключительно прилинейных киргизов); правда не откажет он заезжему ни в ночлеге, ни в приюте; разделить с ним и бедную трапезу мог но не позаботится об особенном успокоении и доставлении удобств гостю; не станет беречь ни коня, ни воза его. Конечно исключение и здесь имеет свое место. Краевое здесь мнение о правах гостя на избранную им у хозяина вещь дотоле справедливо пока последний имеет верные надежды на удовлетворительное вознаграждение со стороны первого, и в этом разе обязательный кунак, замучит впоследствии, бывшего у него гостя своими визитами, нестерпимым попрошайничеством, и бесстыдными напоминаниями о своем даре. Чем благомыслящий и опытный по возможности уклонности от подобного обязательства киргизов, которые в случае недостатка возмездия со стороны одаренного, не устыдятся ни тайных мер, к вознаграждению себя, ни формальной жалобы с приправою лжи. Корысть заглушает совесть этого народа.

Свадебные обыкновения

Сватовство. Редко по личному усмотрению жениха, чаще по рекомендации знакомых и родных или из особенных видов, кандидат на супружество, отправляет в аул предназначаемой невесты свата[1] для объ-

[1] Женящийся не на первой может для высватывания явиться и сам, но со стороны холостого жениха это была бы большая неблагопристойность.

явления своего намерения отцу ее, который, на предварительном совещании с родными, отвергает или принимает предложение. В последнем случае девица, воли которой на этот раз не спрашивается, удаляется из своей кибитки и живет у соседей или родных, дотоле пока агент жениха уедет из аула[1]. Между тем затевается домашний праздник и тут заключаются договоры о количестве и ценности калыма со стороны жениха за просватанную, о приданном же со стороны невесты, киргизы не говорят ни слова. По совершению условий, сват получает в свою пользу дары отца невесты и едет с приятным известием в аул жениха, хладнокровно ожидающего развязки своей затеи.

Права помолвленной. Жених выплативший третью часть калыма, не смеет показываться днем, в кибитку будущей своей подруги, пользуется, однако же, довольно приятным и обширным правом любви к своей суженой ночью он входит в ее кибитку и низко кланяется около двери три раза; отец и мать невесты заметив низкопоклонника тот час ложатся в постель и прикрываются чем могут, счастливец пользуясь так дешево купленным снисхождением родителей безмятежно пробирается в постель к своей возлюбленной. Однообразный роман этот продолжается до окончательной разделки жениха калымом и известен под названием Калындык уйнай (игра за пазухой) забава эта имеет, однако же, свою горькую сторону, — когда счастливица забеременеет не дождавшись свадьбы. Избавиться от беременности ей однако же необходимо, иначе несчастная девушка останется на всегда особою лишенною права на определительное звание в своем поле — и любовь суженого ей тут не поможет, он не должен жениться на беременной. Так неумолим закон народа, за неизбежное почти преступление, повод к которому легкомысленно доверяется тем же судьей, произволу молодых людей, увлекаемых необходимою волной страсти.

Девичник. По уплате всего калыма, жених едет в аул невесты своей с двумя или более товарищами, но без отца и матери (как делают башкиры). Девицы и молодые женщины занимают с невестою особую кибитку, где поют поодиночке песни, заключающиеся в вопросительной импровизации о любви мужчины, в честь которого поет жена; молодые мужчины, между коими и жених, сидят вне кибитки, и тот из них, к которому относится жена, отвечает также импровизацией на данную тему с приложением просьбы о дозволении войти в кибитку очаровательницы.

Брак. По окончании песен продолжающихся с вечера до утренней зари, является в аул мулла. Подруги оставляют просватанную одну. Мулла, заняв особую кибитку и избрав двух посторонних аульных молодцов, посылает их спросить жениха и невесту о взаимном согласии на вступление в супружество, при чем присутствуют старики и почетные люди. Посланные (шаферы) по возвращении, докладывают об утвердительных ответах вопрошаемых.[2] Мулла спрашивает при содействующих: слышали ли они о согласии четы и те подтверждают доклад посланных. Три раза посылается таким образом эта депутация, три раза доставляются ответы, трижды подтверждаемые свидетельством посторонних.

После чего мулла входит в кибитку невесты и встав на противоположной стороне от нее, наливает чашу чистой воды и читает молитвы Корана низводящие благоволения Аллаха на супружество. Потом освященную воду посылает вкусить невесте и жениху — все еще не имею-

[1] Это правило не относится до невест малолетних, которые высватываются иногда отцом или родственником жениха тот час по рождении.

[2] Девица не смеет браковать жениха, особливо уплатившего калым.

щему права взойти в кибитку жены своей. После жениха могут все присутствовавшие при свадьбе прихлебнуть этой водицы... тем и оканчивается обряд религии. Молодых отправляют в большую кибитку, поставленную в некотором расстоянии от аула и в местечке всегда укрытом. Начинается той (пир, бал), продолжительность коего зависит от богатства и значительности тестя и новобрачного.

Похороны

В первую минуту по смерти усопшего ближние родственники предаются непомерному увлечению горести: вой, слезы, стенания, рыдания оглашают аул. Женщины сбрасывают повязки с головы, разбивают мелкие свои косы и с распущенными волосами мечутся во все стороны, царапая себе лицо до крови. Последняя проделка, может иногда на долго оставить неприятный памятник горестного события на лице осиротевших, если посторонние руки не умерят жестоких порывов горести истинных, когда покойник был по каким либо отношениям мил, дорог или весьма полезен для оплакивающий и притворный, когда нет особых причин к подобному самопожертвованию. Мужчины только слишком чувствительные налагают на себя руки и то очень умеренно ограничиваясь слезами. Когда первые минуты сокрушающего чувства вечной утраты, поумерятся, то соседи (мужчины с мужчин, а женщины с женщин и девиц) снимают с покойника всю одежду, переносят его на правую сторону кибитки, перекидывают занавеску, где обмыв тело, надевают на мужчину три чистые распашных рубашки, а на женщину или девицу пять, из коих верхние делаются несколько длиннее всего тела для завески сверх головы и под ногами, вторая короче и т. д. Снаряженного таким образом покойника завертывают в кошму или ковер и выносят из кибитки на открытое место до полверсты от аула.[1] Положив его здесь на правый бок все участвовавшие в процессии идут для очистительного омовения по исполнении чего собираются около покойника и становятся в три ряда. Мулла читает над телом молитвы, что продолжается не более часа. Затем уносят покойника до кладбища (мула), где и опускают его в приготовленную могилу, которая по принятии тела прикрывается досками, камышем и сверху засыпается землей. Теперь на каждом углу оной садится по одному мулле с кораном, из которого читается молитва, во всеуслышание печальной группы, участвующих при погребении. По окончании молитвы начинается раздача вещей и скота покойника, обреченных к тому преемствующим в семействе лицам и как скоро кончится этот раздел все скачут прочь от могилы, дабы не быть свидетелями начавшегося в эту минуту (по их мнению) страшного суда Божий над оставшимся в недрах земли с образом.

Поминки

Через три, через семь, сорок дней и наконец через год, после похорон родные и знакомые съезжаются к могиле усопшего на поминание, которое состоит в чтении муллою молитвы, за коими следует весьма сильное угощение для чего каждый из приглашенных летом обязывается доставить порядочную бузу кумузу, а зимой жертвенную кобылу или барана. Если бы поминаемый был богат и пользовался всеобщим уважением кайсаков, то при удобном времени года учреждаются и скачки (конские ристалища).

[1] Женщины не допускаются к сопровождению при выносе представленника.

Общежительное правило

Основанная на киргизском быте необходимость в коне, породила между ними всеобщее правило, по которому достаточный чин не должен отказать бедняку, просящему у него лошадь, а Байгут, снабженный конем, обязывается однако же вознаградить своего деятеля, при улучшении своего состояния.

Что касается до обрядов и обыкновений то представленные мною, одинаковые во всех родах киргизских, по собранным мной сведениям.

Почетные люди

Уважаемые из биев в Джагалбайлинском роде, следующие заслуживают внимания.

1. Билитевского отделения. Ботбай Карадуев, кочующий зимой по р. Каргалы в 70 верстах против станицы Верхнеозерной, а летом на устье р. Камысакты, верстах в 65 от крепости Орской.

Карадуев довольно богат, весьма гостеприимен и решителен, чем и заслуживает любовь и послушание киргизов.

2. Манатаусского отделения. Байсары Салратов. Кочует зимою против Калпацкого отряда, а потом по р. Караганде. Личных достоинств его я не знаю, но молва не забывает старика.

3. Сираклинского отделения. Юсуп Нурбаев, кочующий летом по р. Караганте, а зимой против станицы Таналыцкой. Человек доброй нравственности и хорошего ума, знаю я лично.

Много и кроме их есть у Джагалбайлинцев людей известных, но их значение слишком односторонне потому что зависит не от достоинства собственных их голов, а от количества голов ихнего скота, либо от массы, воспоминающей рыцарские подвиги (конечно не безгрешные), оказанные прославляемым мужем во дни оные, при захвате чужой собственности и т. п.

Таковы рычаги, ворочающие общественным мнением кайсаков.

29 марта 1846 года. *Попечитель Александрийский*

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 32 — 42.

Получено 13 апреля 1846 г.

Его превосходительству господину председателю Оренбургской пограничной комиссии

Состоящего письмоводителем при Правителе Восточной части Орды Губернского секретаря Половоротова.

РАПОРТ

Вследствие предписания Вашего Превосходительства, от 31 декабря прошлого года за № 867, составленное мною по мере возможности описание о киргизских обычаях, я имею честь почтительнейше представить при сем к Вашему Превосходительству.

Письмоводитель — Половоротов

26 марта 1846 г.
№ 2
Ставка против Усть-уйской станицы.

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 44.

Описание о киргизских обычаях, на которых более основан порядок суда и расправы

Общее определение суда, по преступлениям и искам

По всем маловажным преступлениям и по искам, определенным § 59-м положения об управлении Оренбургскими Киргизами, судятся они по народным обычаям следующим образом: если Киргизы объявив жалобу один на другого, из среды своей аульному Бию или Старейшине, вообще по означенным преступлениям и искам, которые без дальнего доведения иногда до сведения установленного местного начальства, предоставляют им решатся между собою миролюбно и по карындашеству, — не довольны бывают решением этих биев или старейшин, то являются с просьбою, с представлением на то уважительных причин, к своему Местному или Дистаночному Начальнику, тогда сии последние расспрашивают словесно претендателя и ответчика, а равно и о доказательствах, к которым требуются и свидетели и обыкновенно, по силе улик, дается перевес тому, кто оными подкрепляется.

Не имеющие свидетелей, как претендатель, так и ответчик, более решаются, по принятому обычаю, присягою. Присяга эта дается по назначению просителя и одобрению местного их начальства или биев и старейшин, если только ответчик по каким-либо уважительным причинам не устранит назначенного к присяге. Например, в каком бы то ни было преступлении, определенном означенным §, если оно бездоказательно, то в оправдание ответчика из однородцев или родственников его, назначается претендателем, один из достойнейший поведением, который если утвердит показание ответчика присягою, то ответчик оправдывается или претендатель лишается иска; в противном же сему случае ответчик обвиняется. На обвиненного, кроме полного вознаграждения, взыскиваемого в удовлетворение обиженного, бии налагают, по воровству штраф (гаиб), скотом или чем либо другим. Из этого штрафа пополняются убытки обиженного, если он таковые при этом понесет, а оставший за тем, представляется в пользу родоначальников, Биев или почетных Старейшин и Старшин. В личных обидах на виновных также налагается этот штраф.

При этом надобно заметить, что как по принятым обычаям, присяга для Киргизов страшна и тем более имеет силу голоса народного и теряет все достойного Киргиза, если он примет ее по несправедливому или сомнительному делу, то подобные дела стараются судьи склонять на миролюбную сделку или карындашенство (родство, вообще принято между Киргизами, считая всех почти соплеменников ближними), тогда мера, предполагаемая ко взысканию или наказанию, полагается большею частью половинною, или даже и уменьшенною.

Местное начальство, вообще по делам киргизов, при решении их, обязано вызывать биев или старейшин, даже из аулов преступивших или спорящихся, а без такового присутствия сих последних, как то не почитается, по народному обычаю справедливым и даже теряется доверие к самому местному начальству. Бии эти, действующие уже по вызову, а не так как выше объяснено, произвольно, к которым начально являются с жалобами, выбираются по согласию также спорящихся, ибо при неудаче решения, какого-либо дела, они обращаются с просьбами к Султану Правителю, где также смотря на правильность решения, предоставляется им и остается в своей силе то же решение Биев, или снова приступается к разбирательству и решению самим Султаном Правителем,

таким же порядком, как выше объяснено, или даже возлагается на других Биев, и тут уже приводится решение в исполнение.

По делам общественным, в которых требуется народный совет Киргизы вообще судятся по народному голосу и большинство голосов, дает преимущественно пред меньшим; в подобных делах, не требуется ни избрание Биев и ни дальнейшее разбирательство, но большинство голосов все заглашает.

По делам частным, Киргизы имеют суд и расправу, почти в среде своих родственников, или аульных Биев и Старейшин (аксакалов) без дальнего доведения до сведения Местного Начальства, если не встретится в том другого случая, требующего непременного разбирательства, по общим народным обычаям.

Дела семейные. Опека

Оставшиеся после смерти каких либо Ордынцев имение и скот, не есть существенный обычай, чтобы брать, как говорится, на опеку, но только есть непременный долг ближайшего родственника и даже всякого Местного Начальства, Бия или Старейшины иметь наблюдение за нестрачею этого. Жена оставшаяся после мужа бездетная, состоит в полном распоряжении родственников мужа. Она не только не имеет права располагать имением и скотом, но даже и сама не может отойти, без дозволения их, ибо есть примерный обычай, стараться отдавать за братьев умершего, с большим сохранением миролюбия в этом деле, но оставшаяся с детьми, как то преимущественное в вольности и даже не редкие получают от этого свободу, проживая впрочем около родственников.

Наследство

При отделении от отцов сыновьев разумеется женившихся, есть непременный долг каждого отца дать им долю или часть (инчи), преимущественно из скота, которая определяется, смотря по состоянию и произволу отца, но детей женского пола приданное есть почти безусловное и зависит от расположения родителей.

По смерти отца, живущие в отделе его сыновья, которые при жизни его получили свои инчи, не имеют ни какой прикосновенности к оставшемуся от него имению, которое без всякого исключения остается в непосредственном владении сына, который жил при нем не в отделе.

В числе жен киргизов бывает старшая жена (байбича), которая есть настоящая хозяйка дома, прочие же находятся в некоторой зависимости от байбичи. Впрочем приданное их не мешается и всегда остается принадлежащим той, за которую получено, на предмет тот, чтобы имущество матери досталось только собственным ее детям, а не другим.

За смертью мужа, старший из сыновьев вступает в управление домом, и потому он обязан выдать сестер замуж с приданным, соответственным состоянию семьи, а остальное имущество разделяется по наследству.

Браки

Дела брачные не столько зависят от родственников, Биев или аксакалов, сколько от тех, кто совершал брак мулла, и потому преимущество их в этом деле почти без муллы не имеет значительной силы. Но в этом случае, сколь возможно удерживается обычай тот, чтобы не давать разводную (талак) и расторгать брак между женою и мужем, если не

будет особенных причин к тому возбуждающих. В случае смерти невесты или жениха, представляется право жениху брать другую сестру невесты, а невесте выходить за брата умершего мужа, что и считается почти непременным взаимным долгом, но в этом случае, условленный калым удерживается и не увеличивается, даже и редко возвращается.

На народных правах торговля есть чистейшее средство к приобретению состояния между Киргизами и она, кроме прилинейных, занимающихся более торговлей, производится натурою, нежели на деньги и возвращается по условию безпрекословно; в случае же жалобы обращается истец к разбирательству.

На народных обычаях, мена производится скотом, на скот, или произведением на произведение, даже и заочно что такой-то скот, или произведение он меняет на такое-то.

Всякая продажа между Киргизами, по народным обычаям, бывает без особенных актов и не есть прямая обязанность объявлять своему Бию или аксакалу.

Долг между Киргизами есть также безусловный предмет и почти без всяких актов, или даже и редко со сведения их Местного Начальства, но каждый получатель вознаграждает заимодателя по условию и более от себя.

Свадебные обряды

Число жен, как бы последуя Мусульманизму или Алькорану, вообще у Киргизов не соответствует сему правилу закона, которых они приобретают калымом и следовательно многоженство соблюдают только некоторые богачи, но впрочем у киргизов не есть народный прямой обряд брать много жен.

Молодые мужчины, большею частью, не по выбору берут первых жен, но по назначению родителей; в этом случае как мужчина, так и девица подчинены воле своих родителей. Многие отцы отдают детей своих еще с малых лет.

Основание брака составляют условие о числе калыма и срок уплаты оного. К этому приглашается мулла, разумеется, тот мулла, который только известен по знанию грамоты, так как у Киргизов вообще муллы с подобными познаниями, и при нем также при свидетелях или посредниках, делается сговор, заключающийся каким-нибудь пиршеством.

За тем жених или отец его выплачивают калым, а отец невесты приготовляет ей приданное, какое желает или сооответственное состоянию. Хотя калым не выплачен и хотя свадьба несовершенна, но жених имеет право посещать невесту.

По окончании платежа калыма и всех свадебных приготовлений, мулла читает молитвы, спрашивая нередко соединенных, охотно ли они приступают к браку и потом по окончании разных увеселений увозят новобрачную в аул жениха.

При этом исключительно то, что возбраняется обычаем, Султанам отдавать девиц своих за простолюдинов, чем теряется уважение к девице и даже название Султанское; но Султанам брать девиц простого рода исключительно не возбраняется.

Вообще Киргизы в выборе жен соблюдают самые отдаленные линии родства и не позволяется брать жену из одного с собою родового отделения.

Погребальные обряды

По народным обычаям, особенно простейшим, смерть каждого Киргиза, сопровождается не только печалью его родственников, но всеми знаками вольного и невольного отчаяния жен, воплем, криком, плаканием и вычислением всех добродетелей покойного, что продолжается утром и вечером, в собрании многих женщин и даже девиц и нередко при перекочевках до 40 дней или до истечения года.

Важнейшими поминками у Киргизов почитаются те, которые делаются по прошествии года и к этому приглашается заблаговременно множество людей, и даже из других родов. Сопровождение поминков бывает начально выслушиванием молитвы, потом начинают есть и пить кумыз, так далее, как при свадебных пирах приступают к скачке борьбе и играм, в которых отличающиеся получают от хозяев награды. Этот случай требует необходимого и богатого праздника, а потому при разделе имения покойного, старший в семействе, непременно отделяет часть на поминки, родственники с своей стороны, даже знакомые и приятели должны жертвовать (аза) на эти издержки, кто чем может, а в противном случае, если поминки будут не соответственным богатству или званию умершего и если наследники будут укоряемы, то они имеют право отплачивать родственникам и знакомым тем же самим возмездием.

Некоторые обыкновения при перекочевках

Киргизы при кочевках летних и зимних сохраняют поселение, по возможности, родами или поколения. В летних кочевьках нередко смешиваются по удобству кочевой жизни одни с другими, на недальнее расстояние и так сказать, почти никто не владеет землею или кормом летом, кроме сохраняемых зимних кочевок и тем более прилинейных, заготовляющих сено.

При всякой летней кочевке выезжают передовые аулы или несколько, которые должны непременно заметить место своего расположения, как например даже ставят пики; это делается для того что в случае спора в занятии другими места того, то дается оно под кочевку тому, кто прежде означил знаком.

Письмоводитель — Половоротов

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 45—51.

Бии уважаемые по уму и опытности

1. Кипчакского рода Узунского отделения, хорунжий Балгуджа Янгурчин, который и управляющий этим отделением, летом кочует на пространстве между р. р. Тоболом и Тургаем, придерживаясь ближе к первой, а зимой постоянно при боре Ары-Карагай.

2. Того же рода Карабалыкского отделения, Дистаночный начальник Наурузбай Казыбаев, летом кочует между р. р. Тоболом и Аятом, а зимою против Николаевской станицы.

3. Того же рода, Карагызова отделения Бий Джиланбас Клычбаев, летом кочует между р. р. Тоболом и Аятом, а зимой против Николаевской станицы.

4. Того же рода, Кыджикского отделения бий Тлеубай Ямантаев, летом кочует между р. р. Тоболом и Аятом, а зимой против Каракульской станицы.

5. Кирейского рода, Качубинского отделения, Бий Чон Атанов летом кочует между р. р. Убаганом и Тоболом, а зимою при р. Убагане.

6. Того же рода, Балтинского отделения, Бий Маусамбай Чалабаев летом кочует между р. р. Тоболом и Убаганом, а зимой на р. Тоболе, между Усть-Уйскою и Качардыкскою станицами.

7. Яппаского рода, Утетлявова отделения, помощник управляющего Яппаским родом хорунжий Бий Бегеджан Байджанов, летом кочует между р. р. Тоболом и Тургаем, а зимою между старой и новой линиями, как и теперь, но иногда по обстоятельствам зимует по реке Сыр-Дарье, уходя с караванами.

8. Того же рода, Карагузева отделения, Бий Зауряд Хорунжий Джангабыль Тюлегенев летом кочует между р. р. Тоболом и Тургаем, а зимою откочевывает на р. Сыр-Дарью.

9. Аргынского рода, Кучкарова отделения управляющий Югарычиклинским племенем Бий Чигень Мусин, летом кочует между р. р. Тургаем и Тоболом, а зимою на р. Тургае.

10. Аргынского рода, Тазова отделения, управляющий Тюменьчиклинским племенем, Бий Бигень Языев, летом кочует между р. р. Тургаем и Тоболом, а зимою при реке Убагане.

11. Того же рода Кырк-мултукова отделения, Бий Кульджабай Чарабасов.

12. Того же рода, Айдеркинского отделения, Бий Атань Исенев.

13. Того рода и отделения, дистаночный начальник, Бий Анак Алтаев.

14. Того же рода, Аю отделения дистаночный начальник Бий Казангап Джандыров.

15. Того же рода, Кочкарова отделения, Бий Талпак Язырбаев.

Эти пять биев летом кочуют на пространстве р. р. Тоболом и Тургаем, а зимой на реке Тургае.

16. Того же рода Утейского отделения, Бий Кучук Джаныбеков летом кочует между р. р. Тургаем и Тоболом, а зимою на урочище Сары-Копе.

17. Того же рода Сугурова отделения, Тюлебай Бюйрин, летом кочует между реками Тургаем и Тоболом, а зимой на урочище Наурузум.

Письмоводитель Пололворотов

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 52 — 53.

Получ. 13 апреля 1846 г.

Его превосходительству председателю Оренбургской пограничной комиссии господину генерал-майору и кавалеру Ладыженскому

Попечителя прилинейных киргизов Кастырина

РАПОРТ

Предписанием Вашего Превосходительства от 24 декабря 1845 года за № 862 я обязан собрать сведения о киргизских обычаях, имеющих в орде силу закона, не подлежащих общим законам Империи. Вполне понимая всю важность этого поручения, столь необходимого и собствен-

но для моей службы в этом крае, я не смею решиться, не имея особого времени вникнуть и разобрать все буквально, делать какое-либо описание потому, что доселе известные мне по службе между киргизами в Сибири, законы, обряды, процессы и обычаи, так здесь между ордынцами находящимися возле линии, — к коим я должен и применяться, — перевраны, переиначены, уменьшены и увеличены, что так как и докладываю выше, без особого времени и тщательного наблюдения, ничего общего по достижению цели, сделать не можно, — составить же об этом сведения, как слышать и видеть между постоянными другого рода занятиями и разъездами, было бы совершенно ошибочно, но осмеливаюсь доложить, что я имевши это поручение Вашего Превосходительства, твердо в памяти, по возможности времени, заниматься буду исполнением оного; что же касается до того, отличаются ли значительно в своих обычаях и обрядах одни киргизские роды от других, то в пограничных Киргизах, я по всем внимательным соображениям, ничего особенно отличающегося не замечаю, уважаемые же и более известные по уму и опытности между народом, Бии сколько я не старался узнать Найман Каванбаев, Муал Казантаев, Дюсембе Курумбаев, Туку Джапаков, Турмамбет Кумбасов; 1-й — Найман Куванбаев, Кульденинского отделения, рода Ташкурского, зимнюю ставку имеет на р. Ую в 6 верстах от лугового отряда, а летние кочевки между Тоболом и Тугузаком на расстоянии от линии не более 100 верст; 2. Муал Казантаев, того же отделения, рода Чандаякского, зимнюю ставку имеет на р. Тоболе, верст за 30 от Усть-Уйской станицы, а летния кочевки вместе с Кульдининским отделением, между р. Тоболом и Тогузаком. 3. Дюсембек Курунбаев, того же отделения, рода Ташкурского, зимняя ставка на р. Ую, возле лугового отряда версты за 2, а летние кочевки с Кульдининским отделением. 4. Туку Джапаков, отделения Куккуз, рода Кульденин, зимняя ставка на р. Тугузинке, по новой линии возле Алексеевской станицы, а летние кочевки с Кульдининским же отделением. 5. Турманбет Кумбасов, Кипчакского рода, отделения Карабалык, зимняя ставка на урочище Кынащи, против Степной станицы верст за 20 в степь, летние кочевки между р. Тоболом и Аятом, на расстоянии 70 верст от новой линии. Первый и последний из сих Биев, известны мне лично по уму, и честности и опытности, а прочие по общим слухам кои ко мне доходили.

Попечитель — Костырин

27 марта, 1846 г.
№ 106.
ст. Кочердыцкая

Получено 16 апреля 1846 года

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, стр. 54 — 55.

Его превосходительству, господину председателю Оренбургской пограничной комиссии

Исправляющего должность
письмоводителя при правителе
Западной части Орды, Ячменева

РАПОРТ

Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 24 декабря минувшего года за № 869, я составив записку об обычаях Киргизских, имеющих в Орде силу закона, имею честь представить оную к Вашему

Превосходительству и доложить, что в Западной части нет ни одного рода и отделения Киргизскаго, который бы отличался чем либо в своих обычаях и обрядах от других, но все рода и отделения имеют одинаковые обычаи и обряды; из Биев же Западной части более уважаются по уму и опытности, как узнал я от ордынцев есаул Казы Сарымов, он Байбакшинского рода Батакова отделения, кочует зимой в 60 верстах от Каршенского форпоста на озере Тузлукуле, а летом преимущественно на р.р. Калдыгайте и Аигате.

В должности письмоводителя — Ячменев

29 мая 1846 года
№ 2

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 56.

Свод киргизских обычаев, имеющих в Орде силу закона

Все дела между Киргизами, разбираются и судятся Биями их, имеющимися в каждом роде и отделении. Бии эти смотря по преступлениям, налагают за оные наказания, которыя заключаются в том:

Наказание за воровство

1. Если что у Киргиза пропадет, то он отыскивает виновного, когда же откроет его, то требует возвращения собственности. Буде же виновный не удовлетворит претендателя, тогда сей последний отправляется вместе с ним к Бию для разбирательства и решения. Если по разбирательству окажется подозреваемый виновным, в краже на какой бы иск не было, он не только, должен возвратить украденное, но сверх того по решению Бия отдать претендателю три раза девять штук из скота и имущества, т. е. в 1-й раз начинает с верблюда и далее до 9, во второй раз с лошади, а в третий с быка и далее также до 9 штук. Впрочем иногда это взыскание уменьшается смотря по состоянию виновного. Получив все это претендатель дарит из оного по своему произволу Бию разобравшему дело, Киргизам, бывшим при этом свидетелями и даже родственникам обвиненного, но оставлять у себя, или отдать родственникам своим не должен; а если кто что-либо оставит у себя, или отдаст родственникам своим, то это ставится ему в большое бесчестие, и он удаляется из общества, за несоблюдение обычаев, впрочем это случается редко.

2. Когда кто из подозреваемых в краже не пойдет по требованию Бия, принявшему жалобу от претендателя к нему для разбирательства, то Бий с просителем идут к ответчику и если найдут его виновным в краже, то связывают ему руки и ноги и поступают в первой статье объяснено, за упорство же режут у него на угощение себе несколько скота.

3. Если подозреваемый при разбирательстве бия сделает запирательство в выводимом на него преступлении, а претендатель не имеет ясных к уличению его доказательств, то первый в оправдание свое должен представить двух, или более одноаульцев своих, известных в хорошем поведении, с тем, чтобы они за невинность его приняли присягу; и если они это сделают, то истец лишается иску.

4. Когда избранные ответчиком во свидетели люди откажутся от присяги, в таком случае ответчик остается виновным.

5. Нередко случается, что избранные ответчиком люди для принятия присяги, платят просителю половинную часть иска, единственно из того, чтобы не принимать присяги, с тем, чтобы дело тем прекратить.

6. Если обвиненный в краже киргиз не может сделать уплаты за украденное, то он наказывается телесно, а иногда режут ему нос и уши, дабы тем сделать его известного в худом поведении.

7. Когда Киргиз не может сам открыть виновного в краже у него чего-либо, то нанимает для этого других, делает им за сие дорогую плату, когда же они сыщут виновнаго, то с него кроме положенного в статье 1-й, взыскания берут и отданное розыщикам.

За личныя обиды

8. Когда кто кого ударит, без повреждения членов, или даже намерен будет сделать это, или просто будет произносить ругательства, и по разбирательству окажется в том виновным, тот по решению Бия отдает обиженному вознаграждение скотом, или имуществом, и чем обиженный значительнее, тем более ему платится, все это претендатель не оставляет у себя, а дарит Бию разобравшему дело и другим бывшим при сем Киргизам, но отнюдь не родственникам своим.

Опека над детьми и имуществом

9. Дети оставшияся после отца с матерью состоят под опекой ея мужского пола до 15 лет, а женского до выхода в замужество, если только мать до того времени откажется от замужества.

10. Напротив, если она еще при малолетстве детей, пожелает вступить в другой брак, то дети поступают вместе с наследным имуществом под опеку ближайших родственников мужа ея, также до совершеннолетия.

11. Также поступается с детьми, оставшимися после смерти отца и матери.

12. Если мать выйдет вновь в замужество за брата первого мужа, то дети ее остаются под опекой ее же, впрочем, тогда уже имеют наблюдение за тем другие родственники.

13. Если бы у детей сирот не осталось никого из родственников, то они с имуществом или же даже без него, обществом отдаются на воспитание благонадежному и состоятельному человеку, который по вступлении их в совершенный возраст, мальчиков отпускают, если они хотят, а девушку должен отдать в замужество; в вознаграждение же за воспитание он с мальчиков ничего не берет, но с девушки получает при выдаче ее в замужество часть ее калыма, впрочем по согласию ее же.

14. Когда дети сироты, достигнут совершенного возраста узнают, что из имущества их, часть или все опекунами утрачено, то приносят о сем жалобу Бию по разбирательству которого, если он окажется справедливым, — возвращается по принадлежности все утраченное. Более же ни какого взыскания с виновного не делается.

Наследство

15. Если после Киргиза останутся жены и дети обоего пола, то имение его делится в случае раздела так: сын получает одну часть, дочь в половину, а жена седьмую часть.

16. Если вдова Киргизска получившая из имущества мужа, как выше сказано седьмую часть, но потом без согласия родственников мужа ея, пожелает выйти вновь в замужество, то отбирается от нее часть до-

ставшаяся в наследство, но если она выйдет по согласию родственников, то все это остается у нее.

17. Когда после смерти Киргиза не останется детей, а только одни жены, то они также из оставшегося после его имения получают седьмую же часть, а остальное берут ближние родственники умершаго, разделяя имение по частям более тем, кто состоит ближе в родстве.

18. Так точно поступается с имением того Киргиза, по смерти которого не остаются и жены.

19. Если по смерти Киргиза останутся жена, но родственников нет даже и дальних, то имущество его предоставляется одним только им.

20. Если бы встретилось, что после смерти Киргиза не останется ни жен, ни детей и даже родственников, то имение его отдается муллам, и бедным людям для воспоминания умершего.

Брак

21. Киргизы условие о бракосочетании детей делают или когда они бывают в малолетстве или в юношеском возрасте, а иногда впрочем очень редко, в совершенном возрасте. Родители предложив женить своего сына избирают ему невесту и посылают для сватовства уполномоченного Киргиза, а иногда и женщину, к родителям невесты; уполномоченный делает им предложение, на которое, если они согласятся, то тут же назначают калым (плату за невесту) и родители невесты делают уполномоченному и родственникам жениха подарки, по состоянию своему. После того часть калыма отдается немедленно, а остальная часть уплачивается затем постепенно.

22. Иногда Киргизы, близкие знакомые засватывают тогда, как еще жених и невеста, носятся в чреве матери, они заранее уславливаются, что если у одного родится сын, а у другого дочь, то соединить их браком.

23. До совершенной уплаты калыма, жених не может взять к себе невесту, хотя бы она пришла за совершенные года.

24. Но впрочем в течение времени когда калым еще не выплатится, жених может часто посещать невесту свою. Вблизи аула, где она жительствует ставится ему особая кибитка. Ближайшие родственники невесты днем могут посещать его, вечером же приходит к нему одна невеста и ночует с ним в кибитке, при этом строго соблюдается, чтобы жених не совокуплялся с нею, за нарушение же сего в особенности насильственным образом, по решению Бия отказывается ему в невесте, кроме того он лишается всего отданного в калым, и отбирается от него лошадь и все что он имел в то время при себе, с тем вместе наказывается телесно, а иногда если родственники невесты значительны, — смертельною казнею.

25. По уплате калыма, совершается в ауле невесты бракосочетание по Магометанскому закону, без всяких добавлений Киргизских обычай, — по окончании же этого делается увеселение, на котором ближние родственники жениха участвовать не могут. Новобрачные должны непременно ночевать первую ночь в ауле этом, если невеста окажется невинною, то по окончании пиршества, новобрачный увозит ее на другой день в свой аул, в противном случае делается розыскание кто в этом виновен, новобрачная, или муж ее, в первом случае он отказывается от нее, берет обратно калым, и разглашает о поведении ее, — а в последнем случае поступается с ним как сказано в статье 24-й.

26. При увозе новобрачной к мужу она непременно должна взять с собой кибитку, одежду и наряд в виде приданного предварительно для нее приготовленные.

27. Если невеста откажется от выхода в замужество, то огданный за нее калым возвращается по принадлежности, впрочем в таком только случае, если причины произошли от поступков жениха, или родственников его, в противном же случае калым не возвращается.

28. Также калым не возвращается обратно, когда жених откажется от невесты без всякой причины.

29. Жених может отказаться от невесты без всякого взыскания, когда он засватав ее как в статье 22-й, найдет впоследствии уродливую, равным образом невеста может отказаться от жениха.

30. До истечения одного года, а иногда и более пребывания новобрачной у мужа, она не может видеться с родителями, после же этого времени она приезжает в гости к ним, которые должны сделать ей смотря по состоянию своему, подарок.

31. Когда родятся у ней дети, мужского пола, то они еще в малолетстве едут к деду и бабке с материной стороны, в случае же смерти их к наследникам их, которые непременно должны сделать им подарок из вещей самими детьми выбранных, если бы на отдачу этого не было согласия, то малолетние берут выбранное ими насильно, а иногда и тайно, без всякого наказания за то.

32. Когда жена укроется от мужа и станет жить у другого Ордынца, то муж по решению Бия получает ее обратно себе, но прежде сего она наказывается телесно при собрании родственников за укрывательство, так равно поступается и с Киргизом соблазнившим ее к себе; с него кроме того взыскивают в пользу мужа ее в виде бесчестия три раза по 9 штук из имущества его, — а если у него такового ничего нет, то ограничиваются одним его наказанием.

33. Киргиз соблазнивший к таковому поступку девицу должен, по предварительному согласию с родителями ея взять ее за себя с платою калыма, в противном случае подвергается тому же наказанию, как сказано в статье 32.

34. Если Киргиз приживет с девушкой младенца, то он также по согласию с ее родителями должен взять ее за себя, с платою калыма, в противном же случае он подвергается тому же наказанию, кроме того на воспитание младенца и за бесчестие девушки отбирается у него все имущество.

35. Если Киргиз имевший сосватанную невесту умрет, то она должна вытти за ближайшего его родственника, в противном же случае возвратить калым, так точно поступается тогда, когда жених будет сослан куда-либо за преступление.

36. Равным образом после смерти Киргиза, вдовы его, должны выдти непременно замуж за ближайшего родственника его, и могут лишь остаться тогда, когда они имеют детей, не выходя уже ни за кого в замужество.

37. Но если бы случилось, что вдовы выдут в замужество не за родственника, за которого полагается, а по выбору своему, то она и соблазнивший ея Киргиз подвергаются тому же наказанию, как в статье 32 объяснено.

Торговля о правилах мены и долгов

38. Киргизы в недавних временах стали производить торговлю на свои деньги и то немногие, они все купленное сбывают уже променом

другим Киргизам же на вещи и скот, но никогда почти не продают на деньги, а всегда делают так, что он весной отдает вещь свою в долг, под кургашка, но осенью получает большого барана. Так точно Киргизы отдают в долг что-либо, но всегда с поручительством кого-нибудь, на тот конец, если должник по какому случаю окажется не состоятельным, то обязаны заплатить долг этот поручителю, в случае же уклонения сих последних, проситель прибегает с жалобой к Бию, по решению которого если окажется, что действительно должник не в состоянии уплатить долг, взыскивается иск с поручителей за него без процентов. Все почти Киргизы занимаются более меною, они — изделия свои, или скот променивают на меновых дворах на хлеб или вещи необходимо им нужные.

О порядке разбирательства биями дел и решений их

39. Когда Киргиз принесет какую либо претензию Бию, то сей последний заставляет его и ответчика сесть рядом и коль скоро исполнят это, претендатель при присутствующих тут киргизах объясняет свою претензию в подробности. После сего ответчик, или признается в выводимом на него, или отрицается, тогда уже жалоба разбирается по обычаям, выше сего объясненным.

40. Если претендатель с ответчиком кончут претензию, то они при Бие и других ордынцах берут веревку каждый за конец и перерезывают ее в знак прекращения дела, с тем чтобы уже не начинать его.

Аппеляция на решение бия

41. Если претендатель будет недоволен решением Бия, то приносит о сем жалобу другому Бию, или же Султану, который распрашивая о существе дела и решении его и смотря по обстоятельствам внушает ему, что дело решено правильно. Буде же встретит некоторое сомнение, то лично при бытности претендателя объясняется по этому предмету с Бием решившим дело, и потом предоставляется просителю собрать ясные доказательства и в присутствии своем решает вновь дело.

42. Когда жалоба Киргиза претендателя на неправильное решение бием дело, окажется ложною, то он за очернение Бия наказывается телесно.

О излечении болезней

43. Киргизы болезни не тяжкие излечивают разными травами и другими веществами. Этим искусством занимаются у них люди, более пожилые, они называются Баксы.

44. Когда кто либо из Киргизов заболеет то он тотчас посылает за Баксой и как скоро сей последний придет, то в кибитке где лежит больной при собрании родственников его режут лошадь, или корову, или же барана, смотря по состоянию больного и когда съедят ее, то Баксы приступает к излечению болезни.

45. Если Киргиз одержим тяжкою болезью, то в недалеке от его аула вырывают яму и по ночам относят его в оную, в полночь же приходит к нему Баксы с балалайкой и начинает играть на ней и ломаться изображая из себя дьявола, пришедшим отогнать болезнь. Это посещение продолжает он несколько ночей, после которых больного берут из ямы и он либо поправляется от болезни, или умирает. Это делается с женами Киргизов и детьми обоего пола не совсем еще малолетними.

46. Если Киргиз или жена его, или даже дети будут в оспе, то больной оставляется один в степи в кибитке, для него нарочито приготовленной, куда кладут ему на некоторое время продовольствия и он находит-

ся тут до того, покуда не выздоровит и придет сам к родственникам. Кибитка и все бывшее в ней, в которой лежал одержимый оспою сжигают огнем.

47. Когда женщина долго не разрешается от бремени, то близкие родственники ея и мужа ея, приходят в кибитку, где она лежит, и делают ей несколько ударов плетью, в знак того, что они выгоняют из нее нечистый дух (дьявола); случается, что тот же час женщина разрешается от бремени.

При погребении

48. Киргизов умерших погребают совершенно как и татар, по Магометанскому закону. Поминание по умершем делается у них три раза, а именно по прошествии от смерти семи дней, 40 и одного года; на всех поминаниях угощают обыкновенно мясом, но последнее бывает роскошнее, впрочем только у богатых, на него приглашаются Киргизы соседних аулов, по окончании еды, делается скачка на лошадях и борьба между Киргизами. Лошадям выбежавшим вперед, а людям отличившимся в борьбе даются призы. Это увеселение продолжается до ночи, после же киргизы разъезжаются по аулам.

При перекочевках

49. При наступлении весны, Киргизы с зимнего пребывания перекочевывают на другие места. За несколько дней до этого они советываются со старейшинами своими о назначении места, на которое должны перекочевывать и о времени к начатию передвижения аулов. Еще до вечера перед тем, женщины навьючивают всем имуществом своих верблюдов, а утром они и мужчины наряжаются в лучшие платья и чуть свет последние гонят впереди скот, а первые следуют за ними с навьюченными верблюдами. Места где должны расположиться аулы назначают мужчины, а женщины устанавливают кибитки, и приводят все в порядок, так точно делаются у Киргизов все перекочевки во время лета, осенью же они приходят на зимние кочевки, где неподвижно сидят до весны. Впрочем иногда бывают причины, по которым Киргизы перекочевывают с одного места на другое и зимой, но это делается так же как и летом, только место избранное Киргизами для кочевки заранее очищается от снега.

Письмоводитель — Ячменев

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, св. 248, стр. 57 — 68.

Получ. 18 апреля 1846 года

Его превосходительству председателю Оренбургской пограничной комиссии господину генерал-майору и кавалеру Михаилу Васильевичу Ладыженскому

Письмоводителя Частного Управления Средней Орды Сосновского

РАПОРТ

Ваше Превосходительство предписанием от 24 декабря минувшего года за № 868 изволили поручить мне составить описание Киргизских обычаям имеющим в Орде силу закона, — почему я сколько успел в непродолжительном времени моего нахождения в орде сам лично наблюсти, то нужным считаю при сем представить Вашему Превосходитель-

ству, присовокупляя, что ежели за сим я узнаю подробнее об ордынских правах служащих у них законом, то не премину особо донести до сведения Вашего Превосходительства.

В должности письмоводителя — Сосновский

№ 23

Апреля 4 дня 1846 г.

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, стр. 69.

Дела между Киргизами о воровствах, кражах и других подобных этому тяжбах в случае отрицательства ответчика разбираются избранными с согласия обеих сторон одним из Старшин или почетного ордынца, хотя бы он был совсем чужд их роду, при которых претендатель обязан непременно в уличении ответчика или оглашаемого в воровстве маловажном и не маловажном или в других каких либо спорах выставить двух свидетелей и сии последние должны ссылку их утвердить присягою, если же нет поименованных свидетелей, то претендатель имеет полное право требовать присягу одного из ближайших родственников или вообще из однородцев, при совершении того или другого обвиняемый обязан удовлетворить просителя ежели в его пользу принята присяга и сверх этого подвергается штрафу скотом или имуществом по обсуждению разумеется разобравшего дела и по мере вины.

2. В Киргизском семействе по части хозяйственной имеет влияние более жена, если же их есть у кого две или более, то из них имеет преимущество старшая последние же употребляются почти в рабыни так равно и дети женского пола до выхода в замужество, что же касается до хозяйственного распоряжения наблюдением за скотом и приобретением имущества, то это обязанность не отъемлемая хозяина кибитки.

3. Опеки у Киргизов определительной почти вовсе нет, кроме того как один из семейных, преимущественно ближайший родственник и старший в родстве сам произвольно имеет попечение за имуществом оставшемся после умершего до возраста лет детей его и если таковых нет, то имение разделяется тот час же между ближайшими родными обоего пола; из наследственного имения жена одна или более, получают 8-ю часть, потом дети мужского пола по одной равной, женского по половинной части.

4. Брак совершается в доме нареченной или усватанной невесты, куда неминуемо должен приезжать жених и находиться при браке и иногда допускается к этому отец его или ближайший родственник; сватовство производится почти всегда в малолетстве их и условленный калым называемый Джиирма (значит 20 штук лошадей или рогатого скота, или 60 баранов) простирается от одного до пяти и отдается оный, при первом приезде в дом отца жениха и ближних родственников его.

5. Торговля между ордынцами происходит большею частью по случаю передачи одним другого различного рода скота, налично или в долг, при последнем случае полагается нарост по обоюдному условию скотом или чем другим, споров в платеже долгов бывает весьма редко, даже в случае бедственного положения должника, часто выручают его ближайшие состоятельные родственники, не допуская претендателя до жалобы, в противном случае эти претензии разбираются как вышепоименованные иски исключая штрафа, который полагается за воровство и кражу.

При свадьбах обряды увеселения бывают одинакия, в доме бракосочетавшейся, отец ее или родные сзывают к себе смотря по состоянию и расположению к нему ордынцев угощает обыкновенным кушанием, приготовленном во вкусе азиатском, и молодые из них приглащенные и прибывшие без приглашения на кануне брака поют с девицами киргизские песни расположивших в особых кибитках, при выезде же невесты к молодому производят борьбу, конские скачки, бег людей и прочие увеселения Азиатские, на каковой конец выигрывающим делают призы простирающиеся от 1 до 2 верблюдов или лошадей, а у бедных дарят халатами или баранами.

Накануне назначенной перекочевки старший из семейства или опытный в знании расположения мест для отыскания удобного для пастьбы скота местоположения отправляется вперед и на другой день следует впереди кочевки, обще с прочими молодыми и старыми ордынцами, которые взяв с собой все имеющееся у них оружие занимаются на пути следования охотой, остальное семейство составляющее женский пол по совершенном приготовлении к откочевкам наряжаются в самое лучшее свое платье, из коих одна преимущественнее, убрав лошадь имеющеюся быть перед нею хорошею сбруею следует впереди или около своих кочевых верблюдов, присматривая за ходом их в порядке и исправности вьюки, а остальные женщины продолжают кочевку и находятся в полном повиновении первой, девицы же находящиеся в возрасте лет, во время перекочевки поют песни и на лошадях перегоняют одна другую, по приближении таким образом к новому месторасположению кочевки, по знаку передового собираются все они вместе и ставят кибитки на назначенном месте, стараясь как можно поскорее поставить их против других семейств на виду их имеющихся.

После умершего Киргиза, тот же час собираются муллы, которым прежде предания земли тела покойного раздаются в роде жертвы, скот или другие вещи, смотря по состоянию, с тем, чтобы прочитали они по умершем несколько раз Алкоран и поминали его. По погребении же дарят муллов особо приготовленными ласкутами из шелковых и других материй, поминки же делают по прошествии 3, 7 и 40 дней, последняя же поминка делается по истечении года, при которой производится конская скачка и прочие увеселения.

В должности письмоводителя — Сосновский

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, стр. 70 — 73.

М. В. Д.
Попечителя Прилинейных
Киргизов Белозерова
донесение
с представлением описания
о киргизских обычаях
17 июня 1846 года
№ 42
г. Оренбург

Получ. 18 июня 1846 г.

Председателю Оренбургской пограничной комиссии господину генерал-майору и кавалеру Ладыженскому

Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 24 декабря прошлого 1845 года за № 861, собрав сведения о народных обычаях, на которых основан в Киргизской Орде порядок Суда и расправы по встречающимся разного рода делам, Общественным, Частным и Семейным и составив оным подробное описание, имею честь при сем представить Вашему Превосходительству присовокупляя что, в заведываемой мною насти нет ни одного рода Киргизского, в котором бы оказа-

лись изменения отступающие в чем либо от общих народных правил один от другого в своих обычаях и обрядах, но все таковые у них равны — а также из биев в этой части более уважаемых и более известных по уму и опытности в киргизских родах ни о ком не объявлено. Кроме что по слухам более всех уважаем Байбахтинского рода Батакова отделения Есаул Казы Сарымов кочующий зимою в 60-ти верстах от Каршинского форпоста на озере Тузлукуле а летом почти постоянно на реке Калды-Гайте.

Попечитель — Белозеров

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, стр. 74.

Описание народных обычаев, на которых основан в Киргизской Орде порядок суда и расправы, по встречающимся разного рода делам, общественным, частным и семейным

1. Состав расправы, или словесного суда

В каждом Киргизском роде и отделении, находятся избранные из среды ордынцев самые лучшие в поведении и добродушные Киргизы, кои примером степенной своей жизни обратили к себе привязанность однородцев своих в отношении справедливого обслуживания дел, по правилам шаригата и других частных случаях, тех называют они почетными Биями и повинуются им как законным Судьям.

Этими Биями разбираются и судятся все дела частные и общественные между Киргизами, в присутствии Местного своего Начальника и нескольких человек из почетных стариков, приглашаемых самими Биями и от них же зависит окончательное решение всякого дела, удовлетворение обиженных и наказание виновных, смотря по важности преступления их.

2. Порядок разбирательства дел Биями

При первом поступлении жалобы Бию, он в тоже время приглашает нескольких человек почетных стариков для присудствования при его разбирательстве, и потом заставляет просителя и ответчика сесть рядом пред собою, а вокруг их приглашенные Старики и тут проситель и ответчик объясняют подробно, первый свою претензию, а последний противной приносит свое оправдание и если тут же миролюбиво кончат свое дело, то в знак прекращения оного, с тем, чтобы впредь никогда не возобновлять, берут веревку каждый за конец и перерезывают ее ножем.

Впрочем при больших исках, когда ответчик в выводимом на него деле, признается сам, или отпирается, то жалоба приносимая на него тогда же разбирается по ниже следующим киргизским обычаям.

3. Взыскание за воровство и удовлетворение обиженных

Истец покраденного у него имущества на какую бы то ни было сумму, по разведанию своему когда найдет настоящего вора по приличным вещам, или откроет на кого либо подозрение, в таком случае является вместе с ответчиком на разбирательство к Бию, коим через представляемые просителем доказательства, разыскивается до пряма преступление ответчика и по изобличении его в том, он возвращает обиженному все покраденное без убытка, да сверх того, по решению Бия должен еще отдать просителю из своего собственного скотоводства, по

киргизскому названию: — «Триддевять» — т. е. по девяти голов из трех родов скота, начиная с верблюда, 3 больших, 3 средних и 3 малых, таким образом из лошадей и коров, а всего скота составится 27 голов, при значительном же воровстве взыскание это удваивается, но в прочем смотря по состоянию виновного иногда и уменьшается.

Проситель получа это излишнее взыскание, не должен из оного не только сам, но и родственники его воспользоваться ни одной скотиной, но тут же по своему произволу дарит Бию и прочим лицам действовавшим в разбирательстве сего дела, и даже родственникам ответчика, если таковые у него случатся, если же проситель нарушит это отдачею кому-либо из своих родственников или составлением у себя хотя одной вещи, то он почитается бесчестным человеком и удаляется из общества.

4. Доказательства и открытие виновного свидетелями

Напротив того, если при разбирательстве Бия случаются нижеследующие обстоятельства:

а) Когда подозреваемый противу выводимого на него извета сделает запирательство, а проситель на уличение его ни каких явных доказательств представить не может, в таком случае ответчик должен представить по себе из одноаульцев своих двух или более свидетелей известных в беспорочном их поведении и почетных в своем обществе, для того, чтобы они приняли о добром поведении ответчика присягу — за принятием которой он в повинные не ставится, а если свидетели его от присяги откажутся, то остается он виновным.

ПРИМЕЧАНИЕ: В таком случае нередко бывает, что представленные ответчиком свидетели не делая принять по нем присяги, добровольно платят из своего имущества половинную часть иска, для того единственно чтобы их к присяге не принуждать, а дело этим прекратить.

б) Упорство противу суда и неповиновение. Буде ответчик по требованию Бия, для разбирательства к нему не пойдет, а по розыску против жалобы просителя оказывается он виновным, в таком случае ходят к нему в дом, связывают ему руки и ноги, и поступают с ним на точном основании как сказано (в ст. 3-й), и сверх того за упорство и неповиновение режут у него несколько скота.

в) Если истец сам не может открыть вора, то нанимет для поиска за дорогую плату других людей, и когда ими отыскан будет виновный, то с ним кроме всего определенного (в ст. 3-й) взыскания, присуждают взыскать просителю и отданное им за наемку розыщиков.

г) Телесное наказание за воровство. Буде же виновный в краже утратив покраденное им, не может возвратить оного и не имеет никакого состояния на уплату собственным своим имуществом, то он наказывается телесно; по важности же преступления его, режут ему нос и уши, в знак худого его поведения.

5. Личные обиды

Кто с кем поссорится и при этом случае учинит драку с причинением один другому увечья или без оного, так же безвинного будет ругать, или похвалится кто сделать что вредное, тогда виновные по разбирательству Бия, должны дать обиженному вознаграждение, скотом или имуществом, в той мере как присуждено будет решением дела се-

го, но все это претендатель в личной обиде, не оставляет у себя ничего, а в знак благодарности за справедливое разбирательство дарит бию и прочим бывшим при нем Киргизам, но родственникам своим если бы они и тут же находились, отнюдь ничего давать не должен.

ПРИМЕЧАНИЕ: Если значительнее нанесена обида, тем более с виновного взыскивается.

6. Аппеляция в неудовольствии на решение Бия

Если разбирательством Бия, кто-либо из просителей, или ответчиков останется недовольным, в таком случае он приносит жалобу свою высшей степени Бию, или султану которые расспросив его о существе дела, и смотря по обстоятельствам оного, если оное решено без всякого к нему стеснения, тогда делают ему внушение чтобы он остался в том без всякого сомнения, напротив того если встретит какую либо неправильность, то личною своею защитою при бытности просителя и ответчика, оспаривают Бия, решившего с поноровкою дела, и потом с ясными просителя доказательствами, предоставляет в своем присутствии решить оное вновь.

Если же Аппеляционная жалоба просителя или ответчика, на неправильное решение Бия окажется ложною, то таковые за поношение чести судей своих наказываются телесно.

7. Опека над малолетними детьми и их имуществом

Дети по смерти отца своего, оставшиеся с матерью если она до совершеннолетия их не выйдет за другого мужа, оставляются в ее призрении без всякой сторонней опеки — мужского пола до 15-ти лет, а женского до выхода в замужество и тогда имение их делится как ниже сказано о наследстве.

Если же вдова, имеющая необходимость при малолетстве оставшихся с нею от первого брака сирот, вступит во второй брак, тогда дети ее до совершеннолетия их, с принадлежащим им наследственным именем отдаются под опеку ближайшим их родственникам, — наконец, также возлагается опека над детьми лишившимися отца и матери.

Напротив того если вдова при малолетстве детей своих, выйдет в замужество вторым браком за родного брата первого мужа, в таком случае дети ее хотя остаются и при ней же, но за воспитанием их имеют наблюдение другие ближайшие их родственники.

Воспитание круглых сирот. За тем если бы у детей оставшихся в круглом сиротстве, т. е. лишившихся отца и матери и к воспитанию их не находилось никого из родственников, то таковые с имуществом а в особенности по не имению оного, отдаются обществом на воспитание из состоятельных людей добродушному и благонадежному человеку, у коего и должны они находиться до совершеннолетия, а потом мальчиков отпускают если сами они того пожелают на волю а девушку непременно должен, отдать в замужество, с получением за воспитание ее в вознаграждение себе одной части калыма ее, но с мальчиков за воспитание их, ни какой награды не получает.

ПРИМЕЧАНИЕ: Во всяком случае когда дети сироты, бывшие под опекою, войдут в совершенный возраст, получат от кого либо сведения, что у них осталось наследственное имение, а такового на лицо не находится, или какая либо часть утрачена опекунами, —

в таком случае приносят жалобу Бию, коим по мере справедливости взыскивается с виновного все утраченное им и возвращается просителю, но сверх никакого излишнего взыскания с виновного не делается.

8. Наследство

Имение оставшееся по смерти Киргиза, и поступающее в наследство жене и детям мужского пола, если оное по каким либо причинам подлежать будет немедленному разделу, или хотя бы и по некотором времени, то делится им таким образом: жена каждая получает из всего имения седьмую часть; потом остальное получают дети с таким наблюдением; чтобы мальчику доставалось вдвое против девушки.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. В этом разделе пользуются одним правом и сыновья отдельные, а дочери замужние.

2. После такового раздела, ни одна вдова имеющая ближайших покойному мужу ее родственников, без согласия их не должна выходить в замужество, в противном же случае полученная его седьмая часть наследственного имения от нее отбирается, а по согласию остается при ней.

Если после смерти киргиза остаются жены бездетные, то также отдается им наследственного имения седьмая часть, а остальное делится ближайшими родственниками по себе, когда же после умершего не останется ни жены, ни детей, то имение его поступает в раздел этим же родственникам.

Но если к наследству такого имения кроме жен, никого из ближайших родственников нет, то пользуются дальние, а если и этих не окажется, в таком случае все имение отдается одним женам.

Если же при оставшемся после смерти киргиза имении не будет совершенно ни каких наследников, т. е. ни жен, ни детей и даже родственников, как ближних, так и дальних, то оное отдается муллам и бедным людям в поминание по душе умершего.

9. Браки

В отношении бракосочетания детей, в киргизских обычаях делаются условия по большей части еще тогда, когда они бывают в малолетстве, в совершенном же возрасте бывают очень редко.

ПРИМЕЧАНИЕ: Между близкими знакомыми в соединение союзного и неразрывного между собою дружества, делается сватовство тогда, когда у того и у другого жены бывают беременные, с таким условием: если у одного родится сын, а у другого дочь, то быть им в супружестве, и рожденные по их мнению жених и невеста остаются в этом условии нерушимо.

По совершенном высватании, с согласия обоих сторон назначается Калым (плата за невесту) и в знак окончательного в том условия, ро-

дители невесты, родственникам жениха и уполномоченному от последних для сватовства Киргизу, делает подарки смотря по своему состоянию, а после этого родители жениха немедленно отдают калым, если не имеют оного вполне, то одну только часть, а остальное уплачивают по возможности, или ежели невеста еще не в совершенных летах, то остальной Калым, ожидается до совершеннолетия ее.

Если же невеста в совершенных летах а жених не в состоянии будет выплатить всего назначенного с него калыма, то впредь до совершенной уплаты, он не может взять к себе невесту и совершить с нею бракосочетание — но впрочем во все это время не воспрещается ему посещать свою невесту и быть с ней наедине, даже ночевать в особо поставленной для их кибитке, но при этих случаях должны они сохранить строго свою невинность, в противном же случае, за нарушение сего насильственным образом, в тоже время отказывается жениху и он лишается того что уже отдано им в калым, сверх того по решению Бия, отбирается от него лошадь и все что только он имел в то время при себе, причем делается ему жестокое наказание, а иногда если родители невесты из почетных людей и значительны в своем обществе, то виновные в сем случае казнены бывают смертью.

ПРИМЕЧАНИЕ: Такое же наказание бывает и тогда когда новобрачный после сочетания на первой ночи, свидетелями найден будет виновным, в преждевременном растлении своей невесты, по розысканию ниже сего объясненному.

По выплачении всего калыма, совершается в ауле невесты по Магометанскому закону бракосочетание, по окончании которого делается по обыкновению угошение, но на оном ближайшие родственники жениха быть не должны, после чего новобрачные первую ночь ночуют в этом же ауле, и если невеста окажется невинная, то на другой же день по окончании всего обряда, муж ее увозит к себе в аул, и она должна вместе с собою непременно взять свою кибитку, одежду и наряд, т. е. приданное заблаговременно ей приготовленное в противном же случае, делается розыскание и если по оному окажется невинен в нечестном ее поведении, то он отказывается от нее, берет обратно свой калым, и разглашается об этом в ауле.

Если невеста откажется от жениха, то должна возвратить ему калым, но если вынудили ее отказаться такие причины, которые произошли от поступков жениха, или родственников его, в таком случае калым остается за нею безвозвратно, так же не должна возвращать калым жениху если он откажется от нее без всякой причины.

ПРИМЕЧАНИЕ: Уважительные причины служить могут оправданием в отказе жениха от невесты, и невесты от жениха, если они после сватовства найдут один другого уродливыми, в таком случае калым возвращается без малейших с обоих сторон убытков.

Если жених прежде бракосочетания умрет, то невеста должна выдти замуж за ближайшего его родственника, в противном же случае если она того не пожелает, то отдает калым обратно, как равно и в таком случае, если жених куда-либо сослан будет за преступление.

Вдова после смерти Киргиза, также непременно должна выйти в замужество за ближайшего его родственника разве тогда только может от этого освободиться, если она имея у себя детей, откажется вовсе от замужества.

Напротив того если вдова выйдет не за родственника первого своего мужа, а по желанию своему за постороннего киргиза, то сей последний за соблазн, а она за нарушение обряда своего, подвергается наказанию точно так как сказано будет ниже сего о прелюбодеянии.

10. Взыскание за проступки в брачном союзе и за прелюбодеяние

Если жена отлучится от мужа своего, и станет укрываться у другого Киргиза, тогда муж объявляет о сем Бию, и по решению сего последнего при собрании родственников она наказывается телесно, так равно Киргиз сманивший ее к себе, сверх того взыскивается с этого укрывателя в пользу мужа ее за бесчестие по 9-ти штук из каждого рода скота, за неимением же оного, ограничивается он одним только наказанием.

Киргиз соблазнивший к прелюбодеянию с собою девицу, должен по предварительному о том согласию с ея родителями, взять ее за себя в замужество, и заплатить калым, если же он того не пожелает — то подвергается тому же наказанию как положено за прелюбодеяние.

ПРИМЕЧАНИЕ: Другое взыскание бывает, если девушка от него будет беременна или родит младенца, то по согласию родителей ея, а за неимением их, ближайших родственников, должен он заплатить за нее калым, в противном же случае, на воспитание младенца и за бесчестие девушки, отбирается у него все имущество.

11. Обряды при погребении умерших

Погребение умерших киргизов исполняется точно так, как и у татар по Магометанскому закону, как равно и поминовение по прошествии 7-ми и 40 дней и последнее по прошествии года, с тою только разницею что после последнего угощения на поминках делаются скачки и борьба, на которые собираются к богатым из всех соседних аулов и отличившихся в скачке и борьбе, дарят призами — что продолжается целый день с утра до ночи, и потом разъезжаются по своим аулам.

12. Торговля, мена и продажа киргизами от избытков своей собственности

Торговля между киргизами введена в недавних временах на наличные деньги, и потом все купленное ими сбывают променом другим киргизам на вещи и скот, а на деньги никогда уже сами не продают, из таких выгод: что весною отдают в долг какую-либо вещь по кургашка (ягненка), а осенью берут его уже бараном, для чего все должники в верном платеже выставляют по себе поручителей и сии последние в случае несостоятельности первых уплачивают за них сами, таким образом все почти киргизы занимаются более меной, все изделия свои и имеющиеся у них избытки, также и лишнюю скотину променивают на меновых дворах оренбургском и уральском выменивают же по большей части хлеб, или вещи необходимо им нужные.

13. Перекочевка аулов

Киргизы на зимнем кочевье не могут далее оставаться как только покуда есть у них в запасе корм для скотины, при малом же появлении оного на степях, т. е. при открытии настоящей весны они перекочевывают на летние кочевья, за несколько дней до этого, делают они между собой совещание о местах, на которых должны они начально останавливаться и о времени, чтобы всем аулом вместе сделать подъем к движению — почему накануне этого дня с вечера навьючивают имущество свое на верблюдов; а у кого таковых мало, то и на рогатую скотину, потом вместе с рассветом все мужчины и женщины одетые в лучшие платья торжественно кочуют по степи — женщины следуют привьючной скотине с имуществом, а мужчины вперед гонят простую гульную скотину, и успевают доехать прежде на то место, где следует расположиться аулу, а женщины по прибытии к ним, устанавливают кибитки и порядок укладного в оных имущества по местам — таким образом перекочевывают во все лето с одного на другое место и не более бывают на одном месте одной недели, а иногда и менее, т. е. покуда не вытравят скотиной корм, или на сколько дней оного достанет, к сенокосному же времени, в июле месяце прикочевывают к линии обратно, и для зимнего времени производят тут сенокошение и заготовляют кизяк, а в начале осени приходят совсем на зимнее кочевье, где уж неподвижно сидят во все зимнее время до весны, и мелкую скотину сохраняют в устроенных кардах и вырытых в земле ямах в роде землянок, как равно и рогатую скотину, а лошади в косяках пасутся по степи и выбивают из под снега корм ногами.

Письмоводитель — Белозеров

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2798, стр. 75 — 82.

МАТЕРИАЛЫ ПО КАЗАХСКОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ, СОБРАННЫЕ ЧИНОВНИКОМ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ Д'АНДРЕ В 1846 ГОДУ

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

В начале июня 1846 года Оренбургская пограничная комиссия получила разрешение оренбургского военного губернатора Обручева на свою просьбу командировать в казахскую степь для собирания материалов по казахскому обычному праву специального чиновника. Командирован был чиновник по особым поручениям д'Андре. Последний выехал в степь из Илецкой Защиты 13 июля 1846 г. с соответствующими инструкциями и письмами к султанам и биям об оказании ему содействия в его работе. Районом его деятельности были определены западная и средняя части Младшего жуза.

Поскольку д'Андре совершенно не знал казахского языка, к нему был приставлен переводчик — «чиновник для производства следствия в Орде» Григорьев, так как сведения должны были быть получены «из неопровержимых источников».

Порядок собирания обычаев был определен инструкциями и указаниями пограничной комиссии следующим образом: д'Андре должен был сначала при помощи переводчика получать сведения от казахских биев и родоначальников, потом формулировать их в виде правовой нормы на русском языке. Григорьев затем переводил ее на татарский язык и, если опрашиваемые лица ее подтверждали, то они скрепляли свои показания подписями, тамгами и печатями.

Действительность подписей и печатей подтверждалась султанами и правителями средней и западной частей орды.

Д'Андре пробыл в степи 2,5 месяца и 21 сентября 1846 г. возвратился в Оренбург. 3 ноября он представил пограничной комиссии систематизированный свод «Описания киргизских обычаев». К сожалению, этого документа в делах Казахского государственного исторического архива нет. Сохранились только три черновика д'Андре, сильно запутанные и перечеркнутые. В настоящем издании мы публикуем «Описание киргизских обычаев» д'Андре, собранное по его черновикам и систематизированное в соответствии с номерами параграфов.

К оценке казахской жизни д'Андре подходит как представитель русской администрации к колониальному народу, характеризуя казахов как «полудикий народ», понятия которого «еще столь мало развиты в отношении моральном»[2].

Оценивая значение материалов, представленных д'Андре, следует учесть, что материалы были собраны в весьма короткий срок, что он совершенно не знал казахского языка, не был знаком с жизнью и бытом казахов и не имел специального юридического образования.

В собранном д'Андре материале обращает на себя внимание смешение правил адата с нормами шариата. Вызывает удивление то, что «Описание киргизских обычаев, имеющих в Орде силу закона», кото-

---

[1] От составителей.

[2] См. стр. 123 настоящего сборника.

рое должно было содержать только правила казахского адата, подтверждается муллами и казиями, судившими, как известно, только по шариату.

В отдельных местах им также идеализируется суд биев как «главный представитель народного права»,[1] который справедливо решает дела и не в праве требовать «возмещения или плату по окончании решения».[2]

К достоинствам его записей как источника для изучения казахского обычного права относится то, что он, опросив множество лиц, собрал довольно обширный правовой материал. Главная же ценность этого материала заключается в том, что материалы д'Андре были собраны в степи и непосредственно у знатоков казахского адата — биев и аксакалов, которые подтвердили его своими подписями и тамгами.

Д'Андре представил богатый по содержанию, подробный материал, в котором многие вопросы казахской правовой жизни освещаются по-новому, как, например, вопрос о тюленгутах,[3] правое положение рабов,[4] права и преимущества белой кости,[5] о налогах и сборах на основании правил шариата,[6] о различных видах промыслов[7] и др.

Поскольку в данном тексте черновика д'Андре часто отсутствовали ссылки на его особые замечания, помещенные им в конце текста, мы сочли необходимым дать эти ссылки там, где они казались нам необходимыми по смыслу содержания.

Мы сочли также необходимым опубликовать к этому материалу инструкцию Оренбургской пограничной комиссии, рапорт д'Андре от 5 ноября 1846 года, 128 подтверждений описанных обычаев биями, старейшинами и аксакалами, письмо д'Андре от 21 октября 1846 года и к последнему соответствующие выписки из алкорана.

г. д'Андре,

ИНСТРУКЦИЯ

Вашему высокоблагородию поручается описание киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона; предмет этот по существу своему стал важен и при надлежащем развитии его, столь многотруден, что с Вашей стороны потребуется самый верный взгляд и неупустительная деятельность. Обращаю внимание Ваше на нижеследующие замечания, как на главнейшие стороны предстоящих Вам занятий:

1) Правительственная цель, для которой предполагается собрать и привести в порядок обычаи киргиз, облекает это дело обязательною важностью. Для удовлетворения этой цели требуются данные. Под этим разумеется: самые точные и достоверные сведения о киргизском народном суде и расправе. Сведения эти, как материалы к составлению особого для орды свода законов, — должны быть почерпаемы **из неопровержимых источников.**

---

[1] См. стр. 124 настоящего сборника.
[2] См. стр. 126 настоящего сборника.
[3] См. стр. 136 настоящего сборника.
[4] См. стр. 135 настоящего сборника.
[5] См. стр. 136 настоящего сборника.
[6] См. стр. 137 — 139 настоящего сборника.
[7] См. стр. 147 — 148 настоящего сборника.

2) Известно, что вообще у киргиз (во всех 4-х ордах и отраслях их, присоединившихся к средне-Азиатским владениям) бий считается, представителем народного суда и расправы и, по своему влиянию на все без исключения дела народа, составляет одно из важнейших его сословий. Следовательно, на биев должно быть преимущественно обращено Ваше внимание, — и между этими то людьми Вам предстоит раскрыть источники, заключающие в себе все необходимые сведения.

3) Бесспорно, что бии изучая народное свое право, как бы по призванию, и достигая значения судей только опытностью и проявлением своих способностей, на деле, — не все принадлежат к одной равносильной степени законоведцев. Поэтому, Вы будете обращаться к тем из них, которые пользуются общим в киргизских родах уважением и известностью. Впрочем, не следует смешивать биев, известных собственно по своим познаниям, с ордынцами носящими это почетное звание — только по богатству или родственным связям. Наблюдательность и привычные расспросы покажут Вам это различие, которого важность вполне для Вас понятная. В этом случае могут Вас руководствовать султаны правители, народные отзывы, а также отчасти сведения, на которые указано Вам в предписании моем от 17 июня за № 306.

4-е. Так как требуемые сведения, будут служить основанием к начертанию свода законов, то они непременно должны иметь силу юридических фактов, — т. е. должны быть с переводом на татарский язык, скреплены подписью и печатями биев, а также подписью грамотных и печатью или тамгами почетных ордынцев — как-то: Родоначальников, Султанов, аксакалов, и окончательно удостоверенных Султанами Правителями.

5-е. Из того же следует, что в сборнике тех сведений, не должно быть ни одного спорного или сомнительного пункта. В неизбежном случае статьи, возбуждающие разногласие биев, должны быть оговорены особым подробным пояснением, также скреплены подписью, печатью или тамгою лица, несогласного с мнением прочих.

6-е. Число биев, которые должны подвергнуться Вашим распросам, и засвидетельствовать полное собрание сведений, не может быть ограничено. — Но само собою разумеется, что чем больше биев, будет участвовать в этом деле, — тем лучше. — Многочисленность голосов (разумея подписи и печати) удостоверяющие Ваш труд, усилит его действительность, притом же можно предполагать, что ордынцы и их родоначальники, сами будут стараться, придать этому делу сколько можно большее значение. Все это будет зависеть, от приличного внушения и объяснения им смысла и цели Ваших с ними объяснений.

7-е. Описание киргизских обычаев, должно иметь вид сборника, составленного в систематическом порядке. Для этого Вам предстоит предварительно начертать ряд вопросов, которые бы составили полную программу всех предстоящих вам занятий. Развитие этой программы до надлежащей подробности, зависеть будет от Ваших познаний и приличного соображения предмета. При этом случае следует быть весьма осмотрительным, чтобы в сведения, которые приобретаются ныне, может быть единожды навсегда и будут служить основою, предполагаемого законодательства ордынцам не вкралось ни малейшего пропуска, могущего произвести значительный по смыслу пробел, или возбудить недоумение при окончательном рассмотрении данных.

8-е. В сборник о киргизских обычаев должны войти те из них, которые имеют в настоящее время в орде силу закона. А потому описание обычаев или обрядов, объясняющих собственно народный нрав и житей-

ские привычки, из которых не проистекает никакого законодательного положения, не должны в нем иметь места. Желательно, чтобы сведения подобного рода *были собраны* Вами *отдельно*, как предмет весьма занимательный в виду особого приложения, из которого может быть извлечена польза для науки и вообще для края.

9-е. Изложение сборника киргизских обычаев должно быть сколь можно кратко и ясно, что за всем тем ничуть не воспрепятствует ему быть полным в совершенстве, если только заключающиеся в нем сведения, будут удовлетворять основной программе.

10-е. Программа эта должна заключать в себе не упустительно все отрасли общепринятого у Киргиз суда и расправы, как-то: а) по преступлениям вообще и покушениям на преступление, (сообразно с положением об Управлении оренбургскими киргизами, существующим с 14-го июня 1844 года), б) по правам личности, в) по правам на собственность; г) по делам семейным; д) по делам супружеским, е) по наследству, ж) по опеке, з) по делам мены и торговли, и) по обязательствам всех родов, к) о мерах взысканий по делам всякого рода: наказание, штраф, пеня; л) правила благоустройства в аулах и перекочевках; м) ненарушимые таинства и правила обрядов: брачного, погребального, присяги, обрезания и проч. При этом разумеется законная сила доказательств к оправданию и обвинению, как то: свидетельство в лицах, документах и т. п. Развитие всех этих и прочих статей, возлагается на Вас самих и готовым руководством в этом случае может вам служить **проект свода законов для кочевых инородцев Восточной Сибири,** который во многих отношениях — удобоприменим.

11-е. Нет сомнения, что бии и другие лица, которым предоставляется в своих или других родах постоянно, или случайно чинить суд и расправу — в приговорах и решениях, руководствуются положениями, основанными на особом толковании **обязанностей человека** или **шариата**, — следовательно, на Алкоране, первоначальном источнике всех школ мусульманских законодателей, а также на нераздельном с ним **сюннете**, или сборнике преданий, с изречениях чтимых последователями магомета и его учеников, признаваемых у мусульман святыми. Разыскание коренных оснований киргизского народного права и, по возможности, определение их относительное к Алкорану — было бы весьма полезно.

12-е. Бии, как известно, имеющие вообще значительное влияние на однородцев, нередко соединяют в своем лице две власти — власть судьи и военачальника, то есть: предводителя полчищ действующих в степи вооруженною рукою или междоусобно, или против соседних племен. Поэтому, определение всех прав, присвоенных в народе званию Бия, как статья весьма важная в общем очерке, не должно быть Вами упущена из виду. Равным образом и определение прав и преимуществ **белой и черной кости** по всем степеням, должно вполне войти в раздел программы: **о правах личности и собственности.**

13-е. Ваше Высокоблагородие можете: или находиться в степи при Султанах правителях и приглашать в их ставки биев и других ордынцев, необходимых для личного объяснения с Вами или же разъезжать по киргизским родам отдельно с вожаками и достаточным конвоем из киргиз, которых обязаны назначить Вам правители. Выбор удобнейшего из этих двух способов, вполне представляется Вашему соображению на месте.

В заключение неизлишним считаю поставить Вас, Милостивый Государь, в сведение, что, заботясь об удобствах и безопасности переездов Ваших в глубине степи, я обязал Султанов, Правителей Средней и

Западной частей орды, кроме полного Вам во всех отношениях содействия к успеху в предстоящих занятиях, — предворять Вас о положении ордынских дел, могущих случайно стеснить или воспрепятствовать занятиям Вашим, внимательно следить за Вашими в отдаленной степи путями, быть постоянно известными о месте нахождения Вашего, а также время от времени чрез особых гонцев или при случае осведомляться о Вашем положении для того, чтобы при каких либо затруднениях, могущих непредвиденно Вам встретиться, оградить Вас и выручить, смотря по обстоятельствам — силою, состоящих при них Воинских отрядов, или другим равно действительным способом. Для соглашения и облегчения этого распоряжения моего, Ваше Высокоблагородие, обязаны будете во время пребывания в глубине степи, при каждом удобном случае, поставлять и со своей стороны султанов Правителей в известность, о положении своем и местонахождении.

Начальникам Оренбургского и Уральского укреплений, а также находящимся там чиновникам Пограничной комиссии, от меня сообщено о настоящей Вашей командировке для сведения и зависящего в случае надобности содействия.

Председатель генерал-майор Ладыженский

ЦИА КазССР, ф. 4, д. 2794, лл. 163 — 168.

Его превосходительству господину председателю Оренбургской пограничной комиссии генерал-майору и кавалеру Михаилу Васильевичу Ладыженскому

Чиновника особых поручений д'Андре

5 ноября 1846 г.
№ 122-й

РАПОРТ

Согласно предписанию Вашего превосходительства от 17 июня за № 306-м честь имею представить собранные мною сведения о киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона.

Руководствуясь инструкцией, данной мне Вашим превосходительством и, не упуская из виду тех предметов, о которых должен был производить опросы я, по возможности старался раскрыть основание основных обычаев, по которым судятся поныне в орде Киргизы. А по сему не лишним счел поместить в деле некоторые выписки из Алкорана, как равно и из некоторых, писанных учеными толкователями Алкорана — казиями и друг. Но при всем этом можно заключить Суд, основанный на Алкоране, почти вовсе недоступен в общепринятом в орде разбирательстве отчасти потому, что бии не в состоянии исполнять строгие суры Махамедда, а также и от того, что самих киргизов нельзя назвать ревностными поклонниками своего пророка. Нравы и характер этого народа еще так дики, понятия его еще столь мало развиты в отношении моральном, что безрассудно бы было со стороны биев производить расправу, основываясь на правилах писанных для племени, можно сказать образованных, в сравнении с Киргизами.

Проступки полудиких киргизов слишком однообразны, чтобы разбирательство над ними требовало больших познаний, тонкости ума. В орде производство столь же просто, сколь просто у ордынца понятие о самом преступлении. Нельзя предполагать, чтобы преступлений было в

орде менее чем в образованной какой-либо стране; чтобы редкие случаи преступлений могли служить ничтожеству в ордынском разбирательстве, — напротив преступлений столько-же сколько и тут, но с тою разницею что важные преступления часто считаются между киргизами самым простым делом, и остаются неизвестными. Ни от самого бия обязанность коего состоит не в преследовании или наказании какого-либо зла, а более в водворении и поддерживании всеобщего спокойствия в аулах, с которыми он кочует.

Храбрость и образ жизни киргизцев могут служить теми причинами, по которым суд и расправа в орде незначительны. Большая часть маловажных дел или споров какого бы рода они не были из упомянутого обстоятельства рассматриваются без ведома бия. Даже угоны скота и убийства хотя суть случаи довольно обыкновенные в степи (в особенности первые), но и тут большой сложности или запутанности в судопроизводстве не представляют тем менее разнообразия в случаях при разбирательстве судьи тем менее должно быть и родов наказаний и прочее самое разбирательство основанное на обычаях.

Все это я осмеливаюсь представить Вашему превосходительству на тот конец, дабы приведение таких дел не могли счесть за упущение с моей стороны. То малое описание некоторых предметов под заглавием коих должны бы повидимому включить гораздо более и подробные сведения. Как например, в §§ 40, 45, 46, 47 О благоустройстве в аулах и перекочевках, опис. документов, об обрядах. При распросах эти статьи по вышеизложенным причинам, весьма мало представляют источников, из которых я бы мог извлечь что либо положительное касательно народного судопроизводства. В конец я приложил некоторые собственные мои замечания могущие служить для пояснения или пополнения некоторых предметов.

В заключение долгом считаю добавить, что при составлении всего описания киргизских обычаев, кроме инструкции данной мне Вашим Превосходительством, я руководствовался одними программами, кои составляемы были мною же на месте, для надлежащего допрашивания.

Независимо же готовности биев, старшин и аксакалов, содействовать мне в деле направленного на их пользу, я не могу умолчать здесь о бие Байбостанского рода Казы Сарымове, как о главном сотруднике моем во все время пребывания моего в степи и как человека вполне заслуживающего внимания Ваше превосходительство.

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2794, св. 247, стр. 51 — 52 об.

Описание киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона

О судопроизводстве между киргиз-кайсаками вообще

§ 1-й

О биях. Все дела, требующие суда и расправы в орде, производятся преимущественно биями, как главными представителями народного права (особ. замеч.).

Бий-судья, по назначению своему обсуждать дело, каждого удовлетворять обиженного или наказывать преступника не отдавая отчета никакой другой власти кроме собственной своей совести, без всякого сомнения может занимать место в орде, не доступное быть может и для самих султанов, поэтому ни сила власти или богатства заставляет

ордынцев прибегать к разбирательству бия, но собственное влечение искать у человека, избранного самим народом для общего своего блага.

Природный ум, особые душевные качества с присоединением к тому опытности и примерной приветственности есть качества и вместе с тем все достояние, посредством которых бий может иметь право носить это почетное имя.

ПРИМЕЧАНИЕ: Многие в орде киргизы именуются биями. Но в предстоящем случае биев-судей не следует смешивать с биями Военноначальниками и биями богачами.

Военноначальник или предводитель полчищ может именоваться бием тогда лишь, когда благоразумно действуя войском, цель этих действий будет клониться к общему благу для народа: как-то к защите своих соотечественников от нападения хищников или соседних к орде прилежащих азиатских племен. Но предводитель шайки составленной из барантовщиков, несмотря на всю удаль или страх, который может поселить в орде повелитель ее, так как целью таких похождений один грабеж, то и виновник подобных беспорядков, как возмутитель спокойствия не может именоваться бием.

Что же касается до некоторых зажиточных киргизов известных в орде огромными своими табунами и присвоивших себе прозвание биев, то таковые известные по сим названием лишь в своих аулах, и пользуются лишь почетным титулом ради родственников или окружающих людей, которые из своих видов желают польститься самолюбию человека, не имеющего вовсе никаких других достоинств кроме одного богатства.

§ 2

О суде и расправе биев. Не всегда суд и расправа биев основаны на правилах, изложенных в Алкоране и на толкованиях последователями магометан. Подобные правила не во всех случаях удобоприменяемы к киргиз. народу. При решении тяжб или споров, основываясь на обычаях, бий прибегает и к собственному своему уму и опытности качествам сделавшим его известным в целом народе. Разбирательство производится словесно (См. особое замечание 3. **Составители**).

а) Число биев в народе неопределенно, а по сему бий может обсуждать дела каждого ордынца, к какому бы роду или отделению сей последний не принадлежал.

в) Звание бия не наследственное.

Обычаи, не имеющие вовсе источников своего основания и часто противоречащие самому алкорану, служат почти главным основанием всего суда, какою бы важностью облечен тот суд не был.

с) Бий соединяет в себе права казыя, Муллы и некоторым образом власть султана в том отношении, что ни рода претензии, ни важность преступления не могут препятствовать ему в своем суде. Главная обязанность его водворять и поддерживать в аулах спокойствие немедленным разбирательством жалоб и через это самое прекращать распри при самом их начале, не давая повода вражде или продолжительному спору.

д) Кроме всеобщего уважения бий никакими особыми правами или привилегиями в Орде не пользуется. Хорошая молва в народе о беспристрастном суде бия суть единственные отличия его от простолюдина.

§ 3

Каждый ордынец, или ордынка, ищущие вообще Суда, имеют во всякое время, право обращаться к бию со своими жалобами.

а) Выбор бия для разбирательства дела, предоставляется сами претендателям (особ. замеч.).

в) Несовершеннолетние, т. е. не достигшие 15 летнего возраста не могут подлежать суду бия.

§ 4

Кроме болезни никакое обстоятельство не должно препятствовать бию в немедленном приступе к разбирательству дел. В случае болезни, бий может отсрочить суд и расправу до своего выздоровления. Но если обстоятельства дела не могут терпеть отсрочки, в таком случае бий обязан отослать тяжущихся или преступника к другому по его усмотрению, бию от своего имени и с нарочным киргизом или родственником.

§ 5

О повереных по искам и жалобам. В случае вместо киргизцев, ищущих суда у бия, являются лишь одни повереные от тех киргизов с приглашением явиться бию в аул их, то бий обязан в то же время и не взирая на расстояние, отправиться с присланными в назначенное место. Все переезды должны быть делаемы собственными средствами бия.

а) Повереное лицо должно быть сопровождаемо двумя его одноаульцами, могущими подтвердить бию, что посланный есть то самое лицо, коему поручено на время заменить самого истца, или ответчика.

в) В случае наказания уличенного в проступке, поверенный от жалующегося лица, должен присутствовать при том наказании, дабы впоследствии мог подтвердить лично оставшемуся обиженному о действительной мере наказания. Равным образом, поверенный получает для доставления пеню или штраф взысканный с виновного.

с) Но если истец оставшийся в ауле и приславший своего поверенного, по суду окажется виноватым и будет подлежать телесному наказанию или штрафу, то исполнение приговора остается неисполненным, до времени, пока обстоятельства дозволят самому обвиненному явиться к бию.

§ 6

О суде над родственниками. Бий не может отказываться от производства суда над своими родственниками. Но буде он заметит, что его подозревают в пристрастии, то в то же время бий таковых тяжущихся или преступника отдает на суд людей, коих выбирают сами недовольные тем судом. (См. особое замечание 4. **Составители**).

§ 7

О вызове тяжущихся. В случае неявки одного из двух тяжущихся лиц к бию, то сей последний имеет полное право вытребовать его к себе насильно через нарочно посланных или чрез посредство родственников уклоняющегося от суда киргиза.

§ 8

По окончании суда не воспрещается бию принять подарок поднесенный с которой либо стороны тяжущихся и таковое принятие не считается за лихоимство. Но требовать возмездия или плату по окончании решения дела, бий не имеет права.

§ 9

О доносах или предъявлениях. Если к бию явится ордынец с доносом или с предъявлением о каком либо проступке постороннего лица и

вовсе не касающегося до доносителя, то бий не взирая, что донос быть может ложный, обязан приступить немедленно к надлежащим розыскам.

а) За справедливость доноса доноситель кроме одного одобрения со стороны бия ничего не получает.

в) За троекратный ложный донос на кого-либо, доноситель наказывается розгами по усмотрению бия и с той поры уже не имеет право ни в каком случае являться к бию с какими бы то ни было жалобами.

§ 10

О свидетелях. По делам касающимся до прелюбодеяния для оправдания или уличения в преступлении должны быть представлены не менее 4-х свидетелей. В прочих же случаях 2 свидетеля достаточно.

а) Свидетели по усмотрению бия и по важности преступления, могут быть приведены к присяге.

б) До приведения свидетелей к присяге делается надлежащее увещевание.

с) Лица, не имеющие вовсе никакого понятия о магометанском законе, к присяге не допускаются, а по сему свидетель, подлежащий по важности преступления к принятию присяги, от свидетельства отстраняется.

§ 11

Свидетелями не могут быть:

а) Женщины;

в) Ближние родственники. Дальние же к свидетельству допускаются в таком лишь случае, когда они известны бию с хорошей стороны и что не будут понаровить обвиненному;

с) Малолетние недостигшие 15 летнего возраста;

д) Ордынцы, бывшие наказаны плетью (нагайкой);

е) Участвовавшие или подозреваемые в одном и том же преступлении вместе с преступником от свидетельства отстраняются;

и) Умалишенные.

§ 12

Буде для уличения или оправдания преступника не представится вовсе свидетелей или же преступление было сделано без присутствия посторонних ордынцев, то в подобных случаях предоставляется ответчику с'искать, в отделении указанном самим бием, двух совершенно посторонних ответчику свидетелей, могущих под присягою оправдать обвиненного, или истцу представить двух и на том же основании подобных же людей, могущих обвинить ответчика.

§ 13

О повальном обыске. Оглашение кого-либо в проступке целым аулом достаточно для совершенного уличения хотя обвиненный со своей стороны и представил в оправдание свое данное число свидетелей.

§ 14

Об осмотрах и выемках. Для улики или вообще доказательства открытии следов преступления буде требуется личный осмотр или выемка в кибитке или джуламейке,[1] то таковые производятся или самим бием, или чрез доверенное от него лицо при двух посторонних из чужого аула киргизцах назначенных бием.

[1] Шалаш.

§ 15

Об очных ставках. Для приведения в ясность какого-либо обстоятельства в случае противоречия, бий производит очную ставку, но оговор в подобном случае не существует, т. е. сын может уличать родного своего отца, простой киргизец может быть на очной ставке вместе с султаном и т. п.

§ 16

О давности иска. Если обиженный киргизец по какому бы то ни было преступлению явится к бию с жалобою или просьбою разобрать дело спустя несколько месяцев или по истечении года и более в таком случае разбирательство бия скорее клонится к примирению обоих сторон, чем ко взысканию, основанном на обычаях или даже на Алкоране.

а) По истечении довольно долгого времени после преступления истец не имеет права настаивать об его удовлетворении или касательно наказания ответчика.

в) Но из сего правила исключаются случаи: когда расстояние не дозволило жалующимся явиться к бию во время, или если преступник учинивший преступление скрылся и заставил долгое время искать себя.

§ 17

О преступлениях и мерах наказания вообще.[1] Всякое преступление, совершенное ордынцем (исключая преступление противу веры), может оставаться без наказания, если обиженное или пострадавшее от того преступления лицо не изъявит на то претензий и не будет требовать удовлетворений. А по сему не входит в разбирательство, равно и не преследует виновного дотеле пока сами не явятся претендатели с жалобою или требованием удовлетворения.

а) Ордынец, совершивший преступление, не считается в ауле преступником, если дело окончилось мировою сделкою или выкупом.

в) Если преступник султанского происхождения или духовного звания, в таком случае бий отсылает обвиненного в преступлении на общее народное судилище, составленное из нескольких биев, султана-правителя, казия и почетных ордынцев.

с) Мера наказания может быть увеличена или уменьшена смотря по вине преступника и по соображению самого бия. А по сему определение числа ударов зависит от одного бия.

ПРИМЕЧАНИЕ: Определение алкораном числа 100 и 80 ударов за важное и 3 удара за маловажное преступление не могут быть отменены бием. Алкоран...

д) При наказании лета подсудимого в соображение не принимаются. От наказания же освобождаются: 1) умалишенные, 2) Беременные женщины (наказание отсрочивается по их разрешению равно как и для тяжко заболевших преступников).

е) Наказание может быть уменьшено:

1. Когда преступник явится с повинною,
2. Прежние заслуги и уважение, коими пользовался преступник до совершения преступления.

f) Мера наказания при повторении одного и того же проступка не изменяется до 3-х раз. За совершение же того же самого проступка в 4-й раз — определена смертная казнь или уплата (выкуп).

[1] Сообразно с постановлением об управлении Оренбургскими киргизами ст. 56, 57, 58.

Алкоран...

д) Покушение на преступление в вину не принимается.

Участники в одном и том же преступлении наказываются наравне с самим преступником.

§ 18

Наказание за какую-бы то ни было вину (кроме за преступление противу веры) — может быть заменено выкупом (тугузом) (особ. замеч.). Алкоран...

О тугузе. а) Тугуз бывает 3-х родов, т. е. большой, средний и малый.

1-й тугуз состоит из девяти голов скота, а именно 1-го верблюда, 2-х дойных кобылиц и 2-х жеребят по второму году.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Дойная кобылица считается за три головы, т. е. сосун, приплод и самая кобылица.

2-й тугуз состоит из девяти же голов скота, а именно: 1 лошади, 2-х дойных коров с двумя телятами и приплодом и пара годовалых быков.

3-й тугуз или тукал-тугуз состоит из восьми голов скота, а именно: из 2-х баранов с ягнятами с приплодом, 1-го барана без ягнят и 1-го козла (см. особое замечание 5. **Составители**).

в) Важное преступление, требующее смертной казни или жестокого телесного наказания, преступник выкупает уплатою всех трех тугузов разом, составляющему в подобном случае один полный тугуз. За менее же важные проступки сообразно вине, один из трех тугузов может заменить наказание.

с) Буде родственники преступника откажутся в уплате тугуза за неимением для того скота или по другим каким либо причинам, в таком случае присужденного отдают в работники для зарабатывания назначенного бием тугуза.

д) В случае же важного преступления, по коему тугуз назначенный в уплату не может вскоре быть выплачен посредством найма в работники, — то бий до совершения наказания прибегает к мерам изъясненным ниже (о родах наказания, буква д) на тот конец, дабы родственники или одноаульцы ради сострадания облегчили бы участь виновного общим старанием выплатить следуемый тугуз.

ПРИМЕЧАНИЕ: 2. Если ордынец совершил вторично одно и то же преступление, в таком случае тугуз не может заменить наказание, хотя преступник и в состоянии себя выкупить.

с) Для уплаты тугуза назначается с общего согласия надлежащий срок. В случае неуплаты в тот срок всего тугуза сполна, обвиненный подвергается к присудимому наказанию.

д) Тугуз может быть выплачен ни одним преступником, но и родственниками или одноаульцами его, а иногда уплачивается целым отделением, даже родом, к которому принадлежит преступник.

§ 19

О родах наказаний. а) Общепринятое орудие для экзекуции между ордынцами есть нагайка. Толщина ее должна быть не менее среднего пальца.

в) Преступник получает наказание лежа, если число ударов определено сообразно алкорану (хат). Если же наказание определено казы-

ем, султаном-правителем или бием, в таком случае преступник подвергается ударам стоя (тау-зырь). В обоих случаях удары наносятся по обнаженной по пояс спине.

с) Все наказания производятся вне кибитки и при народе.

д) Ордынец, на коего наказание нагайкой не имеет никакого действия, так что вскоре после экзекуции вновь совершено им же и то же самое преступление, в таком случае бий принимает иные исправительные меры, както:

1. Преступника сажают в яму, вырытую в рост человека и прикрывают сверху кибиточной решеткой, или куском кошмы. Заключение продолжается до тех пор, пока преступник не обещает при народе исправиться или впред не совершать то преступление, по которому он заключается.

2. В летнее время преступника кладут, обнаженного на солнце с привязанными в рознь руками и ногами к земле. Зимою сажают по пояс в прорубь, или оставив на теле самую легкую одежду, преступника выставляют связанного на мороз.

ПРИМЕЧАНИЕ: При подобных наказаниях преступнику приносят пищу родные или одноаульцы, но не иначе как с дозволения бия и в количестве достаточном лишь для поддержания жизни.

§ 20

О поруках. Для отнятия средств к побегу или уклонению вообще от суда, поруки назначаются самим бием. В случае отказа аульных принять на свое поручительство ордынца, известного по дурному поведению преступника, или обвиненного сажают в яму, с должным присмотром или связав руки на спину, привязывают за ногу к приколу или кибиткам.

§ 21

О преступлениях противу веры. а) Ордынец, изобличенный в каких либо богохульных изречениях противу веры своей или пророков, подлежит первоначально увещеванию бия или людей могущих привести преступника в раскаяние. Буде увещевание не имеет силы, то богохульника вымазав лицо сажей, сажают на корову лицом к хвосту и в таком виде возят по аулу, заставляя самого провозглашать вину свою. Но если и после сего не окажется должного исправления, виновный подлежит смертной казни.

Алкоран...

в) За разрытие могил и вынутие из оных мертвых тел для поругания, за повреждение могильных памятников, и нарушение благочиния во время Намаза, виновный наказывается по усмотрению бия.

ПРИМЕЧАНИЕ: Как сказано выше, за подобного рода преступления, тугуз не может заменить следуемое наказание.

Между тем бий, не имея той власти и средств, чтобы согласуясь с алкораном, за неисправление богохульника лишить жизни, заменяет смертную казнь жестоким телесным наказанием.

При подобных наказаниях число ударов редко определяется и преступника бьют до тех пор, пока он совершенно не изъявит свое раскаяние и не обещает исправиться. Но буде преступник не выдержав сполна наказание умрет под ударами, то смерть не может изменить исполнение определенного числа нагаек и тело преступника не лишается должного погребения сообразно магометанскому исповеданию.

§ 22

О лишении, повреждении членов. а) За лишение у ордынца обеих рук или ног, или повреждение с отнятием способа действовать этими членами с виновного взыскивается полный кун в пользу того ордынца. Равным образом лишение обеих ушей, глаз, носа, подбородка и т. п., подлежат тому же иску, состоящему из 1 тыс. баранов, 1 верблюда и 1 ковра.

в) За лишение или сильное повреждение одной руки, или ноги, одного глаза или уха, уплачивается виновным половина куна или 500 баранов с 1 верблюдом и ковром.

с) За лишение 1-го пальца на руке или ноге платится 100 баранов, за 2 пальца 200, и т. д. до пяти пальцев за кои платится ½ куна или 500 баранов.

ПРИМЕЧАНИЕ: При уплате 100, 200, 300 и 400 баранов, верблюд с ковром не прилагаются.

При уплате ½ куна за лишение одной руки или ноги, уха, глаза и т. п. в соображение не принимается, если в случае другая рука или нога была без действия от рождения или по какому либо другому случаю, равным образом, буде до повреждения у ордынца одного глаза, другим глазом ордынец тот был крив, виновный уплачивает ½ куна и т. д.

Кун или часть оного, в случае несостоятельности преступника, может быть выплачен родственниками его или ордынцами того рода или отделения, к которому присужденный принадлежит.

Срок уплаты куна определяется вообще не дольше ½ года. При уплате полного или половинного куна строго соблюдается дабы платеж начат был с верблюда покрытого ковром.

д) За выбитие всех зубов выплачивается полный кун, за лишение же одного или нескольких зубов, иск с виновного производится по усмотрению бия.

Об ат-туне. с) За нанесение каких-либо ран ордынцу орудием как-то копьем или чоканом, но без лишения способов действовать членом, с виновного взыскивается ат-тун, т. е. халат и лошадь без определения достоинств обоим вещам. Из них лошадь отдается в пользу обиженного, а халат бию или наоборот.

За сильный побой без нанесения явных ран виновный обязан побитого им вылечить на своем иждивении.

§ 23

Об оскорблении лиц пользующихся всеобщим уважением и вообще об обычаях. а) Ордынец ударивший рукою, палкою, или чем либо другим султана или бия и вообще человека, пользующегося в орде уважением, но не с намерением лишить жизни либо нанести рану, подлежит отсечению правой руки по кисть.

Алкоран...

в) За словесное поношение или несоблюдение должного почтения султану, бию и т. п. людям, с намерением оскорбить то лицо — виновный наказывается 49 ударами плети.

Алкоран...

ПРИМЕЧАНИЕ: Оба вышеупомянутые пункта в точности не соблюдаются между киргизами, хотя подобное наказание и основано на алкоране. Обидевший киргизец бия ударом либо ругательным словом, наказывается по усмотрению самого султана-правителя.

с) Если ордынец простого звания изъявит претензию на равного себе, что сей последний ругал его невинно или ударом слегка рукой или как-либо с намерением нанести оскорбление, то с виновного взыскивается 1 баран, или халат, судя по вине и соображению бия в пользу обиженного.

ПРИМЕЧАНИЕ: За обиду, причиненную женщине, иск уменьшается, производится по усмотрению осуждающего лица, но таковой увеличивается, если обиженная не простого, а султанского происхождения.

§ 24

Об оскорблении детьми родителей. а) Дети, обидевшие родителей своих словом или побоями, подлежат суду Султана-правителя или казыя и наказывается по усмотрению сих последних. Особых наказаний за таковые преступления не определено.

При обсуждении подобного рода дел свидетелей для подтверждения слов или показаний родителей не требуется.

в) Родители превышающие власть свою над детьми, подлежат одному увещеванию бия или того лица, к коему обратятся с жалобами, но за такие поступки виновные никакому иску не подлежат.

§ 25

О клевете. Кто либо ложно оговорит ордынца в прелюбодеянии, тот подлежит наказанию 80 ударов плети.

Алкоран...

ПРИМЕЧАНИЕ: Хотя число ударов определенное Алкораном явно указывает на важность преступления, но в орде такого свойства дел не существует. Бий не входит даже в разбирательство подобных претензий.

§ 26

О блуде. Нет почти примеров, чтобы ордынцы судились за прелюбодеяние. Семейная расправа, сделка или уговор прекращает в то же время дальнейшие иски по преступлениям, кои по алкорану заслуживают примерного и справедливого наказания. Основываясь на смысле слов того же алкорана, что нет преступления (кроме преступлений противу веры), которые бы не могли быть выкупленными скотиной или вещами, ордынец не осуждая строго поступки, относящиеся до прелюбодеяния, готов выменять честь жен и дочерей своих на несколько голов баранов и т. п., а слово непорочность в орде мало имеет смысла.

Как бы важно ни было преступление и как бы сильны доказательства на то не были — Бий отсылает обиженное лицо с наставлением предать все дело забвению.

ПРИМЕЧАНИЕ: Случаи представляющиеся семейному разбирательству суть следующие:

I. Если жених застанет невесту свою в прелюбодеянии с посторонним ордынцем, и буде тут же произойдет убийство над преступником, то родные сего последнего не имеют права требовать должного куна; а обязаны, не доводя до сведения никакой власти, обстоятельство предать забвению. Равным образом если жертвою убийства будут оба лица, учинившие прелюбодеяние, то родители невесты не обращают назад приданного (если оно выплачено) и не имеют права изъявляет никаких претензий на поступок убийцы.

II. В случае же отсутствия жениха, если сей последний узнает достоверно через посторонних людей о распутном поведении невесты своей, то по возвращении в аул имеет право обратиться к будущему тестю своему с требованием загладить проступок дочери каким либо подарком, по получении коего все обстоятельство не имеет никаких дальнейших последствий и обе стороны остаются удовлетворенными.

III. Если замужняя женщина или девица будет заподозрена в прелюбодеянии с посторонним каким либо человеком, но доказательств на то представить трудно, то муж той женщины или родственник девицы предававшейся распутству оканчивает дело иском с виновного, подлежащему ат-туну.

IV. Жалобы мужа на распутство жены своей, биев не принимаются.

Алкоран.... § 27

О воровстве, вообще. Кражу и угон скота, можно назвать весьма обыкновенными проступками между киргизцами. Нет почти в орде аула, который бы не скрывал в себе воров, или не имел за собою общественного долга, впоследствии какой-либо баранты или угона. Воровство-мошенничество и воровство-кража имеют одинаковую степень преступления. Цель или лучше старание биев скорее стремиться к возвращению угнанного или краденного скота, чем преследованию преступника для должного наказания.

Но независимо сего, разбирательство ордынским начальством дел об угоне или воровстве скота, можно назвать самым важным в орде разбирательством в том отношении, что, во-первых, скот составляет все достояние киргизца и, во-вторых, воровство или угон этого скота служит источником всех распрей и даже вражды не только между аулами, но и между отдельными отделениями родов.

§ 28

Наказание за покражу вещей. Киргизец, пойманный в краже какой-либо вещи, имеющей ценность, подвергается без всякого суда отобранию от него кроме покражи всего, что только на нем есть, на счет одежды и сверх того наказывается в то же время нагайками как хозяевами покраденных вещей, так ровно и аульными вызванными нарочно для сего из своих кибиток.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1-е. Подобного рода наказание, как усматривается, может быть жестоко, но при этом не принимается в соображение ни ценность покражи, ни причины, побудившие совершить воровство, довольно того что вор пойман с уликою и мера наказания зависит уже от одних обстоятельств или сожаления наказывающих. За маловажную кражу вместо телесного наказания, виновный подлежит позору, как то плеванию в глаза и т. п.

Кража вещей из сундука с разломанием замков увеличивает преступление, а по сему менее бывает пощады при наказании. Развязать веревку, которая прикрепляет дверь к кибитке в отсутствие хозяев равняется выломанию замка.

Алкоран... § 29

О суюнчу. Ордынец, открывший следы покраденного или угнанного, получает от хозяина пропажи подарок или суюнчу, состоящий из халата, лошади и т. п., смотря по важности или величине самой потери.

Уличенный или сознавшийся в воровстве киргизец, кроме возврата покраденного или следуемого по суду наказания подлежит сверх того уплате и той суюнчи, которая отдана была хозяином покражи ордынцу открывшему следы покраденного.

§ 30

О воровстве и угоне скота. а) Виновный в краже одного барана подлежит кроме возврата украденного, к уплате двух баранов в виде наказания.

Буде ордынец украл 2-х баранов, то уличенный в таковой краже должен возвратить хозяину шесть баранов; за три барана взыскивается девять.

За покражу превышающую числом более 3-х баранов с виновного кроме возврата украденных взыскивается в наказание ат-тун (от-ат-чун).

с) За угон целого стада кроме возврата сполна всего угнанного, подлежит к уплате тугуза смотря по количеству голов и убытки понесенные хозяином во время лишения того стада.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. При возврате вообще баранов или лошадей хозяин не может требовать чтобы возвращены были ему те самые коими владел прежде. При уплате соблодается лишь одно число голов.

В случае если укравший одного барана или более утратит таковые и не будет в состоянии выплатить своим скотом претендателю в таком случае, иск распространяется на родных его или одноаульцев.

Буде те родные или аульные откажутся вовсе платить за вора, то бий обсуждающий дело отдает того преступника в работники для зарабатывания следуемого иска.

ПРИМЕЧАНИЕ: При нахождении того ордынца в работниках не воспрещается родным находиться при нем для подмоги.

д) Ордынец укравший лошадь, кроме возврата той лошади, обязан присовокупить к оной ат-тун, в виде наказания. Но если украденную лошадь вор успеет сбыть, то взыскивается с виновного другая какого бы то ни было достоинства но не менее и не более пяти лет, (с присоединением ат-туна).

с) За украденного и утраченного вором скакуна, кроме взыскания пяти годовалой лошади и ат-туна виновный подлежит уплате приза выигранного тем скакуном на первой его скачке.

д) За кражу двух, трех и четырех лошадей разом, кроме возврата всех их взыскивается за каждую голову по одному ат-туну; равным образом и на том же основании производится иск за кражу верблюдов. Но если кража превышает число четырех лошадей, то вместо ат-туна платится тугуз. Угон восьми-десяти и более лошадей составляющих уже косяк — именуется барантой.

ПРИМЕЧАНИЕ: При краже подобного рода принимается иногда в соображение уведенная или угнанная лошадь была ли стреножена или привязана к приколу или же паслась на воле; в первом случае вина увеличивается и ставится наравне с выламыванием замков.

д) В случае если ордынец приобретает краденую лошадь которая впоследствии времени будет опознана хозяином то сей последний обя-

зан при отнятии той лошади назад дать тому ордынцу на время, другую чтобы имел способ возвратиться в аул свой.

§ 31

Аладжип. По уплате тугуза следуемого с виновного и вообще по окончании всякого дела касающегося до иска, бий должен произвести аладжип или обряд примирения.

По совершении аладжипа ни под каким видом спор или претензии возобновляться не могут и возобновивших дело после того обряда бий в разбирательство не входит. Истец и ответчик держут веревку, по концам избирается по усмотрению обоих почетный ордынец (но не обсуживающее лицо) с тем, чтобы разрезал ножем ту веревку пополам. Разрезывающий веревку упоминает, чтобы разрезан был на части как эта веревка, тот, кто возобновит спор оконченный аладжипом. После чего ответчик должен подарить халат или что-либо другое разрезавшему веревку ордынцу, который оставляет также при себе ножик, должный принадлежать претендателю.

§ 32

О подлоге. За ложную подписку в каком либо письменном документе или приложении чужой тамги, равно как и за делание чужой печати виновный подлежит наказанию по усмотрению бия или обсуживающего лица; принимая в соображение ту цель с которою подлог был учинен. Алкоран...

ПРИМЕЧАНИЕ: Если ордынец совершил подлог с тем намерением чтобы незаконно воспользоваться чужою собственностью, а таком случае виновный подлежит кроме возврата несправедливо присвоенного через подлог имущества еще к уплате ат-туна.

Равному обсуживанию подлежат дела о присвоении чужого звания или титула Султана и т. п. буде в подобных поступках могут скрываться дурные намерения со стороны самозванца.

§ 33

Состав гражданский

О праве иметь при себе рабов. Каждый ордынец какого бы происхождения не был, имеет полное право иметь при себе рабов. Число для права пользования рабами не определено.

а. Киргизец не может быть рабом, у своего единоверца.

ПРИМЕЧАНИЕ: Рабы большею частью у киргизов суть персиане, а не калмыки.

Раб должен находиться в полном повиновении своему хозяину, который может лишить жизни, продать, наказывать одним словом распоряжаться им как своею собственностью не испрашивая на то разрешение ни у какой власти или начальства.

с) В свою очередь раб не имеет права обращаться с какими либо жалобами к бию или т. п. лицу.

Дела касающиеся собственно до рабов не обсуживаются бием равно как и в случае неповиновения или проступка, раба, наказание определяется самим хозяином провинившегося.

д) Раб может выкупить себе свободу чрез определенное хозяином число скота или денег.

с) Жена раба не подлежит рабскому состоянию если она ордынка, равно как и дети того раба свободны и распоряжаться ими хозяин не

имеет никакого права. Но независимо того должны находиться, в услужении у того семейства к коему принадлежит отец их.

Буде купленная рабыня выйдет замуж за ордынца, через это самое переменит вероисповедание в таком случае соделывается свободною и уже зависит от хозяина отпустить на житье к мужу или же оставить у себя для услужения.

д) При покупке и продаже рабов условий никаких не совершается кроме нескольких свидетелей кои должны присутствовать при подобных делах.

§ 34

О правах и преимуществах белой кости (ак-сюяко). Все султаны как западной так и средней частей орды считают происхождение свое от Чингис-хана, хотя многим родословная своя не совсем известна. Знать происхождение своего от 3, до 6 колен, достаточно для того чтобы доказать происхождение свое от белой кости.

Малым преимуществом пользуются в орде подобные потомки Чингис-хана, титул Султана, почтение со стороны простолюдина состоящем, в прибавлении при приветствии слова алдиар приложа правую руку к правой же колени ноги и подобные выражения высказывающие покорность и избавление от телесного наказания. Вот почти все преимущества коими пользуются киргизы султанского происхождения в народе[1].

При разбирательстве или решении какого-либо народного дела, голос Султана считается наравне с прочими голосами киргизцев. Равно как особенных прав на преимущество никаких не имеет.

Но не взирая на малое значение в орде Султанского звания, самолюбие не дозволяет пренебрегать дальнейшим султанским потомством а по сему, киргизка султанского происхождения не может выйти замуж за простого ордынца, а непременно за киргизца, происходящего от белой кости. Но султану простую ордынку взять в жены себе дозволяется.

§ 35

О тюленгутах. Имение при себе султанами тюленгутов нельзя назвать преимуществом белой кости, но скорее потомственным достоянием перешедшим от предков, принявшим под свое покровительство людей которые искали в прежнее время защиту у каждого ордынского властелина, от беспрерывных в то время междуусобий. Бывало что целыми семьями являлись к султанам прося покровительства и средств к существованию, взамен предлагая свои услуги, а в военное время быть в роде телохранителей.

Нередко цель сделаться тюленгутом хана или султана была скрыться от законного какого-либо преследования. С тех пор образовав целые аулы, пришельцы эти разных родов и отделений кочуют постоянно вместе с султанами, не отличаясь впрочем ничем от простого киргизца кроме одного права клеймить скот свой султанским тавром.

Тюленгуту не воспрещается откочевать со своим семейством от султанских аулов, но при первом востребовании должен явиться на прежние свои кочевья.

Обязанности тюленгутов не определены. По усмотрению иногда бывают рассыльными, поверенными и вообще занимают мало обременительные должности.

---

[1] Здесь идет речь не о Султанах-правителях, а лишь об ордынцах происходивших от белой кости.

Семейством равно как и имуществом тюленгута распоряжаться никто не вправе. Судятся биями и другими наравне с прочими ордынцами. Особых повинностей султану не несут.

Условие в найме работников или бактачи производятся словесно и без свидетелей.

Кроме особой платы, хозяин обязан кормить и одевать работника на свой счет, а в зимнее время дать приют.

Обыкновенная цена работнику от 12 баранов и до 1 лошади в год[1].

Работник-пастух не отвечает если табун шарахнется и пропадет, если жеребцы погрызутся и тому подобные случаи, равным образом если покажется повальная болезнь на баранов или же некоторые будут зарезаны волками[2], но буде произойдут несчастия в скотине от злого умысла работника, в таком случае взыскивается с виновного при расчете, вычетом из следуемой платы.

Работник порядившись на целый год с хозяином не может перейти к другому без согласия на то первого.

Во все время нахождения в работниках ордынец пользуется свободным, но не рабским состоянием равно как и все семейство его.

В случае какого-либо проступка, работник судится и наказывается бием наравне с прочими ордынцами.

§ 36

О зякете и сборах, основанных на обычаях. Одни ханы имеют право собирать с народа зякет.

ПРИМЕЧАНИЕ: По разделении орды на части Султаны правители, хотя почитаются в орде наравне с Ханами, но правом на зякет не пользуются.

Сбор зякета производится с баранов, верблюдов и рогатого скота.

Целью ханского зякета служит, вспомоществование бедным или неимущим киргизам и на содержание мулле.

Алкоран...

ПРИМЕЧАНИЕ: В каждом почти отделении находится мулла на иждивении того отделения или лучше на содержании происходящего от оного зякета.

а) В нынешнее время зякет определяется с общим согласием ордынцев целого отделения и производится муллою на содержание сего последнего для обучения киргизских детей, а частью и на вспомоществование бедным.

б) Сбор такового зякета производится один раз в год весною, когда аулы начинают трогаться со своих зимовок. Мулла в сопровождении двух или трех приглашенных для этого киргизов объезжает аулы своего отделения, проповедуя зажиточным ордынцам чтобы не забывали бедных и вместе с тем производит сбор на следующих правилах. Ордынец имеющий 40 баранов должен уделить 1 барана мулле.

Имеющий 120 баранов уделяет 2 барана
имеющий 200 баранов уделяет 3 барана
имеющий 300 баранов уделяет 3 барана
имеющий 400 баранов уделяет 4 барана
имеющий 500 баранов уделяет 5 баранов
имеющий 600 баранов уделяет 6 баранов
и так далее.

[1] Работник обыкновенно нанимается для присмотра за баранами или лошадьми.
[2] Пастух в ночное время за скотину хозяина не отвечает.

С каждой сотни по 1 барану.

с) С того же ордынца если имеет лишних верблюдов берется с 5 верблюдов 1 баран
с 10 верблюдов 2 барана
с 15 верблюдов 3 барана
с 20 верблюдов 4 барана
с 25 верблюдов 5 баранов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Лишними верблюдами считаются те, кои во время кочевания не ходят под вьюками. Буде же ордынец имеет хотя и большое количество верблюдов но при перекочевках все идут под вьюками, в таком случае сбор с тех верблюдов не производится. Но имеющий более 25 лишних верблюдов вместо того, чтобы уплачивать зякет с верблюдов — баранами дает с 25 лишних верблюдов 1-го верблюда (самку) по 2-му году, с 36-ти верблюдов — 1, по 3-му году с 46-ти верблюдов — 1, по 4-му году с 50 и по 61 верблюдов — 1, по 5-му году.

С рогатого скота зякет собирается:
с 30 голов — 1-го двухгодовалого быка
с 60 голов — 2-х двухгодовалых быков
с 90 голов — 3-х двухгодовалых быков
с 120 голов — 4-х двухгодовалых быков
и т. д. с каждых 30 голов по 1-й двухгодовалой скотине.

ПРИМЕЧАНИЕ: Лета баранов для зякета положено не менее 1-го, а верблюдов 2-х лет: больная или хромая скотина может итти в зякет.

е) Мулла не имеет права взимать зякета от того ордынца у коего хотя и может оказаться достаточное число голов для уплаты, но могущим впоследствии терпеть чрез это нужду.

Алкоран...

Буде ордынец хотя и имеет у себя 40 баранов, следовательно подлежит уплате 1 барана, но из того числа должен кому-либо несколько баранов или одного в подобном случае от того стада, как бы уже не состоящего из 40 голов, зякет не распространяется.

д) Если при объявлении о недостатке в скоте, мулла усумнится в таковом указании, то имеет полное право произвести счет всего состоящего налицо стада.

Из всего собранного мулла берет одну лишь часть всего зякета, необходимую для годичного содержания его, остальное же раздается бедным, а также уделяется несколько голов в пользу тех людей кои помогали мулле в сборе зякета.

и) Мулла может производить зякет не в одном только Отделении но и в 2-х и 3-х и более, если в сих последних ни муллы, ни Казыя нет.

Казый имеет право разъезжать по целому роду для увещевания киргизов касательно отдачи лишнего имущества на богоугодное дело; но собирать зякет сам не может если до него уже мулла произвел тот сбор, равным образом казый не имеет права разъезжать вместе с собирающим зякет муллою.

к) Подозреваемый мулла в неправильном сборе зякета, лишается в то же время своего места (6).

§ 37

Сугум. Киргизы имеющие кочевья поблизости султанских ставок, обязаны каждый семьянин привести Султану правителю сугум или ка-

кую-либо скотину на зарез. Количество и достоинство такового приношения производится смотря по состоянию или зажиточности приносящего. А по сему бедные могут принести одну часть барана или лошади и т. п. только не иначе как сырьем.

Сугум производится осенью, обыкновение это имеет в основании то; дабы хан или султан мог прожить всю зиму на иждивении народа, и тоже мог бы видеть готовность ордынцев в жертвовании своего имущества в пользу своего начальства (7).

§ 38

Шибага. Тот же сугум или части зарезанной скотины только вареным. Шибага производится весною на тех же условиях как и сугум. Но подобное приношение делается ордынцами не только одним ханам и Султанам-правителям, но и биям и другим почетным киргизам как знак уважения, равно и лицам происходящим от белой кости (8).

§ 39

О подарках. а) Ордынец пользующийся уважением в орде, хотя и занимает какую либо должность, не может отказываться от принятия подарка, принесенным простым киргизцем.

в) Подарок имеющий ценность должен быть непременно отдарен большим подарком, но таковое обыкновение отдаривать в орде строго не соблюдается. Поводом к подобному обычаю может служить желание сблизиться через короткое знакомство и изъявление друг другу обоюдного уважения. Но подарки не могут быть принимаемы от людей ищущих покровительства или от таких киргизов кои чрез подарки подносимые своему начальству желают загладить или скрыть проступки свои и т. п.

с) Султан, бий или другие подобные лица остановившись на короткое время в чужом ауле, не могут отказаться от подарка поднесенного хозяином той кибитки в чьей временно находился гость. В подобных случаях отдарение тем же исключается.

д) За добрую весть, объявленную султаном, бием или другим подобным лицом простому киргизу, принять от сего последнего суюнчу — унизительно.

е) Буде ордынец имеющий какую либо власть в Орде, похвалит вещь или скотину принадлежащую чужому киргизцу, то сей последний обязан предложить ту вещь в подарок похвалившему ее.

ПРИМЕЧАНИЕ: Впрочем эта похвальба не всегда имеет целью получить похваленную вещь в свою пользу, а по сему хотя и делается предложение принять ту вещь, то похваливший от такого принятия может отказаться.

§ 40

О благоустройстве в аулах. а) Ни под каким видом ордынец не имеет права изъявлять претензии, если на место обыкновенно занимаемое им прикочуют аулы совершенно ему чужие, но должен искать для себя другое любое место в степи удобное для помещения кибиток и с достаточным кормом для скотины. Кто первый занял место в степи тому на время принадлежит и самое то место.

ПРИМЕЧАНИЕ: Чтобы отстранить подобные неудобства, или случаи, заблаговременно до перекочевки посылаются нарочные киргизы, обязанность коих состоит, уз-

нать, 1) порожнее ли то место, на которое должен стать аул, 2) есть-ли вода, и 3) достаточен ли корм для скота.

в) Расположение кибиток и джуламеек в ауле произвольно ставятся смотря по местности обыкновенно вдоль берегов реки или озера, дверьми, обращенными в противоположную сторону откуда ветер.

с) Стада и табуны днем находятся в степи под присмотром пастухов или работников ночью же пригоняются к аулам. Верблюды лежат привязанными около самых кибиток и без особого присмотра; баранов загоняют равно как и лошадей в одно удобное место от непогоды и ввиду кибиток табуны лошадей не стреноженные остаются в степи.

В ночное время присмотр состоит из самих хозяев или семейных, коим принадлежат те стада и табуны.

ПРИМЕЧАНИЕ: Условие и проч. следует о работниках.

с) Конские табуны должны быть отделены один от другого, т. е. табун состоящий от дойных кобылиц с жеребятами, пасется отдельно от табуна где находятся жеребцы.

Первый пасется всегда ближе всех к аулу и ввиду кибиток (9).

д) Места для водопоев не определяются.

е) Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь когда в оной устроил повторные приюты для скота своего — как-то: ямы для молодых верблюдов и т. п. Но в прочих случаях как на все летнее так и зимнее время право на местность не существует. А посему буде аул имея несколько лет сряду и постоянно одно и то же место для зимовок не может изъявлять претензии, если какие либо дальние пришельцы расположатся на том месте и останутся зимовать.

Запущенный в степи пал с учинившего оный, ничего не взыскивается; равным образом если от того погорит камыш служивший убежищем в зимнее время для зимовок.

Но буде при этом сгорит приготовленное на зиму сено или пострадает какой-либо посев, то с виновного или с аула, к которому принадлежит пустивший пал, производится надлежащий иск. За потраву лугов происходящую от следования кочевок ничего не взыскивается, но буде стога сена равно как и посевы будут потравлены с умыслом или от вины погонщиков, с виновных производится тоже подлежащий иск смотря на убыток понесенный через то хозяевами.

§ 41

О перекочевках. Нельзя сказать чтобы при перекочевках аулов соблюдались особые правила; обыкновение основанное на одном удобстве или привычке, заменяет все правила которым следуют издревле Ордынцы.

Одна местность, доставляющая корм скотине, определяет время в которое должен аул откочевать. Следование аула при перекочевке не может представить ничего такого в чем бы можно было заметить особые правила благоустройства (10).

§ 42

О тебеневке. Право на место для тебеневки одинаково как и на луговые места летом, т. е. равно пользуется степью, все одинаково свободны искать себе приют там куда повлечет их собственное побуждение.

§ 43

О браке. а) Многоженство ордынцам, как принадлежащих к магометанскому вероисповеданию, допущено. А по сему каждый ордынец может иметь у себя 4 жены.

Алкоран...

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Обряд брачный может быть производим и более четырех раз, как например, в случае смерти или развода с одной из жен. Содержание наложниц или гарем воспрещается.

в) Как ордынец, так и ордынка не могут вступать в брак до совершеннолетия, хотя сосватанными быть дозволено гораздо раньше.

с) Ордынец не может быть женатым на двух или более родных сестрах в одно время. Ордынка может выйти замуж за своего двоюродного брата в таком лишь случае, если мать того ордынца в детстве не кормила ее грудью (11).

д) Различия рода или отделения не могут препятствовать вступлению в брак.

е) Доказательствами на законный брак могут служить люди прибывшие в аул невесты для сватовства, каковые выбираемы бывают самим женихом в виде свидетелей. Большею частью брат или ближние родственники исполняют эту обязанность.

О калыме. f) Назначение калыма и определение срока в уплате оного совершается между отцом невесты и лицами приехавшими для сватовства и служащими в то же время и свидетелями прочих условий. Как-то: в случае развода раздела имения и т. п.

ПРИМЕЧАНИЕ: 2. Калым может быть выплачен разом или в разные определенные сроки по частям.

д) Брак не может быть совершен до получения сполна калыма.

ПРИМЕЧАНИЕ: 3. По несостоятельности жениха по обоюдному согласию некоторая часть калыма иногда выплачивается и по совершению брака.

h) Калым идет в пользу невесты или родных ее,

и) Для получения калыма не может быть послан отец невесты, но братья буде таковые есть или же родственники ее.

к) Киргизские калымы бывают трех разрядов.

Калым 1-го разряда или самый богатый состоит из 120 баранов, 32-х лошадей[1] и 4-х верблюдов пяти лет. (См. особое замечание 9. **Составители).**

Калым 2-го разряда состоит из 60 баранов, 16 лошадей и 2-х верблюдов пяти лет.

Калым 3-го разряда состоит из 16 лошадей или двух верблюдов (без различия лет), но в числе сих лошадей должны быть и дойные кобылицы дабы составилось непременно число 20 (см. глава о тугузах примечание 1).

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. При уплате богатого калыма не воспрещается жениху увеличить число голов по своему произволу равно как и добавить сверх всего разными вещами, мехами, халатами и т. п. При отдаче же калыма 3-го разряда по несостоятельности, жених может иногда с общего согласия выплатить некоторую часть и вещами одним

[1] Не разбирая ни лета, ни достоинство лошадей, но в том числе 8 кобылиц необходимы.

словом тем, что только может, и родные невесты не могут отказываться от принятия такового калыма. Отец невесты непременно должен со своей стороны дать дочери утау, т. е. кибитку с одним или более верблюдами.

л) При вступлении ордынца во вторичный, третий и четвертый браки калымы выплачиваются каждый особо и на тех же услових что и при первом браке.

м) Ордынка сделавшись женою ордынца пользуется правом на имущество наравне с мужем. При взятии же к себе ордынцем второй жены, то по усмотрению его часть скота отходит в пользу той жены остальное остается во владении байбичи, старшей или 1-й жены, совокупно с мужем. Таковой же порядок раздела производится при взятии 3-й и 4-й жены (12).

ПРИМЕЧАНИЕ: В случае если ордынец взяв ордынку во вторую или третью жены, не успев уделить необходимую часть от своего имущества умер, в таком случае надлежащая часть уже уделяется бием или общеуважаемым в орде лицом и на том же основании как бы при жизни мужа.

н) Обряд венчания не может считаться действительным, если при оном не находились по крайней мере два посторонних, и не из родственников жениху или невесте свидетеля.

о) Мулла за совершенный обряд венчания получает 2-х баранов и не менее 1 ягненка.

§ 44

О разводе (талак). Ордынец во всякое время может развестись с женой своей. Причины развода основываются на одной воле мужа.

в) Ордынка ни в коем случае не имеет права требовать разводной у мужа.

с) Ордынка может итти с жалобою на своего мужа к бию, обязанность коего увещеванием водворить спокойствие в семействе. Но буде одна и та же принесет троекратно жалобу на дурное обращение с нею мужа, то бий отсылает недовольную к казыю или мулле который на основании алкорана может произвести развод.

Алкоран... (13 особ. замеч.).

д) При расторжении брака дети остаются при муже.

е) Родственники ордынки изгнанной мужем своим, обязаны принять ее под свое покровительство.

з) Ордынка после разводной может выйти вновь замуж за другого; но к первому мужу возвратиться может не иначе как пробыв некоторое время в замужестве с другим ордынцем который впрочем не обязан уступить таковую прежнему ее мужу (14).

д) При вступлении вторично изгнанною ордынкою в жены к прежнему мужу обряд венчания необходимо должен быть совершен, но без уплаты калыма.

в) Расторжение брака считается действительным не иначе как по произнесении мужем слова «талак» до трех раз в течение трех месяцев. Подобное объявление о разводе может произнестись мужем и не при посторонних свидетелях, а при одних семейных людях.

и) Ордынка получившая разводную, обязана в тот же день покинуть аул мужа оставив калым свой, и все вообще имущество удержав при себе одну необходимую одежду.

Но буде талак троекратно произнесен, но жена не в состоянии будет покинуть аул, по случаю беременности, то 3-х месячный срок продолжается до выздоровления больной.

§ 45

Обрезание. Обряд обрезания может быть по совершении 7 и не позже 8 лет. Совершается муллою. Мулла за обряд получает подарок именуемый сарпой и состоит из халата, лошади или 1 барана.

§ 46

Обряд присяги. Обряд присяги производится муллою или Казием, на общепринятых правилах магометанского вероисповедания. Но в случае отсутствия муллы или по неимению вовсе такового в ауле, ордынца подлежащего к присяге приводят к какой либо ближней абе или киргизской могиле, для надлежащих клятв. Отрекание от бога, от своих семейных суть обыкновенные выражения для подтверждения в справедливости подозрений или вообще слов произносимых присягающим. Для большей силы и важности подобного обряда ордынец должен при произношении клятв пырять ногами землю той могилы, у которой находится а также, целовать лезвие сабли или дуло ружья, заклиная что оружие поразит его в случае несправедливости слов.

При принятии таковой присяги свидетелями находятся лица прикосновенные к делу по коему та присяга совершается (15).

§ 47

Обряд погребальный. Ордынец, лишивший сам себя жизни предается земле без присутствия муллы и без совершения должных по сему случаю молитв.

Обряд погребения в орде совершается на общем основании магометанского вероисповедания.

Мулла за обряд получает кошму, служившую вместо покрова покойного.

Погребение делается на другой или в самый день смерти ордынца.

Вместо муллы и казия прочтение должных молитв над телом, возлагается иногда и на грамотных, умеющих разбирать слова Алкорана.

§ 48

О поминовении. Необходимый в орде обряд поминовения должен быть на третий день после смерти ордынца, потом на седьмой, на сороковой и на 100 день, а наконец спустя один год.

При поминовениях особых правил никаких не существует кроме вышеизложенных и строго соблюдаемых сроков. Весь обряд состоит в зарезании и съедении одного или нескольких скотин в память умершего.

§ 49

О наследстве и завещаниях. а) Завещание делается без соблюдения каких-либо форм или на смертном одре, а иногда и в продолжении жизни. В обоих случаях свято исполняются слова завещателя. В первом случае свидетелями служат лица, находящиеся в кибитке умирающего, а во втором свидетелей иногда вовсе не бывает. Завещание делается словесно.

б) Имущество, оставшееся после смерти ордынца, поступает в полную и неотъемлемую принадлежность вдовы. Ежели же ордынец ос-

тавил после смерти несколько жен, то таковые делаются владельцами каждая своею частью всего имущества.

Если ордынец не успев сделать подробного или полного завещания — умер, то вещи оставленные по кибиткам отдаются в принадлежность каждой вдовы у которой какая вещь и принадлежавшая покойнику осталась.

Буде ордынец помер не оставив по себе ни жены, ни детей, то имущество отнюдь не может достаться в чужие руки, но непременно должно перейти к родственникам умершего хотя и дальним.

ПРИМЕЧАНИЕ: Оставшееся имущество после смерти ордынца в известность не приводится.

д) После смерти ордынца не оставившего вовсе детей, вдова по настоянию родных должна выйти замуж за родного, двоюродного или троюродного брата покойника и в таком случае из имущества уделяется в ее пользу кибитка равно все имущество и одежда ее и часть скота принадлежащего ей при жизни мужа. Остальная же часть уделяется братьям буде таковые есть или родственникам второго мужа. Таковой дележ производится родственниками с обоих сторон в присутствии бия или аксакала.

е) Вдове ордынца не имевшего братьев или родных не воспрещается выйти замуж и за постороннего. В удел ей достается тоже как бы вышла она и за брата мужа.

ПРИМЕЧАНИЕ: Но буде имущество оставленное мужем невелико, то при вступлении вдовы во вторичный брак, раздел имения не производится и остается сполна в пользу вдовы.

На таком же основании производится раздел каждой части всего оставшегося имущества, если ордынец имел у себя несколько жен, по вступлении их в вторичный брак.

В случае после умершего ордынца останутся дети мужского пола, а вдова пожелает выйти вновь замуж, то имущество переходит в полное владение старшего сына (буде он совершеннолетен), который по смерти отца заделывается хозяином всего семейства, вдове же оставляется одно платье, в чем ходит.

д) В случае же если вдова выходит замуж, имея дочь совершеннолетнюю, то родственники должны тогда же дочь ту сосватать; и имение остается в ее распоряжении.

h). В случае дальней отлучки наследников определяются бием, люди для надлежащего надзора, могущие устранить всякие расхищения наследства. Таковые блистители отвечают в случае какой либо утраты в имуществе.

§ 50

Об опеке. а) Опека над имуществом производится: 1) Над детьми, оставшимися после смерти отца или матери сиротами и не достигшие до совершеннолетия; 2) над людьми, лишенными умственных способностей; 3) над имуществом расточителей.

б) Во всех вышеупомянутых случаях в опекуны выбираются из тех людей, кои известны в орде своим хорошим поведением и назначаются бием или аксакалом, а иногда сам бий соглашается быть опекуном.

с) Обязанность опекуна: пещись о сохранении всего имущества, находящегося под его ведением равно как о воспитании детей, буде опека та определена над малолетними но в действиях своих отчетов опекун никому не сообщает.

д) Опекун никаким определенным возмездием не пользуется. Родственники назначенные бием или посторонние лица не могут отказываться от принятия детей или имущества под свою опеку.

е) Малолетние дети и вообще лица находящиеся под опекой отнюдь не могут распоряжаться своим имением без ведома приставленных опекунов.

f) При принятии под опеку имущества в известность таковое не приводится равно как и при сдаче оного, а по сему в случае опекун замечен в утрате или в неблагоразумных распоряжениях того опекуна, то по удалении сего последнего от должности, взыскивается с его собственного имущества утраченное лишь приблизительно и по указанию посторонних людей.

§ 51

Об усыновлении. Ордынец при усыновлении детей обязан для обеспечения уделить в пользу усыновляемого часть скота своего, который пасется в общем стаде. Приплод принадлежит усыновляемому.

Ордынец усыновляющий чужих детей имеет полную отцовскую власть над ними; печется об их воспитании, женит их и проч.

Но на наследство подобные дети прав никаких не имеют по смерти усыновившего родителя сироты получают лишь то только, что успели приобрести в течение жизни своих благодетелей, а тоже и тот скот, который был отдан им прежде для обзаведения.

Равным образом буде ордынец прогнать или пожелает отделить вовсе от своего семейства то обязан оставить при сиротах все приобретенное имй имущество.

§ 52

О мене и торговле. а) Все условия, обязательства и проч. касательно торговли или мены производятся между ордынцами словесно.

1. Ордынец, отправляющийся на мену или торговлю на линию и с чужим имуществом, условий никаких не делает. Вина в неудаче в обороте или утрате скота больше падает на самого хозяина не сумевшего выбрать благонадежного поверенного, а по сему обыкновенно при караванах находятся погонщики или сами хозяева или родственники их.

ПРИМЕЧАНИЕ: Караван следующий со скотиной на мену или торговлю, состоит из 1-го табуна или стада принадлежащего нескольким хозяевам, а по сему если один из хозяев и поручил скот свой чужому, то таковой все-таки не останется без наблюдения со стороны прочих погонщиков.

с) Поверенный утративший скотину от неусмотрительности или ради своих выгод обязан по возвращению в аул свой уплатить утраченное хозяину; в случае же несостоятельности иск распространяется на родных или аульных виновного.

д) Если ордынец, не имеющий собственного своего скота, берет чужой для каких-либо оборотов в таком случае соблюдаются правила:

1. При отдаче баранов или лошадей в долг, кто либо из родных или аульных обязан поручиться за того кто берет, с тем дабы в случае утраты скотины была бы возможность возвратить потерянное.

2. Срок уплаты долга определяется годичный или полугодовой, а именно: от весны до весны или от осени до весны.

3. Условие равно как и выбор порук делается при нескольких и не менее двух свидетелях.

Обыкновенный условленный возврат скота делается на следующих правилах: за каждый отдаваемый взаймы годовалый баран или буйвол — спекулятор должен взамен возвратить двухполугодовалых ягнят (токтунов). За 2-х годовалого барана (кунона) равно как и за 3-х годовалого (дюнена) возвращает 2½ токтуна.

ПРИМЕЧАНИЕ: За пару кунонов или дюненов возврату следует 5 токтунов — следовательно, за 1 кунона 2 токтунов и половинную цену 1-го токтуна или ягненка.

с) Мена не относящаяся до торговли производится без всяких свидетельств, если вещь подлежащая мене находится налицо.

д) Но буде ордынец, желающий что-либо получить чрез мену, не в состоянии дать тогда же требуемую вещь или скотину, то должен представить за себя надлежащих поруки, без коих в таком случае мена состояться не может.

ПРИМЕЧАНИЕ: Ордынец согласившийся быть порукой кого-либо должен иметь в виду зажиточны-ли родственники того, за кого поручается но буде родственники бедны или вовсе нет во виду (см. особое примеч. 16. **Составители**) таковых, в таком случае надеясь на свое собственное имущество ордынец может согласиться быть порукой с условием получить, с заимодавца при разделе с 10 баранов одного, с 100 — десять и т. д. в виде возмездия.

О должниках. При долгах не превышающих 10 баранов поруки не берутся, равным образом, когда заимодавец известен в ауле своею честностью.

и) Но если должник не имеющий за себя порук отречется от своего долга, в таком случае заимодавец избирает одноульца с тем, чтобы сей последний принял присягу что должник не должен. Буде присягнет, то дело оканчивается в пользу должника, иначе иск производится с родных или аульных, должны отдать его для заработка в работники или же принимаются меры изъясненные в § 19 д) — до совершенной уплаты следуемого долга.

§ 53

Улюбюм. Товары собственного киргизского изделия или улюбюм, как то: кошмы, арканы, выделанные шкуры, выменяваются обыкновенно у линейных жителей на разные русские произведения, необходимые для домашнего обихода, например: котлы, топоры и вообще железные изделия. Отвозящий на мену улюбюм ордынец никаких особенных условий не делает касательно выгодного сбыта или удачной мены, но получает в виде, поручений наставления что именно и за что следует выменять. Барыш могущий какой-либо произойти от подобной мены идет в пользу того, кто взялся везти вещи. Обыкновенно для большого удобства улюбюм поручается людям производящим торг или мену скотом.

§ 54

О найме верблюдов. При найме верблюдов для караванов Киргизский караван-баши или вожак с хозяевами верблюдов делает условие словесно и без свидетелей (17).

Киргизский караван-баши или вожак обязан представить следуемое число верблюдов под своз товаров в срок определенный киргизом, коему принадлежат товары. По непредставлении в срок тех верблюдов, купцы нанимают других на счет вожака. Деньги следуемые за наем во-

жак получает одну половину таковых при отправлении, другую же по прибытии каравана на место.

При найме хозяин верблюдов обязан снабдить нужным числом седел туганаков[1] и по 3 конца веревок на каждого верблюда.

При возвращении из степи каравана, вожак обязан возвратить хозяевам как верблюдов, так равно и вышеупомянутые вещи, но за сии последние в случае утраты, вожак строго не отвечает. При караване должны находиться верблюдовожатые, или возчики принадлежащие хозяевам тех верблюдов. Прокормление и подъем им отпускается от своих хозяев.

В случае смерти верблюда выбывшего обязан заменить хозяин другим здоровым верблюдом но если верблюд попорчен, то отвечает возчик.

Буде караван в степи ограблен хищниками равно и верблюды будут угнаны, то вожак в подобных случаях не отвечает.

§ 55

О звериных промыслах. Каждый ордынец имеет право производить звериный промысел или охотиться во всех местах, где только ему заблагорассудится, несмотря его ли род или отделение на тех местах имеет свои кочевки или зимовки, а по сему, занимающийся звериным промыслом или охотник имеет полное право ставить капканы, травить зверя собаками или соколом и стрелять, бить там где только признает удобным не взирая ни на соседство чужих аулов, ни на права кои могли бы иметь на зверя другие промышленники или охотники. Одним словом, как степь служит общим достоянием ордынцев, так и звери или птица входят в общую их принадлежность.

Мало в орде таких примеров, где бы произошел спор из-за добычи, а если и случается бию производить разбирательство, то суд или иск по подобного рода делам весьма ничтожен.

а) Буде ордынец вынул добычу их чужого капкана, подлежит нескольким ударам нагайки как похититель и вор, хотя капкан тот и не принадлежит ставившему оный.

ПРИМЕЧАНИЕ: I. При подготовлении силков, сетей, а также и железных капканов, буде несколько ордынцев производят подобного рода ловлю зверей, то добыча делится на основании сделанных предварительно условий.

с) Если зверь попавший в капкан вырвался раненый, то хотя и может легко быть догнан охотником, но затравлен собаками чужого аула, застрелен или загнан на лошади посторонним киргизцем, то таковой зверь соделывается принадлежностью последнего.

д) Но если тот раненый зверь пойман живьем руками или зашиблен палкою посторонними и пешими людьми и без помощи собак, то такой зверь принадлежит охотнику ставившему капкан.

е) Буде подстреленный охотником зверь убежит, но будет загнан на лошади посторонним киргизом, то соделывается добычею последнего. Буде охотник найдет нору лисицы или хорька, хотя этот зверь и был набл людаем в продолжении целой осени тем же ордынцем, но при разрытии норы, явится совершенно посторонний человек с проявлением желания помочь охотнику, то в таких случаях соблюдается следующее: если зверь найден будет самка, то добыча принадлежит охотнику равно как и могущий в норе найденный щенок. Если же самец, то зверь принадлежит пришельцу.

---

1. Деревянное кольцо, прикрепляющиеся тюки.

f) Буде вместо одного, прибудут несколько человек любопытных к разрываемой охотником норы; но в подобном случае зверь, без различия пола должен принадлежать почетнейшему или старшему ордынцу, приехавшему на то место с прочими.

л) При выслеживании зверя по следу равно (особ. замеч.) как при охотах соколом или беркутом, особых общепринятых правил в орде не существует.

§ 56

О правилах при скачках. Правила соблюдаемые при конских скачках весьма ограничены.

а) Лошади назначенные скакать должны быть известны тому кто делает скачку, но особенных прав, чтобы скаковые не требуются а по сему лошадь всякого ордынца может участвовать в скачке.

в) На седоков внимания никакого не обращается, т. е. каких лет или как лошадь оседлана. Обыкновенно хозяин лошади выбирает мальчика в седоки, а иногда и сам хозяин заменяет его.

с) Место с которого должны быть пущены лошади, назначается теми кто делает скачку. Для соблюдения некоторого порядка при отправлении скачущих назначается айдаучи, обязанность коего состоит в том, чтобы при отправлении лошади были выстроены в ряд и пущены все вместе по условленному знаку.

д) Буде до условленного знака будет пущена лошадь, а придет до назначенного пункта прежде прочих, то по объявлению о том айдаучи, та лошадь не имеет права на приз.

е) На несчастия могущие случиться с седоками во время скачки внимания никакого и ни с чьей стороны не обращается. В случае смерти седока происшедшей от ушиба лошадью или от падения с оной, кун ни с кого не взыскивается.

f) В случае если две лошади достигнут до цели обе вместе, то для избежания споров кому следует получить приз, заставляют тех двух лошадей снова скакать, хотя не на то пространство а гораздо менее.

д) Во время скачек седокам не воспрещается мешать друг другу, как то, бить по мордам лошадей и т. п., а при достижении цели не взыскивается с ордынца, испугавшего лошадь и заставившего оную броситься в сторону или замедлить вообще ход ее. Так что первая лошадь может быть весьма легко третьей или четвертой, ради непредвиденного обстоятельства сделанного с умыслом, равным образом усталые лошади могут быть понукаемы при достижении цели посторонними людьми: на этот счет впрочем делается условие первоначально и при начале скачек.

Особые замечания: (1) Слово бий не имея собственно никакого особенного значения в киргизском наречии, по словам ордынца, соответствует второй букве арабской азбуки ب, т. е. бий по важности своего поста занимает второе место в орде после хана (или султана-правителя), так точно как ب занимает второе место в азбуке после буквы I (альф).

(2) Ничто не заставляет ордынца прибегать с жалобами непременно к бию. Иногда суд или разбирательство предоставляется избранному самими же спорящими, киргизцу пользующемся в ауле своим умом, а иногда ради некоторой опытности которую мог приобрести в течение жизни своей старик именуемый ак-сакалом (или седой бородой). Но

стариков этих нельзя еще назвать народными судьями; мнения и советы их имеют равную силу со словами старшего в семействе и т. п.

(3) Ордынец знающий о грамоте и могущий разбирать алкоран, хотя не понимая вовсе смысла слов, пользуется в орде званием ученого, муллы. Весьма мало можно встретить таких киргизов, которые бы знали наизусть какую-либо молитву и совершали бы в урочное время намазы. Смело можно сказать, что большая часть дальних киргизов не имеют вовсе понятия о вере, а посему на какой бы ни было обряд смотрят как на общепринятое, обыкновение не вмешивая вовсе мысли о божестве.

(4) Подобного рода судилище составляется не для чего другого, как для большей важности. Преступник судится на тех же обычаях и разницы в разбирательстве всего дела никакой нет.

(5) Козел или коза имеют менее цены, чем баран, а по сему животное это значится в тугузе в виде придачи.

(6) Отречение муллы от должности зависит от Казыя, а иногда с общего согласия, нескольких имеющих вес в народе киргизцев. Мулле отказывают в зякете чрез это самое лишают его средств к существованию.

(7) Хотя цель сугума повидимому и состоит в содержании султанов на иждивении народа, но в сущности, сугумом пользуются скорее киргизцы приносящие оный чем сам султан-правитель. Каждую скотину, привозимую для сугума сопровождают пять, шесть человек киргизов кои по зарезании сами же ее тотчас уничтожают.

(8) Шибага имеет то же назначение как и сугум.

(9) Для большего удобства дают кобылиц.

(10) Весь порядок следования аула при перекочевке заключается в нижеследующем: впереди гонют лошадей, потом стада баранов и наконец все имущество навьюченное на верблюдах.

(11) Весьма часто в орде мать отдает своего ребенка чужой женщине чтобы та кормила его грудью. Для сего избирается обыкновенно родная сестра матери.

(12) Байбича или первая жена, полная хозяйка всего имущества наравне с мужем при жизни сего последнего. От нее отчасти зависит, что именно уделить из имения второй и третьей жене; следовательно байбича во всяком случае имеет более чем прочие жены.

(13) Бий не обращает внимания на жалобы приносимые женами на мужей своих; дабы чрез это отнять у первых всякое право иметь какую либо претензию на мужа и чрез это поддержать рабское их состояние.

(14) Мало в орде примеров чтобы ордынец брал обратно к себе в жены уже раз изгнанную талаком ордынку, еще реже бывает чтобы второй муж уступил прежнему жену угнанную последним. Но бывают такие случаи, что киргизец изгоняя жену свою и имея в виду возвращение ее, условливается наперед с одним из родственников своих чтобы тот женившись на его жене и продержав жену несколько дней хотя бы одни сутки, непременно возвратил ее обратно.

(15) За ложно принятую присягу особого наказания не определяется: позор, дурная молва и недопущение ни к каким общественным делам служит в орде наказанием преступников.

(16) Каждому ордынцу известно имущество всех одноаульцев.

(17) При караване находится всегда два караванбаши: один из них главный или старший киргизец, принадлежащий той нации откуда следуют товары. Имеет на своей ответственности как самые товары, так и

должный порядок во время путешествия. Другой же караван-баши из киргизцев служит вожаком за условленную с теми купцами цену.

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2794, лл. 119 — 159.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Поручаю занаяться этим делом г. младшему переводчику Первухину и по истечении представить лично мне.

Н. Ладыженский

Октября 21, 1846 года

При составлении отчета о собранных мною в нынешнем году сведениях, касательно киргизских обычаев я встретил необходимость включить в оный некоторые выписки из Алкорана. Но так как находившийся при мне в степи переводчиком, Коллежский Секретарь Григорьев отозвался в незнании вовсе арабского языка, то я осмеливаюсь обратиться к Вашему превосходительству, покорнейше прося содействия Вашего на счет поручения другому чиновнику Пограничной Комиссии, поверить с подлинником прилагаемые при сем статьи и перевести их на русский язык.

Чиновник особых поручений — д'Андре

Октября 21 дня 1846 года.

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2794, св. 247, стр. 47.

ПЕРЕВОД ВЫПИСОК ИЗ АЛКОРАНА И ДРУГИХ КНИГ, ПОМЕЩЕННЫХ В ДЕЛЕ

1) В толковании Бакии книга в роде св. законов в Суре (т. е. главе) Нуре глагол Всевышнего: да накажут их 80 ударами.

В той же Суре называемой Нур слова Всевышнего: Блудница и прелюбодей, — да накажут их каждого 100 ударами.

2) В священной книге (т. е. Алкоране) или в книге называемой Зогейра, или в Мушммате (книга в роде собрания законов) взимание в роде пени (скотом) налагается на виновных или Казыем (судьею), или султаном по их благоусмотрению.

3) В книге Зогейря: если кто хулит пророка (Могомеда или кого либо из других пророков, да будет над ними мир, то его должно убить и раскаяние его неприемлется (судьею), ибо это так необходимо; потому что покаяние его неудовлетворительно и в этом случае все юрисконсульты согласны между собою, — на том основании, что это как долг раба покаянием не удовлетворяется, подобно другим долгам. Если же кто в противность сему хулу гласил на боже отчею, да хранит нас Всемогущий, и после покажем, то это наш долг, Всевышнему творцу, чистейшему и далекому от всего низкого, прощается.

4) О вышеозначенных правилах трактует Шамсалаима, по каковым и должно решать.

Тот кто возымает свой голос (т. е. громко говорит) с учителем, того следует наказать но если ученик ударит учителя своего, то должно ему обрезать до кисти руку. В Алкоране говорится повинуйтеся богу, повинуйтеся пророку и начальствующим над вами и далее до конца стиха.

5) В толкованиях Вакия в Суре именуемой Нур, говорится так: «Слова Всевышнего: да накажут их 80 ударами»..

6) Вору и воровке да отрежут им руки и так далее до конца стиха.

7) В Халясе (или книга), когда умрет жена, то муж может жениться на ее сестре спустя день (даже в тот же день только по велению казиев): если же будет иметь 4-х жен и одна из тех умрет, то может взять 5-ую спустя день.

8) Глагол Всевышнего; да накажите их 80 ударами. (Блудница, прелюбодей) да накажут их по 100 ударами каждого.

Истарх КазССР, ф. 4, д. 2794, л. 50 до 51.

1) По всем вышеизложенным обычаям и без всякого изменения судятся, вообще киргизы ибо здесь действительно и верно описаны народные наши обычаи имеющие силу закона в Средней и Западной частях орды что и утверждаю в том. Средней части Кабакова отделения указный Казы-Мухамеджан Казыев печать приложил своеручно.

2) Все вышеизложенные здесь описания суть действительно наши народные обычаи и я утверждаю все то, что утвердил Казы-Мухамеджан, без всякой перемены. В чем том, части и отделение бий и хорунжий Утарали Сары-Чунгаев своеручно печать приложил.

3) Чиклинского рода Тлявова отделения аксакал и правящий должность бий Карагут Кулякенев, во всем утверждаю выше помянутые слова в точности и без всякой перемены убавить или прибавить не могу; по помянутому описанию судятся все киргизы состоящие в моем роде. В чем своеручно тамгу приложил.

4) Чиклинского рода Назарова отделения Кусумова подотделения Аксакал Изембет Байтюрин, во всем утверждаю выше помянутые слова в точности и без всякой перемены, убавить и прибавить не могу; по помянутому описанию народных наших обычаев судятся все киргизы, состоящие и в моем роде. В чем своеручно тамгу приложил.

5) Джакеева рода Чагатаева отделения хорунжий бий Кумувак Бусурманов утверждая все во всей силе своеручно печать приложил.

6) Дюоть-каринского рода Сент-кулова отделения аксакал Баркенбай-Кубеков утверждаю выше помянутые слова во всей силе по коим судятся все наши киргизы состоящие в моем роде ибо это изложение действительно наших народных обычаев. В чем своеручно приложил тамгу.

7) Чумекеевского рода, Кульдиева Отделения аксакал Бура Кусагулов утверждаю во всей силе слова Казы Мухамеджана поелику это верное изложение наших народных обычаев, по коим судятся без изъятия киргизы и в моем роде. В чем тамгу приложил.

8) Чуреневского рода, Джартыева отделения аксакал и бий Тляубай Санбаев утверждаю все слова в полной мере по коем судятся киргизы и в моем роде. В чем тамгу приложил.

9) Каракисякского рода, Отделения Чике аксакал Казы Яркымаев утверждаю все выше.изложенные пункты, по коим судятся все киргизы и в моем роде. В чем тамгу приложил своеручно.

10) Средней же части Табынского рода Кадырбекова отделения киргизский старшина Байтен Байгундин утверждаю все вышеизложенные обычаи в полной силе. В чем своеручно печать приложил.

11) Таминского рода Курманова отделения аксакал Кадыргул, Джанбаев также утверждаю в полной силе все выше изложенные, и что это из наших народных обычаев, по коим судятся в моем роде киргизы. В чем своеручно тамгу приложил.

Все выше сего приложенные печати и тамги действительно тех старшин, и биев, и аксакалов, кои состоят в вверенной мне Средней части Орды, что удостоверяю приложением своей печати исправляющий должность правителя Средней части войсковой старшина султан Араслан Джантюрин.

12) По силе всего выше изложенного и без всякого изменения судятся все наши Киргизы Кайсаки, поелику действительно описание, что наших народных обычаев имеющих силу закона; и убавить или добавить к сему ничего не могу. Западной части Байбактинского рода Батокова отделения есаул бий Казы Сарымов печать приложил своеручно.

13) Во всех значущихся выше стоящих действительно изложено описание наших народных обычаев, по которому добавить или убавить не могу и подтверждая в точности слова бия Казы Сарымова, добавляю, что в моем роде судятся одинаково киргиз-кайсаки.

Алачинского рода Алтыбаева отделения бий старшина Сары-Буня Кинжегарин печать приложил.

14) Тазова рода Киньдибаева отделения бий Ходжа Самай хан Ходин утверждая во всей силе вышеизложенные пункты более ничего прибавить или убавить не могу. В чем печать приложил.

15) Танинского рода Калкаманова отделения зауряд хорунжий бий Утябай Санкибаев утверждая во всей силе вышеизложенные пункты, по которым киргизы судятся и в моем роде более ничего прибавить или убавить не могу. В чем печать своеручно приложил.

16) Байбактинского рода Батакова отделения зауряд хорунжий Альджан Исергамышев, также утверждая все то что изложено в выше значущихся статьях, которые есть действительно наш киргизский народный обычай по коим судятся они и в моем роде. В чем приложил своеручно печать.

17) Байбактинского рода Альтекинского отделения исправляющий должность старшины бий Кубул Чуйташев утверждая все то что изложено выше в пунктах, которые суть действительно описание наших киргизских народных обычаев, по коим судятся киргизы и в моем роде. В чем своеручно печать приложил.

18) Байбактинского рода Кныкова отделения Старшина Ирали Бигалин утверждая все слова бия Казия Сарымова в полной мере убавить и прибавить ничего не могу и что по тем словам судятся киргизы и в моем роде. В чем своеручно печать приложил.

19) Тыкинского рода Калкаманова отделения исправляющий должность старшина Байтюляк Чингир Алин утверждая выше изложенные описания наших киргизских обычаев по коим киргизы судятся и в моем роде. В чем своеручно печать приложил.

20) Кердаринского рода Кут Сыйкова отделения старшина Данияр Айярыков утверждая все выше изложенные в полной силе и что действительно это народные обычаи, по коим киргизы судятся и в моем роде. В чем своеручно печать приложил.

21) Того же рода и отделения исправляющий должность старшины Нурман Джаманбаев утверждая во всей силе слова однородца моего Айярыкова. В чем своеручно печать приложил.

22) Исыкова рода Уразова отделения бий Кухабай Атабаев утверждая в полной силе вышеизложенные пункты с добавлением или что это действительно изложены наши народные обычаи, по коим киргизы судятся в моем роде. В чем своеручно тамгу приложил.

23) Алачинского рода Алтыбашева отделения Бай Байгуджа Джуйзанаков утверждаю все в полной силе с добавлением что по вышеизложенным обычаям судятся киргизы и моего рода. В чем своеручно тамгу приложил.

24) Того же рода и отделения бий Куйчтай Якшебетев утверждаю в полной силе однородца моего Джуймнакова. В чем и тамгу приложил своеручно.

25) Того же рода и отделения бий Турабай Машатов утверждая также в полной силе слова однородца моего. В чем тамгу приложил.

26) Того же рода и отделения бий Кинжетай Джаманкарин утверждаю в полной же силе. В чем своеручно тамгу приложил.

27) Того же рода и отделения бий Исергаб тамгу своеручно приложил.

28) Того же рода и отделения бий Сары Гуджа Сарбулин одинаково утверждая тамгу своеручно приложил.

29) Байбактинского рода Батакова отделения хорунжий бий Кундынар Акбаев, утверждая в полной силе слова однородца моего Казия Сарымова. В чем за потерю печати приложил тамгу своеручно.

30) Берышева рода Исангулова отделения бий Упббе Усин утверждая в полной силе вышеизложенное описание обычаев, которые суть действительно наши народные обычаи, по коим судятся киргизы и в моем роде. В чем своеручно и подписался.

31) Китинского рода Байкучкарова отделения зауряд хорунжий Сали Кульжанов утверждая все выше изложенное описание обычаев, по коим судятся киргизы и в моем роде. В чем своеручно печать приложил.

32) Табынского рода Кужам Бердинского отделения киргизский мулла Бикбулат Айкшиев утверждает в полной силе все вышеизложенные описания киргизских народных обычаев, по коим судятся киргизы и в моем роде. В чем своеручно и подписался.

33) Западной части начальник 31 дистанции есаул султан Асфендияр Сюгалин утверждая в полной силе все вышеизложенное описание, которое суть действительно описано наших киргизских народных обычаев, по коим судятся все киргизы и в моем роде. В чем своеручно печать приложил.

Все выше сего приложенные печати и тамги действительно тех самых ордынцев, кои состоят в вверенной мне Западной части орды, что удостоверяет правитель Западной части полковник султан Баймухамед Айчуваков печать приложил.

Истарх. КазССР, ф. 4, д. 2794, св. 247, лл. 37 — 45. об.

34. Все вышеизложенное есть действительно описание народных наших обычаев, имеющих силу закона и по которым судятся издревле в орде киргизы. Добавить или изменить что либо в упомянутом описании более ничего не можем.

В удостоверение чего Восточной части Афганского рода управляющий Джугаричиктинским пламенем бий Казбек Чегенев печать приложил.

35. Того же рода помощник бия Казбека бий Анак Алтаев, утверждая все выше писанные пункты приложил тамгу свою.

36. Того же рода Чакчакова отделения бий Чочак Тонбаев утверждая, что и в моем отдел. киргизы судятся по вышесказанным обычаям, в чем собственноручно приложил тамгу свою.

37. Того же рода и отдел. бий Токпак Изербаев одинаково подтверждая собственноручно приложил тамгу свою.

38. Того же рода Айдаркинского отделения бий Атан Исенев согласно первому подтвердил, во удостоверение чего собственноручно приложил тамгу.

39. Того же рода и отдел. бий Кудабай Кучбин одинаково подтверждая собственноручно приложил печать свою.

40. Того же рода Крык-Мултукова отделения бий Кулжабай Чорабасов подтверждая все выше писанные пункты, собственноручно приложил тамгу свою.

41. Аргынского рода управляющий Тюмень-Чиктинским племенем бий Бигень Язнев, утверждая все выше писанные обычаи, по силу коих судятся киргизы и в моем отделении. В удостоверение чего собственноручно приложил свою печать.

42. Того же рода, отделения Толпак бий и прапорщик Тлямиш Купгурчик все выше писанное удостоверяя собственноручно приложил печать.

43. Того же рода Утеева отделения бий Толтак Кучуков одинаково подтверждая собственноручно приложил печать.

44. Того же рода и отделения бий Алимбай Байгузин тоже подтверждая собственноручно приложил тамгу свою.

45. Того же рода Мадярова отделения бий Турлубай Айжуваров одинаково подтверждая собственноручно приложил тамгу.

46. Того же рода Тузова отделения бий Бабакай Абилев все одинаково подтверждая собствен. приложил тамгу.

47. Того же рода Чим-Булатова отдел. бий Кулжан Садырбаев подтверждая приложил тамгу.

48. Того же рода Кулкаева отделения бий Чонет Бердибаев одинаково подтверждая приложил тамгу.

49. Того же рода Сугурова отделения бий Джумур Тукучев одинаково подтверждая приложил тамгу.

50. Кипчакова рода утверждающий отделением Узун бий Балгужа Ямгурчин подтверждаю все вышеписанные обычаи, по силу коих судятся киргизы в моем роде и отделении. В удостоверение чего собственноручно приложил печать свою.

51. Того же рода и отдел. бий Байтука Калданов подтверждая слова Ямгурчина собственноручно приложил печать.

52. Того же рода и отделения бий Тлясбай Миндибаев одинаково подтверждая собственноручно приложил печать.

53. Того же рода и отдел. бий Ак-Давлет Канаужин подтверждая собственноручно приложил тамгу.

54. Того же рода и отделения бий Бакай Рахметев одинаково подтверждая собственноручно приложил тамгу.

55. Того же рода управляющий Кульденским отделением бий Найман Кабанбаев подтверждаю вышеописанные обычаи, по коим судятся киргизы и в моем отделении, в удостоверение чего приложил печать свою.

56. Того же рода и отделения бий Корагуза Каракаев подтверждая слова Кабанбаева собственноручно приложил печать.

57. Того же рода и отделения бий Мален Чутанов одинаково подтверждая собственноручно приложил печать.

58. Того же рода и отдел. бий Мыкенбай Чигиров одинаково подтверждая собствен. приложил печать.

59. Того же рода и отделения бий Байгазы Таштемиров тоже подтверждая приложил печать.

60. Того же рода и отдел. бий Туки Чапаков подтверждая собствен. приложил тамгу.

61. Того же рода и отдел. бий Сасык Сартанов одинаково подтверждая собственноруч. приложил печать.

62. Того же рода и отдел. бий Улжабай Сагындыков одинаково подтверждая собствен. приложил печать.

63. Того же рода и отдел. бий Ал-Чан Костанов одинаково подтверждая собств. приложил печать.

64. Того же рода и отделения бий Илемес Кунбасов одинаково удостоверяя собствен. приложил тамгу.

65. Того же рода и отделения бий Тляубай Ямантаев, одинаково удостоверяя собственноруч. приложил тамгу.

66. Того же рода и отделения бий Итемген Кутякаев одинаково удостоверяя собствен. приложил тамгу.

67. Того же рода и отдел. бий Курманкул Турдугулов одинаково подтвержд. собствен. приложил печать.

68. Кипчакова рода Кульдененова отделения бий Кусулбай Сатбалдин одинаково подтверждая подписался своеручно.

69. Того же рода Карабалыкова отдел. бий Карпык Джаманкарин одинаково удостоверяя собственноруч. приложил тамгу.

70. Того же рода и отдел. бий Кукбаш Баубеков одинаково удостоверяя собственноруч. приложил печать.

71. Того же рода Карабалыкова отделения бий Суюнуч-Галий, одинаково удостоверяя, собственноручно приложил печать.

72. Того же рода и отдел. бий Чабдарбек Балтабеков, одинаково удостоверяя собств. приложил тамгу.

73. Того же рода и отдел. бий Урунбай Айтуганов удостоверяя собств. приложил печать.

74. Того же рода и отдел. бий Джиланбаш Калышбаев, одинаково удостоверяя, приложил собствен. тамгу.

75. Того же рода и отдел. бий Чуйбаш Японов, одинаково удостоверяя собственноруч. приложил тамгу.

76. Того же рода Карабалыкова отдел. бий Илемень Тюлегенов подписал своеручно.

77. Того же Кипчакова рода Танабугинского отдел. старшина и бий Наурузбай Казбаев тоже удостоверяя приложил свою печать.

78. Того же рода и отдел. бий Туркабай Джурунбаев удостоверяя приложил свою печать.

79. Того же рода и отдел. бий Кулдубай Берденев одинаково удостоверяя собственноруч. приложил свою печать.

80. Того же рода и отдел. бий Утямиш Табулдин одинаково удостоверяя приложил свою печать.

81. Того же рода и отдел. бий Чильдебай Назарбаев тоже удостоверяя приложил свою тамгу.

82. Того же рода бий Юртеке Баубеков, одинаково удостоверяя, подписался своеручно.

83. Джаппаского рода управляющий Калкамановым отделением Хорунжий бий Бигежан Байжанов, подтверждаю все выше описанные обычаи по силу коих судятся киргизы и в моем роде, в чем приложил печать.

84. Того же рода и отдел. бий Ахмед Байсакалов, подтверждая слова Байжанова, приложил свою печать.

85. Того же рода и отдел. бий Маркабай Тенебеков, одинаково удостоверяя, приложил печать.

86. Того же рода и отдел. бий Мухамед Мыктыбаев, одинаково удостоверяя, приложил тамгу.

87. Того же рода и отдел. бий Бермухамед Куланбаев, подтверждая, подписал своеручно.

88. Того же рода и отдел. бий Джаркенбай Байжанов, одинаково удостоверяя, приложил свою печать.

89. Того же рода и отдел. бий Басан Алтынбаев тоже удостоверяя приложил тамгу.

90. Того же рода и отдел. бий Мурзабек Кулманов удостоверяя приложил тамгу.

91. Алтынского рода Маматекова отдел. бий Дайр Джанжигитов, подтверждая все выше писанные обычаи по силу коих судятся все киргизы и в моем роде, в чем приложил тамгу.

92. Того же рода и отдел. бий Байбулат Кусубаев, подтверждая слова однородца моего Джанжигитова, приложил тамгу.

93. Киреевского рода Балжинского отделения бий Танаткан Самаев, подтверждаю в полной силе все выше писанные обычаи по коим судятся все киргизы и в моем роде; в удостоверение чего приложил печать.

94. Того же рода и отдел. бий Сабанбай Бикбулатов одинаково утверждая приложил печать.

95. Того же рода и отдел. старшина и бий Юсуф Бикбулатов удостоверяя тоже. подписался своеручно.

96. Того же рода и отдел. бий Маусунбай Чалабаев одинаково удостоверяя приложил собственноручно тамгу свою.

97. Того же рода Кучабинского отделения бий Чунг Атанов одинаково подтверждая приложил тамгу свою.

98. Того же рода и отдел. бий Баимбет Альбеков тоже подтверждая приложил собствен. печать свою.

99. Того же рода и отдел. бий Темир Джумагулов подтверждая приложил свою печать.

100. Того же рода и отделения бий Какай Майлшев одинаково подтверждая приложил собственноручно тамгу свою.

101. Того же рода Матакаева отделения бий Тунгач Джангузин одинаково подтверждая приложил собств. тамгу свою.

102. Восточной же части Султан Джанбай Джангуваков, подтверждая все выше писанные обычаи, по силу коих судятся все киргизы принадлежащие к Восточной части орды, в удостоверении собственноручно приложил печать свою.

Все выше сего изложенные печати и тамги суть действительно тех самых сил принадлежащей вверенной мне Восточной части орды, в удостоверении чего именную свою печать приложил Войсковой старшина Султан Ахмед Джантюрин.

ЦИА КазССР, ф. 4, д. 2794, л. 175 — 181 включительно.

103. Все вышеписанное есть действительно описание обычаев имеющих в орде силу закона и по коим судятся киргизы. В удостоверении чего средней части орды Джагалбайлинского рода Манатаува отделения бий Беркинбай Бучубаев собственноручно приложил печать.

104. Того же рода и отдел. бий Джакай Байтаув, удостоверяя слова Бачубаева, собственноручно приложил тамгу.

105. Того же рода и отдел. бий Бикмурза Сандыбеков, подтверждая все вышеописанное, приложил тамгу свою.

106. Средней же части Табынского рода Тавчанова отделения бий Джанылич Уразаков, подтверждая все вышеописанные обычаи по коим судятся киргизы, приложил тамгу.

107. Того же рода Елкичинского отдел. бий Тогузбай Джанабаев, одинаково подтверждая, приложил свою печать.

108. Того же рода Кадырбекова отдел. бий Бикташ Матенев, одинаково подтверждая, собственноручно приложил свою печать.

109. Того же рода Тавчанова отдел. бий Иткул Баубеков, удостоверяя, приложил тамгу.

110. Того же рода Кожамбердиева отдел. бий Аман Таубаев удостоверяю, что и в моем отделении все киргизы судятся по выше писанным обычаям. В чем собственноручно приложил печать.

111. Того же рода Ачабекова отдел. бий Муса Джанбулаев, удостоверяя все вышеописанное, приложил тамгу.

112. Томинского рода Кинжебаева отделения бий Байсангрык Иманкулов, подтверждаю все вышеписанные обычаи, по коим судятся ордынцы и в моем роде. В удостоверение чего собственноручно приложил печать свою.

113. Того же рода Атачалова отделения бий Байчувак Итбатыров, утверждая все вышеописанное, приложил тамгу.

114. Чиклинского рода Тлеуова отделения бий Чавень Букенев подтверждаю, что по выше сказанным обычаям судится киргизы и в моем роде. В чем приложил тамгу.

115. Утверждая все вышеписанные обычаи по коим судятся ордынцы, в том Ходжа Якуп Худайкулов своеручно подписуюсь.

116. Утверждаю все, что вышеписанные обычаи есть киргизского народа, по коим судятся они все, в чем бий Тур-Мухамед Уразаков своеручно подписуюсь.

Все выше сего приложенные печати и тамги суть действительно тех ордынцев, кои состоят во вверенной мне Средней части орды. В удостоверение чего исправляющий должность правителя Средней части Войсковой старшина Султан Арыслан Джантюрин приложил именную печать свою.

117. Западной части Табынского рода Кадырбекова отделения бий Исенгул Ишбулаев утверждаю все вышеписанные обычаи по силу коих судятся киргизы в этой части и в моем роде. В чем собственноручно приложил печать свою.

118. Того же рода и отделения бий Баймухамед Аллаунгаров, утверждая все вышеписанное, своеручно подписался.

119. Того же рода и отдел. бий Манка Кулов, подтверждая описание всех вышеписанных обычаев, приложил печать.

120. Того же рода Ачибекова отдел. бий Досмухамед Даукарин, утверждая все вышеписанное, собственноручно приложил печать свою.

121. Того же рода Кадырбекова отдел. бий Утял Сагындыков, одинаково утверждая, своеручно подписал.

122. Того же рода и отдел. бий Юсуф Тлясов, одинаково утверждая все вышеписанное, приложил тамгу.

123. Того же рода и отдел. бий Сопак Айжанов, одинаково утверждая списание вышепомянутых обычаев, приложил тамгу.

124. Того же рода Джиамбетова отдел. бий Рабай Идигин, одинаково утверждая, приложил тамгу.

125. Таминского рода Кинжебаева отдел. бий Джанай Бойидиков одинаковой подтверждая приложил тамгу.

126. Того же рода и отдел. бий Алипкара Мусратов утверждаю что все вышеписанное есть описание обычаев киргизских, в чем приложил тамгу.

127. Того же рода, Джабанова отдел. Сатыбалды Юнгутин, вполне утверждая вышеписанное описание обычаев, приложил печать свою.

128. Таминского рода Джабанова отделения бий Чулак Булангулов, утверждая все вышеписанное, собственноручно приложил печать свою.

Все вышеприложенные печати и тамги суть действительно ордынцев состоящих во вверенной мне Западной части орды во удостоверении чего управляющий Западной частью Войсковой старшина Султан Мухамед Галий Тяукин приложил имеющую печать свою.

ЦГИА КазССР, ф. 4, д. 2794, лл. 182 — 185 включительно.

МАТЕРИАЛЫ ПО КАЗАХСКОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ВОЕННЫМ ГУБЕРНАТОРОМ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ Л. Ф. БАЛЛЮЗЕКОМ В 1871 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Лев Федорович Баллюзек, генерал-лейтенант, родился в 1822 году, умер в 1899 году.

По окончании курса в Михайловском артиллерийском училище в 1843 году Л. Ф. Баллюзек служил в конной артиллерии, а потом при штабе генерал-фельдцейхмейстера. Участвовал во многих экспедициях, в Крымской войне, два раза посещал Китай и Японию.

В 1865 году он был назначен военным губернатором Тургайской области и в этой должности состоял 12 лет, после чего был причислен к Санкт-Петербургскому попечительному совету и назначен попечителем обуховской больницы.

Во время своей службы в Казахстане Баллюзек поручил служившим в бывшем Управлении оренбургскими киргизами чиновникам царского правительства, казахским султанам, биям и аксакалам собрать в районе бывшей области оренбургских киргизов (Малого жуза и части Среднего) материалы по обычному праву казахов, после чего обработал и подготовил их к печати. Большая часть материалов была собрана султаном Сейдалиным. В своем предисловии Л. Ф. Баллюзек отмечает: «Передавая ныне печати собранные по моему приказанию служившими в бывшем Управлении оренбургскими киргизами должностными лицами киргизские обычаи: обязанностью считаю выразить здесь мою искреннюю признательность всем участвовавшим при собирании этих сведений, в особенности штаб-ротмистру султану Сейдалину, более всех трудившемуся в этом деле»[2].

Материалы, опубликованные Баллюзеком, были собраны во второй половине XIX века, когда в царской России происходили крупные изменения в общественной жизни, вызвавшие появление буржуазных реформ 60-х годов и, в частности, судебной реформы 1864 г. К этому же времени полностью была закончена колонизация Казахстана. Появилась необходимость в новых способах колониального управления. Однако как «Временное Положение об управлении в степных областях 1868 года», так и «Положение об управлении Туркестанским краем 1866 года» ограничили, но не уничтожили действия суда биев и норм обычного права в Казахстане. Царскому правительству было выгодно опираться в проведении своей политики на местную, казахскую, феодальную знать и использовать часть норм обычного права в своих интересах.

Сбор норм обычного права, организованный военным губернатором Баллюзеком, преследовал, главным образом, практическую цель, связанную с управлением им Тургайской областью.

Материалы Баллюзека представляют большой интерес для сравни-

---

[1] От составителей.

[2] Л. Ф. Баллюзек. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона. Предисловие. Записки Оренбургского отдела ИРГО, вып. II, 1871 г., стр. 133.

тельного изучения обычного права казахов, так как в них приведены подробно как нормы древнего адата, так и нормы действующего права того времени.

Ценность их заключается, главным образом, в том, что это богатый по содержанию материал, который был собран самими казахами. Но следует учесть, что собраны они были казахскими султанами, биями и аксакалами и к тому же по приказанию русского военного губернатора.

Можно полагать, что, описывая свои обычаи, представители казахской феодальной знати старались, с одной стороны, выслужиться перед русским начальством, с другой стороны, преподнести правовые обычаи, исходя из своих субъективных интересов. Понятно, что это не могло не отразиться на достоверности описанного материала.

Так, например, можно встретить явную идеализацию биев, феодальной знати и норм казахского обычного права. Первые характеризуются как лица, обладающие якобы «природным умом»[1], «природными способностями»[2], являющимися «истинными сынами народа и друзьями человечества»;[3] нормы обычного права, как весьма удовлетворительные и не лишенные справедливых оснований[4].

Ценность этих материалов снижается еще отчасти тем, что обычаи, повидимому, собирались людьми мало образованными. Это отразилось, главным образом, на отдельных выводах и объяснениях. Например, происхождение государственной власти и законов объясняется общественными беспорядками, вызываемыми наличием кровной мести и самоуправства и необходимостью водворения порядка в казахской степи;[5] государственная власть характеризуется как власть общественная, народная[6].

Ввиду явного ненаучного характера и отсутствия юридического содержания, мы сочли необходимым исключить из данного материала объяснения происхождения калыма в отделе II главы I и способов установления физической неспособности супругов к сожительству в VIII отделе из §§ 41 и 46.[7]

Но несмотря на это, при критическом подходе материалы, опубликованные Баллюзеком, содержат очень ценный фактический материал для изучения истории казахского права.

Вопросы казахского судопроизводства, уголовного и гражданского права, в частности, решение дел по наследству (отдел третий), обычаи относительно долговых обязательств (глава I отдела II), обычаи относительно оскорбления чести (глава II отдела VI), правила при занятии места для стоянки аулов (глава XIII отдела VI) и другие изложены с большим знанием жизни и юридического быта казахов.

---

1 См. стр. 164 настоящего сборника.
2 См. стр. 164 настоящего сборника.
3 См. стр. 201 настоящего сборника.
4 См. стр. 165 настоящего сборника.
5 См. стр. 41 настоящего сборника.
6 См. стр. 219 настоящего сборника.
7 Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества, вып. II, Казань, 1871 г.

Л. БАЛЛЮЗЕК

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ ИМЕВШИЕ, А ОТЧАСТИ И НЫНЕ ИМЕЮЩИЕ, В МАЛОЙ КИРГИЗСКОЙ ОРДЕ СИЛУ ЗАКОНА

Отдел первый

Глава I

Общия правила киргизского судопроизводства

Киргизский Суд. — По отсутствию всякого образования у киргизов и по малограмотности их, естественно должен был установиться суд изустный, с свойственною ему гласностию и публичностию, — суд, в котором всякое дело, начиная от самой простой обиды человека словом, до самого высшего уголовного преступления, или убийства, и от самой маловажной кражи до значительной баранты, разбиралось и судилось словесно, без малейшего участия пера и бумаги.

Судьи и что такое бий. — Обязанность судьи лежит на так называемых биях. Это звание, в сознании народном, принадлежит тем немногим, которые с природным умом и даром красноречия соединяют в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических о нем преданиях. Только совокупностию этих природных способностей и приобретенных ими познаний заслуживается репутация бия; или, другими словами, бий есть живая летопись народа, юрист или законовед его. Люди такого рода, или бии в обширном смысле этого слова, бывают конечно редки. Являясь в разных периодах жизни киргизского народа, они были, так сказать, наставниками или учителями его, преподавая ему правила общежития, разрешая встречавшиеся им вопросы по всевозможным случаям современной им практической жизни, научая его различным мерам к преследованию общественных зол, как-то: воровства, кражи, баранты, убийства и прочих преступлений, определением за оныя наказаний аипами или штрафами на имущество и т. д. Одним словом совокупностью переданных потомству каждым из них начал практической мудрости или правил словесного разбора и решения всевозможных случаев киргизской жизни, они создали своего рода законодательство в так называемых народных обычаях, которые, разве только за исключением решений по брачным делам, во всех других отношениях, можно сказать, весьма удовлетворительны и не лишены справедливых оснований, по крайней мере в применении их к условиям и потребностям киргизской жизни. В этом отношении заслуга биев не мала, особенно если вспомнить, что они были не более как практики, не получившие никакого образования, не знакомые ни с какою ученою теориею, напротив родившиеся и жившие среди грубаго невежества, но за всем тем преподавшие потомству правила жизни, кроме означенных обычаев, еще в мудрых пословицах и изречениях, о которых здесь конечно не место распространяться.

К сожалению нынешнее поколение не имеет почти ни одного такого бия, а потому принято именовать биями всех тех, которые пользуются некоторым почетом в народе и имеют лишь некоторые сведения о коренных его обычаях.

На этих-то биях и лежат преимущественно обязанности судей. Впрочем, нужно заметить, что в выборе судей киргизы не стесняются по

обычаям никакими ограничениями или обязательствами. Всякий, кого выберут они сами и перед кем спорящие или тяжущиеся бросят свои плеты (знак предоставления себя на чье-либо распоряжение, своего рода подписка или обязательство покориться чьему либо решению), — имеет право разбирать и оканчивать все возможные дела, и, как выражаются киргизы, ирьдин куны, нардын булы, т. е. даже убийство человека и цену одногорбого верблюда, под каковою ценою разумелся некогда у киргизов самый высокий иск, по неимению более ценных предметов и по отсутствию денежных капиталов, начавшихся накопляться только в последнее время.

По завещанному киргизам предками их уважению к султанскому происхождению, выбор в судьи редко миновал прежде лиц этого звания, к которому народное уважение выразилось в следующей поговорочной фразе из двустишия: Хан улы купрь болса басып утпѐ, узю булган жгиткѐ тясиб итпѐ. т. е. если из ханевича или султана устроен даже мост, то из уважения к его материалу не ходи по нем; равное уважение имей или питай к тому, кто не происхождением, а личными превосходствами вышел в люди из ничего.

Порядок вызова к суду. — Выше сказано, что в выборе судей киргиз не стеснен никакими ограничениями и что всякий выбранный самыми спорящими может быть безграничным судьею в их споре. Это разумеется бывает в тех случаях, когда обе спорящих стороны идут на суд добровольно. Но когда одна из них уклоняется от добровольной явки к суду и от удовлетворения претендующей стороны, тогда обиженная предъявляет о том лицу, имеющему влияние на обе стороны. Лице это, когда сделано ему подобное предъявление, наряжает от себя есаула, посылаемого на счет виновного за вызовом уклонившейся от добровольной явки стороны. Или когда спорящие принадлежат к двум разным родам, никогда еще не соединявшимся под влиянием одного лица, кроме ханов и бывших султанов правителей, тогда претендующий род посылает к влиятельным лицам противной стороны своих представителей с требованием удовлетворения.

С появлением этих представителей вызывается тот, на кого они имеют претензию и наряжается суд из двух или более биев с каждой стороны, смотря по большей или меньшей важности спора. Впрочем более двенадцати биев, т. е. более как по 6 с каждой стороны, не бывает. Упорство в явке на неоднократный вызов к суду, потворство и понаровка родовичей чьему-либо упорству и недача обиженному удовлетворения, ведут к последствиям и мерам, о коих будет говориться ниже, в своем месте, в одном из последующих отделов о баранте.

Всякий избранный в судьи должен руководствоваться во всех делах следующими общими правилами:

1. Каждый спорящий, истец ли он или ответчик, если не надеется на собственный дар слова для ясного и убедительного изложения своего дела, имеет полное право явки на суд с одним или даже с несколькими адвокатами из своих родовичей, которых вообще долг защищать по обычаям интересы своего сородича. Проиграние последним дела о споре с чужеродцем относится как бы к нечести и сраму целого рода. Поэтому всякое более или менее важное дело, даже между отдельными личностями, становится всегда делом общественным, обсуждаемым всенародно и с самою строгою справедливостью, свойственною всякому публичному суду киргизов, если только нет в нем начальственного влияния. Система заступничества до того развита у киргизов и считается ими таким добродетельным подвигом, что в деле двух одноотделенцев, осталь-

ные в этом отделении лица принимают каждый сторону того, который одного с ним подотделения; в споре двух однородцев прочие родовичи сгруппировываются каждый около своего одноотделенца, — причем то отделение, которое состоит в равных родственных отношениях с тою и с другою из спорящих сторон, остается нейтральным, стараясь по возможности примирить тяжущиеся стороны и выражая гласно свое мнение о возникшем споре. В деле же между двумя разнородцами лица прочих родов принимают сторону того, чей род более других родствен с их родом. Наконец в споре двух лиц, принадлежащих к разным юзам или ордам, всякий защищает интересы своего одноюзца. А в деле лиц из разных наций интерес соплеменника всегда ставится выше и заступничество родовичей в подобных случаях может дойти даже до несправедливости.

2. Суду всегда должно предшествовать непременное убеждение через посторонних присутствующих тут почетных лиц, чтобы тяжущиеся, как сыны одной народной семьи «казак», не предавались тяжбе, были друг другу по возможности уступчивы, так как без некоторой взаимной уступчивости людей не возможна самая жизнь их и чтобы поэтому, тюречѐ барып тюбечѐ чыкбаяк, т. е. «не всходя на возвышение» (обычное место народного суда) «и не доходя ни до какого султана или постороннего судьи», они разделались полюбовно, промеж себя и т. д. Если этим способом примирения сторон не последует, тогда приступают к суду и разбирательству.

3. Первый должен говорить всегда истец, потом уже ответчик, и так, чтобы они не перебивали друг друга.

4. По выслушании каждого, надлежит предоставить им обоим усилить свои доводы друг против друга, стараться уличить одним другого возможными средствами, одним словом дать им право самого жаркого прения или спора, — причем присутствующим дозволяется делать свои замечания, перебивать и останавливать каждого из спорящих там, где покажется несообразность в словах того или другого, — на каковое замечание если не последует удовлетворительного ответа или дельного возражения, то это сильно влияет на решение, а в делах маловажных принимается даже в исключительное основание решения, т. е. когда несообразность замечена в словах только одной стороны, то она проигрывает все дело, а когда несообразности есть и с той, и с другой стороны, — дело решается пополам, что называется по киргизски жары булу, или карындас булу, что значит решение по-братски, по родственному. Такое решение может состояться не только по маловажным спорам, но и в более важных случаях, когда нет свидетелей.

5. В делах сего рода, т. е. безсвидетельных, вообще стараются не допускать до обычной в сих случаях очистительной с ответчика или подтвердительной с истца присяги, приведение к которой, при всей законности ея по обычаям, приписывается бездарности и неискусству судьи.

6. Если из слов спорящих обнаружится, что есть у того или у другого свидетель, то дело решается согласно с отзывом последнего, к которому, если он отсутствует и если предмет спора не особенной важности, отправляют самих тяжущихся, адресовав их к какому-нибудь влиятельному лицу, находящемуся вблизи того свидетеля с тем, чтобы допросив последнего, это лицо решило дело согласно с его показанием. Впрочем подобная отсылка спорящих к свидетелю может быть только тогда, когда обе стороны согласны на это.

7. Если свидетель, выставленный одною стороною, отводится почему-либо другою, тогда надлежит вызвать свидетеля через нарочно пос-

ланного жасаула, назначив последнему на счет виновного вознаграждение за труды, называющееся жасаул-акы или ат-ман.

8. Если свидетелями бывают лица важного султанского рода или знаменитой по общему уважению киргизской фамилии, популярные бии и несколько почетных ордынцев, то отвод таких свидетелей не допускается, если только не было между подобными свидетелями и отводящих их лицом когда-либо вражды из-за убийства или недавнего спора по какому-либо брачному делу из-за жесира, как говорят киргизы, т. е. из-за женщины.

9. Свидетельство означенных в предъидущей статье лиц принимается обыкновенно и без присяги полным доказательством.

10. Свидетельство не почетных или простых ордынцев не принимается без присяги, причем если свидетелей из простых ордынцев будет по одному делу несколько человек, то из них присягу принимает только один выбранный из числа их по усмотрению того, против кого они свидетельствуют; если же свидетель из простых киргизов один, то допускается к присяге не он, а кто-либо из его родственников или родовичей, хотя вовсе непричастный к делу, по соображениям, которые приведены будут ниже. Только подтвержденное присягою другого родовича показание одиночного свидетеля имеет должную силу. Эта присяга называется жан айгакдын тазасынан или айгакдын тай-гагы[1]. Родовичи никогда не отказывают в присяге за такого свидетеля, если он еще до свидетельства пользовался их доверием и не был замечен ни в чем дурном. За того же, кто однажды пойман был во лжи или не пользуется особенным доверием родовичей, присяги не принимают. Поэтому в делах при одном свидетеле, когда поведение его неизвестно обществу или известно с дурной стороны, дабы не повредить разъяснению дела и обнаружению истины, — предоставляют истцу право выбора из двух: желает-ли он доказательной на ответчика присяги со стороны своего свидетеля, или очистительной присяги со стороны самого ответчика. После этого, смотря потому что выберет истец, решается дело. При чем представление доказательной присяги, или непредставление очистительной, служат полными доказательствами к обвинению ответчика, а непредставление первой или представление второй — к оправданию его.

Приведенное здесь решение требует некоторого объяснения: известно, что по прежнему русскому судопроизводству свидетельство одного лица без других посторонних улик не имеет силы доказательства и подозреваемый или ответчик оставляется только в подозрении. Но по киргизским обычаям это свидетельство, подтвержденное присягою, получает силу доказательства и ответчик обвиняется. Обычаи в этом случае основаны на том соображении, что не то только правда и истинно, что видели многие, но может быть правда и то, что видел один, особенно в отношении преступлений и пороков людей, всегда старающихся скрыть оные от всяких глаз и свидетелей. Поэтому не давая, правда, прямого вероятия словам одного человека, но рассуждая в то же время, что и он мог видеть и быть нечаянным свидетелем тому, чему нечаянными свидетелями бывают иногда и многие, надлежит, подтвердив сомнение присягою, возвести его на степень такой же правды, каковою считается виденное многими; ибо в противном случае, рассуждают обычаи, вышло бы то, что например, вор имеет право, безнаказанно воровать при одном свидетеле.

---

[1] Присяга от чистаго свидетеля или скользский путь для свидетеля.

Что-же касается до представления истцу выбора между свидетельскою и очистительною присягою за ответчика, то это основано на следующем соображении: если за свидетеля, по дурному поведению его, родовичи не представят доказательной присяги в том что он действительно, может быть, видел, ибо и негодяй может, как и всякий, быть нечаянным свидетелем проделки подобного себе негодяя, — то чтобы ответчик, благодаря порочности свидетеля, неизбегнул наказания за преступление, — которое он в самом деле может быть сделал, и чтобы за порочность своего свидетеля не пострадал истец, лишившись удовлетворения с действительно виновного, — то в виду таких соображений, обычаи справедливым считают обеспечить истца правом и на очистительную присягу, одинаково обеспечивающую впрочем и ответчика, если он прав, возможностью избавиться через нее от наказания.

11. Выбор лица для очистительной присяги из родовичей ответчика предоставляется истцу, а выбор лица для доказательной свидетельской присяги — ответчику, так как предоставление каждому выбора лица из собственных родовичей дало бы ему возможность избрать такое лицо, на которое он вполне мог бы рассчитывать.

12. Впрочем в видах некоторого ограничения права выбора, всякому, присужденному судом к представлению за себя присяги, предоставляется право отвода тех из собственных родовичей, которые состоят с ним в известной целому роду вражде, или в таковой же приязне с его противником, имеющим выбрать присягающую личность. Причинами к отводу считаются: личная вражда из-за убийства, и из-за «жесирь», то есть за права на какую-либо женщину, за которую обыкновенно «кек», или так называемое чувство взаимной мести, долго не изглаживается из памяти киргиза. Остальные же маловажные ссоры, неизвестные обществу и не случившиеся во время или перед самою присягою, требуемою от кого-либо в удовлетворении претендующей на него стороны, не могут служить причинами к отводу.

13. Но независимо от вражды с одним и от приязни с другим из спорящих, от присяги изъемлются или освобождаются самим судьею не по чьему либо отводу, а по особенному уважению и почетности, в отделении одно, а в целом роде два-три семейства, разумеется, в делах не особенной важности, но в деле по убийству никому не делается исключения, кроме лиц султанского происхождения, на которыя присяга может пасть только по взаимным делам их между собою, равно и в том случае, когда они причастны к делам с простыми киргизами лично сами.

14. Свидетельство женщин даже в делах маловажных должно быть подкрепляемо присягою их мужей, а в делах более важных, не говоря уже об уголовных, свидетельство их, равно как свидетельство детей, невольников и невольниц, ни в каком случае не имеющих силы доказательства, и служит только поводом к подозрению, от которого впрочем не иначе избавляется каждый, как по очистительной присяге.

15. Всякий судья должен помнить еще ту особенность киргизских народных обычаев, по которой никакая претензия, как-бы ни была она бездоказательна, не должна быть оставляема без внимания и без так называемого «тенгдик» или удовлетворения очистительною присягою со стороны подозреваемого, в том соображении, что всякое преступление, совершаясь по возможности тайно, не может быть замечаемо кем-либо всякий раз, а потому отсутствие свидетелей не есть доказательство непреступности подозреваемого и не значит, что преступление не было совершено, а значит только, что оно счастливо и удачно произведено вне посторонних глаз, естественно и так усердно избегаемых всегда деяте-

лем всякого преступления. Кражи, и именно кражи скота, этого главнейшего источника народного богатства у киргиз, производятся особенно легко, потому что стада у них пасутся днем и ночью, не при аулах, а в поле, где надзор за ними труден, вследствие чего положение воров становится особенно выгодным перед положением хозяев. Разница же между очистительною присягою при свидетеле и таковой же без свидетелей, по подозрению, состоит в том, что первая распространяется на более дальнее, а вторая — на более близкое родство ответчика.

Решение дел безсвидетельных и вообще бездоказательных очистительною за ответчика присягою вовсе непричастных к делу его родовича, имеет кроме вышеприведенных соображений еще другую цель — привести дело к следующим изведанным вековыми опытами результатам.

Понятно, что человек, на которого пала очистительная за родовича его присяга, невольно принимает на себя роль, так сказать, домашнего между-родственного над ответчиком следователя, которому открытие истины по родственному отношению его с ответчиком всегда доступнее, чем всякому постороннему, для которого закрыты все междуродственные тайны. Получив приглашение родовича к принятию за него присяги по известному делу, он, чтобы в случае виновности ответчика не быть клятвопреступником, а в случае безвинности его — виновником не заслуженного им наказания, прежде нежели решиться на принятие присяги или на отказ от оной, — приступает к удостоверению: как и в чем дело; убеждается через распросы, а нередко даже через присягу ближайшей ответчику родни, в степени его вины или безвинности, и только после строгих розысков, или разведываний, смотря по открывшимся последствиям, решает: принять или не принять ему присягу. Если же удостоверение не приведет его ни к тому, ни к другому убеждению в отношении ответчика, он предлагает как последнему, так и истцу решиться на предмет спора по-полам, угрожая, в случае несогласия, первому совершенным отказом ему в присяге, а второму — готовностию принять оную, — чем первый боится быть вполне обвиненным, а второй опасается лишения всякого вознаграждения, а потому невольно соглашаются оба. Или когда присяжный, убежденный в безвинности ответчика, желает и оправдать его и вместе отстоять себя от присяги, то он, объявив об этом истцу, спрашивает его: желает-ли последний взять с него присягу, на которую он готов по принесении какой-либо маленькой скотины в жертву Богу (непременный обряд перед присягой), или, избавив его от присяги, ограничиться получением с него предназначенной им в жертву скотинки. На что истец, если уверен в непременном принятии присяги, отвечает выбором последней, а если не уверен или даже при уверенности в принятии присяги пожелает ее, тогда оная дается ему немедленно, чем кончается потом всякая тяжба.

Бывают такие, которые даже при уверенности в безвинности ответчика соглашаются платить и платят истцу сами, из своей собственности, чтобы только избавиться от принятия присяги, страшной им как по названию ее у киргизов: «душедаяние», так и по способу принимания оной не через Алкоран, которого не имели прежде киргизы, а через такие обряды, которые, живо действуя на воображение и на внешния чувства их, наводят на них чрезвычайный страх.

16. Если подозреваемый или ответчик не имеет ни роду, ни племени, каковы освобожденные из недавнего рабства персияне из которых многие все еще продолжают жить в степи по желанию, или если ответчик келимсек, т. е. пришелец из дальнего рода, за которого некому при-

нять очистительную присягу, тогда истец, не имеющий против такового свидетелей, обязывается представить в доказательство справедливости своей претензии присягу одного из собственных родовичей.

17. Но если пришелец, успевший войти в родственныя связи с кем-либо из того рода, в котором он проживает, изъявит желание представить за себя очистительную присягу из лиц сего родства или из соседей своих, то таковому предоставляется право представление предлагаемой им присяги, или взятия последней со стороны истца.

18. В самых маловажных случаях присяга может ограничиться личностью самих: ответчика или свидетеля или истца. Но в делах более важных она распространяется смотря по степени важности каждого дела, на родственников одноотделенцев и даже однородцев их, как видно будет это в последующих отделах сего сборника, при решении всякого дела особо, по браку, наследству, краже, баранте, грабежу и убийству.

19. Из всего вышесказанного ясно, что решение почти ни одного дела по киргизским обычаям, даже при бездоказательности и отсутствии свидетелей, не обходится без того или другого рода присяги, кроме конечно случаев миролюбивой сделки или так называемого родственного решения по-полам, когда удается судьям согласить на это тяжущиеся стороны. Единственное исключение из сего способа решения дел составляет добровольное сознание самого подозреваемого, доводимого до этого обыкновенно или мастерскими передопрашиваниями искуснаго судьи, или убедительностью свидетельских улик, или неуверенностию в представлении за себя очистительной присяги из родовичей, или наконец убеждениями посторонних и желанием себе смягчения наказания за преступление. Такое смягчение всегда делается ответчику особенно при сознании, учиненном без всяких улик и свидетелей против него, из видимого желания исправиться и из чистосердечного раскаяния.

20. Когда тем или другим из вышеуказанных путей истина обнаружена и преступление доказано, то заключительным актом разбирательства, последнею обязанностию судьи должно быть определение, сообразно с родом и с важностью каждого доказанного преступления или проступка, меры наказания аипами,[1] или кунами[2] различной величины.

Так как при изложении частных правил о разборе дел по каждому роду особо, и при определении меры наказания постоянно будут встречаться названия «аип» и «кун», и приводы к присяге, то во избежание излишнего повторения при каждом частном случае, мы рассмотрим сначала размеры аипа и куна, а потом перейдем к обрядам присяги.

Глава II

Меры наказания.

Аипы за проступки

1. Ат-тун-аип значит штраф в одну лошадь и халат. Аипная лошадь может быть различного возраста, но не моложе 3-х лет, смотря по важности вины или проступка, за который положен этот штраф. — Больший или меньший возраст зависит еще от значения и степени родства получающего штраф, т. е. больший возраст полагается лицу с

[1] Аип — штраф.
[2] Кун — вознаграждение за убытки или за увечье.

большим значением и на дальнее родство, а меньший — наоборот лицу с меньшим значением и на близкое родство. Но на качества или достоинства аипной лошади не должно обращать внимания, лишь была-бы она здорова.

2. Ат-тун, в котором нередко лошадь (ат), остается лишь номинальным аипом, и взыскивается в действительности тун — халат или по крайней маловажности вины, или по причине очень близкого родства, или же по не особенному значению получающего штраф.

3. Азусыз-ат, жиексиз-тун, значит лошадь без коренного зуба и не красный халат, под которыми разумеются обычаями баран и один конец маты, т. е. бязи или выбойки, или крашенины. Аип этот полагается за самую ничтожную вину, или за самый маловажный проступок.

Аипы за преступления:

4. Брь-ат — просто одна лошадь.

5. Брь-тюе-брь-чапан — один верблюд с халатом.

6. Брь-тюе, брь-ат — значит один верблюд и одна лошадь.

7. Тогуз — значит девять; — тут подразумевается девять голов скота или вещей.

Во главе всякого тогуза должен стоять непременно: или верблюд, или лошадь, или бык. И по сему различию начального своего предмета он бывает трех родов, из коих первый, имеющий во главе верблюда, называется тюе-бастаткан-тогуз, т. е. верблюдом начинающийся тогуз, второй начинающийся с лошади, именуется ат-бастаткан-тогуз, т. е. лошадью начинающийся тогуз, и третий быком начинающийся тогуз или угуз-бастаткан-тогуз.

Состав каждого из сих тогузов весьма различный и зависит от большей или меньшей важности преступления, за которое положено этого рода взыскание, и от большей или меньшей степени родства штрафуемого с получающим штраф.

а) Тюе-бастаткан-тогуз должен состоять во-первых из 3-х верблюдов, 3-х лошадей и 3-х штук рогатого, так, чтобы в нем было непременно из каждого означенного рода скота по матке с двухлетним и однолетним ее сосуном, т. е. верблюдица с верблюжатами ее. Тайлак и бота — кобыла с ее жеребятами; тай и кулун — корова с годовалым бычком; таинча и с теленком или телкою — бузау; и это есть самый высший состав верблюжьего тогуза. Во-вторых он состоит из одного верблюда с 8 штуками разновозрастных лошадей или рогатого скота, или же из тех и других вместе, по-полам. Этот тогуз, в который, как видно, не входит баран, считается самым ценным и ходит обыкновенно между разнородцами за уголовное преступление и по брачным делам.

в) Атбастаткан-тогуз должен состоять во-1-х из 3-х лошадей, 3-х рогатых скотин и 3-х баранов, т. е. кобыл с таем и кулун коровы с таинчою и бузау, и овцы с двухлетком — токты и однолетком — козы (ягненок); во 2-х, из одной лошади с 8 штуками рогатого скота или баранов разного возраста, или же из тех и других вместе.

с) Угузбастаткан-тогуз состоит из 3-х штук рогатого и 6-ти баранов, или из одного быка с 8 баранами разного возраста.

8. Токал-тогуз значит сокращенный тогуз, состоящий просто из 8 баранов без обычного начала с верблюда, или лошади, либо быка, а потому и называющийся сокращенным.

Так называемые вещевые тогузы, т. е. состоящие из вещей, считаются не штрафными, а подарочными, и служат для дарения отмен-

ных друзей, сватьев, вдохновенных певцов народной были, поющих обыкновенно по чьему-либо заказу; байгами или призами на конских скачках и наконец для преподнесения какой-либо высокопочтенной или уважаемой особе.

По делам за кражу вообще существуют особенные аипы, известные под следующими названиями:

9. Муйнина-кусак, кутинетрь-кеу, значит привязка или придача к шее и хвосту покраденного кем-либо скота, взыскиваемая с вора сверх возвращения покраденного или стоимости оного. Привязкою к шее должен быть всегда трехлеток (кунан), а привязкою к хвосту — двухлеток (тай), того рода скота, к которому кража относится.

За кражу мелкого скота, как-то: жеребят и верблюжат, служащих придачею к крупной скотине, привязки показаны в отделе о решении дел по кражам вообще, где и наказание за каждую кражу показано особо.

10. Хандык — штраф в пользу хана или всякого влиятельного в роде Султана, полагающийся в одну лошадь или верблюда по 5-му году, называющиеся по сему возрасту их бести-ат — пятилетняя лошадь, или бести-атан — пятилетний верблюд. Этот штраф берется только за важные кражи.

11. Бийлик — штраф в пользу бия или всякого судьи, решившего дело, всегда равняющийся половине хандыка.

12. Жасаул-акы — плата в пользу тех, которые посылаются за людьми вызываемыми к суду, или для приведения в исполнение постановленного судьями решения. Величина его соразмеряется обыкновенно с расстоянием, какое предстоит жасаулу проехать, и с большею или меньшею важностью дела; но всегда менее бийлика.

13. Даучега жипкесер — заключительный акт решения всякого дела по кражам и уголовным преступлениям, или обряд заключающийся в перерезывании пестрой веревки, предполагающейся надетою, или в прежнее время на самом деле надеваемой вору на ноги, для означения неволи, в которой он должен бы находиться впредь до решения дела. Эта статья аипа не превышает одного барана, или одного бумажного халата. Последние четыре рода аипов существуют кроме краж, еще в делах по убийствам, но в гораздо высшем конечно размере, чем в делах по кражам, как увидим это ниже в своем месте. —

14. За высшия кражи аипы доходят до 3-х тогузов и даже до лишения вора всего имущества, — что называется шау-алу.

15. Наказания, высшия предъидущих мер взыскания, называются не аипами, а составляют уже кун, который бывает, смотря по преступлениям, полный от 500 баранов, или от 50 лошадей, или от 25 верблюдов, до 2000 голов первого, или до 200 штук второго или до 100 голов третьего рода скота. Далее существует еще половинный и четвертной куны, о каждом из которых подробно будет сказано в отделе решений дел по уголовным преступлениям, за которые обыкновенно оные полагаются.

Глава III

О присягах вообще

Присяга, по-киргизски, жан-берю, т. е. душедаяние, бывает, как мы видели, во 1-х, очистительная, принимаемая всяким ответчиком в свое оправдание или лично самим, или представляемая им за себя в лице другого вовсе непричастного к делу родственника, одноотделения

или однородца, в тех случаях, когда в деле нет свидетелей, во 2-х, присяга может быть предварительная, принимаемая в тех же случаях всяким истцом в подтверждении на кого-либо своего подозрения или обвинения, тоже или лично, или через одного из его родовичей.

В том и в другом случае очистительная или подтвердительная присяга ограничивается личностью самого ответчика или истца, тогда, когда оба они пользовались прежде репутацией честных людей, или когда дело, возникшее между ними, не особенной важности.

Когда же по большей или меньшей важности дела очистительная или подтвердительная присяга распространяется на родственников и даже однородцев ответчика или истца, тогда выбор лица для первого рода присяги зависит от истца, а для второго рода присяги — от ответчика.

Наконец присяга бывает свидетельская, принимаемая, когда свидетелей несколько человек, всегда одним из них, а при одиночном свидетеле одним из родовичей последняго по выбору ответчика, исключая самыя маловажныя претензии, в которых как многим, так и одному свидетелю, при добропорядочном его поведении, верится на-слово, а при сомнении в порядочности оного — лично принятой им присяге.

При решении дела тою или другою присягою непременно назначается срок, к которому она должна быть представлена обязавшеюся стороною. При назначении срока соображаются обыкновенно с существующе народною поговоркою: жан бергенге жай-берь, т. е. душедателю или имеющему принять, либо представить присягу, дай долгий срок; — но вообще больший или меньший срок для представления присяги зависит от места и расстояния, откуда должен явиться душедатель, или присягающий.

В случае неявки душедателя к назначенному сроку без всякой на то причины, обязанный представить его, если ответчик, признается виновным в том, в чем он подозревался, если истец, — то лишается иска, а если свидетель, то свидетельство его считается ложным и ответчик избавляется от всякого подозрения. Но если неявка произошла от болезни, от внезапной смерти кого-нибудь из родных, или по другой уважительной причины — о чем всегда надлежит извещать во время кого следует, то присяга отлагается до другого срока. И вообще надо заметить, что как-бы долго ни отсрочивалась присяга, если только на то есть уважительная причина, она никогда не теряет своей силы и может быть предоставлена даже через год, исключая конечно случай смерти душедателя, тогда для присяги выбирается другой. Самый короткий срок считается через три дня, средний от семи до пятнадцати дней, и долгий от одного до трех месяцев, а самый долгий от пяти до десяти месяцев, если рода тяжущихся лиц кочуют по зимовкам в совершенно противоположных краях степи, откуда по случаю зимы доставление присяжного раньше лета становится не возможным.

Обыкновенно тот, кто, по известной ему несправедливости дела своего однородца, не намерен принимать присягу, объявляет о том заранее и к месту, предназначенному для присяги, не является.

Местом для присяги обыкновенно выбирается какое-либо возвышение, либо бугор, усеянный мазарками[1], или река, или же озеро, — вообще такое место, которое картинностью и величеством своего вида действовало бы на воображение душедателя.

[1] Мазар — могила.

Явившееся на присягу лице, взойдя на избранное место с тем, который требует с него присягу, произносит следующее: «Эгер утрюк айтсам, худай атсын, у дуйнеде иманым буюрмасын, будуйнеде мал басымнын иглиген кюрмеин», т. е. если я лгу, да накажет меня Бог, да лишит он меня на том свете всякого воздаяния за мою веру в Него и за все мои добродетели, а на этом — да не увижу добра от моего имущества и детей. Этим кончается весь обряд присяги или душедаяния, а нередко делается это еще проще, т. е. берущий присягу ограничивается и довольствуется только явкою душедателя на место присяги, или же выходом его из толпы зрителей и входом на возвышение — кыр.

Другой способ привода к присяге состоит в целовании душедателей без всякой божбы дула у ружья.

Страх, понятный особенно в первое время знакомства киргизов с огнестрельным оружием, нередко удерживает полудикаря с пугливым воображением от сего обряда целования отверстия откуда вылетает смертельный снаряд.

Третий способ душедаяния заключается в троекратном обхождении душедателем кругом какой-либо могилы, — тоже без всякой божбы. Вид могилы живо представляет воображению киргиза страшную мысль о неизбежной смерти и о том, как он явится в это неприветливо смотрящее жилище смерти, когда он дает душу заживо, т. е. присягает.

Четвертый и последний обряд состоит в принимании душедателем положения умершего за перегородкою нарочно устроенною для этого в кибитке, при чем он подвергается обычному, для умерших омовению и надеванию савана. Редкий или почти ни один смельчак не выдерживает совершения над ним всей этой страшной церемонии, в особенности надевания последнего земного покрова — савана.

Впрочем все эти старые обряды присяги начинают теперь по немногу выводиться; особенно редки они у прилинейных киргизов, руководствующихся уже при приводе к присяге общими правилами шаригата, т. е. присяги по Алькорану.

Отдел второй

РЕШЕНИЕ ДЕЛ БРАЧНЫХ

Глава I

Особенности киргизского брака

Брачные дела у киргизов и их решение так своеобразны и так не похожи на существующие постановления русских законов и магометанского шаригата, что предварительно описания образа решения их, необходимо сказать несколько слов о самом киргизском браке и его основаниях, — без чего киргизское правосудие и начало, на коих оно основано, останутся совершенно темными и непонятными.

Говоря о киргизском браке, следует прежде всего заметить, что киргиз не женится, а его женят, т. е., что выбор невесты зависит не от него самого, а от усмотрения родителей, которых произвол в этом случае простирается до того, что они нередко сватают для сыновей своих невест тогда, когда и жених и невеста еще в пеленках. Бывает даже и

так, что еще не будучи отцами, друзья сговариваются между собой, для большего скрепления дружбы, породниться посредством союза будущих своих детей. И этот сговор или помолвка будущего их потомства выполняется ими непременно, если только от одного из них родится сын, а от другого дочь.

Отсюда ясно, что счастливый пример брака по любви или по взаимному влечению сердец весьма редок. Освященный веками и укоренившийся в народе обычай так силен, что сердце киргиза невольно повинуется выбору родителей, у которых собственные виды и расчеты в сем случае, играя главную роль, всегда преобладают над естественными чувствами бракосочетающихся.

Кроме сего неограниченного произвола родителей, в основании киргизского брака лежит еще нечто в роде торговой между родителями же сделки, под которою следует разуметь так называемый калым. Это — известное количество скота, платимого женихом родителям невесты и которого величина соразмеряется с состоянием каждого женящегося киргиза.

Как ни интересно знать о происхождении такого странного явления в деле брака, как калым, столь грубо относящийся к значению женщины, унижая ее до степени животного или вещи, и притом у такого народа, как киргизы, у которых все прочие обычаи как бы в оправдание своих нелепостей относительно брака, проникнуты таким духом неприкосновенности права личной свободы, что трудно совместить их в одном и том же народе, но к сожалению, о том, с чего взят калым и откуда произошел он, не сохранилось в народе ни одного точного или достоверного предания.

Глава II

Киргизское сватовство

Киргиз, задумав женить сына и выбрав для этой цели семейство, с которым особенно желательно ему войти в родство или по равенству с ним состояния оного, или, при неравенстве состояния, по высшему сравнительно с ним значению оного родом или происхождением, или нередко из желания приобрести, по праву свата, имеющегося во владении того семейства какой-либо скотины с редкими достоинствами, как-то: скакуна, иноходца, и т. п., либо наконец, из расчетов на особенно выгодную в хозяйственном отношении зимовку, занимаемою тем семейством, он делает последнему лично или чрез другого, предложение и в случае согласия оного на это предложение сговаривается с ним предварительно о калыме, количестве его, и о времени когда оно может принять послов от него для официального сватовства, называемого по киргизски, куда-тюсер, — при чем иногда тот, кто сватает, как в собственное, так и в обеспечение семейства невесты на случай могущих произойти с той или с другой стороны обманов или нарушений в данном друг другу слове относительно сватовства, дает так называемый каргы-бау — задаток в одну лошадь, или деньгами от 10 до 60 рублей сер., — что впрочем при взятии калыма не входит в расчет.

Условившись таким образом, сватующий не прямо однако отправляет послов к родителям сватуемой в назначенный им день, а ждет обыкновенно к этому дню посыльного от них с официальным к себе приглашением, — по получении которого, одарив посланного какою ни-

будь скотиною, либо халатом, отправляет с ним послов, набираемых обыкновенно из ближайших родственников, или друзей своих, числом всегда не менее 3 и не более 10 человек, смотря по состоянию вступающих в родство семейств.

Прием этих послов, называемых по-киргизски «куда-лар», сопровождается обычным «туй-куда-тюсер», т. е. праздником по случаю официального сватовства, которого главный обряд заключается в угощении куда-лар, между прочим, особым блюдом, приготовляемым для них исключительно из одних кусочков баранього курдючного сала и печенки, без малейшей примеси других частей мяса, и называемым по исключительному составу оного из курдюка и печенки куйрук-баур, из которого, по прочтении над ним баты, т. е. обычной молитвы с пожеланием затевающемуся родству прочности и доброго согласия, едят по нескольку горстей, как-бы в знак утверждения или подписания условий начального акта будущего бракосочетания молодых.

По исполнении стариками сего главного обряда сватовства, праздник открывается всегда играющим тут главную роль обществом или толпою киргизских амазонок обступающих в сопровождении послушной им молодежи кибитку, где сидят куда-лар, с угрозою последним приготовленными для них неприятными шутками или играми, от которых они большею частью откупаются подарками. В противном случае они бывают предметом обычных забав над ними женщин, надевающих на каждого из них по старшинству, самый безобразный женский головной убор, унизительный для мужчин, по понятию киргизов, и в самом лучшем виде оного. В этом наряде водят куда-лар по всему собранию, заставляя их при этом применятся ко всевозможным манерам и приемам замужней женщины при виде мужчин, приседанию перед последними на одно колено; потом сажают их в том же наряде, на подводимого к каждому из них быка лицом к хвосту последнего, заставляя их проскакать по аулу, и т. д., одним словом творят над ними все что может только изобрести фантазия женщин.

По окончании всего этого и других увеселений, как то: скачки, борьбы, стрельбы в цель из ружья, послы, получив предназначенный каждому из них киит, обычный подарок вещевыми тогузами, лошадьми и халатами, освобождаются наконец от обязанностей куда-лар, приятной только подарками, но весьма неприятной теми шутками которыя с ними проделывают, — и возвращаются. За ними шлются в свою очередь послы от родителей невесты к родителям жениха, где отплачивается этим послам всем тем, что было с первыми, начиная с угощения их неизысканным блюдом из курдючного сала и печенки до киитов включительно, которых впрочем от родителей жениха требуется обычаями гораздо менее, чем от родителей невесты, во внимание к расходам первых по калыму, посылающемуся ими к последним тут же с посланными от них. Объяснению величины калыма, различных его названий и подразделений оного посвящается особая непосредственно за этим следующая глава. —

Глава III

О калыме вообще

Калым, или по-киргизски калынг, состоит из следующих главных частей:

1) Бас-жаксы — значит наилучшее. Его брали киргизы некогда с жениха предметами первой для них редкости или важности, — каковы

ми считались в те времена следующие четыре предмета: а) хорошее меткое ружье, б) саут или кольчуга, столь необходимыя для обороны в существовавшие тогда в степи баранты[1] и междоусобия, с) не однажды заслуживший одобрительные на скачках призы скакун, важный в том отношении, что на нем легко было избежать опасности от внезапного нападения врага или быстро настичь его, и д) редкий по росту, красоте и силе верблюд, очевидно полезный во всяком кочевом быту, особенно в прежнее время, когда, во избежание всюду рыскавших бродяг и барантовщиков, приходилось, можно сказать, ежечасно перекочевывать с места на место.

Каждый из сих 4-х предметов равнялся 5 штукам крупной скотины, так что всякий, кто не имел ни одной из подобных редкостей, платил за каждую по пяти — всего двадцать голов скота, всегда носившего свое числовое название жиерма-двадцать — что впоследствии и принято единицею или мерилом калыма, сохранившимся до ныне в Уральской области, в Илецком и Иргизском уездах Тургайской области.

Но при нынешнем спокойствии орды означенные четыре предмета бас-жаксы потеряли прежнюю свою важность и окончательно заменились более существенными для киргизов предметами, особенно ружье и скакун остались теперь с некоторым значением лишь для страстных к ним охотников; кольчуга вовсе вышла из употребления; только верблюд, употребляясь до сих пор, как для мирных перекочевок, так и для торговых целей между отдельными странами, в безводных степях или пустынях, сохранил прежнее свое значение.

Бас-жаксы под настоящим своим названием существует теперь только в Николаевском и Тургайском уездах Тургайской области и простирается от 3 до 12 крупных лошадей, а деньгами от 100 до 300, 600 и даже 1000 рублей сер. В других частях Тургайской области и в Уральской он слился с нижеследующей частью общего калыма — кара-мал, возрсшим от этого на целые двадцать голов скота против такового-же в Восточной части.

1. Кара-мал, платимый женихом при самом сватовстве, есть, так-сказать, фундаментальная теперь часть калыма, выражающая как-бы стоимость невесты. В бывшей малой орде единицею или мерилом этой статьи калыма принималось, как выше сказано, число жиерма-двадцать, в коем собственно наличного скота 16, а 4 предполагаются в будущем приплоде от 4-х маток, непременно должных быть в числе 16 наличных штук скота.

Величину кара-мала здесь можно определить от одной до пяти жиерма. Иногда насчитывают до 6 и даже до 7 жиерма, но все это обыкновенно лишь номинально. В восточной части Тургайской области кара-мал состоит из одного кырк-жети (47) для богатого класса, или из одного утуз-жети (37) для среднего состояния. Кырк-жети, с так называемыми неразлучными с ним жанама-жаксы, жеке-тубие, тюс-ат, состоит из 33 наличных скотин разного возраста, начиная с жеребенка по 1-му году. Утуз-жети с теми же добавлениями — из 26 скотин.

3. Илю — плата, следуемая с жениха за первое посещение невесты и за первое его свидание с нею, — что называется урун-килю и что бывает не ранее, как по достижении ею 14 летнего возраста. Эта часть калыма в Восточной части Тургайской области ни в каком случае не может быть менее кара-мала, по умеренности здесь сего послед-

[1] По-киргизски «барымта».

него, может быть вдвое и даже втрое больше оного, а именно от 30 до 80 лошадей; в остальных же частях Тургайской области и в Уральской, где слишком велик кара-мал, илю простирается только до 10 верблюдов.

4. Туй-мал — то, что потребно для праздника, коим обыкновенно сопровождается окончательный свадебный обряд венчания. Величина его сообразуется с тем, сколько родители невесты могут дать за нею в приданное верблюдов или другого какого-либо скота, — о чем они почти обязаны предварить жениха. Туй-мал обыкновенно бывает от 20 до 70 лошадей. Вместе с этою-же частью калыма жених должен доставить половину того количества кошем, которое потребно и идет на верхнюю часть приданной кибитки, которой низ покрывается или одевается кошмами на счет родителей невесты.

5. Сют-акы, значит плата за материнское молоко, коим вскармливалась в детстве невеста. Эта плата простирается от 1 до 7 верблюдов.

и 6. Джигит-тюе, калым-тюе, — стоят 2 верблюда. В заключение всего этого родители невесты берут с жениха самое парадное его платье и седельный прибор.

Сверх того есть еще множество других так называемых каде — или обычных взяток с жениха, но они при всей обязательности их для жениха, так мелки, что не заслуживают внимания; а о степени обязательности оных можно судить по следующей поговорке: калынсыз-кыз болсада кадесиз куеу болмас, т. е. хотя может быть без калыма девица, но не может быть жениха без каде — подарков.

Само собою разумеется, что калым в приведенных размерах существует только между первоклассными богачами и киргизами среднего состояния, а для более низшего по состоянию класса у киргизов существует так называемый бала-малы-калым, т. е. калым с заменою в нем 5, 10 и даже 15 скотин одною добропорядочною. Но и в этом калыме, из свойственного всем пустого честолюбия, бата или благословение родителями детей своих при сватовстве, считается всегда в кырк и утузжети, в бир, ики и т. д. жиерма, которые всегда остаются номинальными, лишь пустым звуком.

Затем есть еще дунгелек-калым,[1] существующий между самым бедным классом и состоящий всего на все из 10 голов скота.

Из вышесказанного можно вывести следующий общий итог калыма: от 100 до 150 крупной скотины для первого или самого высшего класса; от 75 до 100 для среднего класса; для третьего за тем класса, у которого бала-малы-калым, от 20 до 40 и дунгелек-калым, в 10 голов скота, для самого бедного класса.

Что же касается до первоначального вида калыма в самую старину, то в этом виде он не сохранился, подвергаясь различным изменениям почти с каждым поколением. Изменений этих, надо полагать, было так много, что едва-ли кто из современных киргизов помнит или знает первоначальную величину калыма, не перестающую и до ныне подвергаться изменениям.

По уплате женихом должного калыма родители невесты обязаны озаботиться о немедленной выдаче ему его невесты с приличною для нее кибиткою, называемою утау, с особым головным убором, носимым киргизскою в первое время ее замужества и называемым саукеле, с приличною постелью, — по киргизски, тусек-орын, с порядочною лошадью под верх, с более или менее соразмерным количеству туй-мала, числом

[1] Дунгелек — круглый.

верблюдов или лошадей, и с большим или меньшим количеством носильного платья и вещей для убранства в кибитке, — что все вместе известно у киргизов под общим собирательным именем жасау. Впрочем все это обязательно для первых двух классов, если только в положении родителей невесты не произошли, по причине суровой зимы или другого какого либо несчастия, резкия и ощутительные перемены против прежнего положения их; тогда извиняется им всякий недостаток по части приданого жасау, так же, как извинительно и не обязательно это всякому бедному человеку 3-го класса, от которого требуется только: кое-какая постель, верховая лошадь, обычный головной убор всех замужних женщин — жаулук и еще кое-что из носильного платья.

Глава IV

Обычаи относительно нарушений правил калыма и приличий женихом в отношении к своему тестю и теще.

§ 1. Никто не имеет права, не уплативши полного калыма и обычных с него каде, рассчитывать на бракосочетание с невестою и на взятие ее к себе.

§ 2. Если кто не доплативши какой-либо части калыма позволит себе похищение или тайный увоз от родителей невесты своей, то виновный, сверх возвращения ее к родителям, подвергается аипу или штрафу от одного ат-туна до одного тогуза, смотря по значению родителей невесты, — после чего и по уплате состоящей на нем части калыма предоставляется ему право взятия к себе невесты.

§ 3. Если увоз сделан по уплате всего калыма и по замедлению в выдаче невесты ее родителями, то решение такого случая может быть двоякое: а) когда увоз невесты сделан женихом хотя по уплате им калыма и по замедлению со стороны родителей невесты, но без предъявления об этом замедлении влиятельным родовичам своего тестя, то жених, ответствуя меньшим, чем в предъидущей статье аипом, не превышающим одного ат-туна, невесту обязывается все-таки возвратить к ее родителям, понуждаемым в свою очередь только к немедленной выдаче жениху его невесты с должным приданым, и б) если увоз состоялся после неоднократного предъявления женихом или его родителями о таковом замедлении тестя его родовичам, неоднократно убеждавшим родителей невесты в выдаче последней жениху; тогда последний не штрафуется и не возвращает увезенной невесты, а удержав ее при себе, получает от ее родителей должное приданое.

§ 4. Точно также когда жених, наскучив предъявлениями на своего тестя, по замедлении им в выдаче невесты, родовичам его, — обратится, не сделав противуобычного увоза, по начальству; тогда надлежит поступить так: если родители невесты, несмотря на сполна полученный ими калым, медлят выдачею ее без всяких уважительных причин, из одного лишь домогательства от жениха чего-либо излишнего, то первые понуждаются к скорейшему исполнению желания жениха.

§ 5. Но если эта медленность со стороны родителей происходит от того, что они, по каким-либо уважительным причинам, не успели заготовить приданного для своей дочери, то им для заготовления недостающего назначается срок, а жениху предоставляется или дождаться этого срока, или, в случае нежелания ждать, взять свою невесту без приданного, лишь с тем что дадут родители сами, добровольно.

§ 6. Если жених дождется этого срока, а родители невесты все

еще не заготовили нужного, имея на то средства и полную возможность, тогда надлежит заставить последних к немедленной выдаче невесты силою, отделив, взамен следующего ей приданного, часть из наличного родительского скота.

§ 7. То же самое надлежит сделать и с тем, кто, получив полный калым, не дал за дочерью никакого приданного, имея к этому полную возможность по средствам, при не имении каковых сказанное в сей статье невозможно.

Условие и долг принятого киргизами приличия и вежливости запрещают жениху до совершения обряда венчания явное лицезрение тестя и тещи, а требуют, чтобы он избегал всякой встречи с ними, равно как и последние должны тоже не менее жениха избегать этой встречи. Равным образом возбраняется жениху всякое свидание с невестою до так называемого урун-килю — первого официального посещения им своей невесты, после которого хотя доступ к ней становится свободным, но с соблюдением все-таки всех правил тайного посещения. Еще больше возбраняют обычаи лицезрения между невестою и родителями жениха.

§ 8. На основании таких обычаев, если жених до первого официального посещения явится к невесте и узнан будет ее родными, и если последние сами не снизойдут к нему, равно если жених до совершения обряда венчания позволит себе явное и намеренное лицезрение тестя или тещи, т. е. не убежит или не спрячется при появлении их где-бы то нибыло; то за такие поступки, как за невежество, он подвергается ат-тун аипу.

Вообще и после обряда венчания, когда уже жениху разрешается показываться родителям невесты, он должен вести себя при них со строгою и с большею, чем при собственных родителях, вежливостию; за малейшее нарушение каковой, в случае малейшей претензии на него за это со стороны первых, он подвергается означенному в сей статье аипу.

§ 9. Намеренное и явное лицезрение жениха тестем или тещею не вменяясь им в особую вину, однако обязывает их сделать при этом жениху какой либо подарок, так что если они не сделают сего, — что редко случается, и если жених предъявит кому-либо претензию на такое невнимание к нему, как на пренебрежение им, — что тоже может быть весьма редко со стороны жениха, — тогда и тесть с тещею не остаются без взыскания с них в пользу жениха по крайней мере одного халата.

Лицезрение же невесты родителями жениха, а последних первою — пример не бывалый, возможный только при крайней степени развращения нравов, а потому имеющий быть наказанным строже, чем лицезрение жениха родителями невесты и последних первым. Следует только заметить, что ответственность за нарушение правил невидения невестою должна пасть не на нее, а непременно на родных ее, как обязанных заботиться о воспитании детей вообще, а дочерей в особенности.

Глава V

Обычаи относительно увоза или похищения чужих дочерей не женихами их, а посторонними лицами

§ 10. Если кто увезет или похитит чью-либо дочь, никем еще не просватанную; то он по желанию родителей ее обязан или жениться на ней, вознаградив их, сверх должного за нее калыма, аипом в один тюе-

бастаткан тогуз; или с аипом, равным калыму одной девицы, возвратить похищенную им девицу ее родителям, так-как бывшая в увозе девица не может быть взята другим за полный калым.

§ 11. Если увезенная, уже просватанная кем-либо невеста, то виновный, если он на лицо, подвергается по желанию жениха: или возвращению его невесты со штрафом за нее в одну девицу,[1] или со штрафом равным калыму одной девицы, или наконец удовлетворению жениха калымом за две девицы, или прямо двумя девицами, удержав похищенную при себе, в том случае, если родители невесты представят присягу двух родовичей в том, что они не причастны в увозе дочери.

§ 12. Когда же похититель на лицо и родители похищенной девицы не представят за себя очистительной присяги, тогда тот и другие платят жениху по одной девице или по одному калыму.

§ 13. Но если похититель скрылся неизвестно куда, тогда жених имеет дело с родителями своей невесты, которые обязаны: или представить очистительную присягу двух лиц из целого рода в неучастии и не содействии их увозу дочери, с уплатою за увезенную другою девицей; или если они не представят к присяге двух своих родовичей, то, как сами содействовавшие побегу дочери, обязываются удовлетворить жениха или двумя девицами, или двумя калымами, или-же одною девицею и одним калымом.

§ 14. Если кто увезет замужнюю женщину, то последняя возвращается мужу с аипом в три тогуза: тюе бастаткан, атбастаткан и угузбастаткан, или при невозможности возвратить ее мужу, и оставлении ея у похитителя, последний, сверх тогузов, обязан вознаградить первого калымом за его жену.

Глава VI

Обычаи относительно нарушений условий и правил сватовства

§ 15. Если кто, сделав предложение о выдаче за своего сына чьей либо дочери, откажется от онаго, пока не сделалось оно официальным, но в действительности предложения дан был однако задаток, называемый каргыбау, то таковой лишается задатка, а в случае предъявления претензии со стороны родителей невесты в том, что они через предложение должны были отказать другому, искавшему руки их дочери, — нарушитель условий сверх лишенных каргыбау, подвергается ат-тун аипу, если же нарушивший условие отопрется от сделанного им предложения, отзываясь тем, что он задатка не давал, тогда надлежит потребовать от претендателей доказательств в справедливости их претензии, или от ответчика очистительной присяги, ограничивающейся, в этом случае, собственною его личностию, не распространяясь на дальнейшее его родство.

§ 16. Если нарушение последовало от того, кто получил задаток, то он, сверх возвращения каргыбау, подлежит взысканию с него еще ат-тун аипа, следующего с него и в том случае, когда хотя и не был дан задаток, но однако предложение ему и согласие его на это предложение действительно были, — в опровержение чего и от него должна

[1] Так было прежде; теперь же этот обычай остался только у некоторых дальних степных киргизских родов.

быть — такая же присяга, какая требовалась в предидущей статье и от другой отрекшейся от предложения стороны.

§ 17. Если со стороны жениха, или родителей его, будет нарушено предложение, когда оно приняло уже официальный вид, т. е. когда были у родителей невесты даже кудалары от него, евшие куйрык-баур и получившие подарки (киить), тогда нарушитель, сверх аипа в ат-таун, обязывается возвратить сполна все киты и вознаградить родителей невесты за все издержки по приему его послов равно лишается задатка, если таковой был при первоначальном предложении.

§ 18. Если нарушение сватовства сопряжено с запирательством и отрекательством от оного, то дело решается присягою самого почетного из послов или кудалар, бывших на официальном сватовстве.

§ 19. Если нарушение последует со стороны родителей просватанной девицы после приема, или послов сватавшейся стороны, но еще до взятия калыма, то они лишаются всех киитов и издержек своих по тую и приему послов противоположной стороны.

§ 20. Если родители просватанной, отправив к жениху послов за калымом, откажутся от сватовства перед самым взятием последняго; тогда они, сверх лишения собственных киитов и издержек, обязаны еще вознаградить за таковые жениха.

§ 21. От приведенных в предъидущих статьях взысканий нарушители избавляются, если нарушение сделано ими невольно, вследствие каких-либо уважительных причин, — каковыми могут быть серьезная болезнь жениха или невесты, телесные или нравственные их недостатки, о которых не знали прежде, раньше сватовства.

§ 22. Никто не имеет права, просватавши одну невесту и не взявши ея к себе, просватать или жениться на другой. Поэтому за нарушение сего виновный подвергается аипу в один тюе-бастаткан тогуз и сверх того обязывается по взятии к себе первой невесты предоставить ей все права старшей жены с почетным званием ея байбиче — главной жены, пользующейся у киргизов большими, чем прочие жены, преимуществами.

§ 23. Равным образом никто не в праве отказываться от той, за которую он заплатил хотя небольшую часть калыма; особенно воспрещается это после известного урун-килю, когда жених допускается к невесте и приобретает над нею права. В первом случае, когда жених откажется от своей невесты до первого посещения ея, тогда он лишается место аипа всего отданного им калыма; а во втором случае, когда отказ последовал после первого посещения, то он сверх лишения уплоченного им калыма подвергается штрафу в 3 тогуза, так-как предполагается, что он вместе с урун-килю лишил невесту девственности.

§ 24. Если кто выдаст просватанную у него кем-либо дочь замуж за другаго, то он обязан возвратить полученный им с первого жениха калым; а вместо аипа удовлетворить его выдачею за него другой своей дочери или калымом одной девицы.

§ 25. Если кто при первом посещении своей невесты объявит, что он нашел ее уже лишенною невинности, то родители таковой обязаны оправдать честь своей дочери и доказать ея целомудрие до приезда жениха присягою двух родовичей по выбору жениха, или предоставить жениху доказать нецеломудрие его невесты таковою-же присягою из собственных родовичей. При чем, если оправдаются слова жениха, он имеет право на обратное взятие отданнаго им калыма, а невесту взять даром, или вместо калыма родители невесты должны дать ему другую невинную девицу в придачу к первой. Если же недевственность не-

весты не докажется, то жених обязан сверх прежнего калыма, заплатить родителям невесты другой калым за сделанное им безчестие.

§. 26. Претензий-же жениха на нецеломудренность невесты после первых посещений ея вовсе не принимается и оставляется без всякого внимания.

Глава VII.

Обычаи относительно случаев смерти невесты или жениха.

В случаях смерти невесты или жениха существуют следующие условия:

§ 27. Если умрет невеста, родители ея обязаны выдать жениху другую ни кем не просватанную свою дочь, а в случае не имения таковой — возвратить калым. При чем, если они заменяют жениху умершую его невесту другою девицею, то жених, приезжавший уже к первой невесте и имевший с нею свидание, обязан прибавить к прежнему калыму один тюе-бастаткан тогуз, называемый в этом случае балдыз[1] калымом, или прибавочным калымом за вторую невесту, а жених не имевший официального свидания урунного с первою невестою, за вторую ничего не приплачивает родителям.

§ 28. Если жених откажется от женитьбы на младшей сестре умершей невесты, то он лишается отданнаго им за умершую калыма.

§ 29. Если родители умершей невесты откажутся от выдачи жениху следующей дочери; то они обязываются возвратить взятый ими за первую дочь калым и, сверх того, заплатить еще аип в один тогуз.[2].

§ 30. При возвращении жениху родителями умершей, за неимением у них другой, дочери калыма принимается в соображение имевшееся при этом свидание жениха с невестою, т. е. если смерть произошла до посещения, то калым возвращается весь, а если после — то удерживается из него то, что следовало выше в балдыз-калым, т. е. тюебастаткан-тогуз.

§ 31. Если смерть невесты последует не только после официального посещения, но даже после уплаты за нее последней части калыма — туй-мала, т. е. перед самым взятием ея к себе женихом; тогда калым возвращается ему не калымом, а приданным, предназначенным умершей родителями, т. е. утаум, саукелею, постелью и другим различными вещами, заключающимися в общем собирательном имени жасау, с надлежащим количеством скота. Жених не имеет права требовать ни выдачи за себя взамен умершей своей невесты ее сестры, ни возвращения себе в натуре всего или части калыма, как это было в предъидущих статьях до уплаты туй-мала перед или после официального посещения, — ибо вместе с уплатою туй-мала кончается весь брачный торг и невеста становится уже совсем и окончательно выторгованною его женою, которой и смерть поэтому есть собственная его потеря, как это было-бы, если-б смерть последовала по взятии им невесты к себе.[3]

---

1 Балдыз — младшая сестра невесты или близкая ея родственница, моложе ея годами.

2 Девица идущая взамен умершей невесты, может быть и из дочерей ея близких родственников, если последние уступают свою дочь.

3 В последнее время между киргизами восточной части Тургайской обл. принято возвращать жениху, имевшему свидание с умершею невестою, только половину калыма, а возвращение ему онаго сполна с удержанием лишь одного тюебастаткан-тогуза начинает выводиться.

§ 32. В случае смерти жениха соблюдаются те-же правила, т. е. если после него останутся братья, то невесту его берет который либо из них, — при чем к прежнему калыму придается одна лошадь, если женящейся на ней брат покойного холостой, а если этот имеет и свою жену, то обязан придать к прежнему калыму тюе-бастаткан-тогуз. Само собою разумеется, что родители невесты на выдачу ея за женатого брата соглашается только тогда, когда нет холостаго, или хотя есть холостой, но женатый брат придаст к прежнему калыму двойной или тройной тогуз.

§ 33. Если после умершего не осталось ни одного брата, то родители невесты возвращают родным жениха калым или весь, когда это случится до посещения покойным своей невесты, или с удержанием из оного однаго тюе-бастаткан тогуза, или половину, когда покойный имел при жизни официальное свидание с невестою.

§ 34. Если родители невесты откажутся от выдачи ея замуж за которого-бы то нибыло из братьев умершего жениха со взятием с женатого тогуза, а с холостаго одной лошади, как это сказано в 32 статье; то они в штраф за этот отказ должны возвратить весь калым, не разбирая: имел-ли или нет покойный свидания с своею невестою, с прибавлением даже от себя одного тогуза, если не было посещения и если отказ сделан ими холостому брату; если же отказ сделан женатому уже брату, то с прибавлением только одной лошади.

§ 35. Когда жених умрет после уплаты всего калыма, даже туймала, перед самым взятием им своей невесты; то последняя должна быть отослана со всем приданным к родителям умершего, — где женится на ней кто-либо из братьев или ближайшей родни покойного.

Глава VIII.

Обычаи относительно развода.

Развод у киргизов как прежде, так и теперь весьма редок, — чему причиною огромное полноправие мужщин и почти совершенное бесправие женщин. Если принять в соображение, что цель киргизского развода заключается не столько в устранении от себя вероломной жены, сколько в отмщение ей за ее вероломие; то очень понятно, что киргизу, как полному господину своей жены, имеющему все средства к отмщению ей, как-то: побоями, невозбраняющимися ему обычаями и презрением, выражаемым к ней женитьбою на другой, то нет ему никакого расчета разводиться с нею, особенно при уверенности в том, то она, обязанная терпеливо переносить от него все, не имеет права требовать развода с ним иначе, как только по причине его неспособности к супружеским обязанностям.

§ 36. Относительно развода существует следующия права: если кто застал жену на месте преступления с прелюбодеятелем, в положении, как выражаются киргизы, не вынутой из ножен сабли, и когда нет против такого обвинения, возражения или оправдания со стороны жены, муж имеет право прогнать ее к ее тюркун, т. е. на родину к родителям, удержав при себе всех детей от нея и все ея имущество—приданое.

§ 37. Если против изложеннаго в предъидущей статье обвинения имеется оправдание или возражение со стороны обвиняемой, подкрепленное заступничеством за нее родителей или родовичей, тогда муж должен представить противная достоверных свидетелей или при от-

сутствии таковых, подтвердительную к обвинению ея присягу двух лиц из своего рода, или обвиняемой представить оправдаться очистительною за себя присягою из ее родовичей. Таковая-же присяга требуется от него или от нея, когда свидетели почему-либо подлежат к отводу от свидетельства.

§ 38. Всякий, кто обвинит жену в неуважении и непочтительности ея к нему, но без прелюбодеяния, и подтвердит свое обвинение достоверными свидетелями, тот имеет право развестись с нею и отпустить ея к родным, но снабдив ее одною лошадью под-верх, должною постелью и частию ее приданного.

§ 39. Хотя на развод нет особых уважительных причин, подобных предъидущим, но, за всем тем если муж выражает неотступное желание развестись с женою, то в этом не препятствуют ему, лишь бы он не удержал у себя взятаго за нею приданного и детей от нея.

§ 40. Если жена обвинит мужа в прелюбодеянии и холодности к ней, доходящей до того, что он даже не имеет с нею супружеских сношений, то мужу делается троекратное внушение, чтобы он точно выполнял свои обязанности относительно сежы, под опасением, в противном случае, лишиться ея с приданным и с детьми. Но в претензии всякой женщины на прелюбодеяние мужа, если он только ночи проводит с нею, — отказывается.

§ 41... Удостоверившись тем или другим способом испытания в неспособности мужа, надлежит развести его с женою, которая удерживает за собою приданое.

§ 42. Если при таком разводе окажутся дети, это будет свидетельствовать, что или муж лишился способности недавно, или что они прижиты его женою от посторонняго. Тогда, если муж желает удержать детей при себе, должен присягою двух родовичей доказать прижитость оных именно от него во время его способности, которой он лишился после, или если не представит присяги, уступить их матери.

§ 43. Если муж, уверяя в недавней своей неспособности, надеется получить исцеление при медицинском пособии, тогда, предварительно развода, надлежит предоставить ему вылечиться в течение года, по прошествии каковаго срока, если ему не возвратится способность, развести супругов окончательно.

§ 44. Если жена убежит от мужа вследствие дурнаго обращения с нею его самого или другой его жены и если дурному обращению свое му муж не представит и не докажет причин и поводов со стороны самой бежавшей, то надлежит сделать мужу строгое внушение о лучшем обращении с нею и держании ее на равной ноге с ея соперницею, под опасением после троекратного повторения сего, лишиться права на претендующую жену и вместе с нею приданного от ее родителей.

§ 45. Но если дурное обращение происходит вследствие дурнаго поведения самой жены, или от неуважения или непочтительности ея к мужу, то ей делается внушение, чтобы она безусловно повиновалась ему, как своему господину.

§ 46. Кроме изложенных выше причин ни что не дает женщине права развода с мужем, как-бы стар и какой-бы урод он ни был...

Глава IX

Два разряда дел по тесной связи их с интересами брака: а) о прелюбодеянии и б) об усыновлении чужих детей

а) Обычаи относительно прелюбодеяния

§ 47. Всякое прелюбодеяние должно быть доказано или свидетелями, или присягою претендателя, представляемою им не лично, а в лице одного родовича, когда дело касается замужней женщины, с которою уличенный в прелюбодеянии подвергается аипу от одного аттуна до одного тогуза, смотря по значению оскорбленнаго лица, которое кроме того в праве развестись с прелюбодейкою, буде того пожелает, с лишением ее всякого права на детей и имущество. Но нередко взыскание за прелюбодеяние с замужнею женщиною ограничивается следующим наказанием, которого главная цель состоит в пристыжении виновных, а именно, раздеть их почти до-нага, густо намазав им лицо сажею и надев обоим на шею по кусу самой старой прокоптевшей от дыма кошмы, водить в таком виде кругом аула при многочисленных зрителях и зрительницах, — что называется бетине куде жагып, муйнина курум и лип аул ауналдыру.

§ 48. За прелюбодеяние с девицею коренными обычаями полагались некогда чрезвычайно строгия наказания; но в последствии, с развращением нравов, эти наказания забыты, смягчены и ограничились ныне штрафом в один ат-тун. Большею частию это преступление остается вовсе безнаказанным по нежеланию многих родителей обнаруживать и оглашать оное, как тесно связанное с честью их дочерей. Уверенность в опасении родителей этой огласки, связанной с бесчестием для них, еще больше поощрила наклонность обоего пола к прелюбодействию, — в извинение котораго сложилась или изобретена киргизами следующая безнравственная поговорка: Кмызди км ичбейди, кызга км бармайды, т. е. кто не пьет кумыз? не ходит и к девкам; — это принимается нередко в основание решения по делам за прелюбодеяние и много смягчает важность преступления даже в глазах самого истца.

В. Обычаи относительно усыновления или взятия на воспитание чужих детей

Усыновление или взятие на воспитание чужих детей по не имению своих, бывает большею частью между людьми родственными, а иногда впрочем и между лицами, совершенно посторонними друг другу.

Но редко усыновление это проходит без споров или тяжб; в последствии, бывает иначе когда дело доходит до брака взятых на воспитание детей, или до оставшегося по смерти их наследства и т. д., — почему обычаями постановлены и на этот счет свои правила:

§ 49. Никто не может требовать обратно однажды отданнаго им в усыновление сына или на воспитании дочь, если последние сами не пожелают возвратиться к своим родителям, или к обратному требованию их не будет особых причин, как то увидим ниже.

§ 50. Если у родителей, отдавших на воспитание одну дочь, умрет другая единственная, живущая при них и просватанная кем-либо, так что некем заменить жениху умершую невесту его; тогда воспитатели

должны возвратить им свою воспитанницу, если она ни кем еще не просватана.

§ 51. Но если и она, воспитанница, просватана уже кем либо, тогда возвращение ея не вменяется в обязанность воспитателей, уступающих родителям ея из взятого за нею калыма ту часть, которая называется бас-жаксы.

§ 52. Но если у воспитателей, и у которых воспитанница просватана кем-нибудь, есть еще родная дочь, прижитая ими после взятия воспитанницы и ни кем еще не просватанная; то они обязаны, из признательности к тем, которые некогда облагодетельствовали их в бездетстве, войти в положение их и уступить им или воспитанницу, или родную дочь.

§ 53. Если воспитанница из неудовольствия к своим воспитателям оставит их сама и возвратится к собственным родителям то и жених, если он есть, должен по обычаям следовать за нею и перевести женихове отношения свои к родным своей невесты, при чем он получает от воспитателей своей невесты только половину уплаченнаго им калыма, коего другая половина удерживается воспитателями за издержки их по воспитанию.

§ 54. Но если воспитатели сверх воспитанницы имеют и свою дочь, то жениху предоставляется выбор между уходящей к родителям невестою-воспитанницею и родною дочерью воспитателя.

§ 55. Если у родителей, отдавших на воспитание одного сына, умрет последний наличный сын-жених, так что некому у них жениться на невесте умершего; тогда обычаи позволяют им взять от воспитателей своего сына, в том справедливом соображении, что они при невозвращении им от воспитателей сына понесли-бы тройную потерю: а) в умершем сыне, невозвратимом никакою силою; б) в живом сыне, если-бы он остался у своих воспитателей и с) в невесте — по неимению на лицо сына, который бы женился на ней.

§ 56. Если при этом случится так, что у возвращающягося к родным воспитанника есть высватанная ему воспитателями собственная невеста; тогда издержанный последними калым возвращается им родителями воспитанника, за которым невеста остается попрежнему. Родители-же ея против невольнаго ухода жениха или зятя своего по такой уважительной причине, как смерть единственного брата, не имеют права возражать; равно не могут претендовать они на него и за женитьбу на невесте умершего брата, и ограничиваются в этом случае только получением с него одного ат-туна; но не тогуза, который-бы следовал с него за произвольное сватание или женитьбу на другой, как сказано это выше в VI-й главе о нарушениях правил сватовства.

§ 57. Всякому воспитателю вменяется в обязанность сверх воспитания взятого им в усыновление чужаго сына, женитьба и назначение последнему, на равне с родным сыном, так называемой инчи, или доли из своего скота. Этот обычай основан на том соображении, что воспитанники у киргизов, заменяя им сыновей, в то-же время служат им и деятельными помощниками их по хозяйственным заботам.

§ 58. Если по женитьбе воспитателями своих воспитанников и по получении последними от первых следующей им по обычаям на-равне с родными их сыновьями доли или части из скота они пожелают возвратиться и присоединиться к родителям — воспитатели не имеют права их удерживать, а должны отпустить с их женами и с доставшимся на их долю количеством скота, потому что по обычаям и родной сын, по женитьбе и по получении от родителей следующей ему доли из скота,

имеет право оставить их и выбрать себе место жительства по своему усмотрению.

Отдел третий

РЕШЕНИЕ ДЕЛ ПО НАСЛЕДСТВУ

После всего сказанного в предъидущем отделе о браке и его основаниях очень естественно, что по части наследственной у киргизов особенно должна была развиться и действительно развилась идея наследственности жон, сложившаяся даже в следующую поговорочную фразу «Ага ульсе женге мура, эни ульсе келин мура, ат ульсе сауры мура», т. е. «если умрет ага, или старший брат, — жена его есть наследие младшего, а если умрут они, или младший брат, то жена его составляет наследие старшего, — подобно тому, как от павшей лошади шкура есть непременная принадлежность хозяина».

Значит, по понятиям киргизов, бесспорность права на вдову, брата должна быть так же несомненна, как несомненно право хозяина на шкуру от собственной его лошади.

§ 1. Вследствие такого понятия, укоренившегося веками, по смерти всякого киргиза, жена его, по истечении годового срока и годичных по нем поминок, должна выйти замуж непременно за одного из братьев умершего, называющихся ее амангерами или прямыми наследниками на нее после мужа.

§ 2. Право наследования вдовы между несколькими братьями умершего принадлежит по обычаям самому старшему из них.

§ 3. Но если вопреки этому она предпочтет старшему кого-либо из младших братьев, и обойдя его выйдет замуж за предпочтенного ею брата и если при этом у вдовы есть дети мужского пола; то предпочтенный берет за себя вдову со всеми детьми и имуществом, а обойденному обязан уплатить от одного ат-туна до одного тогуза, смотря по состоянию, оставленному покойным.

§ 4. Но ежели вдова бездетная, то она идет за предпочтенного ею только с собственною ее кибиткою и первоначальным приданым, а остальное имущество покойного делится между остальными братьями.

§ 5. Относительно детей женского пола существует следующее правило: если у вдовы только одна дочь, то она с приличною ею частью из имущества отца оставляется при матери; если же дочерей у нее несколько, то кроме одной все остальные переходят к прочим братьям покойного. Но если есть хотя один сын у вдовы, тогда все дочери остаются при ней вместе с сыном.

§ 6. Выбор же вдовы далее братьев умершего по коренным обычаям простираться не может. Поэтому если она вопреки обычаям изъявит желание выйти за постороннего, помимо амангеров, то который-либо из последних берет ее за себя насильно, — Только между родными братьями мужа предоставляется ей выбор и то с означенным в § 3 аипом в пользу старшего амангера или наследника.

§ 7. Если вдова не молодых лет, имеет детей и не пожелает поэтому нового замужества, то ей предоставляется право не выходить замуж, а если у нея нет детей мужского пола, то она обязана взять себе в сыновья по собственному выбору кого-либо из сыновей ближайшей родни. При чем если она выберет сына у одного брата покойного, то остальных удовлетворяет частью из своего имущества как равноправных наследников покойного.

§ 8. Бездетной же вдове, особенно молодой, амангеры имеют еще больше права отказать в нежелании нового замужества как в видах могущаго произойти от брака с нею кого-либо из них дорогаго им потомства — единственного вознаграждения за потраченный на нее калым, так и в видах устранения неизбежного в молодыя лета прелюбодеяния с посторонним — поступка, выше котораго по понятиям киргизов, ничего более обидного и оскорбительного для самолюбия амангеров не может быть. В этих двух видах даже самые крайния насилия женщине со стороны ея амангеров для того, чтобы заставить ее выйти замуж, — не возбраняются обычаями. Однако при решительном нежелании вдовы выходит замуж она не приневоливается и оставляется при собственном желании, но с тем впрочем предостережением, что бы она не вошла в любовные связи с посторонним киргизом, в случае чего амангеры в праве или заставить ее выйти замуж за кого-либо из них, или прогнать ее с любовником, отобрав весь скот и имущество.

§ 9. Но как ни сильны обычаи, а требования времени и человеческого духа, вечно стремящагося к свободе, начинают брать над обычаями некоторый перевес. Вследствие беспрестаннаго восставания противних женщин, обычай, не найдя себе опоры: ни в шариғате магометанском, ни в законах русских, сделали в последнее время довольно значительныя уступки или послабления относительно вдов, которыя начали теперь пользоваться неограниченным и безусловным правом не выходить за-муж, если оне не пожелают этого сами, а в случае желания — правом выхода помимо амангеров и за постороннего по собственному их выбору, но с тем впрочем ограничением, чтобы выбор их не простирался далее лиц того рода или отделения, к которому принадлежали их мужья, — что выражается следующими не лишенными справедливого основания словами: эрден кетсенде ильден кетпейсин, т. е. имеешь права уйти и пренебречь одним, но не имеешь права пренебречь всеми в роде или отделении, где тысячи людей, между которыми предполагается хоть один, соответствующий ея вкусу.

В этом праве выбора между тысячами, ограничивавшемся прежде одним, или, много, между двумя или тремя родными братьями умершего, нельзя не видеть значительнаго шага в деле свободы, доставшейся женщинам, привыкшим испокон веков думать о неволе и рабстве, как о прямом своем назначении в земной и за-земной жизни.

Большей уступки покуда от киргизских обычаев требовать в этом отношении не возможно, т. к. киргизу жена стоит огромных расходов и издержек. Современем же, когда может быть уничтожится калым, само собою разумеется, заступит его место естественный брак по любви, брак даровой, если так можно выразиться в противность нынешнему браку по торгу, или калыму.

§ 10. Вышедшей по-мимо своего амангера за постороннего вдове дается одна лошадь и тусек-орын,[1] если этот посторонний одноотделенец, а остальное имущество и дети удерживаются родителями и братьями покойного, каковое лишение права на имущество мужа называется ирегеден шыгару.[2]

§ 11. Как исключение следует привести тот редкий случай, когда вдова, не смотря ни на какия увещевания, не соглашается выйти замуж не только за кого-либо из близкой родни покойного мужа, но даже из целого рода по ее выбору, а требует себе условной свободы в

[1] Тусек-орын — постельные принадлежности.
[2] В переводе: вывести из под решетку кибитки.

выборе мужа, угрожая, в противном случае, лишением себя жизни, и нередко даже оправдывая эти намерении на деле каким либо отчаянным поступком.

Такой женщине, упорное требование которой себе свободы в выборе мужа, в большинстве случаев бывает последствием заведенной уже ею с кем-либо любовной интриги, как женщине неисправимой, называемой киргизами сайтана (чорт), предоставляется право выхода за-муж за избраннаго ею человека, который за это право должен заплатить ее амангеру три тогуза. Сверх того вдова устраняется в этом случае от всякого права на детей и на что либо из имущества своего мужа. Вот до каких уступок доводятся иногда обычаи.

Но по незрелости еще понятий в самих женщинах о праве равенства и негреховности сердечнаго влечения, редкая из них осмеливается пренебречь вековыми предрассудками. Почти все они, или огромное большинство их, смотрят на следование сему влечению, как на дело неприличное, как на верх всякаго безсовестия, и боятся даже мысли о нем.

Поэтому современем, когда все они, благодаря постепенному развитию, получат более верный в этом отношении взгляд, т. е. когда они поймут естественность свободного чувства и право сердца, древние обычаи не устоят против них, и легко уступить в своих неумолимых некогда правилах.

Заключив этим противоестественный порядок наследственности жон, следует теперь перейти к более естественному, т. е. имущественному порядку наследства к наследственности киргизского скота.

В ранюю эпоху существования киргизов, когда не сложились еще нынешние обычаи, наследство, говорит предание, было предметом нескончаемых споров между наследниками, кровавых раздоров и ужасных сцен между братьями. А потому позднейшия поколения, испытав на себе все невыгоды от подобных споров и желая положить конец кровавым сценам между самыми близкими родными, взялись за нижеследующую весьма благоразумную меру, в которой потомство нашло залог всему спокойствию и которую по ныне руководствуются киргизы; это — так называемый инче, или преждевременная дача отцом из своего имущества следующей каждому из сыновей его доли еще при жизни по мере достижения каждым из них совершеннолетия и по мере того, как каждый из них женившись в состоянии будет жить отдельным хозяйством.

Отсюда ясно, что женитьба сыновей одного и того же отца всегда совершается по старшинству их лет. И это у киргизов приобрело силу обычая, так что никто не может и не имеет права по-мимо старшаго женить следующаго сына. Почему самый младший сын, называемый по киргизски кенже-бала, по очереди женитьбы всегда последний, есть так сказать, полный и коренной наследник всему отцовскому, остающемуся от наделения инчами всех других братьев, не имеющих уже никакого права претендовать ни при жизни отца, ни после его смерти, на то, что осталось от него, хотя-бы это во сто и даже в тысячу раз превышало полученныя доли. Величина раздаваемой отцом инчи своим детям зависит от его усмотрения и состояния. Никаким обязательным в этом случае количеством скота обычаи не стесняют родителей.

Участие детей женского пола, или дочерей в наследстве, или инче равносильно участию детей мужскаго пола. В отношении дочерей отцы, или, в случае смерти последних, заступившие места их братья, обязаны устроить их замужество с приличным приданным, как на полученный

за них калым, так и на собственную их инчу, которой часть получают дочери обыкновенно после замужества по истечении года или более, когда они не прежде, как сделавшись матерями, приезжают навестить своих родителей, что называется у киргизов тюркиндей-келю, т. е. первый визит замужних женщин к родным и родовичам. Вот обычай относительно имущества каждого киргиза при его жизни. Но если смерть последует раньше, чем он сделает все вышеприведенное распределение имущества между своими наследниками, то на подобные случаи существуют следующие правила:

§1. Когда киргиз умер, оставив жену с малолетними детьми и скотом, то брат его, если он есть, наследует его вдову и вместе заботу о воспитании детей, о женитьбе сыновей и выдаче дочерей за-муж по старшинству лет, о раздаче им из оставшегося после отца их имущества инчи и т. д.

§ 2. А если вдова не пожелает выйти за-муж, она приобретает все права мужа и делается полною хозяйкою всего оставшагося после него, т. е. детей и имущества.

§ 3. Если от умершаго останутся только дети женского пола и нет ни сыновей, ни жены; тогда братья или ближайшие родственники умершаго берут дочерей его на свои руки делят имущество между собою поровну, заступают им место отца, распоряжаясь по выдаче их за-муж и их наследственным имуществом; но если у умершаго только один брат, тогда все дочери и все имущество остаются под опекою этого брата.

§ 4. Если по умершем остались взрослые дети обоего пола, то самый старший из сыновей заступает место отца и принимает на себя все обязанности относительно сестер и братьев.

§ 5. Если оставшиеся обоего пола дети малолетния, то однородцы отдают их и их имущество под опеку кого либо из ближайших родственников по усмотрению и по благонадежности.

§ 6. Если умер кто-либо из трех братьев, живших порознь каждый с своим хозяйством, отдельно, и после умершего не осталось никакого потомства; то жена его, согласно обычаям, должна выйти замуж за старшаго из оставшихся братьев, а скот делится на две части, из коих одна вместе с кибиткою и со всеми вещами в ней остаются за вдовою; остальная половина отдается другому брату.

§ 7. Но если вдова вопреки обычаям предпочтет старшему брату младшего и выйдет за последняго, тогда все доставшееся предъидущего статью старшему брату, переходит к младшему, а то, что получал по той статье последний, получает первый, т. е. старший брат вознаграждается сверх того за свое старшинство и за право на вдову аипом на счет младшего, — в размере, определенном 3 статьею сего отдела.

§ 8. Если случится так, что у киргиза один, двое, или несколько сыновей живут отдельно от него, а самый младший, живущий вместе с ним, умрет, рано как и жена его — мать всех детей и он; отец, женится на другой; тогда в видах устранения могущаго произойти между детьми от первой жены (байбича) и будущими детьми от младшей (токал) спора из-за доли последняго умершаго сына от байбичи, отец отделяет следующую детям первого брака долю, и тем навсегда избавляет будущих детей второго брака от всякой претензии байбичинцев. Если отец не сделал сего при жизни, то байбичинцы берут свою долю и по смерти отца. Вообще следует заметить, что дети первого брака, называемая байбичинцами, издавна пользуются у киргизов большим преимуществом, чем дети второго брака — токалщина. — Первыя

ко вторым всегда относятся с пренебрежением, прибавляя к имени токал частицу неме, означающую пренебрежение. Так говорят: «синь токал-неме», — что значит: «ах ты токалщина!»

§ 9. Если киргиз в одно и тоже время женат на двух или более женах и от всех есть дети, то дети каждого брака имеют отдельные свои инчи, делящиеся только между ними и наследуемыя собственно ими самими без вмешательства детей прочих браков, т. е. дети одного брака не имеют права на наследство детей другого, пока есть от него хоть одно лицо.

§ 10. Если же от детей одного брака не останется ни одного наследника или наследницы, тогда имущество их, или инча, становится общим для всех детей прочих браков достоянием, — с некоторым впрочем преимуществом для детей самого старшаго брака, т. е. для детей байбичи. Неизлишне будет заметить здесь, что сколько-бы жон нибыло у киргиза почетным именем байбичи пользуется из них только одна; все же прочия суть токалы, к которым бранные эпитеты: ку и шунак, прибавляемые спереди их прозвища и означающие: бестия и мошенница, составляют в сознании народном как-бы их неотъемлемыя качества, вероятно потому, что токалы, будучи летами всегда несравненно моложе байбичи и мужа, заводящегося ими обыкновенно под старость, бывают более податливее на соблазны молодежи и на измены мужу.

§ 11. Когда умершему наследуют двое или более сыновей с матерью и при этом есть еще сестра — просватанная кем либо, и если вздумают они делить между собою наследство; тогда принимается в соображение следующее: если ли между ними женатые, или все они холосты, не просватал ли кто из них себе невесты, или все они еще без невест? Если кто из них женат или у них просватана кем-либо сестра, то полученный первым за женою приданный скот, а за сестру калым отделяются от общаго наследства в особую пользу от этих двоих; потом отсюда же следует отложить в сторону часть скота, необходимаго на калым за будущия невесты тех братьев, которые еще не имеют их. Остальной затем скот делится поровну между матерью и всеми детьми мужескаго пола.

§ 12. Когда после умершего не осталось никого, т. е. ни жены, ни детей, наследство идет в пользу родных братьев; когда нет и этих, то в пользу двоюродных братьев; но если и таковых нет, тогда в пользу троюродных; наконец когда по умершем нет и этого родства, то и тогда наследство никуда и никому кроме одноотделенцев и однородцев его не переходит, если-бы даже в другом отделении или роде случились его родные дочери, довольствующиеся только тем, что однородцы найдут нужным отдать им, как дочерям умершаго. Следовательно, имущество каждаго киргиза, не исключая даже жены его, есть после него, так сказать, общее достояние того рода или отделения, к которому он принадлежит.

§ 13. На этом основании, если после умершего останется усыновленный им чужой сын, и если этот последний взят был покойным из посторонняго рода, то его наделив инчою, равною инче следующей родному сыну воспитателя, возвращают к собственным родителям, а остальное имущество берут себе родовичи умершего, если последний еще при жизни не успел созвать родственников и подарками каждому из них не выкупил у них и не утвердил за усыновленным сыном неприкосновеннаго права на все имущество в случае своей смерти. В последнем случае все имущество умершаго бесспорно переходит воспитаннику его.

§ 14. Но если усыновленный сын был взят покойным из собственной родни, или из собственных родовичей, то таковой признается полным наследником своего воспитателя и уступает равноправным с ним родственникам лишь самую незначительную часть полученнаго им наследства.

К отделу о правах наследства следует отнести существующий испокон веков обычай или право, признаваемое каждым киргизом за детьми от его дочерей, называемыми, в различие от внуков по прямой мужской линии, жиенями. Каждый из этих жиенев пользуется свободою троекратнаго взятия у своих нагачи, как называются в отношении к нему родные его матери, без ведома и помимо их согласия, какой угодно ему вещи или скотины из их табуна. И это ему не вменяется в вину, но только до трех раз.

Равно надлежит отнести к отделу о правах наследства и тот обычай, по которому если умерла чья либо жена бездетною, родителям ее следует возвратить из даннаго ими за нею приданого: утау, саукеле, тусек-орын, верховую лошадь и одного из вьючных верблюдов покойной. Если же от последней останется хотя одна дочь, то из означеннаго возвращается только половина, а коль скоро есть дети мужскаго пола, родители умершей не получают ничего.

Отдел четвертый

Глава I

Решение дел по кражам

Решение этого рода дел, по чрезвычайному разнообразию случаев и обстоятельств, сопровождающих оные, весьма различны.

Принимая в соображение все, что приводится одною стороною в свое оправдание, а другою — к улике и подтверждению виновности первой, равно и то, с какою твердостию или колебанием в ответах, замечаемыми в голосе и на лице каждого, приведены доводы обеих сторон, — два совершенно одинаковые с первого взгляда дела могут быть решены совершенно различным образом; так:

1. Если кража узнана во время, т. е. если похищающий чью-либо собственность застигнут хозяином при множестве сбежавшихся на крик его посторонних свидетелей на месте преступления или с предметом оного, и доставлен на суд при свидетельстве всех поимщиков; тогда, не принимая от вора никаких оправданий, надлежит взыскать с него положенные обычаями аипы или штрафы в том размере, в каком показаны оные ниже в наказаниях за всякий предмет кражи особо.

2. Если случившиеся при поимке вора свидетели состоят в родстве с хозяином покраденнаго и пойманный, опираясь на это родство, будет оправдываться; тогда надлежит спросить его: где и у кого он был в то время, когда, по словам поимщиков, он пойман. Причем если он не найдется на это ответом или укажет на кого-либо, который не подтвердит его указания, то признается виновным. А коль скоро кто-либо подтвердит, что пойманный в то время, в которое произведена кража, был у него или у себя; тот должен доказать это присягою, представляемою им лично, или в лице другого родовича, смотря по величине кражи и по репутации, какою он пользуется в народе.

3. Если-же пойманный, не ссылаясь ни на кого, отзовется, что он пойман на сказанном поимщиками месте и в сказанное время, без вся-

кой вины и повода с его стороны; тогда для обвинения его требуется присяга одного из понимщиков, по выбору обвиняемого.

4. Но когда совершивший кражу не пойман на месте преступления, а открыт или узнан через другаго, взявшего с хозяина покраденного за это открытие известное вознаграждение, называемое по-киргизски сююнча, с обязательством доказать на вора, тогда решение подобнаго случая зависит от следующих обстоятельств:

а) Если у оговоренного в краже лица будет найден предмет кражи, то взявший сююнчу, доказчик избавляется от дальнейшей обязанности доказывать, а тот, у которого найдет предмет кражи, признается виновным, если только не докажет приобретения оного у третьего лица.

и в) Если-же у оговоренного доказчиком лица, предмет кражи не найден, равно нет и никаких следов оной, кроме голословного обвинения его доказчиком, тогда последний, называемый бет-айга-ком, т. е. личным или открытым доказчиком, должен справедливость своего оговора подтвердить присягою одного из своих родовичей. — а в противном случае, т. е. в случае не представления им присяги, ответствует вместо оговоренного сам, возвратив хозяину нетолько взятую им сююнчу, но и заплатив ему покраденное у него.

5. Вследствие этой ответственности многие из тех, которые замечают нередко чью-либо кражу, не являются уже открытыми доказчиками, а остаются сырт-айгаками, или заочными доказчиками; сообщают об этом хозяину покраденного предмета лишь по секрету с условием не выдавать его имени, с указанием на преступное лицо по секрету-же, и со взятием за это, тоже тайно самого малого вознаграждения, которое обычаями не возбраняется и которое не делает его обязательным доказчиком.

6. Явившемуся на суд со сведениями от этих заочных или тайных указчиков истцу надлежит, не требуя от него объявления имени сырт-айгака, предоставить право на очистительную присягу с того, кто оговорен последним, равно как и в том случае, когда оговор основан на личном подозрении хозяина.

7. Когда-же доказчик является не вследствие сююнчи, или вознаграждения, а по долгу свидетеля, то тому, в чью пользу он свидетельствует, предоставляется выбор между присягою свидетельскою и очистительною со стороны ответчика, как сказано это в общих правилах киргизского судопроизводства, в первом отделе сего сборника.

8. Если кто опознает у кого-либо покраденный скот или пропавшую свою вещь, и если последний отзовется незнанием или забвением имени того, у кого он приобрел означенный скот, или вещь, тогда для подтверждения сего и законности приобретения требуется от него представление присяги одного из своих одноаульцев, а в противном случае, т. е. когда не представит этой присяги, он признается виновным в краже.

9. В случае опознания у кого-либо одной и той-же скотины двумя лицами в одно время, тогда прежде всего обращается внимание на тамгу, которую надлежит сличить с родовою тамгою[1] каждого из опознавших и отдать опознанную скотину тому, к чьей родовой тамге подойдет сличенная.

10. Если опознавшия лица оба одного рода, так-что о принадлеж-

[1] О родовых тамгах или особых знаках, выжигаемых киргизами на левом бедре всякого домашн. животного, говорится в одной из последних глав последнего отдела сего сборника.

ности опознанной скотины тому или другому из них нельзя судить по тамге, которая у обоих одна общая, тогда надлежит сличить, с предъявленными каждым из них приметам, прочия приметы на опознанной скотине, которую потом отдать тому, в чью пользу кончится сличение.

11. Если при одинаковости тамги или при отсутствии оной и прочия приметы опознанной скотины совершенно будут сходны с предъявленными каждым из опознавших лиц, тогда о принадлежности ея тому или другому надлежит удостовериться по времени, в которое каждый из опознавших потерял свою скотину и в которое тот, у кого она опознана, приобрел ея. Если же и этим не разъяснится дело, тогда оно решается по зубам скотины, показываемой знатоком для удостоверения в ее летах, сверяемых потом с летами, назначенными каждым из претендателей своей скотине.

12. Наконец, когда по особенному свойству животного или его зубов, нельзя и по ним составить какое-либо верное заключение о летах его, тогда оба претендующие склоняются к миролюбивой сделке, т. е. к разделу предмета спора между ними пополам; в случае же несогласия котораго либо из них на это, предоставляется недовольному, смотря по важности спора, подтвердить принадлежность себе опознанной скотины принятием присяги или самим, или кем-либо другим из его родовичей.

13. В случае согласия обеих спорящих сторон на означенную в предъидущей статье миролюбивую сделку, одной из них предоставляется оценка спорнаго между ними предмета, а другой предоставляется по оценке право выбора из двух: или взять спорный предмет за себя и заплатить противной стороне следующую по оценке половинную долю, или, уступив ей спорный предмет, взять с нея половинную долю.

14. Если кто купит за-ведомо краденный скот, о чем легко судить по крайне дешевому им приобретению, и если продавший оный вор умер или в дальней отлучке, откуда неизвестно когда он вернется, то с таковаго надлежит на-равне с настоящим вором сделать взыскание, предоставив ему самому разделываться с тем, у кого он купил означенный скот.

15. Если кто присвоит себе найденную вещь или гульнопришатавшийся чужой скот, не предъявив как о первой, так и о втором никому в свое время — таковой считается столько же виновным, как действительный вор.

16. Если кто уличенный в краже, сознавшись в своем преступлении, обнаружит своих сообщников, а эти последние не сознаются в сооучастии их с ним, тогда надлежит, на основании народной пословицы: уры серигименен, жортуул жолдасыменен, т. е. вор должен страдать с сооучастником, а хищник с его сообщником, — потребовать от подозреваемых в сообщничестве, чтобы они представили за себя очистительную присягу одного из своих родовичей, или предоставили оговаривающему их, подтвердить сделанный им оговор присягою одного из его родовичей. —

17. Из сказанного в предъидущих и в этом отделах видно, что очистительная присяга принимается или самим ответчиком, или одним из его родовичей. По делам кражи не свыше одного барана, или его стоимости, очистительная присяга ни в каком случае не простирается далее родных братьев ответчика. По подозрению в краже одной или двух крупных скотин очистительная присяга распространяется на родственников во 2-м или в 3-м колене. По подозрению в краже от 3-х до 5 штук скота присяга должна быть представлена из 5-го колена.

По подозрению в краже от 5 до 10-ти голов скота присяга распространяется на родственников от 6 до 10-го колена, т. е. на целое отделение. По подозрению в краже от 10 до 20 голов скота присяга должна быть представлена из двух ближайших по родству отделений одного рода. По подозрению в краже от 20 до 40 голов скота присяга распространяется на три родственная отделения. Когда кража доходит до 50-ти голов скота, что равняется почти половинному куну (см. в отделе об уголовн. прест.,) тогда род обязан представить присягу одного своего второстепенного представителя. Наконец, когда угон простирается до 100 голов скота, что может быть впрочем только в барантах и что равняется уже почти куну, — дело решается присягою двух наилучших представителей рода.

Глава II

Наказания за кражи вообще

При изложении мер взыскания за различныя кражи необходимо прежде всего оговориться, что так-как имущество и достояние киргиза главнейшее заключается, а некогда даже исключительно заключалось в скоте, то по этому и предмет кражи состоял и состоит преимущественно в похищении скота, а потому вследствие такой исключительности предмета кражи, и наказания, существующия за преступление сего рода, определены исключительно скотом и за скот, кража-же вещей из кибитки, не смотря на видимую доступность оной для всякого по непрочному и простому ея устройству, случается чрезвычайно редко.

Строгость взгляда на преступления сего рода выражается у киргизов следующею поговорочною фразою, приводимою ими обыкновенно при определении меры взыскания с провинившагося в краже урынын кюйсин-аяма, т. е. пусть горит даже жилище вора — не жалей, или иначе сказать: поступай с ним строже.

Но определение точной границы мерам наказания за каждую кражу особо — почти невозможно, ибо в некоторых случаях кража одного барана, повторенная несколько раз одним и тем-же лицом, наказывается так же строго, как кража верблюда. Отсюда выходит, что важность или значение кражи определяется не столько количеством покраденного скота; сколько частым и многократным повторением сего преступления одним и тем-же лицом. Почему при решении дел по кражам и при определении за оныя взыскания с виновного следует принимать в соображение подвергался ли он до этого подобному взысканию; причем, если окажется, что он замечен в первый раз и в маловажной краже, наказание смягчается.

Значение кражи тоже усиливается, если при уличенном в оной окажется какое-либо оружие, дубинка или палка, а особенно когда она сопровождалась нанесением кому-либо побоев или ран — за что виновный подвергается еще особому взысканию, следующему за нанесение ран и побоев.

Кража, совершенная днем, наказывается строже, чем сделанная ночью, ибо в первом случае к преступлению краже присоединяются дерзость и крайнее пренебрежение страхом быть замеченным.

В кражах, совершенных кем-либо в первый раз, можно принять за норму следующее:

1. За кражу однаго барана в первый раз виновный подвергается взысканию: а) стоимости онего, в) так называемого муйнина, кусак,

кутине трькеу, т. е. привязки к шее и хвосту, — каковыми бывают к шее нобк или тусак — баран или овца по второму году, а к хвосту токты или козы — ягнята второго и первого полугодия, за которыя, в случае их собственной покражи, полагается только двойное взыскание оных.

2. За кражу кулуна и тая, т. е. жеребят по первому и второму году, сверх взыскания стоимости оных, ценимых первый в один козылыкуй, т. е. в одну овцу с ягненком первого полугодия, второй в два барана своего возраста, полагается вместо штрафа муйнина-кусак и кутине-трькау за кулун — токты, а за тай — взрослый баран.

3. Уличенный в краже всякий другой крупной скотины, например лошадей, подлежит следующим взысканиям: а) стоимости ея, полагающейся, если украденная кобыла, в одну кобылицу по четвертому году (дюнежин байтал), а если мерин — то в таковаго-же пятилетнего мерина (бести-ат); в) муйнина кусаку, кутине трькеу, состоящим из жеребят по третьему и по второму году (кунан и тай). Если украден верблюд, то за него полагается во-первых, пятилетний верблюд (бести-атан), во-вторых, вместо муйнина-кусак, кутине-трькеу полагаются верблюжата по третьему и по второму году (кунан атан и тайлак).

4. За всякую крупную скотину сверх означенных взысканий, идущих в пользу хозяина, существуют еще штрафы или аипы, называемые хандык и бийлик, поступающие в пользу хана или всякой власти и в пользу бия или всякого судьи, решающаго дело; жасаул-акы или плата жасаулу, посылающемуся для приведения в исполнение постановленного бием решения; дау чеге-жепкесер, последний акт или обряд зарешения дела, состоящий в перерезывании одним из участвующих при решении дела лицом пестрой веревки, надеваемой вору на ноги и снимаемой по обрезании ее.

Из этих штрафов самый большой и важный есть хандык, не превышающий в первой краже от одной до пяти голов крупного скота, одной лошади или верблюда; за хандыком следует бийлик, полагающийся всегда в половину того, что идет в хандык; затем жасаул-акы и дау-чега-жипкесер, взятые вместе, равняются бийлику.

5. В кражах свыше пяти голов, или при повторении одним и тем же лицом самой маловажной кражи больше пяти раз, означенные аипы могут возрасти от одного до трех тогузов.

6. Если кто и после многих краж, сопряженных с аипами в несколько тогузов, не исправится, продолжая заниматься преступным своим ремеслом, тот подвергается лишению всего своего имущества.

7. Если вор подлежащий взысканию за произведенныя им кражи не имеет собственных средств, достаточных для уплаты следующих с него взысканий, то за него должны платить ближайшие родственники и даже родовичи, ибо они по киргизским обычаям, в случае его смерти, жену и имущество его считают собственным достоянием; равно и кун за него, если кто убьет его получают они.

8. От взыскания за несостоятельного вора родовичи освобождаются только тогда, когда они, после нескольких взносов за него собственнаго скота, истощив все меры к исправлению его всенародно отрекутся как от него самого, так и от куна, если кто убьет его. После такого отречения и совершеннаго изгнания вора родовичами из своего общества, ответственность за него с последних слагается.

А вор из опасения пропасть в изгнании без куна, принужден бывает, исправившись вновь, пристать к родному обществу; или в противном случае погибает от первого раздраженного на него врага.

9. По всякой краже существует так называемая суюнча, т. е. вознаграждение обещаемое всегда хозяином покраденной скотины, тому, кто откроет вора, и взыскиваемое всегда с последняго в пользу того, кто открыл вора, или хозяина скотины, когда он уже выдал доказчику обещанное вознаграждение. Величина суюнчи никогда не превышает четвертой или третьей доли покраденного скота.

10. Если вор, пойманный на месте преступления, имеет при себе какое-либо оружие, то оное у него отбирается, а когда он вооружен простою палкою или дубинкою, то за это расплачивается одним халатом, называемым суил айбанасы.[1] Лошади, которая под ним, он лишается во всяком случае.

11. Исключение из общего правила о стоимости в покраже каждого обыкновеннаго верблюда и лошади, полагающихся первой в один пятилетний верблюд или бести-атан, а вторая в одну пятилетнюю лошадь или бести-ат, как сказано это в одной из предыдущих статей, составляют так называемые киргизами дулыгалынар, анр уркечти жампоз, т. е. самые лучшие по росту, красоте и силе одногорбый и двугорбый верблюды, ценимые каждый в два — бести-атана; потом так называемые жлмиган жюйрюк, жлжиган жорга, т. е. известный по удостоению призов на скачках скакун и вошедший тоже в славу иноходец, за которые полагаются по два бести-ата за каждый, за первого сверх того присуждается еще с вора первый заслуженный скакуном на скачке приз, в том соображении, что вместе с скакуном хозяин его несомненно лишился-бы тех призов, которые мог и впредь получать от своего скакуна,

За кражу чего-либо из конских или сидельных принадлежностей существуют особые аипы, далеко превышающие их нормальную ценность и относящиеся разумеется не к нашему времени, а вызванные без сомнения необходимостью времен существования в степи баранты и хищничества повсюду, когда, как в военное время, нельзя было не смотреть на каждую из принадлежностей седельного прибора, при всей простоте материала, из которого они сделаны, как на предмет первой необходимости. — Так некто из большей орды, по имени Уйсюн[2] Тулебий, по одному бывшему в его время делу о покраже одним уйсюневцем у другого треног, по-киргизски чидерь, постановил следующее оригинальное и неслыханное до-толе решение: По объяснении каждым из тяжущихся лиц сущности дела, он долго сидел как-бы задумавшись над решением такого пустого случая; потом приказал надеть треноги тремя концами на три лошади так, чтобы у каждой стреножено было по одной задней ноге. Стреножив таким образом одними треногами трех лошадей, каждую за одну ногу, бий приказал погнать каждую из них врозь и в разные стороны, при чем сказал, что если треноги от этаго порвутся — не полагать за них никакой платы и никакого аипа. Но они не смотря на усилия лошадей не порвались и удержали лошадей на месте. Тогда он обратился к тяжущимся с словами, что это не чидерь, а ушерь, т. е. не треноги, а три мужа, или другими словами в них заключается сила равная силе трех мужчин. Почему и определил платить за них не по цене материала, из которого они сделаны, т. е. не как за ремень, а как за 3 мощные руки и по видимой от них практической пользе — 3 лошади по 5 году или ушьбе-стат.

Живя в самый разгар баранты, среди ежечасных опасностей от на-

[1] Штраф дубины.
[2] Уйсюн — название рода.

бега хищников, от которых предосторожность требовала держать каждому воину-киргизу коней своих в треногах, Туле считал последние как-бы за хозяйские руки, держащиеся за ежеминутно нужный ему предмет, и как-бы за верных сторожей, а потому не удовлетворялся существовавшею до него ничтожною пенею за кражу такой важной вещи, как треноги, и при первом предоставившемся ему случае усилил за них штраф в тех видах, чтобы отбить в ворах охоту к краже оных из опасения подвергнуться за простой ремень неслыханному аипу в 3 лошади. Затем, для внушения всякому необходимой по тогдашнему времени предосторожности он-же Туле постановил, чтобы за кражу лошади, пущенной хозяином в путах — тусау, не взыскивать никакого штрафа, полагая таковой только за стреноженную и за привязанную к колышку арканом. Сообразив степень надежности каждого из сих трех способов держания лошадей при себе и степень практической от каждого из них пользы, он назвал их так: чидерь-кос, аркан-дос, тусау-бос, т. е. треноги — кош или кибитка, или другими словами: то что в треногах, все равно что в комнате; аркан или веревка — друг, т. е. тоже верное средство: но путы — пустяки, или весьма ненадежное средство. Чтобы пояснить или осмыслить странное, быть может для некоторых, с первого взгляда постановление знаменитого бия, необходимо заметить, что стреноженная лошадь, у которой три ноги привязаны и также привязанная арканом к вбитому в землю деревянному колу, действительно не может отшатнуться; тогда-как путы, надеваемые только на две передния ноги, ни чуть не мешают лошади уйти прыжками почти также далеко, как и на свободе.

Другой современный Туле бий в малой орде, по имени Сансызбай, определил в тех-же соображениях по потребностям военного времени, за каждую седельную принадлежность, кроме подушки, т. е. за кражу поводьев, стремян, подпруги и т. п., штрафовать вора аипом за каждую по одной пятилетней лошади, бестат.

Отдел пятый

РЕШЕНИЕ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ УГОЛОВНЫМ

Глава I

А. Пограбежу

Грабежи у киргизов, или набеги, производившиеся некогда целыми шайками хищников одного рода на аулы другого враждебного им племени, называясь иль-чабу эрис бузу, были по их понятию не простое и позорное ремесло или разбой отдельных личностей, стерегущих и преграждающих обыкновенно пути одиночному жолауче или страннику, а составляли, так сказать, взаимные распри или род войны на правах открытой вражды между двумя родами или юзами, вовлекавшимися в эти распри из-за значительной баранты, как увидим это в следующей главе о баранте. А потому подобные грабежи, как и всякая война, не составляя предмета обыкновенного гражданского суда, — решались всегда, или превосходством сил той или другой стороны, или вмешательством в их дело посторонних не состоящих во вражде родов, сходившихся для мира на общенародном съезде.

Так, под словом грабеж киргизы разумеют те эпизоды хищнической

жизни, когда хищничество ограничивается ограблением одного или двух путников, пробирающихся из одних аулов в другия, и называется тунау, т. е. отобрании платья и лошади под путником.

Преступление это, совершаемое хищником всегда над чужеродцем и редко над близким человеком и притом постоянно вдали от всяких свидетелей там, где нет по близости киргизских аулов или стоянок, редко открывается. А в случае открытия, наказывается сверх возвращения ограбленного и отобрания из-под всех ограбивших хищников лошадей, равно оружия и платья с них, тогузами: из которых один идет в пользу ограбленного, один в хандык и один в бийлик, жасаул-акы и даучегежеп-кесер. Затем взыскивается вознаграждение или суюнча в пользу того, кто открыл хищника.

Впрочем наказание за грабеж усиливается или уменьшается по мере большей или меньшей степени родства, существующаго между ограбленным и ограбившим. Так, если они принадлежат к разным юзам или ордам, то наказание ограничивается лишь отобранием лошади из-под хищника и платья с него. Если ограбивший и ограбленный хотя разных родов, но принадлежат одному юзу, то сверх отобрания лошади и платья с хищника берется с него еще тогуз взамен хандыка, бийлика и проч. Но когда они однородцы или одноотделенцы, что случается редко или почти никогда, наказание доходит до возможного числа тогузов.

Причина такого увеличения наказания и возрастания онаго по мере приближающегося родства заключается в том, что хищник позволивший себе грабеж в дальнем роде, менее рискует и менее пренебрегает страхом быть узнанным, чем тот, который совершил это преступление над собственным родовичем.

Глава II

Баранта, ее значение, поводы к ней, ее неизбежные последствия, сопряженность с убийствами и решения оных

Баранта, или правильнее, барымта, значит вымещение вору, отплата ему, как говорится, его-же монетою, т. е. угоном или похищением у него равного украденному им самим, когда он, пользуясь отсутствием всякой власти или покровительствуемый родовичами, отказывается от удовлетворения за похищенное и от явки на чей-бы то ни было суд для объяснений; когда притом никто не принимает к склонению или понуждению его, к законному расчету, надлежащих мер. Побывав везде и у всех, кто может иметь малейшее влияние на вора и видя в одних нежелание содействовать, а в других действительную невозможность помочь, обиженный и пострадавший киргиз, утомленный и раздраженный бесплодными искательствами, берется наконец за единственное и последнее средство — своевольную разделку с вором посредством угона у него, или у покровительствовавших ему родовичей скота, — каковой угон и называется барантою, которая, как единственный и естественный исход вышеприведенного безначалия и отсутствия всякой власти, обязанной заботиться о доставлении обиженному удовлетворения, — не возбраняется последнему обычаями. Когда же ответом на это последует со стороны вора или пострадавших за него родовичей то-же самое и опять когда на-оборот им ответят тем-же; тогда дело принимает серьезные размеры, взаимные угоны делаются чаще, невольно затра-

гиваются или интересы общенародные, ибо враждующие стороны в раздражении начинают не щадить никого, — от чего завязывается и возжигается самая страшная народная междоусобная война, оканчивающаяся миром только после долгих лет, благодаря усердным переговорам между немногими, имеющимися в каждом роде истинными сынами народа и друзьями человечества.

Стараниями этих лиц враждующия стороны склоняются к общему народному съезду, на котором разбираются взаимныя претензии; определяются — приблизительное по возможности количество угнатого у той и другой стороны скота и число убитых по каждому роду; доискиваются первые причины или поводы к баранте и постановляется по ним решение на основании следующих обычаев:

1. Те отделения и роды, которые затронуты и вовлечены были в баранту первыми зачинившими ее родовичами, так сказать невольно, получают удовлетворение с сих зачинщиков или скотом, когда понесенные ими через них убытки несомненны, или множеством очистительных присяг, — когда зачинившие баранту рода считают убытки эти недействительными, а себя в отношении к первым невиновным.

2. Очистительныя присяги, служащия обыкновенно при разбирательстве каждого дела к разъяснению и устранению недоразумений по поводу упорного запирательства одной стороны в выводах на нее другой, в деле баранты, где спор идет не об одной скотине и не об одном десятке оной, а о массах скота, — падают не ближе, как на род и при том нередко требуется по одному и тому-же делу присяга двух наиболее уважаемых представителей рода.

3. Что-же касается до главных двух родов, откуда проистекает начало зла, признается виновным тот из них, который хотя начал самым ничтожным воровством, — но покровительством вору и отказом обиженному в удовлетворении дал последнему повод к справедливому угону. Почему надлежит воротить с этого рода все, что есть в нем чужаго а по претензиям его на других отказать ему во всем, за исключением куна, т. е. платы за кровь и жизнь тех, которые убиты не в самой схватке или стычке барантовщиков, а захваченные где-либо нечаянно. При этом соответствующее число подобных убийств с каждой стороны, как равное одно с другим, оставляется без взыскания, — что называется урель, т. е. соответствие, квит, или иначе сказать кровь за кровь.

4. За тех, которые убиты и погибли во время их хищничества, равно, как за всякого вора, убитаго во время преступления, куна не полагается.

5. Из вышесказанного ясно, что всякий обиженный, т. е. потерпевший кражу или угон скота, обязан, не делая никаких угонов от вора, предъявить о своей обиде прежде всего родовичам последняго и требовать удовлетворения через них. Только отказ, сделанный всеми родовичами вора в удовлетворении обиженному, дает последнему право на баранту или на угон перваго скота, равного покраденному им.

6. Угон-же без предварительного представительства перед родовичами вора об удовлетворении за покраденное, делает как хозяина последняго, так и не удержавших его родовичей, столь же виновными, сколько виновны вор и покровительствовавшие ему родовичи. Поэтому, когда началом баранты было, как сказано, простое воровство и отплата ему обиженным тем-же, без предварительного о том предъявления и представительства перед родовичами вора за оказанием должнаго удовлетворения, — тогда роды вовлеченные в баранту, через такое самоуправство обиженнаго, считаются одинаково виновными, а потому

все между ними, за удовлетворением лишь претензий прочих родов, считается за урель и оканчивается так называемым салаватом, или взаимным прощением.

7. Салаватом же оканчивается дело тогда, когда по причине слишком продолжительной баранты и по крайней запутанности завязавшихся интересов, не представляется возможности разъяснить крайне усложнившееся дело, хотя приблизительными исчислениями, количества угнанного с той и другой стороны скота, причем ограничиваются только наказанием в каждом роде первых виновников баранты, лишаемых всего имущества, а иногда подлежащих даже отобранию у них дочерей, если таковые есть, в пользу особенно пострадавших в роде семейств.

8. По приведении в исполнение решений своих по изложенным правилам и по восстановлении мира собравшийся для сего народный съезд, даровав спокойствие родине и ознаменовав событие народным праздником с конскою скачкою, разъезжается по домам.

Глава III

Решение дел по убийству

В старину, когда не сложились еще нынешние обычаи, когда господствовала в степи дикая, еще ничем не обузданная свобода, не существовало сосредоточенной в одном лице силы и власти к преследованию общественных зол, и вследствие отсутствия всяких законов безнаказанно совершались преступления и должна была выработаться у киргизов, как у дикарей, свойственная всякой анархии идея о праве мщения всякому за сделанную кому-либо собственными силами и доступными каждому средствами.

В силу этой идеи и укоренился в киргизском народе долго терзавший его варварский обычай, по которому кек, или чувство мести, признавалось им вовсе не пороком, а добродетелью, и по которому за все неприятное себе от кого-либо, в особенности же за убийство, не только не возбранялось, но даже следовало отплачивать убийце тем-же, т. е. убийством его самаго или кого-либо из его родных. Без насыщения кровью убийцы, чувство мести в дикаре не унималось. Убить врага и выпить его кровь было для киргиза высшим наслаждением и составляло такую доблесть, которая единственно возвращала ему утраченное им в народном мнении, до выполнения кровавой мести, право на звание мущины. Пренебрежение или отказ от мести связано было с постыдным для него именем женщины.

Само собой разумеется, что неизбежность, при таком обычае, гибели тому, кто провинился в убийстве, и гонения на него со стороны родственников убитого заставляли убийцу искать покровительства и защиты у родовичей, которые в свою очередь считая отказ ему в убежище и выдачу его врагам за великий для себя намыс — т. е. позор, а потому делом вовсе несовместным с достоинством их рода, давали ему у себя притон и объявляли, что всякое покушение на его жизнь в родовой среде будет считаться уже оскорблением целому роду. Тогда раздражение родственников убитаго становилось равным ко всем родовичам убийцы, за котораго убивался поэтому первый попавшийся в руки раздраженных родович его, что в свою очередь опять вызывало желание мести за невиннаго родовича с противоположной стороны.

Таким образом из-за мести отдельных личностей начинались и выходили распри между двумя родами, втягивавшимися незаметно в от-

крытую вражду, в которую вовлекались нередко и другие рода, задетые барантами и грабежами первых.

Исторические предания первых времен киргизов полны безпрерывного ряда подобных войн из-за взаимной мести, которой некоторое ограничение положено только, после испытанных веками бедствий от нея биями позднейших поколений, почувствовавших наконец и сознавших все гибельные для себя последствия и невыгоды от покровительственной системы убийцам и от мести из за них целому роду, и постановивших поэтому в отмену прежнего следующее:

1. Всякое отделение киргизов или род, оказавший покровительство убийце, считать виновным и ответственным перед целою нациею, имеющею право наказать его вооруженною рукою.

2. Обязать каждый род платить за всякого члена своего, провинившегося в убийстве, так называемый кун — вознаграждение родственникам убитого, состоящее из известнаго количества скота, или, в случае нежелания платить положеннаго куна, выдавать последним самого убийцу, для поступления с ним по их усмотрению.

3. Всякий род, согласный платить кун, обязан в знак этого согласия пригласить к себе сначала несколько лиц со стороны получателей куна, объявить им о своей готовности к удовлетворению и выслать с ними к родным убитаго, не в счет куна, который может быть получен и через год, или даже через несколько лет, так называемый суек-кун, состоящий: из бывшей под убийцею во время совершения убийства лошади, с подрезанным в знак ее преступности, хвостом; а по тому называющейся канды-кара чулак-ат, то-есть кровавая,[1] черная[2] и безхвостая лошадь; из какого-либо огнестрельнаго или холоднаго оружия, которым, как подразумевают киргизы, совершено убийство и которое называется поэтому канды-кару, т. е. окровавленное оружие; из так называемого кара-нар, кали-клем, т. е. черный одногорбый верблюд и ковер, из которых первый служит для подъема тела убитаго и для отвоза его к месту погребения, а второй — для покрышки сверху носилок на которых относится к месту погребения мертвое тело; каратон, черный халат, необходимая принадлежность траура, носимого родственницами убитаго в течение одного года, и сары жаулык, желтый платок, носимый вместо траура женою убитаго. С присылкою этих предметов суек-куна не остается нималейшаго сомнения в платеже родовичами убийцы куна.

4. В свою очередь и родовичи убитаго обязаны не позволять себе произвольнаго мщения ни убийце, ни тем более его родовичам, под опасением сказанного в первом пункте сих постановлений наказания вооруженною рукою, а должны довольствоваться получением за убитаго положенного куна, либо ждать терпеливо обязательной для родовичей убийцы выдачи его.

5. Если родовичи убийцы вместо куна выдадут самого преступника, тогда дальнейшее поступление с ним зависит от усмотрения родовичей убитого, присуждающих его или к смерти, или в вечное рабство. Но обыкновенно родовая гордость киргизов никогда не допускает их до унизительной выдачи своего члена на смерть или в рабство, и не было до сих-пор примера, чтобы какой либо род отказался от выкупа убийцы куном. Отказ от сего выкупа может служить всегда готовым против

[1] Т. е. преступная.

[2] Черная или вороная масть лошади подразумевается для означения эмблемического сходства ее со смертью, представляемою всегда в черных красках.

него упреком или предметом злой насмешки над ним для всякаго и при всяком с ним споре или ссоре из-за чего-нибудь, точно так-же, как неумение взять с убийцы положенного куна обращается в насмешку против родовичей убитаго.

6. Если-же родственники убитого, не удовольствуясь или не удовлетворяясь взятием куна, сами откажутся от него, то дело решалось поединком одного из недовольных с убийцею. Бойцы в таком случае выезжали на лучших конях и в полном вооружении и какой-бы исход поединок не имел, т. е. пал-ли убийца или родович убитого, дело кончалось уже без куна.

7. Обращение вызвавшей уже убийцу на единоборство стороны за куном после вызова, вследствии-ли нерешительности оной вступить с первым в бой, или вследствие неудачности боя, не принималось. Но однако, для того, чтобы загладить в ней чувство мести и досады на убийцу, предоставлялось ей с последнего один тогуз.

Приведенныя в предъидущих пунктах постановления, лишавшии истца всякого вознаграждения, заставили киргизов отказаться от мести и довольствоваться куном, который в нижеследующих размерах существует по ныне:

1. Мужской кун равняется 1.000 баранам, или 100 лошадям, или-же 50 верблюдам. Половина этого, называясь алты-жаксы, берется отборным скотом, а другая называющаяся кара-кун. — берется какою ни на есть дрянью. Сверх этого куна взыскивается еще так называемое кырк-байтал, т. е. 40 кобылиц по третьему и по четвертому году, в аип хану и биям, решающим дело. Отсюда же вознаграждаются наряжавшиеся по случаю убийства жсаулы и пр.

Женский кун или кун за убийство женщины по особенному значению ея у киргизов равняется половине мужского куна, т. е. 500 баранов, или 50-ти лошадям, или же 25-ти верблюдам. Вместо 40 кобылиц полагается 20-ть из коих половина по 3 году, а другая по 4-му году.

Говоря о женском куне, следует заметить, что выход женщины из кибитки во время обыкновенной простой драки мужчин и участие ея в оной считается непристойным ея полу. А потому за женщину, убитою при участии ея в драке мужчин, вне ея кибитки, как в деле не женском, куна не полагается.

Впрочем обычай этот, больше номинальный, имеет влияние только на некоторое уменьшение куна за ту женщину, которая вышла из кибитки и приняла запрещенное ея полу участие в драке. А запрещение это основано не на одном неприличии, а главнейшее на соображении того очевиднаго нравственного факта, что женщины, хотя по ложному, но тем не менее существующему до сих пор понятию киргизов, считаются низшими, чем мущины, существами. Поэтому вмешательство их в самую ничтожную ссору мущин, могущую кончиться ничем, и обращение их к мущинам с неприличным словом или действием скорее и сильнее раздражает последних, чем обида мужчин, и скорее вызывает на преступление там, где мужчина с мужчиною обошлись бы и без него, по сносливости ими взаимных обид и оскорблений. На этих соображениях, и основано запрещение женщинам принимать участие в драках между мущинами, и, благодаря этому обычаю, убийство женщин в степи всегда было самым редким примером. Убийца женщины в кибитке подвергается полному куну.

3. Равным образом не полагается куна за хищника-вора, убитого во время хищничества. Из сего исключается убийство того барантов-

щика, который вынужден был к баранте не из страсти к ней, а угоном или кражею у него скота без всякого повода с его стороны, совершенно безвинно и упорным отказом ему в должном удовлетворении угнавшим у него скот вором.

4. Кун султанский — мужской и султанский — женский полагается двойной, а потому первый состоит из 2.000 баранов, или 200 лошадей, или-же 100 верблюдов, а второй равняется мужскому куну простых киргизов. Но суек-кун и кырк-байтал остаются теже, что по куну простых киргизов и киргизок.

5. Кун ханский равнялся куну семи простых киргизов. Это основано на том, что хан есть повелитель по крайней мере семи отделений или родов.

За убийство хана малой орды, Абулхаира, батырем средней орды Сырымбетом, сын убитого — Эрали, собственноручно убил убийцу своего отца и сверх того по присуждению бия большой орды Уйсюневца Туле, получил два куна, а остальные затем 4 — Эрали простил. Это событие достоверно известно.

Все вышеприведенные куны называются полными и полагаются за убийство. Но есть еще куны не полные, а именно: половинный четвертной, осьминный и т. д., полагающийся уже не за убийство человека, а за всякое ему увечье, которое по большей или меньшей важности поврежденных частей или членов тела может равняться, по понятию киргизов, половине убийства, четверти убийства и т. д.

Так преступлениями, равными половине, четверти и т. д. убийства считаются следующия увечья или изуродования, со взысканием из них куна в следующих размерах:

1. За вышиб того или другого глаза до ослепления, за отрезание языка или детородного члена, за повреждение их так, что они перестают соответствовать своему назначению, — полагается половинный кун.

2. За повреждение правой руки или ноги до безжизненности или до состояния калеки, или хромого — полагается $^1/_4$ куна.

3. За левую руку или ногу — полагается $^1/_8$ куна.

А за простую рану тем-же членам взыскивается с виновного уже не кун, а простой аип или штраф от одного ат-туна до одного тогуза.

Равно аипы или штрафы, а не куны, полагаются за следующия увечья:

1. За отрезание того или другого уха, или носа, либо губ полагается два тогуза, а за обыкновенную рану оным, равно как и за все прочия раны — взыскивается от одного ат-туна до одного тогуза.

2. Отрубивший кому-либо пальцы правой руки подвергается взысканию: за большой палец — одного тогуза, за указательный — одного верблюда и лошади, за средний — ничего, за безъимянный и мизинец — по одному верблюду.

3. За отрубление большого пальца левой руки полагаются один верблюд и одна лошадь, за указательный палец той-же руки — один верблюд, за средний — ничего, за безъимянный и мизинец — по одной лошади.

4. За отрубление пальцев на ногах самый большой аип полагается за два большие пальца — по одному верблюду, а за все остальные пальцы по одной лошади.

5. За вышиб каждого зуба или резцов полагается по одному тогузу а за все остальные, за исключением двух самых крайних коренных

зубов каждой челюсти, по одной лошади и халату. За крайние коренные зубы не полагается никакого аипа.

6. Был некогда бий, который за так называемые молочные зубы мальчика и девочки, как выпадающие сами по себе и заменяющиеся постоянными зубами с 9-летнего возраста, не полагал никакого аипа. Обычай этот установился.

7. В случае, если беременная женщина от какого либо внешнего повреждения выкинет ребенка, то виновный в повреждении подвергается взысканию: а) за ребенка, когда этот только еще в зачатке, одного тогуза; в) за ребенка, уже сформировавшагося по 5-му месяцу после забеременя матери — три тогуза; за ребенка после 5 месяца, до времени родов, полагается $^1/_2$ куна, а со дня появления на свет — полный кун.

Исключения из общаго правила

1. При взыскании куна за убийство беременной женщины аип или кун за ребенка полагается особо.

2. За человека, от природы неспособного к супружеским обязанностям, за сумасшедшаго, за слепых и калек от природы — полагается половинный кун.

3. Равно ограничиваются взысканием полкуна за убийство того, который еще при жизни получил за лишение известных членов одну половину куна.

4. Нечаянное убийство во время игр и охоты, предаваясь обыкновенно воле Божией, не наказывается ни куном ни аипом. Однако, для некотораго утешения родителей и родных нечаянно убитаго, следует с способствовавшего смерти его сделать добровольное взыскание в несколько голов скота для так называемаго ас-атау, кор-кебнь,[1] т. е. на поминки по умершем и погребальные расходы.

Общие правила решения дел по убийству и по нанесению увечий

1. Когда обвиняемый в убийстве делает в этом запирательство и нет против него достаточных улик или свидетелей, но есть полное основание подозревать его в том, тогда обвиняемый для своего оправдания должен представить очистительную за себя присягу четырех наилучших представителей того рода, к которому принадлежит.

2. По убийствам и увечьям, за которыя полагается половинный кун, должна быть представлена присяга двух лиц, тоже из рода, а не из отделения.

3. По тем преступлениям за кои положено $^1/_4$ куна, может быть представлена присяга одного лица, но тоже из целаго рода.

4. По преступлениям, показываемым восьмою частью куна, как напр; за повреждение левой руки, подозреваемый обязан представить присягу одного лица не из рода, а из отделения. По остальным маловажным и указанным выше увечиям присяга представляется из подотделения.

5. Надо заметить, что очистительная присяга представляемая ответчиком всегда падает на того, кого выберет для этого истец.

---

[1] Ас — пища; атау — поминки; кор — могила; кебнь — саван.

Отдел шестой

ДЕЛА ИСКОВЫЯ

Глава I

Обычаи относительно долговых обязательств

По неразвитости торговли и по исключительному занятию киргизов скотоводством, во все времена существования этого народа, за исключением последних трех или четырех десятилетий, имущественные иски в нем заключались исключительно в скоте, между которым нар, или одногорбый верблюд, как наиболее ценный и дорогой, лошадь или конь, приобревшие славу первых в роде джурга[1] и джюйрюк[2] были предметами наибольшего иска. Иски денежные, равно как и самыя деньги, знакомы киргизам с весьма недавнего времени. Решения подобных дел совершенно сходны с решениями дел по кражам, за исключением существующих за последния аипов или штрафов, которых в делах по искам не полагается. Отказ или запирательство от долгов влечет за собою те-же роды разных присяг, — какия объяснены по делам за кражи, соразмерно величине тех и других.

За несостоятельнаго должника также, как и за несостоятельнаго вора, должны платить, если есть, ближайшие родственники, или родовичи, по тому соображению, что последние в случае смерти каждого своего члена, следовательно и должника, наследуют его жену, а в случае бездетности — даже все имущество. При том, по мнению киргизов, если от несостоятельности должника неизбежно страдание чьего-либо интереса; то всего справедливее чтобы этот интерес был людей близких с ним по родству, чем совершенно посторонних ему заимодавцев. Если, рассуждают обычаи, наследство, оставшееся от кого-либо, есть собственность его родственников и если эти последния справедливы, требуя себе оставленное кем-либо богатство, в накоплении котораго не положено ими ни малейшей лепты и труда, — то чего не признать справедливым разложение на них, или принятие ими на себя долгов его. Особенно справедливо это разложение долгов по родственникам в тех случаях, когда должник, чтобы избежать взыскания, скрывает собственное имущество по своим родовичам, которых означенною мерою можно заставить выдать скрываемое ими имущество должника.

В большей части долговых обязательств бывает так называемый кепиль — поручитель. Это — посредник между заимодавцем и должником, выбираемый из лиц, пользующихся доверием обеих сторон и облегчающий между нами долговыя сделки ручательством двоякого рода: если поручитель, представляемый заимодавцу всегда должником, берет на себя ручательство за своевременную уплату последним долга, то считается зерь-кепилем, т. е. таким, который обязан во всякое время платить долг сам из собственности, если должник по каким-бы то нибыло причинам не заплатит его к условленному сроку. А если он, не ручаясь в своевременной уплате, обяжется только розысканием и доставлением должника к сроку, то таковой называется кепилем только своевременнаго доставления должника и того, что последний никуда от заимодавца не убежит, а потому платит за должника заимодавцу из собственности лишь тогда, когда его не представит к сроку.

---

[1] Иноходец.

[2] Скакун или бегун, испытанный на скачках и получивший призы.

К разряду исковых дел следует отнести споры по так называемому тамырству — и еще — бата-оку-аза-салу.

Тамырством называется у киргизов дружба двух лиц, основанная на взаимных подарках их друг другу по очереди, сначала одним, потом другим, и держащаяся всегда исключительно этими подарками без особенных внутренних симпатий друг к другу. Поэтому, как скоро нет с которой-либо стороны очереднаго подарка, узел дружбы разрывается и друзья ссорятся из-за перешедшаго тому или другому из них с которой-либо стороны излишка.

Предварительно правил решения спора между этими друзьями называющимися тамырами, необходимо заметить, что тамырство состоит в назначении подарка не по усмотрению того, кто дарит, а по выбору и усмотрению одаряемого, — каковой выбор по усмотрению называется кулка-салу, а самый подарок кулкою.

На этой особенности тамырства основано и решение происшедшего между тамырами спора. Т. е. если по расчету и по соображению всех временных между ними подарков окажется равное число кулки с обеих сторон, то спор признается неправильно затеянным, хотя-бы кулка одной стороны по качеству и ценности и была-бы дороже таковой же с другой стороны; ибо отдать другу более ценный, а выбрать себе менее ценный подарок, зависит совершенно от личного произвола каждаго. Следовательно совершенно справедливо считать их удовлетворенными не по качеству, а по количеству кулки. Расчитав таким образом друзей, надлежит предоставить им продолжать или прервать существовавшее между ними тамырство, — при чем если они изъявят согласие на первое, то право следующей кулки считается за тем, за кем остановилась ея очередь.

Если-же при расчете выйдет перешедший на чью-либо сторону излишек в кулке, то тамыр, на стороне котораго найден этот излишек, обязан оный возвратить, или в случае желания продолжать прежния отношения с другом, обязан сделать первый подарок бата-оку-аза-салу есть тоже взаимная обязанность друзей и сватьев, заключающаяся в явке каждаго из них в случае смерти того или другого для прочтения молитвы за упокой души умершаго, с приводом на этот случай нескольких голов скота, называющагося азою.

Если один из друзей или сватьев в отношении азы исполнил уже свой долг, то и другой обязан в свою очередь исполнить этот долг и вести азу в случае смерти кого-либо из родных перваго. В противном случае он признается перед первым виноватым, а потому уговаривается обычаями к тому, чтобы он отправился к другу или свату с должною азою, либо возвратил то количество скота, который получен был в азу им самим, прежде.

Глава II

Обычаи относительно оскорбления чести

Так как значение каждаго члена киргизского общества и степень уважения к нему определяется не по идеи равенства всех людей, а видимыми различиями в их положении и естественными преимуществами одного перед другим, как-то: происхождением, умственными превосходствами и богатством; то и обычаи относительно оскорбления чести каждого основаны на этих различиях и преимуществах, именно:

1. За оскорбление или нанесение обиды на словах султану, считае-

мому по происхождению его от белой кости — ак-сюек, киргизским дворянством, — полагается от одного до трех ат-тунов, а за нанесение обиды действием, но без ран, — от двух ат-тунов до одного тогуза, смотря по значению самих султанов. Это бывает, когда обидчик кара сюек, т. е., из простых киргиз или черной кости.

2. Обида султану от султана ограничивается аипом в один ат-тун, если обида сделана старшему младшим летами.

3. За словесную обиду бию и почетному богачу виновный подвергается: если султан — публичному извинению перед обиженным, а если простой киргиз — штрафу в один ат-тун. За обиду-же им действием подвергаются: султан, сверх публичного извинения, уступкою обиженному неразлучного с мущиною оружия — плети, а простой киргиз двум ат-тунам.

4. Обида между равными по значению лицами не сопряжена ни с каким аипом кроме публичного извинения и прошения младшим прощения у старшаго. Только в случае не желания просить прощения у старшаго младший подвергается ат-туну, из котораго берется обиженным только тун — халат, а лошадь должна быть уступлена присутствующим, которые оставляют ее у обидчика.

5. За обиду низшему себя, не пользующемуся ровно никаким значением, виновный подвергается штрафу в так называемый азусыз-атжиексиз-тун, — что значит баран и один конец бязи или крашенины, либо выбойки, известных у киргизов под одним общим именем мата.

6. За обиду женщин полагается те-же аипы, как и за обиду мужчин, конечно с различием их происхождения и звания. Но за обиду мужчинам от женщин, равно как от детей, не полагается никакого аипа, потому что мужчине не подобает связываться с ними, а коли связался — неприлично жаловаться. Точно также обычаи не принимают от мужчин претензий из-за ссоры между их женами.

7. Если обида заключается в побоях с тяжкими ранами, от которых неизвестно какия произойдут последствия и больной сляжет в постель, — в таком случае надлежит отдать его на лечение виновнику, который обязан взять его и, вылечив, представить к родным с аипом, соответствующим происшедшему увечью в случае же отказа с его стороны от взятия к себе больного для лечения, виновный должен, сверх аипа, заплатить родным больного еще за все издержки их по исцелению последняго.

8. За поношение кого-либо оскорбительными словами заочно, виновный, на основании народной поговорки: хан-сыр-тынан джудрук — за ханом кулак, — не преследуется и никакому материальному взысканию не подвергается.

9. За всякую обиду и оскорбление родителям или другим старшим летами родным виновный подвергается наказанию по усмотрению первых и публичному покаянию перед ними в своей вине с падением к ним в ноги, прося прощения.

10. Никакой поступок родителей с детьми, равно как поступок старших братьев с младшими, не ставится им в вину, кроме конечно сильных изувечий ими и убийств, случающихся впрочем весьма редко.

Глава. III

О нарушении общественного спокойствия и безопасности

1. За произведение с умыслом или из шуток общей тревоги чрез распространение ложного известия о какой-либо опасности как-то: о приближении неприятеля, о степных пожарах и разливе вод, виновный подвергается публичному выговору или так называемому сабау, что значит ударом плетью наносимым ему сверх платят кем-либо из имеющихся на него влияние лиц; сверх того к имени своему получает прибавку из слова утрюкчи — лжец.

2. За нарушение общественнаго увеселения на празднествах и поминках по умершем, заведением шумной ссоры или драки виновные, называющиеся в этом случае жиин бузган тентек, т. е. буян, нарушивший торжество собрания, подвергаются взысканию в пользу хозяина собрания или празднества ат-тун-аипа.

3. За подскакивание с шумом к аулу, в котором задержан провинившийся в чем-либо человек, с дерзким требованием выдачи последнего и с объявлением в противном случае драки и убийства, — виновный подвергается, как нарушитель спокойствия и тишины в ауле, аипу не менее одного тогуза. Такой проступок у киргизов называется аулга ат-джугурту. Подобное же подскакивание к аулу, когда он в перекочевке и когда он называется кочь, т. е. аул в кочевом шествии, именуется нападением на аульное шествие, или кочьке-тию, и наказывается наравне с нападением на аул, когда он на месте.

4. За угрозу кому-либо покражею, насильственным действием поджогом, убийством и т. п. виновный, не подвергаясь никакому аипу, оставляется в преждевременном подозрении, если что подобное с его угрозою случится с тем, кому он угрожал.

5. Если в расставленные кем-либо для зверей капканы попадает человек или какая-либо скотина, то принимается в соображение, где расставлены капканы. При чем, если окажется, что избранное для этого место отстоит от аула на таком расстоянии, на какое обыкновенно ходят, для пастьбы, киргизский скот и стерегущие его пастухи, тогда капканщик отвечает за подобныя случайности, сообразно последствиям оных.

6. Но если капканы, или ловушки для зверей, расставлены вдали от всяких аулов, вне расстояния, куда ходит на пастьбу скот, и за которое заходит только никем не предусматриваемая гульная скотина; тогда обычаи, в видах непрепятствования развитию полезнаго промысла, избавляют капканщика от ответственности за означенныя случайности.

7. Если какой-либо умалишенный в припадке болезни изувечит или убьет человека, или если смерть последует от нечаянного случая в игре с кем нибудь или на охоте и т. д., тогда родные первого и последние, от неумышленности которых произошла смерть, подлежат только взысканию, в утеху родителям умершаго, так называемаго ас-атау, коркебнь, означающаго издержки по похоронам и поминкам по умершем; самый же случай предается воле Божией.

8. Если чей-либо верблюд-жеребец, называемый по киргизски бура, в обычную для этого животного пору косячного его бешенства, укусит до смерти человека или подобнаго себе животнаго, то для решения вопроса по такому случаю принимается в соображение следующее:

а) Если норов или свирепость буры известен был его хозяину и прежде из неоднократно замеченных последним свирепых бросаний первого на людей и животных, и если после всего этого хозяин не держал буру во время его бешенства на привязи или с путами на ногах; то он считается виновным и подвергается за убитого бурою человека куну, без тех его частей, которыя называются суек-кун и кырк-байтал, а за укушенного до смерти животного — взысканию стоимости последняго.

в) Если же свирепость буры никогда не была хозяином прежде замечена и она обнаружена только в первый раз, тогда хозяин, в случае укушения им до смерти человека, присуждается только к вознаграждению родных умершаго за ас-атау кор-кебнь и к отдаче сверх того самого преступника — буры, а в случае причинения смерти чужой скотине — ни чем не ответствует.

9. Киргизы, как известно, наездники, не знающие иных способов езды, кроме как верхом на лошади. Приехав куда-либо в аул, они имеют обыкновенно привычку привязывать своих лошадей, по неимению других коновязей к самой кибитке хозяина за обтягивающую оную поясом веревку, называемою по киргизски вильдеу. Когда привязанная таким образом лошадь лягнет и убьет не предупрежденного о ней и вышедшаго из кибитки человека, то на такой случай существуют следующие обычаи: если окажется, что лягнувшая лошадь привязана прямо сзади кибитки, где это и установлено обычаями, то убитому не полагается куна, так-как он выйдя из дверей и направляясь к той стороне кибитки, где стоит привязанная лошадь имел время ее заметить и возможность предостеречься от нея, если лошадь привязана сбоку кибитки, то с привязавшаго полагается за убитого половинный кун, а если окажется, что лошадь была привязана хозяином ее почти у самых дверей, с так называемой бусаги кибитки, тогда он штрафуется полным куном.

Глава IV

Обычаи относительно правил человеколюбия и благотворительности

К этому разряду должны быть отнесены, по своим благотворительным началом, обычай о кунак-асе, вызванный, как увидим сейчас, чисто бытовыми условиями киргизской жизни, затем те, которые относятся к разным вспомоществованиям.

1. Обычай о кунак-асе,— о даровом, бесплатном угощении и приюте на полденный отдых или ночлег не только званому гостю, но и всякому путнику или проезжающему, до того обязателен у киргизов, что отказ в оном, наказываясь ат-тун аипом, бывает кроме того поводом общественного презрения к отказавшему.

Предание говорит, что первый киргизский родоначальник алач, под старость своих лет, отложив часть имевшегося у него скота себе, а остальное разделив между тремя своими сыновьями, от которых происходят ныне существующия три орды: большая, средняя и малая, — назвал доставшуюся каждому из них долю имущества инчою, — т. е. неотъемлемою и неприкосновенною собственностью каждого из них.

«Но — прибавил он потом — так-как по условиям вашей кочевой жизни, по роду занятия вашего скотоводством и по отчужденности вашей от оседлой жизни с ее торговлею и базаром, где всякий путник,

куда он ни приедет, находит себе, за известную плату пула — денег — и приют, и жизненные припасы, — по неимению между вами всех этих требуемых удобств, трудно будет вам, а в особенности имеющему размножиться от вас потомству, ездит от одного к другому с нужными — съестными припасами, потому что не повезете-же вы на какой-нибудь полденный путь собственного барана, а еще более на дальний, особенно при вашем способе езды верхом, — то вот вам мой вечный завет: не берите при взаимном посещении вашем друг с друга платы за съестные припасы, будьте друг к другу постоянно как-бы приглашенные гости, пользуйтесь таким образом друг у друга правом кунак-асы или даровым, бесплатным приютом и угощением, — на что примите от меня еще оставшуюся у меня четвертую долю моего имущества и считайте ее уже не исключительною которого-либо из вас собственностью, а общим достоянием и как-бы неразделенною между вами на веки веков инчою». — «Да будет так, и не забудем мы твоего завета», отвечали с покорностью братья, дети благородного родоначальника Алача.

Вот откуда и каким священным для потомства Алача заветом передано существующее между киргизами благотворительное начало кунак-асы. — Вот почему киргиз, встретив с чьей-либо стороны отказ себе в кунак-асе, ссорится с ним, приводя слова Алача относительно завещанной им потомству не разделенной инчи и вот почему безнаказано увозит он нередко у провинившегося перед ним соплеменника что-либо из имущества его.

Другое не менее кунак-асы завещанное потомству мудрым Алачем добро — это — жлу, т. е. вспомоществование погоревшим, или раззоренным от неприятельского набега, или пострадавшим от суровой зимы родовичам.

Это благотворительное дело до такой степени вкоренено в киргизах обычаями, что отказ в оном и нежелание участвовать в складчине в пользу бедного родовича, восстановляет против поскупившегося всех остальных родовичей, требующих непременнаго участия в сем пособии, угрожая в противном случае удалением или исключением из рода. А известно, как действует на киргиза эта мера, которая есть ссылка своего рода, потому что исключенный из общества родовичей человек, лишаясь всякой поддержки в них, не имеет между киргизами никаких прав: он и имущество его суть добыча первого ловца — киргиза, высматривающаго всегда подобных, лишенных родоваго покровительства, людей.

Другого рода вспомоществование, но более частное, чем жлу, где участвует целый род и которое есть поэтому дело более общее, родовое, — состоит в так называемом кызыл-котерю, ограничивающееся участием лишь одноаульных родовичей и заключающееся в следующем: если у кого-либо из бедных киргизов падет случайно одна из немногих его крупных скотин, то одноаульцы, в видах вознаграждения утраты беднаго, раскупают павшую скотину по двенадцати ее главным частям, или, как говорят киргизы, по джиликам, заплатив за каждый джилик по барашку-ягненку, что составляет 12 ягнят, равняющихся 18 рубл. серебр., если перевести их на русския деньги по существующей на ягнят торговой норме по 1 р. 50 к. сер. за каждый, да прибавив к этому еще шкуру, ценимую обыкновенно до 3 р. сер., выйдет всей выручки от подохшей скотины 21 р. сер. Вообще в деле вспомоществования ближнему киргизы ни сколько не отстали от других народов и многих даже опередили. Помогать родовичу — это долг всякого киргиза и обратилось в непременный обычай.

Далее неподание помощи утопающему, пособия страждущему в безводье путнику, отказ в даче средств кунаку — гостю, к отысканию лошади, когда она пропадет у него в чьем либо ауле, таковой же отказ в нужном кому-либо подкреплении против преследуемой им хищнической шайки, угнавшей у него скот и проходящей не далеко от аула, к которому пришло требование о помощи, — все это подвергает виновнаго, сверх штрафа в один ат-тун, еще большому нравственному наказанию общественным презрением к нему соплеменников, не допускающих его впредь в праздничныя и прочия свои общественныя собрания. Поэтому всякий киргиз при крайней нужде, не требующий ни малейшего отлагательства, имеет право взять лошадь из перваго попавшагося ему табуна, не спрашивая о том даже хозяина.

Глава V

Обычаи относительно правил при занятии места для стоянки аулов

Известно, что у киргизов, по условиям их кочевой жизни и при ежедневной почти перемене места кочевания согласно потребностям их скотоводства, не могло быть и нет поземельной собственности. Степь занимаемая ими, за исключением зимовок, не составляет ни чьей исключительной собственности, а состоит в общем их пользовании. Поэтому при беспрестанных их перекочевках и при занятии ими мест для временной стоянки аулов неизбежны споры в тех случаях, когда на одном и том же озере, на одних и тех-же колодцах сталкиваются в одно время кушбачщи, т. е. вожаки двух или нескольких аулов.

Надо заметить, что обычаи велят передовым, или вожакам всегда делать знаки там, где желают они расположить свои аулы. Для обозначения этого приняты три знака: воткнутая пика или укрюк (палка с привязанною к одному ее концу и середине веревкою, для ловли лошадей), начерченная на песку или глине родовая тамга и завязывание узлов из высокой кустоватой травы.

Никто не имеет права прийти и занять место, отмеченное одним из сих трех знаков.

Но когда вожак, выбрав для стоянки своего аула место, но не отметив его никаким из означенных знаков, отправился для осмотра и обозрения окрестных пастбищ для скота, а между тем вожак другого аула, прийдя этим временем, занял оное, зная или не зная о намерении первого вожака, тогда заявление первого пришедшаго на место вожака не принимается в уважение.

Когда заспорят об одном и том же месте два вожака, пришедшие туда в одно время с двух противоположных сторон; то для решения подобнаго спора принимается следующее: если из спорящих один — султан, а другой — простой киргиз, то спорное место уступается первому, т. е. султану; если один из спорящих лиц — бий, а другой известный в целом роде аксакал, старейшина, то уступка делается в пользу последняго; если спор между бием и простым киргизом, то спорное место остается за первым; если спорящие — оба простые киргизы, то уступка делается старшему из них летами, как-бы следовало сделать это и тогда, когда-бы столкнулись два султана или два бия. При равенстве спорящих нередко принимается в соображение старшинство их рода или отделения.

Занятие киргизами или различными родами из нынешних мест расположения зимовок, считающихся уже более постоянными, чем летния стоянки аулов, произошло, надо полагать по тем-же правилам, по каким происходит изложенное сейчас распределение летних стоянок, а потому в поземельных спорах из-за зимовок киргизы всего больше принимают в соображение право давности каждого на известный участок.

Глава VI

Обычаи относительно правил охоты

Из различных родов киргизской охоты самая замечательная, как по своей древности, так и по настоящему интересу, травля волков и лисиц, во 1-х просто на быстрых конях, во 2-х на обыкновенных конях с лягавою собакою или с беркутом. Лучшим временем охоты на волков и лисиц считается осень, особенно первые снега, когда по мягкости и вязкости оных трудно бежать зверю, тогда как неподкованной киргизской лошади по мягкому не глубокому снегу гораздо легче и лучше, чем по безснежной и мерзлой земле.

В исках, или тяжбах из-за лошади, не раз настигавшей волка или лисицу, из-за лягавой собаки и беркута, бывших на травлях зверей и не раз ловивших оных, принято ценить: первую в два бести, или в две лошади по 5-му году; вторую в один тай, или жеребенок по 2-му году, а третью — беркута, в один таковой же беркут на рынке, где продается он, и по выбору того, кому оный следует, из целой продажной коллекции птиц этой породы. За обыкновенную-же охотничью лошадь, ни разу не настигавшую волка, полагается один бести или одна пятилетняя лошадь; за обыкновенную лягавую собаку, не испытанную еще в травлях, — один кучук, или кутенок ея породы, а за обыкновенаго тоже не испытанного беркута — один буйдак, т. е. барашек или овечка по 2 году. Те страшно высокия цены, которые даются нередко страстными охотниками за беркута и собаку, — в тяжбах из за них не могут быть приняты в соображение и за норму, ибо известно, что страсть к какому бы то ни было предмету всегда увеличивает ценность его.

Затем, перейдем к другим правилам киргизской охоты. Хотя добыча от всякой охоты, как и везде, бесспорно принадлежит охотнику; но, как это занятие у киргизов, служа лишь забавою; не составляет правильнаго народного промысла то принято одним из правил приличия всегда уступать добычу тому, кто случится на месте в момент ея приобретения.

Но если к этой поре явится зараз множество посетителей с разных сторон, особенно во время перекочевки, когда все бывают верхами и быстро наезжают на место добычи из любопытства; тогда она предоставляется охотником, оставляющим себе лишь одну славу, в полное распоряжение собравшейся около него публики, из которой прежде всего дается добыча девице, если она есть в числе присутствующих, (замужней женщине нельзя быть при этом), потом султану, за ним аксакалу и т. д. по старшинству лет.

Точно также, когда едущие всегда впереди кочевки кушбачии затравят какого-либо зверя, то он следует сперва девице, потом султану, затем аксакалу и т. д. по старшинству лет. Если первый затравленный зверь дан самому старшему, то второй дается следующему, третий третьему и т. д. При чем заяц, вероятно по малоценности его шкуры,

не считается за добычу; так-что сколько-бы их не дано кому-либо одному лицу, — то это не мешает ему получить убитого в его очередь зверя или птицу.

Для решения дел по спорам, возникшим собственно между охотниками, особых правил не существует, а решение их зависит от большой или меньшей находчивости бия, к которому тяжущаяся сторона обращается. Для любопытства приведем здесь несколько примеров решений подобных дел.

Некто преследовал волка, и почти уже настигал его, как из ближайшего аула присоединился к нему, преследователю, на свежей лошади другой, которой быстро настиг и убил зверя. По поводу сего между первым преследователем волка и убившим его возникает спор о том, кому из них должен принадлежать убитый зверь. Первый преследователь настаивает, чтобы уступить его ему представляя доводом то, что зверь утомлен был им, а второй опровергая это утверждает, что настижение им зверя следует отнести не к утомлению от перваго преследования, а достоинству и быстроте его лошади. Какой-то бий решил это так: «уступить зверя тому, кто своим преследованием утомил его на столько, что другой настиг его скоро и без особеннаго труда; или-же, если этот другой скорое настижение им зверя приписывает ни чему иному — как единственно быстроте своей лошади; то, дав лошадям обеих спорящих сторон дня три отдыха, пустить оных с надлежащей дистанции в состязание самым быстрым бегом. После чего той лошади, которая прибежит первая, отдать и зверя».

Другой случай:

Некто, напав по пороши на след лисы, выдумал преследовать ее по нем, не зная далеко или близко от него бежит она. После довольно долгого преследования, след лисы привел к одной норе, в которую и скрылся зверь и у которой сидел подле человек, объяснивший, что он, мимоездом заметив эту нору и подозревая по свежим следам присутствие тут зверя, думает достать его оттуда, на что первый отозвался, что зверь, зашедший в эту нору, преследовался им по следам издалека и может быть раньше, чем второй заметил нору и присутствие в нем жильца, а потому просит не расчитывать на последнего. Второй в свою очередь возразил на это тем, что он напал может быть на эту нору раньше, чем тот — на след, а потому ни чьей притензии на нору и на заключающееся в ней не хотел признавать. — Возник спор, за решением которого обратились к тому-же бию, который решил и предъидущий случай.

Этот бий, заметив, что оба спорящие слишком далеки от миролюбивой и самой справедливой в этом случае сделки, или так называемого решения по-полам, сказал им, аллегорически, что он за одним из них признает безспорность права на жилище, а за другим — на следы квартиранта и что поэтому «пусть следчик достает добычу так, чтобы не испортилось жилище, т. е. разложением у самого отверстия норы дыма, посредством которого вообще всеми охотниками принято доставать или выживать зверя из глубины норы, — при чем если квартирант выйдет, то отдать его следчику, а если зверь задохнется от дыма и останется на дне жилища, т. е. не выйдет, то предоставить добычу тому, за кем признано право на нору».

Так-как неизвестно и нельзя было предугадать: выйдет-ли зверь наружу, или издохнет на дне норы, — то это остроумное решение привело к тому, что спорящие, согласились на миролюбивую сделку, по которой положено: копать нору общими силами, докопаться до дна, и достав таким образом зверя, разделить между собою по-полам.

Глава VII

Обычаи относительно правил приличия и вежливости

ПРАВИЛАМИ ПРИЛИЧИЯ ОБЫЧАИ УСТАНОВИЛИ:

1. Приветствие всем лицам султанскаго происхождения словом алдияр — Бог помочь, как при виде их, так и при уходе от них; равно при каждом их ласковом, внимательном слове, обращенном к кому нибудь, — одним словом везде, где следует сказать им: здравствуйте мое вам почтение, прощайте, пожалуйста, сделайте милость или одолжение, будьте так добры, благодарю вас, спасибо вам и т. д.

2. Султан в свою очередь должен ответствовать на приветствие ему при встрече словом: аликсалам.

3. Не султанского происхождения киргизы приветствуются между собою словами: ассалаумалейкем и аликсалам, из коих первое говорится прежде и всегда младшим к старшему, отвечающему ему последним словом. После обмена этими словами всегда обязательно взаимное осведомление о состоянии скотоводства и родных всякому лиц. — что выражается прежде уже не младшим; а старшим, словами: «мал жанын, балашаган аманба?» «Скотоводство, души, семейные твои благополучны-ли?» На что ответом со стороны младшего бывает: «худайга сюгрь, уз мал жанын-гыз-да исеньбе», т. е. слава Богу, и ваши скотоводство и души здоровы-ли?» Эти приветствия и взаимныя осведомления обязательны даже между совершенно незнакомыми и в первый раз видящими друг друга киргизами.

Обычныя между мущчинами приветственныя слова не употребляются в отношении женщин, не употребляющих оныя и между собою. Приветом им заключается в осведомлении прямо об их здоровии. Исключение составляют султанши, приветствуемыя также, как султаны. Приветствие мущчинам со стороны замужних женщин состоит в приседании на одно колено и в провождении в одно с этим время рукавом платья по правой щеке сверху вниз, — на что ответом со стороны мужчин должно быть легкое кивание ей головою с пожеланием долговечия — копь жаса.

Одним из правил киргизской вежливости и почтительности к старшим считается произношение имени их с прибавлением частицы эке. Так, если киргиза зовут Макан, то следует говорить ему Макан-эке.

Сверх того замужния женщины, из особенного уважения к мущинам, не должны называть настоящим именем ни одного из почетных родовичей своего мужа, в особенности ближайшей его родни, в которой тестя и тещу следует величать общепринятыми словами: ата и эне,[1] старших братьев мужа — биагалар, младших — нежными именами: чрак — светик, айнам — зеркальце мое, джаркын — сияющий и т. д.; а

[1] Ата — отец; эне — мать.

прочих родовичей — характеристичным перефразированием их собственных имен и прозвищами собственнаго их изобретения, — в чем киргизка являет изумительный талант находчивости, ловкаго и удачнаго перефразирования. Так киргиза по имени кене — клещ, она называет, равно как и натуральнаго клеща, жабскак, т. е. прилипальщик, брюхополз.

Если принять в соображение большинство киргизских имен, состоящих подобно кене из названий, встречающихся почти на каждом шагу, предметов внешняго мира, то, казалось-бы, чрезвычайно трудно не обозваться ими; но киргизка редко сбивается в том, что однажды взято ею в толк и соображение: как при виде господина по имени клещ, так и при виде натуральнаго клеща, она называет того и другого, как сказано выше, жабскак.

Всякий путник, проезжая мимо какого-нибудь незнакомаго ему аула, если желает остановиться в нем для отдыха или узнания чего-либо о предлежащем ему пути, должен подъехать к нему не с лицевой его стороны, а непременно сзади и встать не у самых кибиток вплоть, а в некоторой принятой для этого приличной дистанции, откуда и подать в аул голос: суйлескейдей адам бар мау?! т. е. нет-ли кого, с которым бы мне поговорить? Или же когда он думает расположиться в этом ауле на отдых, на ночлег, то слезть с лошади и сесть лицом к аулу, откуда немедленно обязан кто-нибудь выйти к нему и непременно принять, если тот намерен тут отдохнуть или ночевать. Если-же путник не соблюл сказанных правил подъезда к аулу и приступил к нему вплоть, тогда он прогоняется и аульные не обязаны в отношении к такому невеже никакою обходительностью. Впрочем подход к аулу пешком и даже вход в кибитку без доклада не возбраняется путнику, если только лошадь оставлена им на означенной дистанции за фронтом аула. При этом следует также помнить, что вход в кибитку при каком-либо оружии приличен только врагу, а потому внесение оного в мирное жилище киргиза совершенно мирным путником, опять воспрещается. Оружие, если оно есть при ком, должно быть оставлено за кибиткою, прислоненное к ее бусаге (передняя часть кибитки тотчас по обеим сторонам ея входа). Еще строже смотрели обычаи на близкий подъезд к ханской ставке. При входе к хану не должно быть в руке даже и плети.

Нарушитель этих правил хотя и не подлежит особому взысканию (кроме случаев нарушения оных в отношении к хану), но подвергается всегда не совсем деликатному с ним обращению аульных, имеющих право отказать ему в кунак-асе, даровом безплатном угощении.

Глава VIII

Правила решения споров при поминках и народных празднествах

Годовыя или последния у киргизов поминки по умершем, называемыя ас-берю или джилын-берю,[1] начинаясь обыкновенно — с печальных обрядов, под конец переходят в совершенно праздничныя увеселения, состоящия в состязании друг с другом силачей или борцов, стрелянии в цель и конских скачках с призами.

Правила поминок, или обязанности делающих поминки родственников покойнаго в отношении к тем, которые приглашаются на оныя, уже

[1] Справить годовщину.

описаны в первом выпуске Записок Отдела, за 1870 год. Здесь мы только прибавим, что приглашенные обязываются в отношении хозяев: 1. дать решительный ответ: принимают-ли они приглашение или нет, и 2. вести себя прилично на поминках.

Если выйдет неудовольствие из-за несоблюдения хозяевами правил поминок или порядка приема и угощения, и если обидевшиеся этим гости откажутся от поданных несообразно с их почетом частей мяса и оставят поминки, да будут просить на хозяев об этом кого следует: тогда надлежит, удостоверившись в действительности их претензии, взыскать с хозяев, в случае вины с их стороны, то, что потребно на единовременное угощение обиженных обедом или ужином, а если вина окажется на стороне самих гостей, т. е. если спор возник из крайней обидчивости их без особенных подводов к тому, то за неправильный их отказ от угощения и за введение тем хозяев в напрасныя издержки, должны вознаградить их за оныя сами, равно как и в том случае, когда они, обещав хозяевам быть к ним на поминки, не явятся в назначенный день, без всяких уважительных на это причин, единственно избавляющих гостей от взыскания в пользу потретившихся хозяев.

За нарушение тишины и спокойствия на поминках и других народных празднествах заведением драк, без особенных впрочем последствий, виновные подвергаются ат-тун анпу в пользу хозяина собрания.

Если спор произойдет во время скачки из-за призов между хозяевами двух лошадей, прибежавших вместе, но, из коих по уверениям хозяев, одна была хоть не много — да впереди другой, — тогда для решения спора предлагается разделить два приза, на которые прибежали оныя, по ровну между хозяевами, либо состязание спорных лошадей вновь повторяется тут-же на недальнем расстоянии, или через несколько дней отдыха, на дальнюю дистанцию.

Глава IX

Образ правления киргизов, избрание в ханское достоинство и обычаи относительно ослушания ханской власти

История киргизов не представляет почти ни одного примера прочной и постоянной власти, — чему причиною не была без сомнения врожденная им ненависть к власти и порядку и не любовь к своим правителям, а кочевой образ жизни, по которому даже самые влиятельнейшие и любимейшие их правители, расходясь со многими из них всегда на значительныя расстояния, и не видаясь с ними нередко целые годы, а с другими почти никогда, естественно утрачивали на них свое влияние и оставались в отдаленных родах всегда лишь номинальными. Вследствие чего у киргизов почти никогда не было общей централизации власти и развилось у них поэтому большое управление родовое, отдельными султанами и биями. Соединение народа всею своею массою под властью одного лица было разве только до разделения оного на три юза или орды: улы-юз — Большая орда, урта-юз — Средняя орда и кчи-юз — Малая орда. Самыя крупныя массы соединения представляли эти юзы, которые были не что иное, как естественные союзы многих родственных между собою родов, составляющих все вместе киргизский народ.

В главе каждого юза стояли ханы с патриархально-избирательною исключительно в роде султанов властью, считающеюся поэтому наследственною в сем роде, но только не по прямой нисходящей линии, а по

боковой линии братьев по старшинству рождения. Для совещаний по делам орды, по временам, съезжались к ним от всех родов представители — бии. Власть этих последних была наследственною в их потомстве до тех-пор, пока не сменялась их династия новыми лицами, которых природныя способности и другия естественныя преимущества перед первыми, постоянно обращая к себе народное сочувствие, незаметно и исподволь приобретали им общую любовь, а вместе с нею и власть, без всякого впрочем со стороны их соперничества и пагубных для народа интриг с первыми. Свидетельствуемые историею киргизов-кайсаков примеры интриг из-за ханской власти между различными партиями султанов не могут быть рассматриваемы как общия правила и как принятые народом обычаи, а суть явления, порождаемыя, как и везде в мире, честолюбивыми замыслами не многих и составляющия поэтому, хотя частныя, но исключения из общего правила и основных идей народа, а в званин биев вовсе не бывали и неслыханныя.

Итак образ правления в киргизском народе был избирательно-представительный, и наследственный. — Оба начала не чужды ему и ни одно из них не может быть приписано ему за единственно исключительное.

Был довольно продолжительный период времени, когда каждый род управлялся особым ханом из собственных родовых султанов, которых вообще не многочисленный род, созданный, по понятию киргизов для управления народом, как горы, поставленныя будто природою для пригвождения земли, бывшей будто до сооружения оных в сильной качке с боку на бок, — рассеялся по всем родам Большой, Средней и Малой орд.

Избрание в ханское достоинство совершалось следующим образом: народ съезжался к тому, кого он желал избрать в это достоинство или кому следовало оно по праву наследства, с предложением торжественного принятия этого звания, которого торжество состояло в том, что посадив его на белую кошму, поднимали на ней лучшие представители народа и носили так на своих руках по всему собранию. После чего кошма разрезывалась на мелкие куски каждым присутствовавшим тут верно-поданным в знак участия своего при избрании, и собрание расходилось по домам, расхватав при этом и уводя с собою весь принадлежащий хану скот, который немедленно заменялся ему потом сторицею оного из каждого рода, отделения и подотделения. Такого рода расхват ханского имущества назывался хан-талау, выражал честь иметь в каждом роде что-либо из имения благословенной особы и означал между прочим то, что отныне избранный будет содержаться на народном иждивении.

Обязанности избранного таким образом хана с административною властью исключительно, но с правом на судебную власть, добровольно уступавшуюся им впрочем всегда знатокам по этой части — биям, заключались в заботах об общем благосостоянии народа, в согласовании интересов разных частей его или родов, в держании оных на равной ноге, никого не допуская к насилиям и действиям, клонящемся к исключительной пользе одного из них и ко вреду всех остальных. Для чрезвычайных случаев по совещаниям и для держания народа в должном повиновении хану, назначались к нему из самого сильного по численности рода два-три влиятельнейших лица, называвшиеся ханнын-нагы, или просто нак, т. е. ханские помощники, заменявшие хану постоянное его войско, так-как по призыву и по одному мановению их руки

сходился к ним и к услугам хана весь страшный для народа числительною силою их род.

Ослушание ханской власти целым родом или отделением наказывалось вооруженною рукою, если только не являлись от них лучшие представители с повинною о помиловании и с приличными тогузами, коих число впрочем не было обязательно и зависело от усмотрения приносителей. Ханга карсылык-худайга карсылык, — говорит киргизская пословица, т. е. грубость или ослушание хану все равно, что ослушание Богу.

За ослушание, сделанное хану одним лицом, последнее вызывалось через наряженнаго на его счет жасаула и наказывалось по усмотрению хана, ограничивавшагося впрочем по предстательству пред ним за помилованием ослушника почетных родовичей последняго, всегда одним или несколькими тогузами и проведением виновнаго кругом ханского аула с надетым ему на шею куском старой закоптелой от дыма кошмы, — что называлось муйнина курум илип-аул айналдру.

Глава X

О родовых уранах и тамгах

Для различия каждым, при враждебных столкновениях разнородцев, своих товарищей, для придания им бодрости при нападениях, для выражения победы или торжества над ним, для призыва к себе на помощь родовичей при больших и серьезных драках, равно на скачках для означения принадлежности тому или другому роду бегущих — в состязании лошадей, — существуют для каждого рода особые сигнальные звуки или слова, так сказать, пароли, называемые уранами и состоящие всегда из имен или отдаленнейшего предка — патриарха рода или из имен тех позднейших предков, которые ознаменовали себя чем-либо особенным для славы родины и выдвинутыя вперед своих родовичей. В враждебных столкновениях между собою однородцев, эти названия взываются ими, или каждый призывает имя своего отделения, подотделения и т. д.

При воззвании с чьей-либо стороны родовым ураном всякий должен откликнуться на него душою и всеми чувствами благороднаго патриота.

И действительно ни один из существующих обычаев не свят для киргиза, как его уран, с неимоверною быстротою собирающий всех родовичей и даже против друзей, приятелей и сватьев их в другом роде. Как заслышал киргиз призыв родного ему урана он забывает всякие личности и пренебрегает самым сильным чувством вражды к тому, кто призывает его священным и дорогим для него именем почти обоготворяемого им предка.

Общий для всех киргизов без различия их юза и родов уран есть алач, употребляемый ими в деле с иными нациями; а общий для всех родов кчи-юза или малой орды уран — тулпар. Затем родовые ураны следующие: султанский — аркар; аргынский — аманджол; кипчакский — уйбас; кирейский — бошибай; яппаский — баймурат; чумекейский — дёйт; джагалбайлинский — манатау; табынский — тостаган; таминский — карабура; чиклинский — бактыбай; дюрткаринский — аиртау; карасакальский — алдамжар; адаевский — бекет; иссыковский — байтерек; черкесский — шаграй; чумичлинский — барак; бершевский — агытай; исентемировский — алдонгар; байбактинский — даукара; мас-

карский — каратай; таинский — тана; алачинский — байбарак; тазларский — бакай; кетинский — майлибай; Немногочисленный род ходжей, рассеявшихся также, как султаны, по всем родам киргизов и составляющих, по происхождению их от пророка Магомета, киргизское духовенство, — избрало для себя ураном совершенно приличное происхождению и духовному сану их слово: алла — Бог.

По сему различию в уранах 3-х главных сословий киргизского народа, т. е. султанов, ходжей и простых киргизов — казак, принято говорить: аркар-уранды тюре или султан, алла-уранды ходжа и алачуранды казак.

Для необходимого различия принадлежащего каждому роду скота при частых между киргизами спорах о какой-либо скотине каждый из них должен выжигать на левом бедре всякого домашнего животного особые данные каждому роду знаки, называемые тамгами, и начерчиваемые также при безграмотности киргизов на бумагах вместо подписи.

Первая из этих тамг, называемая хан-тамга, т. е. ханская тамга, принадлежит султанам и обозначается так

За нею тамги других киргизов, кочующих в Оренбургской области:

Аргынского рода, тюмень-чиклинского племени называется куз-тамга, т. е. на подобие глаз с чертою от одного из них вниз.

Аргынского рода, югары-чиклинского племени тоже куз-тамга с чертою вверх.

Кипчакского рода называется алип-тамга, т. е. на подобие элифа — первой буквы арабско-персидско-татарской азбуки.

Кирейского рода чилик-тамга, т. е. на подобие чилижных ветвей.

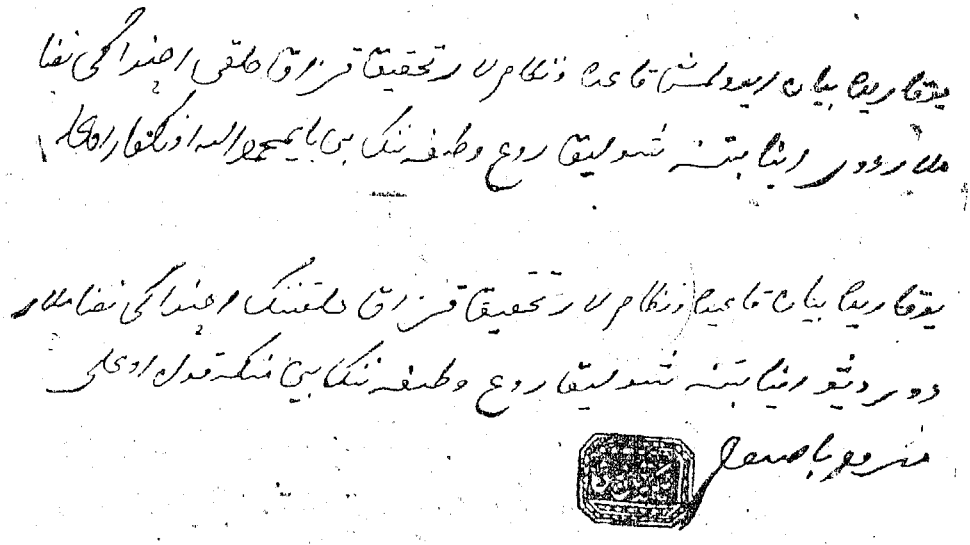
Яппаского рода называется анр-тамга, т. е. на подобие вил, и т. д.

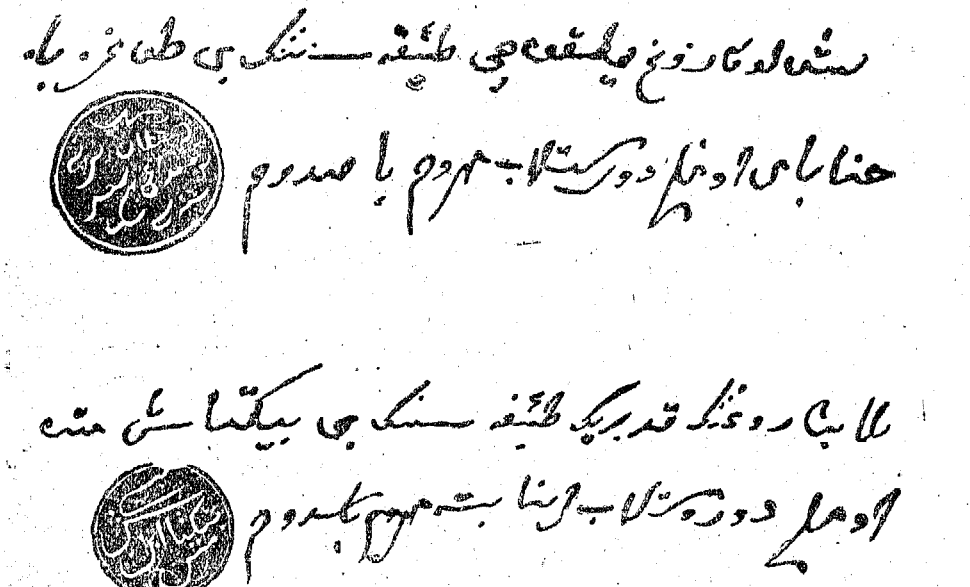
Глава XI

О том, в каких случаях руководствуются киргизы, при решении дел правилами шаригата

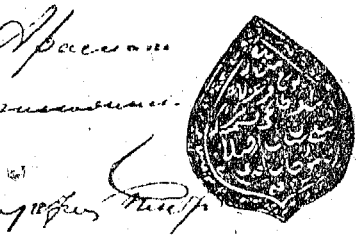
Из всего приведенного в сем сборнике обычаев видно, что некоторое применение киргизов к правилам шаригата начинается в весьма немногих еще случаях брачных споров, именно в отношении права выбора вдовами себе мужей. Затем, кроме этих случаев, правилами шаригата руководствуются киргизы в тех лишь исключительных случаях общежития, которые не предусмотрены предъидущими поколениями и относительно которых позднейшее потомство не получило от первых никаких преданий или правил решения. Во всем-же остальном киргизы руководствуются коренными своими обычаями, в которых особенно за-

служивают внимание: правила благотворительности, гласность и публичность суда, примирительный дух оного, принятая в оном система заступничества за истца и ответчика их родовичей, напоминающих защитников в европейских судах, и отсутствие телесного наказания, заменяющегося у киргизов аипами или штрафами на имущество.[1]





[1] Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества, вып. II, стр. 45 — 167, Казань, 1871 год.



СТАТЬЯ И. А. КОЗЛОВА «ОБЫЧНОЕ ПРАВО КИРГИЗОВ», ОПУБЛИКОВАННАЯ В 1882 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Иван Александрович Козлов, коллежский ассесор, младший чиновник особых поручений, служил в Акмолинском областном управлении секретарем областного статистического комитета.

Статья его «Обычное право киргизов», согласно его примечанию к ней, написана на основании изучения судебных решений биев и в результате использования трудов Самоквасова, Загряжского, Баллюзека и сочинений Левшина, Красовского, Мейера и др.

Главная ценность статьи И. А. Козлова состоит в том, что она составлена на основании изучения им судебной практики бийских судов, но наличие в ней небольшого количества фактического материала придает ей значение вспомогательного источника для сравнительного изучения казахского обычного права начала и конца XIX века.

Кроме этой статьи, опубликованной в «Памятной книжке Западной Сибири» (г. Омск, 1882 г.), И. А. Козлов составил «Памятную книжку Акмолинской области на 1887 г., адрес-календарь», изданную Акмолинским областным правлением в 1887 году.

И. КОЗЛОВ

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КИРГИЗОВ[2]

Общие основания киргизского суда

Прежде всего киргизский суд — народный суд, понимаемый в том смысле, 1) что решения его основываются на народных юридических обычаях и 2) что органы его — бии выбираются народом из своей среды. В сознании народном звание бия принадлежит тем немногим, которые, отличаясь безукоризненною честностью, с природным умом соединяют глубокие познания в коренных обычаях народа. Бий есть живая летопись народа, юрист или законовед его. Далее, киргизский суд — гласный, публичный, совестный и мировой. Гласность суда обусловливается его публичностью, а последняя основывается на стариннейшем обычае родовичей защищать интересы своего сородича. Проигрыш последним дела в споре с чужеродцем относится как бы к нечести и сраму целого рода. Поэтому всякое, более или менее важное дело, даже между отдельными личностями, становится всегда делом общественным, обсуждаемым всенародно и с самой строгой справедливостью, свойственной всякому публичному суду киргизов. Система заступничества до того развита у киргизов и считается ими таким добродетельным подвигом, что в деле двух одноотделенцев, остальные в этом отделении

[1] От составителей.

[2] Настоящая статья составлена на основании судебных решений биев и сообразаясь с трудами по обычному праву киргизов Самоквасова, Загряжского и Баллюзека, а также с сочинениями Левшина, Красовского, Мейера и др.

лица принимают каждый сторону того, который одного с ним подотделения; в споре двух однородцев прочие родовичи группируются каждый около своего одноотделенца, при чем то отделение, которое стоит в равных родственных отношениях с тою или другою из спорящих сторон, остается нейтральным, стараясь по возможности примирить тяжущиеся стороны.[1] Публичность суда объясняется отчасти и громаднейшим, доходящим до назойливости, любопытством киргизов, при своей однообразной и почти бессодержательной жизни, невольно интересующихся всяким, сколько-нибудь выдающимся событием.

Но самыми светлыми сторонами киргизского суда являются постоянное обращение его к совести тяжущихся лиц и дух примирения, господствующий почти в каждом решении его. Эти два начала выражаются в следующей шаблонной форме судебного решения: если ответчик не сознается и никаких юридических доказательств нет, бий постановляет, чтобы он выдал на присягу, по выбору истца, одного из своих однородцев, хорошего поведения и не находящегося с ним во вражде, с тем, что если избранный примет присягу, ответчик освобождается от суда, а если не примет, присуждается ко взысканию; если же стороны желают решить дело миролюбиво, по родственному (на корындас), то ответчик присуждается к половинному взысканию. Право выдать присяжного или решиться на карындас предоставляется ответчику. Такова обыкновенная форма бийского постановления. В ней обращает на себя особенное внимание принятие присяги не самим ответчиком, а его родственником[2].

Обычай этот вытекает из серьезного значения присяги, которая называется по-киргизски жань-берю, т. е. душедаяние. Если ответчик виновен в каком-нибудь значительном преступлении, то присяга принятая им, не может иметь значения по тому предположению, что ему, как порочному лицу, ничего не стоит принять ложную присягу и заклясти свою душу; а потому со стороны заведомого вора или человека легкомысленного присяга не выдается никогда ни лично, ни чрез посредство других лиц. На этом основании, за исключением последнего случая, присяга выдается, обыкновенно, за ответчика, его родственником.[3] Такой обычай имеет еще то практическое значение, что лицо, избранное для принятия очистительной присяги, или джанга-устамган, т. е. взявший на душу, невольно принимает на себя роль домашнего

[1] По такой естественной группировке родовичей на суде, можно предположить, что существующая ныне у киргизов, часто применяемая форма третейского суда, когда обе стороны избирают каждая особого бия и, по взаимному соглашению, ставят между ними посредника, есть вероятное изменение существовавшего у них обычая, по которому тяжущиеся стороны выбирали в судьи по одному лицу из каждой группы.

[2] Сам ответчик принимает присягу, когда он прежде пользовался репутациею честного человека, а также по маловажным искам и по преступлениям наиболее личным, каковы: изнасилование и др. личные оскорбления, или же когда истец, особенно если он из другой волости или уезда, не знает, кого выбрать на присягу (в таком случае бий назначает иногда присяжным какое-либо должностное лицо в ауле ответчика, например, аульного старшину). По делам маловажным, ответчику предоставляется очистить себя присягою лично в том предположении, что он не станет заклинать свою душу из-за пустяков; что же касается преступлений наиболее личных, то, в большинстве случаев, они совершаются под влиянием аффектов, а потому могут быть совершены иногда и таким человеком, который отличался до того времени вполне безукоризненным поведением; а потому постороннее лицо, избранное для принятия за ответчика очистительной присяги, основываясь на хорошем поведении последнего, может сделать иногда ошибочное заключение о его невиновности и принять таким образом ложную присягу.

[3] За обвиняемого в двух преступлениях очистительная присяга принимается иногда двумя лицами.

между-родственного над ответчиком следователя, которому открытие истины, по родственному отношению его с ответчиком, всегда доступнее, чем всякому постороннему. Получив приглашение родовича к принятию за него присяги по известному делу, он, чтобы, в случае виновности ответчика, не быть клятвопреступником, а в случае безвинности его — виновником незаслуженного им наказания, прежде нежели решиться на принятие присяги или на отказ от нея, приступает к исследованию дела, для чего и дается ему срок (от 1 недели до 1 месяца и более), в продолжение которого он убеждается, чрез распросы, а иногда и чрез присягу ближайшей ответчику родни, в степени его вины или безвинности и только после строгих розысков или разведываний, смотря по открывшимся последствиям, решает: принять или не принять ему присягу.

В некоторых делах (обыкновенно в гражданских — по долговым обязательствам), обычная форма судебного решения несколько изменяется так, что присягу (подтвердительную) принимает истец или лично, или чрез одного из своих родственников, по выбору уже ответчика,[1] смотря по важности дела.

Что касается решения дела на карындас, то обычай этот установился с давних времен, когда суду всегда должно было предшествовать непременное убеждение, чрез посторонних, присутствующих тут, почетных лиц, чтобы тяжущиеся, как сыны одной народной семьи «казак», не предавались тяжбе и, не доводя дела до суда, разделались бы полюбовно. В настоящее время, решение дела на карындас практикуется весьма часто, главным образом, когда, по отсутствию в деле юридических доказательств, не представляется возможным восстановить действительное отношение сторон. По различным взысканиям ответчик присуждается, обыкновенно, к уплате $^1/_2$ иска, и, вероятно, по следующему соображению: иски в большинстве случаев бывают бездоказательны; а так как обязанность доказывать иск лежит на истце, то он, если иск его действителен, лишается половины следуемого ему, как бы в наказание за то, что не представил суду доказательств правоты своей претензии.

О преступлениях и наказаниях

Основа взаимных людских отношений неизменна. Она кроется в человеческом чувстве: потребность, привычка, страсть суть постоянные факторы, создающие их; меняются только идеи, направляющие волю и устанавливающие норму этих отношений. Усвоение нравственных идей расширяет понятия справедливого и несправедливого и представляет возможность провести более точную границу между ними. О гражданской и уголовной неправде, так строго различаемой юристами, киргизы имеют понятие неразвитое и по содержанию, и по форме. Преступления, по существу своему уголовные, как например кража, таковыми у них не считаются и дела по кражам, возникающие всегда по частному иску («такой-то украл лошадь и не возвращает»), прекращаются иногда соглашением или примирением тяжущихся сторон. Потерпевший всегда называется истцом, а обидчик — ответчиком. Каждое преступление имеет личный характер и виновный должен заплатить потерпевшему известный штраф (аип), как выкуп за существовавшее прежде право

[1] Выбор лица для принятия присяги всегда предоставляется противной стороне на том основании, что предоставление каждому выбора лица из собственных родовичей дало бы ему возможность избрать такое лицо, на которое он вполне мог бы рассчитывать.

возмездия (jus talionis); так что у киргизов, строго говоря, почти нет никаких наказаний за преступления и вместо лестницы наказаний у них существует лестница штрафов, начиная от чопана или тона, — простого халата или шубы и кончая куном: полным (1000 баранов, 100 лошадей или 50 верблюдов), полагавшимся прежде за убийство мужчины и половинным — за убийство женщины.

Наиболее важные преступления, как-то: убийство, разбой, грабеж, поджег и пр. рассматриваются общими уголовными законами Империи, а потому обычные правила решения дел по этим преступлениям составляют теперь уже предмет исторических исследований. Остальные же преступления: оскорбления чести, побои, воровство, мошенничество и проч. облагаются следующими штрафами:

1) Чопан или тон, халат или шуба и

2) Ат-чопан или ат-тон, лошадь и халат или шуба налагаются за незначительные проступки, как например, оскорбление чести, легкие побои и проч.

3) Муйнуке-кусак, Кутуне-Теркау, привязка или придача к шее и хвосту покраденного скота двух однородных с ним животных, взыскиваемая с вора в пользу истца сверх возвращения ему покраденного или стоимости онаго.

4) Тогус (девять штук скота), имеющий различные названия смотря по тому, из какого скота составлен он. Назначается за более важные личные оскорбления (напр. изнасилование), тяжкие побои, подлог и др. и

5) От $^1/_{10}$ до $^1/_3$ части куна — за разные телесные повреждения.

Кроме вещевых штрафов в последнее время у киргизов начали входить в употребление денежный штраф (обыкновенно 3 р.), арест (от 3 до 30 дней, при волостном управителе или при уездном управлении) и розги (до 25 ударов) — за проступки особенные, можно сказать, не народные, как находящиеся в связи с новым гражданским устройством киргизов, каковы: нарушение благочиния, недача подвод, сопротивление властям и пр.

ПРИМЕЧАНИЕ: Дети и старики телесному наказанию не подвергаются.

1. О богопочитании

В виду того религиозного индиферентизма, которым отличаются вообще киргизы, не сделавшиеся фанатиками, не смотря на все старание мулл и заезжих потомков Магомета (ходжей), приведенные в сборнике Самоквасова, строгие правила, ограждающие, страхом смерти и лишения имущества, неприкосновенность веры и религии киргизов, в действительности не имели и не имеют места: они существовали только в воображении представителей магометанского духовенства, которые в числе прочих лиц, приглашенных дать свои показания специальной комиссии гр. Сперанского, составлявшей сборник обычного права сибирских инородцев, дали ей показания не о киргизском, а о магометанском богопочитании. В подтверждении сказанного можно сослаться во 1-х, на сборник юридических обычаев оренбургских киргизов; в этом сборнике, не смотря на всю его подробность, нет ни одного правила, которым определялось бы отношение киргизов к предмету веры, и во 2-х, — на следующее дело, единственное в своем роде, бывшее в рассмотрении одного бия Акмолинской области и указывающее на индиферентное отношение киргизов к священным предметам: по прочтении присяги, мулла дал ответчику поцеловать слова корана; ответчик же, выхватив коран из рук муллы, начал бить им последнего

по голове, при чем разорвал книгу. Дело это, собственно о изорвании книги, окончившееся примирением муллы с ответчиком, нисколько не говорит о святости присяги, принятой по алкорану.

Несомненно, что у киргизов существует самобытное представление о Боге (естественная религия) не затемненная магометанским вероучением, истины которого, как и всякой откровенной религии, требуют известного умственного развития, для того чтобы быть понятыми; большинство же киргизов, по совершенному почти отсутствию у них грамотности, пребывает в полном невежестве.

2. О суде и судьях

Настоящее устройство народного суда у киргизов Акмолинской области определено положительным законом: во Временном Положении об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, в § 135 и след. говорится, что для решения дел между киргизами, как уголовных, подлежащих народному суду, так и всякого рода тяжб и исков, в каждой волости выбирается от 4 до 8 биев, которые единолично могут решать дела, не превышающие 300 руб.; для решения же дел более 300 руб., назначаются периодические волостные съезды биев. Кроме того, для решения дел между несколькими волостями одного или разных уездов созываются чрезвычайные съезды биев. Тяжущиеся стороны, для разбора своих дел, по обоюдному соглашению, могут обращаться, помимо утвержденных биев, к русскому суду или к другим доверенным лицам, решение которых, как имеющее характер третейского суда, окончательно.

1. Истец и ответчик (в гражданском процессе), равно как потерпевший и обидчик (в уголовном), для решения своих дел, избирают, по взаимному соглашению, одного или двух биев из волости ответчика; или же обе стороны выбирают каждая особого бия и, по взаимному соглашению, ставят между ними посредника, который может быть и не из биев. В выборе судей и в подчинении их решению стороны дают волостному управителю подписку.[1]

ПРИМЕЧАНИЕ: Последняя форма суда употребляется очень часто как в гражданском процессе (особенно по делам брачным), так и в уголовном и почти всегда, если истец другой волости.

2. По § 143 **Времен. Полож.**, ответчик из выбранных истцом биев имеет право отвести только двух. Хотя причины отвода и не указаны в положении, но можно предполагать, что они общие: взятки, родство, вражда и т. п.

3. Если сторона заявит на судью подозрение после суда, то таковое не принимается.

4. Если кто объявит на судью ложное подозрение, с того взыскивается, за бесчестие халат.

5. Если судья о бесчестии просил ложно, лишается права носить имя судьи.

ПРИМЕЧАНИЕ: Хотя буквального подтверждения этой статьи нельзя было извлечь из бийских решений, тем не менее следует допустить значение ее во 1-х, потому, что по киргизским обычаям, за умышленно ложный донос виновный подвергается наказанию, сообразно то-

[1] У оренбургских киргизов записан старинный обычай тяжущихся бросать свои плети, перед избранными судьями в знак предоставления себя в их распоряжение, — своего рода подписка или обязательство покориться чьему либо решению.

му преступлению, о котором он доносил, и во 2-х; потому, что звание судьи основывается, между прочим, и на его безукоризненной честности.

6. «Если судья решит дело неправо, отвечает Богу».

ПРИМЕЧАНИЕ: Эта статья имеет значение и теперь, потому что бий, как и всякий судья, основывающий решение дела не на писанном законе, должен решать по совести. По обычному праву (зан) киргизов Туркестанского края, если бий требовал подарки или, вследствие их, решил дело несправедливо, тогда он подвергается презрению народа, и; с лишением уважения, лишается почетного звания судьи, т. е. бия.

7. Если дело решено бием справедливо и которая нибудь из сторон представит потом новые доказательства, то оно перерешается тем же бием.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. У киргизов Туркестанского края основанием перерешения дела служит еще то обстоятельство, если поверенный которой либо стороны употребит во зло доверенность.

ПРИМЕЧАНИЕ: 2. По делам брачным, сторона, недовольная решением народного суда, может обращаться с жалобой к уездному начальнику, который и решает дело (§ 163 Времен. Полож.).

8. По § 138 Времен. Полож. бии имеют право, за решение дел, получать с виновного особый штраф (бийлык), установленный народными обычаями; штраф этот по имущественным искам не должен превышать $^1/_{10}$ стоимости иска, а по имущественным преступлениям он, обыкновенно, не превышает $^1/_{10}$ присуждаемого ко взысканию.

ПРИМЕЧАНИЕ: Если дело решается тяжущимися сторонами на карындас, то бийлык уплачивается ими поровну.

9. Исковая давность — 40 лет, если основание иска было известно с момента его возникновения.

10. Вызов ответчика и свидетелей лежит на обязанности местных киргизских начальников, причем в пользу посланного взыскивается с виновного, обыкновенно, 3 руб. (жасаул-акы), а на уклоняющегося от суда налагается денежный штраф (тоже 3 руб.).

11. Если ответчик не явится к суду в назначенное время без особых уважительных причин, то постановляется заочное решение в пользу истца.

12. Срок по повесткам к явке в суд определяется расстоянием, полагая один день на проезд 25 верст; если же кто будет требовать для принятия присяги за ответчика или истца, то для явки такового в суд назначается 10 — 15 дней. Неявка присяжного считается за отказ от присяги.

ПРИМЕЧАНИЕ: Срок для принятия присяги назначается иногда довольно продолжительный — до 3 месяцев и более, если, например, роды тяжущихся, из которых выбираются на присягу, кочуют по зимовкам в совершенно противоположных концах степи, откуда, по случаю зимы, доставление присяжных ранее лета становится невозможным.

13. В случае продолжительной болезни или смерти присяжного, выбирается другой.

14. Если обвиняемый в доносимом на него запирается, то доносчик должен выдать из своей волости одного человека достойного на присягу и, если не выдаст, то остается виновным.

ПРИМЕЧАНИЕ: Как у акмолинских, так и у оренбургских и туркестанских киргизов существует следующее правило: когда совершивший кражу не пойман на месте преступления, а открыт или узнан чрез другого, взявшего с хозяина покраденного за это открытие известное вознаграждение (сююнча), обыкновенно, не превышающее $^1/_4$ или $^1/_3$ покраденного, с обязательством доказать на вора, тогда решение подобного случая зависит от следующих обстоятельств:

а) если у оговоренного в краже лица будет найден предмет кражи, то взявший сююнчу доказчик избавляется от дальнейшей обязанности доказывать, а тот, у которого найден предмет кражи, признается виновным, если только не докажет приобретения оного у третьего лица;

и б) если же у оговоренного доказчиком лица предмет кражи не найден, равно и нет никаких следов таковой, кроме голословного обвинения его доказчиком, тогда последний, называемый бет-айгаком, т. е. личным или открытым доказчиком, должен справедливость своего оговора подтвердить присягой одного из своих родовичей, а, в противном случае, т. е. в случае не представления им присяги, ответствует вместо оговоренного сам, возвратив хозяину не только взятую им сююнчу, но и заплатив ему покраденное у него. Вследствие этой ответственности многие из тех, которые замечают нередко чью-либо кражу, не являются уже открытыми доказчиками, а остаются сырт-айгаками, или заочными доказчиками; сообщают об этом хозяину покраденного предмета лишь по секрету, с условием не выдавать его имени, с указанием на преступное лицо по секрету же и со взятием за это, тоже тайно, самого малого вознаграждения, которое обычаями не возбраняется и которое не делает его обязательным доказчиком. Явившемуся на суд со сведениями от этих заочных или тайных указчиков истцу, не обязанному открывать имени сырт-айгака, предоставляется право на очистительную присягу с того, кто оговорен последним.

3. О свидетелях

15. Хотя первая статья о свидетелях в сборнике Самоквасова и говорит, что для доказательства виновности нужно не менее трех свидетелей, лучшего поведения, но правило это, в действительности подлежит ограничению: вследствие того, что преступник старается совершить преступление, обыкновенно, без свидетелей, весьма трудно бывает найти не только трех, но и одного свидетеля. Вот почему, по киргизским обычаям, записанным в Оренбургском крае, свидетельство одного, подтвержденное присягой, получает силу полного доказательства и ответчик обвиняется. Правило это основано «на том соображении, что не только то правда и истина, что видели многие, но может быть правда и то, что видел один, особенно в отношении преступлений и пороков людей, всегда старающихся скрыть оные от всяких глаз и свидетелей. Поэтому, не давая, правда, прямого вероятия словам одного человека, но рассуждая в то же время, что и он мог быть нечаянным свидетелем тому, чему нечаянными свидетелями бывают иногда и многие, надлежит, подтвердив сомнение присягой, возвести его на степень такой же правды, каковою считается виденное многими; ибо, в противном случае, рассуждают обычаи, вышло бы то, что напр., вор имеет право безнаказанно воровать при одном свидетеле».[1]

[1] Баллюзек. Материалы по казахскому обычному праву, стр. 337. (Сост.).

16. Беспрепятственно можно допустить к присяге и свидетельству только известного по достоинствам своим в орде и богобоязливого человека, а нераспутного.

ПРИМЕЧАНИЕ: Заведомый вор, а также лицо, известное по своей «ветренности», к присяге не приводится.

17. Кто примет ложную присягу и чрез то нанесет кому либо убыток или вред, того не почитают достойным и не принимают в общество.

ПРИМЕЧАНИЕ: В рассмотренных бийских решениях нет буквального подтверждения этой статьи; но обязательность ее, всетаки, следует признать, в виду серьезного значения присяги, понимаемой киргизами, как жань-берю, душедаяние.

18. Давший ложное свидетельство подвергается или штрафу ат-чопан, или аресту до 7 дней.

ПРИМЕЧАНИЕ к ст. 17 и 18. По обычаю киргизов Туркестанского края, за ложную присягу, как и всякое ложное свидетельство, виновного, сообразно тому вреду, который мог бы он сделать невинному, если бы не открылась ложность присяги, подвергают или телесному наказанию от 25 до 40 ударов нагайкой, или взысканию штрафа от 1 до 9 тогусов в имущественных делах. Присужденный штраф идет в пользу лица, ко вреду которого дано было ложное свидетельство, или принята была ложная присяга.

19. При равном числе свидетелей со стороны истца и ответчика, наилучшими из них признаются те, которые известны в добром поведении и честной жизни.

20. Свидетельствовать на суде не могут, а след. подлежат отводу: женщины, малолетние (ниже 15 л.); люди дурного поведения и уличенные в лжесвидетельстве; работники и слуги; лица, на которых заявлено противной стороной уважительное подозрение (взятки, родство, свойство, дружба или вражда); лица, знающие о преступлении только по слуху; а также все, прикосновенные к делу.

ПРИМЕЧАНИЕ: Эта статья подтверждается вполне обычаями оренбургских и туркестанских киргизов, кроме того только, что у последних женщины в делах посторонних им людей, и люди дурного поведения могут свидетельствовать, но свидетельства их не имеют полной силы доказательства и принимаются биями в соображение при других обстоятельствах.

21. Если свидетель не явится в суд для свидетельства, то тот, кто ссылался на него, обязан выставить другого; в противном случае, если не выдаст никого на присягу, или сам не примет таковой, обвиняется в иске.

22. Если ответчик сошлется на истцова отца и брата, или истец сошлется на ответчикова отца или брата, то оные в свидетели принимаются.

ПРИМЕЧАНИЕ: Эта статья подтверждается вполне обычаем туркестанских киргизов, по которому родственники, не допускаемые к свидетельству друг за друга, допускаются к полному свидетельству друг против друга: сын против отца, жена против мужа и т. д.

23. Иностранцы к свидетельству по киргизским делам допускаются.

ПРИМЕЧАНИЕ: У киргизов Туркестанского края свидетельство инородцев не имеет полной силы доказательства.

24. Показания свидетелей могут быть подтверждаемы присягою.

ПРИМЕЧАНИЕ: У оренбургских киргизов свидетельство почетных ордынцев имеет полную силу доказательства и без присяги; свидетельство же простых ордынцев без присяги не принимается. Отказ свидетелей от присяги считается доказательством виновности той стороны, которая ссылалась на этих свидетелей.

25. Если по одному делу несколько свидетелей, то присягу принимает один из них, по выбору противной стороны, или же другое лицо за них, по выбору этой стороны, или по назначению бия; если же свидетель один, то показание его подтверждается присягою кого либо из родственников его, по выбору противной стороны.

4. Семейное право

О браке

а) Сватовство

26. Брачные дела рассматриваются на суде, обыкновенно, в присутствии выборных с той и другой стороны.

27. Возраст для вступления в брак — 15 лет.

ПРИМЕЧАНИЕ: Киргизы — друзья, не будучи еще отцами, условливаются часто скрепить свою дружбу браком будущих детей и вступают между собою в сватовство иногда за 30 лет, хотя состоявшееся таким образом сватовство часто и разрушается потом, когда невеста, пришедшая в возраст, отказывается почему-либо выйдти замуж за своего нареченного.

28. Желающий вступить в брак с девушкой должен испросить на это официальное позволение у родителей или опекунов ее.

29. Испрашивание этого позволения производится чрез сватовство (куда тюсер).

ПРИМЕЧАНИЕ: Сватами бывают родители, братья или опекуны жениха и невесты. Обряд сватовства состоит, между прочим, в том, что явившиеся со стороны жениха послы (кудалар), в числе 3 — 10, избранных родителями жениха из своих ближайших родственников или друзей, угощаются родителями невесты особым кушаньем, специально для них приготовляемым из кусков бараньего курдючного сала и печенки (куйрюк-баур).[1] Затем со стороны невесты также отправляются послы к родителям жениха, которые угощают их тем же кушаньем и посылают с ними калым.

30. Родители жениха платят за невесту родителям ее калым, состоящий из 9, 17, 27, 37 и 47 голов разного скота, смотря по состоянию жениха.

ПРИМЕЧАНИЕ: Калым состоит из разных частей: бас-жакcы (главная) — самая ценная часть; кара-мал — собственно калым; илю — плата жениха за первое посещение им невесты (калымдык-ойнауга, или урун-килю у оренб. киргиза) и туй-мал — все, потребное для свадебного праздника, которым сопровождается венчание. Величина туй-мала соразмеряется с приданым невесты.[2] Кроме того жених платит

[1] На суде показание свидетеля о том, что такой то угощал такого-то курюк-баур, есть непреложное доказательство сватовства.

[2] Эта часть калыма имеет существенное значение: с уплатою ее кончается брачный договор и невеста делается окончательно женою, так что если даже жених умрет после уплаты туй-мала, то невеста должна быть отослана к его родителям.

невестиной матери за молоко (сют-акы) и другим лицам множество мелких подарков (каде).

При обоюдном сватовстве, когда например, жених высватывает у кого нибудь сестру, с тем, чтобы выдать за него свою сестру, калым не платится.

31. По уплате калыма, родители невесты обязаны выдать ее жениху немедленно с приданым, состоящим из кибитки (утау), верблюда или верховой лошади и другого скота, головного убора невесты (саукеле) заменяемого у бедных головным убором женщины (жаулук), постели с разным прибором (тусек-орын) и сундука с различною одеждою и другими вещами (жасау).

ПРИМЕЧАНИЕ: После выхода невесты замуж приданое должно быть выдано уже не вещами, а скотом — лошадь за лошадь верблюд за верблюда.

32. Если невеста умрет, или откажется от жениха, или родители выдадут ее за другого, последние обязаны выдать жениху вторую, никем не просватанную дочь, а в случае неимения таковой, возвратить калым и, кроме того, за посрамление жениха отказом, штраф от 1 до 2 ат-чопанов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Отказ невесты от выхода замуж мотивируется: или слабым здоровьем жениха, или дурным поведением или бедностью его, или, наконец, просто нежеланием невесты, которая, по достижении ею 23 лет, в некоторых местностях имеет право выхода в замужество по своему усмотрению. При выдаче второй дочери вместо первой и при возвращении калыма принимается в соображение, не имел ли жених свидания с прежней невестой: если имел, то в первом случае жених должен доплатить в калым, а во втором — родители невесты удерживают из возвращаемого калыма 1 тогус или $^1/_2$.

33. Если жених умрет или откажется от невесты, то родители его должны взять невесту за другого сына, заплатив, во втором случае, родителям невесты штраф (например, верблюда); если же после умершего жениха братьев не осталось, то родители невесты возвращают калым или весь, или с удержанием части его, смотря по тому, имел или нет жених свидание с невестой.

б) Взаимное отношение супругов

34. Киргиз может иметь несколько жен, обыкновенно, не более четырех в одно время. Так как между женами, из коих одна старшая (байбиче), часто бывают ссоры, то обиженной выделяются юрта и скот.

35. На дурное обращение мужа жена или ее родственники жалуются биям, которые, если найдут жалобу их справедливою, обязывают мужа подпискою содержать жену порядочно, а иногда и присуждают его к наказанию розгами.

в) Прекращение брака

36. Брак прекращается или разводом супругов, или расторжением брака или смертью одного из супругов.

1. Развод супругов

37. Основанием для развода супругов служат:

а) взаимное соглашение супругов. Муж предоставляет жене право

выйти замуж за другого, с тем чтобы последний уплатил ему калым с убытками.

ПРИМЕЧАНИЕ: Предоставляемое право облекается в форму юридического акта, называемого талак-кагаз (разводная бумага). Если жена уходит к своему отцу, то последний возвращает ½ калыма, при получении дочери, а другую ½, по выходе ее замуж;

б) согласие мужа на просьбу жены дать ей разводную бумагу за известный выкуп, или за приданое;

в) нежелание мужа иметь жену, которую он уступает иногда другому за условленный калым,

г) если калым не плачен, то жена имеет право оставить мужа;

д) неуважение и непочтительность жены. Отпуская жену, муж снабжает ее частью приданого, надевает на нее халат и садит на лошадь:

е) прелюбодеяние жены. Приданое остается у мужа.

ПРИМЕЧАНИЕ: При дозволении жене разойтись с мужем, ей дается иногда судом срок (от 10 до 30 дней), в течение которого она непременно должна выйти замуж за кого-либо и, если не выйдет, то должна остаться у прежнего мужа.

2. Расторжение брака

38. Брак расторгается:

а) по бедности мужа; если жена жалуется, что муж не в состоянии содержать ее;

б) по физической неспособности мужа; жене предоставляется право выйдти замуж за деверя или за другое лицо;

в) по несовершеннолетию супругов;

г) по жестокому обращению мужа.

ПРИМЕЧАНИЕ: По означенным причинам жене предоставляется судом право к выходу замуж по ее усмотрению, с тем, чтобы будущий муж ее уплатил бывшему калым. Приданое идет за женою.

3. Смерть одного из супругов

39. Прежде у киргизов строго соблюдался обычай наследования жен: по смерти мужа, старший брат его обязан был жениться на его вдове. В настоящее время этот обычай потерял значительную часть своей обязательности и вдова, хотя остается у родственников покойного мужа, но никто из них не смеет принуждать ее к выходу замуж ни за себя, ни за другого. Если вдова бездетна и не желает быть женою своего деверя, то ей выделяется часть имущества; если же у нея есть дети, то она наследует все имущество покойного мужа.

40. Если вдова выходит замуж за однородца, то последний платит деверю от ат-чопана до тогуса, как бы за безчестие его тем, что она предпочла ему другого; если же она выходит замуж за чужеродца, то лишается своего приданого, остающегося у родственников ее покойного мужа, к которым поступают под опеку и несовершеннолетние дети ее вместе с принадлежащим им скотом.

Выдел и наследство

41. Говорят, что прежде наследство служило предметом нескончаемых споров между наследниками, а потому во избежание таковых,

установлен был такой обычай, что глава семейства, еще при жизни своей, выделяет известную часть имущества достигшим совершеннолетия членам его.

42. Такой раздел имущества, для устранения последующих споров, объявляется устно в присутствии почетных киргизов, или утверждается подпискою, засвидетельствованною ими.

43. Кроме членов семейства в выделе имущества могут участвовать и простые работники, если только они были складчиками в скоте, или особенно радели о хозяйских интересах.

44. При разделе жена получает $^1/_4$ часть с условием, чтобы она не растрачивала выделенного ей имущества, так как оно, после ее смерти, должно поступить к мужу.

45. Величина выдела других членов семьи зависит от состояния и усмотрения родителей, принимающих во внимание и экономическое участие выделяемых в целом хозяйстве семьи.

46. По смерти мужа, бездетная вдова получает $^1/_8$ часть имущества, а остальное идет братьям или другим родственникам покойного до пятого колена; если же остаются дети, то они считаются прямыми наследниками и наследственное имущество делится между ними так, что дочери получают по $^1/_7$, а сыновья остальное. Мать пользуется имуществом совместно с детьми, или же получает от них выдел. По малолетству детей, над ними и их имуществом учреждается опека из ближайших родственников покойного мужа или из других достойных лиц.

47. По смерти жены, если она бездетна, часть ее приданого возвращается ее родителям; если же есть дети, то оно остается у вдовца; но родители покойной получают, обыкновенно, что-нибудь на память из ее имущества.

5. Преступления против личности.

а) Оскорбления

48. Обидевший словами старшего по летам должен заплатить ему халат или испросить у него прощение, поклонившись в ноги.

49. Обида между равными по значению не сопряжена ни с каким аипом, кроме того, что обидчик должен испросить у обиженного прощение.

50. Заочная брань ни во-что не вменяется.

51. За всякую обиду и оскорбление родителей виновные дети подвергаются наказанию по усмотрению родителей.

б) Нанесение побоев, увечья и ран

52. За нанесение побоев, без увечья или ран, полагается различное наказание: денежный штраф, розги и, обыкновенно, ат-чопан.

53. За нанесение более сильных побоев, с угрозою лишить жизни, назначается ат-тон или девять малых скотин (кал-тогус).

54. За нанесение более или менее тяжких ран или увечья — девять больших скотин (каска-тогус) и лечение на счет виновного.

6. Нарушение общественной тишины и благочиния, неповиновение властям и пр.

55. За учинение ссоры, драки и вообще за самоуправство виновные наказываются или денежным штрафом (3 руб.), или розгами (до 25 ударов).

56. За открытое нападение на аул — арест до 30 дней.

57. Неповиновение властям подвергает виновного наказанию как за самоуправство.

58. За упущение арестантов — 3-х дневный арест и 3 руб. штраф, а за пристанодержательство — наказание розгами.

7. Преступления против брака

59. Виновный в изнасиловании непросватанной девицы обязан, по согласию родителей ее, жениться на ней, уплатив им условленный калым и, за бесчестье, 1 тогус.

60. Виновный в изнасиловании просватанной девицы обязывается заплатить жениху калым.

ПРИМЕЧАНИЕ: По обычаю киргизов Туркестанского края виновный в этом, сверх калыма, должен уплатить жениху еще от 3 до 5 тогусов; если жених обесчещенной откажется взять ее в жены, то первый обязан жениться на ней, выплатив за нее родным ее условленный калым.

61. Виновный в изнасиловании замужней женщины платит мужу от 1 до 3 каска тогусов.

62. «Доказательства в насилии должны быть следующие: обиженная должна тотчас объявить о том в ауле, или сделать знаки на лице виновного, или одежду изорвать на нем».

ПРИМЕЧАНИЕ: Хотя эта статья не подтверждается буквально байскими решениями, тем не менее значение ее следует допустить, в виду существования у киргизов Акмолинской области довольно странного обычая, по которому считающий себя обиженным, как бы в доказательство правоты своей претензии, обрезывает хвосты у лошадей противной стороны.

63. Увлекший чужую жену может взять ее себе в жены, заплатив бывшему мужу ее калым или высватав ему девицу, с уплатою за нее калыма.

64. За кровосмешение виновные наказываются их родственниками по домашнему.

65. Незаконнорожденные обеспечиваются содержанием отца.

66. За прелюбодеяние с просватанной девицей, с ее согласия, виновный и родители невесты должны возвратить невесту жениху и заплатить ему по калыму.

8. Кража и грабеж

67. Предметом кражи у киргизов служит почти исключительно скот, как единственное их богатство, а так как кража у них почти не считается преступлением, то наказание за нее заменяется взысканием скота же.

68. Лицо, у которого опознан чужой скот и который ссылается на

приобретение его чрез покупку, должно указать свидетелей этой покупки; в противном случае, обвиняется.

69. Виновный в краже возвращает или меньшее (такие примеры были, когда истцы другой волости), или равное покраденному (если виновный сознался), или же с прибавлением по скотине к шее и хвосту покраденного скота (если вор пойман с поличным). Обыкновенно, сверх возвращения покраденного, виновный должен вознаградить хозяина за убытки, причиненные пропажею вещей и розыском их.

70. Пойманный в краже во второй раз подвергается еще телесному наказанию.

71. Заведомый вор отдается под надзор общества и может быть лишен его покровительства.

72. Если вор не имеет средств для уплаты взысканий, следующих с него за произведенные им кражи, то за него должны платить ближайшие родственники и даже родовичи.

ПРИМЕЧАНИЕ: По бедности, виновный иногда прощается, с отдачею на поруки благонадежным лицам.

73. Если кто присвоит найденную вещь или пригульный скот, тот считается виновным, как настоящий вор.

74. Иск покраденного, отнятого или ограбленного распределяется на всех участвовавших в преступлении, сообразно их вине, а отчасти и экономической состоятельности.

75. Ограбивший кого-либо на пути вооруженною рукою, сверх возвращения ограбленного, лишается своей лошади и оружия, для того, чтобы пеший он не мог производить более грабежей. Отобрание из под грабителей лошадей называется кондас. Отобранные лошади делятся на три части: одна — в штраф, другая — истцу за бесчестие и третья — биям.

9. Землевладение киргизов

76. Земли занимаемые киргизами, считаются государственными и предоставлены им в общественное пользование.

77. Оне делятся на зимовые стойбища (кыстау) и летние кочевья (джайляу).

78. Пользование теми и другими основано на родовом праве.

79. Распределение земли между хозяйствами производится съездом выборных, соразмерно количеству скота в каждом хозяйстве.

80. Нестесняемое пользование землей обеспечивается подпискою соседних землевладельцев. Кроме того, для предупреждения споров из-за урочищ, ставятся условные знаки на границах их.

81. Всякие поземельные споры решаются выборными, которые для доказательства действительной принадлежности земли, прибегают иногда к присяге тяжущихся сторон.[1]

[1] Памятная книжка Западной Сибири, 1882 г., Омск.

МАТЕРИАЛЫ ПО КАЗАХСКОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ СЕМИПАЛАТИНСКИМ ОБЛАСТНЫМ СТАТИСТИЧЕСКИМ КОМИТЕТОМ В 1886 ГОДУ

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

В марте 1882 года генерал-губернатор Западной Сибири разослал уездным начальникам Семипалатинской области программу для собирания юридических обычаев казахов Западной Сибири с требованием собрать ответы на предложенные в программе вопросы. Скоро в Семипалатинский статистический комитет поступили ответы из Семипалатинского, Павлодарского и Каркаралинского уездов, и они послужили основным материалом для сборника, составление которого было поручено почетному члену статистического комитета Петру Емельяновичу Маковецкому.

В предисловии к данному сборнику отмечается: «Сведение означенных выше трех сборников встретило однако значительные затруднения, вытекающие главным образом из того, что собиратели различно поняли возложенные на них задачи и эти затруднения, потребовавшие кое-каких дополнительных работ, затормозили самое издание.

Главным препятствием были многочисленные противоречия между всеми тремя сборниками. Так, в самом лучшем из сборников по Каркаралинскому уезду, рядом с точными и подробными указаниями существовавших обычаев встречались многочисленные ссылки на древние обычаи, причем первые не всегда были отделены от последних; составитель сборника по Семипалатинскому уезду собрал в одно древние и современные обычаи, правила, заимствованные из Корана и нововведения Временного положения об управлении в Степных областях; что же касается Павлодарского уезда, то весь отдел о семейном праве составлен на основании правил шариата, примененных к киргизской жизни муллой Якия (кирг. Джакай), но никогда не входивших в употребление между киргизами. Столь различное отношение трех сборников вызвало необходимость проверки их и пополнения всего материала, что и было сделано составителем посредством устных распросов в степи и путем изучения подлинных решений биев».[2]

После этого печатание сборника было разрешено Семипалатинским областным комитетом 8 октября 1885 года.

Что именно было сделано П. Е. Маковецким, как были исправлены первоначальные материалы, в настоящее время установить невозможно. Ясно лишь то, что Маковецкий как чиновник царского правительства подходил к материалам по обычному праву казахов со своей субъективной точки зрения и возможно исключил и подправил много фактического материала, изучение которого в настоящее время представляло бы большой интерес.

При ознакомлении с этими материалами обращает на себя внимание повторение многих положений, имеющихся в сборнике обычного права, опубликованном Баллюзеком в 1871 году, что наводит на мысль

[1] От составителей.

[2] См. Маковецкий. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. I. Материальное право, 1886 г. Предисловие.

о простом заимствовании некоторых положений у последнего, например, изложение разделов: заключение брака,[1] отношения между свекром и невесткой,[2] расторжение брака[3] и др. Часто встречаются повторения казахских выражений и пословиц.

Отсутствие многих правил адата в настоящем сборнике объясняется тем, что собирались материалы путем представления ответов на заранее поставленные вопросы. Но несмотря на это, сборник Маковецкого дает довольно стройную картину обычного права казахов конца XIX века и, по словам одного из виднейших исследователей казахского адата Н. К. Гродекова, «...представляет ценный вклад в литературу по обычному праву киргизов, заключая в себе указание на историческое происхождение некоторых обычаев, на влияние шариата и русских законов; кроме того, в книге собраны варианты обычаев по местностям и обстоятельствам дела, введен критический разбор, объяснения и прочее».[4]

Работа Маковецкого была продиктована необходимостью детального изучения царизмом своей обширной колонии для ее быстрейшего освоения и более полной эксплоатации.

Превращение «Временного Положения об управлении в степных областях» 1868 г. в постоянно действующее положение и издание дополнительного законодательства царской России требовало проведения работы по собиранию норм казахского адата и исследования этих норм, что и было сделано Маковецким.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЫЧАЕВ КИРГИЗОВ

Выпуск I

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

I. Семейное право

Брак

Современный киргизский брак представляет весьма сложный институт, в котором отдельныя, историческия наслоения, образовавшиеся в значительной части под влиянием внешних обстоятельств до настоящего времени не успели слиться в одно стройное целое. Не говоря уже об остатках первобытных форм, как увоз невесты, проглядывающих в отдельных свадебных обрядах и о развитии обычаев, касающихся брака в период киргизской самостоятельности, здесь укажем на влияние корана и начал I ч. X т. Св. З. Первое, т. е. влияние корана, распространяется среди киргизов, благодаря муллам и появляющимся от поры до времени в степи ходжам. У киргизов каждый грамотный магометанин может заменить муллу и, благодаря тому, что он приобретает свои

[1] См. Баллюзек, стр. 175 настоящего сборника и Маковецкий, стр. 245 настоящего сборника.

[2] См. Баллюзек, стр. 181 настоящего сборника и Маковецкий, стр. 251 настоящего сборника.

[3] См. Баллюзек, стр. 185 настоящего сборника и Маковецкий, стр. 257 настоящего сборника.

[4] Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1889 г. Предисловие, стр. 4.

знания из корана, заменяет священника вполне в духе магометанского закона и правил, установленных кораном.

Влияние русское, начавшееся гораздо позже влияния магометанства, выразилось и продолжает выражаться не столько в отдельных правилах или положениях, сколько во введении новых принципов диаметрально противоположных исконным взглядам киргизов. Сюда мы относим прежде всего принцип уважения к женщине, к ея праву свободно распоряжаться личностью своею, заключать брак по своему выбору и отказываться от мужа, навязываемаго ей, по обычаю, родом.

Ограничиваясь этими немногими общими замечаниями, отложим более подробное указание на влияние внешних элементов, т. е. корана и 1 ч. X т. до описания отдельных правил и обычаев, к которому и переходим.

Заключение брака

По древним обычаям, установленным, как говорит предание, при хане Тауке, брачный возраст для мужчин определялся в 15 лет, а для женщин в 16. Установление более позднего возраста для женщин вызывалось особенностью киргизской семейной жизни, в которой, как известно, все заботы по хозяйству и тяжесть домашних работ падают на женщину, почему от последней требуется большая степень умственной и физической зрелости. С течением времени обычай этот утратил обязательную силу и теперь у киргизов не существует определенного возраста, ранее котораго вступление в брак не допускалось бы, точно так, как не определяется крайний предел для этого. Ранние браки вызываются различными побуждениями: желанием породниться с влиятельным родом, получить калым, иметь (у бедных) лишнюю работницу в семье и т. п.

Необходимо также различать древний и новый обычай по отношению к степеням родства и свойства, в которых брак запрещается. Между тем, как в древнее время брак запрещался между родственниками до 7-го колена включительно, в настоящее время запрещаются лишь браки между восходящими и нисходящими в прямой линии, в боковых линиях до 3-й степени включительно и затем брак на мачихе, падчерице, снохе и теще и наконец брак на сестре жены и дочери ея брата до тех пор, пока жена находится в живых. Брак между двоюродными братьями и сестрами как с отцовской, так и с материнской стороны допускается.

Браки у киргизов заключаются почти всегда по исключительному соглашению между собою родителей или старших в роде, — воле жениха и невесты в этом случае не придается никакого значения: жених и невеста иногда находятся еще в колыбели во время заключения первоначального договора сватовства. Лишь в самое последнее время, в Семипалатинском уезде, стал распространяться обычай, по которому невеста, старше жениха на 6 лет и более, не может быть принуждена выйти за него замуж против своей воли. Случаи отказов встречаются, конечно, как со стороны жениха, так и невесты, но они очень редки и влекут за собою крайне невыгодныя в материальном отношении последствия для всей семьи отказавшагося. Необходимым условием всякой киргизской свадьбы представляется сопряженное со многими и сложными обычаями сватовства, длящееся иногда 10 и более лет. Сватовство у киргизов состоит из множества отдельных актов, так сказать, укрепляющих постепенно первоначальное соглашение и возлагающих на

обе стороны постоянно увеличивающуюся материальную ответственность в случае нарушения обязательства.

Первым моментом служит соглашение между отцами жениха и невесты о сватовстве и количестве калыма, причем отец жениха обязан сделать отцу невесты подарок «каргабау». Нарушение этого соглашения влечет за собой для отца невесты — возвращение подарка и, кроме того, платеж штрафа; для отца жениха — потерю «каргабау». За предварительным соглашением следует формальное предложение, нередко отделенное от перваго соглашения многими годами (напр. если жених или невеста во время соглашения находились в колыбели или очень раннем возрасте). Формальное предложение делается через почетных сватов «кудалар», отправляемых отцом жениха к отцу невесты. Сватам делаются подарки «киит», смотря по их достоинству: чем почетнее сват, тем ценнее делаемый ему отцом невесты подарок. Самый ценный подарок делается отцу жениха, и подарок этот обязателен даже в том случае, если отец жениха не находится в числе сватов. Во время формальнаго сватовства отец невесты устраивает для сватов пир (той куда тюсер), сопровождающийся закланием белаго барана и прочтением над ним молитвы (бата), а в конце пира — едою особого кушанья «куйрюкбаур». Куйрюк-баур состоит из печени и курдючнаго сала белаго барана, накрошенных в бульон, разведенный куртом.[1] Момент заклания барана считается освящением договора, что выражается следующей поговоркой: «ак койнык каны, ак бата окуганы», т. е. пролита кровь белаго барана, прочитана чистая молитва.

Куйрюк-баур имеет символическое значение: баур, печень, означает также всех братьев, родных и двоюродных; кушая одну печень, сваты становятся как-бы братьями. Сало-же, олицетворяет скот, играющий столь важное значение в быту киргизов; указывает как-бы на обмен скотом. Юридическое значение «куйрюк-баура» состоит в том, что кушанье это, подаваемое исключительно при сватовстве, служит на суде биев непреложным доказательством сватовства. Так, в случае спора о том, имело-ли сватовство место, бии спрашивают: кушали-ли куйрюкбаур и при утвердительном ответе считают факт сватовства доказанным. Угощение куйрюк-бауром не составляет впрочем в настоящее время необходимой принадлежности сватовства; богатые и почетные киргизы, вполне доверяющие друг другу, иногда избегают угощения куйрюк-бауром.

Последствия нарушения договора сватовства после формальнаго предложения весьма тяжки для виновнаго: отец невесты лишается подарков «киит» и платит обиженному штраф от одного до трех тогузов (тогуз — девять скотин), отец жениха, кроме такого же штрафа, обязан возвратить отцу невесты стоимость всех подарков и издержки на угощение сватов.

Последним актом сватовства есть поездка отца невесты или сватов его в аул отца жениха за получением калыма или части его. Отец жениха обязан при этом случае сделать приезжим подарки, менее ценные однако, нежели подарки отца невесты, уплатить заранее условленную часть калыма и приготовить угощение. Поездки со стороны отца невесты совершаются до получения всего условленного калыма, но подарки и угощение обязательны для отца жениха только во время первого приезда свата.

---

[1] Род сыра

За невесту, со стороны жениха полагается плата, называемая калым или калым-мал. Она разнообразится, смотря по состоянию сватов и вообще по мере возростания различия в экономическом положении киргизов, замечается понижение минимальнаго и возрастание максимальнаго размеров калыма.

В прежнее время калым делился на три разряда: «домалак-крк джеты» — калым в 47 3-х летних кобыл (байтал), «отуз-джеты» — в 37 кобыл и «джигирма джеты» — в 27 кобыл. К высшему калыму, в 47 голов, полагалось две приплаты: бас-джаксы и аяк-джаксы. Приплаты эти обязательныя в случае назначения высшаго калыма (47 голов), возрастая постепенно, дошли в настоящее время — бас-джаксы до стоимости 5 верблюдов, а аяк-джаксы до стоимости 4 верблюдов. Уплачивая этот высший калым, отец жениха дает не 47 3-х летних кобыл, а 32 взрослыя лошади и 9 верблюдов. Так как 9 верблюдов равняется 45 лошадям, то целый калым равняется 77 лошадям (32 + 45) и этот калым носит особое название «джаксылы крк-джеты».

Самые богатые киргизы не довольствуются однако и этим громадным калымом и назначают ему иногда еще большия размеры, например: в 100 верблюдов.

На ряду с возрастанием высшаго калыма, замечается уменьшение низшаго его разряда. В настоящее время низшим считается калым в 17 голов — «он-джеты», но и это не всегда соблюдается и иногда случается, что бедные люди довольствуются калымом в 2 лошади. Калым поступает в непосредственное распоряжение отца невесты, сливается с остальным его имуществом и переходит после его смерти к его наследникам, как и все остальное имущество. Сама невеста никаких прав на калым не имеет. Уплачиваемый скотом или деньгами в соответствующем количестве, калым составляет гордость киргизов; чем больше калым, тем больше богатство, значение и почетность отцов невесты и жениха, которые поэтому стараются назначить по возможности высший калым. Понятно, что при таком взгляде отрабатывание калыма женихом не может иметь места. И в самом деле, случаев отрабатывания его у киргизов никогда не бывает.

У бедных киргизов случается, что жених, если у него нет родственников, переходит к тестю, присоединяет свой скот к стаду последняго и становится под его главенство, а после смерти тестя участвует в дележе наследства на правах одного из средних сыновей. Обычай этот носит название «кушкйов»; он встречается редко́ и не пользуется симпатией киргизов: «калндагы кийсуден каргасы джок тазы артык», т. е. непривязанной собакой лучше быть, чем зятем, привязанным у тестя.

Мена дочерей, для отдачи их в замужество за сыновей, встречается только у бедных киргизов. При мене за старшую делается отцу ея небольшая приплата, не превышающая 3 — 4 лошадей. Мена дочерей называется «карсы-куда», т. е. встречное сватовство.

При существующем у киргизов подчинении всей семьи главе ея и при обычае ранних браков, почти все браки заключаются лишь с согласия родителей жениха и невесты или же заступающих место родителей старших в роде, которые и получают в последнем случае калым. Побеги по тайному уговору жениха и невесты, или увоз невесты женихом считается нарушением правоваго обычая, влекущим за собою весьма чувствительную репрессию. Так, в случае побега просватанной невесты с женихом ея, отношения, касающиеся уплаты калыма не прекращаются и отец жениха обязан доплатить остальной калым, к которому же-

них доплачивает штраф от одного до трех тогузов, смотря по состоянию. К уплате калыма и штрафа приговариваются даже несостоятельные, но им делается биями разсрочка. Точно также решаются дела и по отношению к человеку, увезшему непросватанную за него девицу, с тем лишь разчетом, что в последнем случае с отца жениха, если он несостоятелен, взыскивается неполный калым.

Вообще, возбуждение дела о побеге дочери зависит исключительно от ея отца, который может простить ея, обратиться к суду биев или-же порвать всякия сношения с бежавшей, увезшим ее и родом увезшаго. Последнее вызывает родовую вражду между родами бежавших и приводит к нескончаемым барантам, искам и служит поводом для возбуждения уголовных дел.

Значение, придаваемое киргизами сватовству и сопряженные с последним значительные расходы, влияют на то, что возможность отказа женихом невесте, либо невестой жениху стеснены до крайних пределов. В сушности, поводов, узаконяющих отказ, имеется только два: неизлечимая болезнь или увечье жениха либо невесты, скрытыя перед другой стороной и ставшия известными уже после сватовства, и обман со стороны жениха, напр. когда бедный выдавал себя за богатаго.

К этим двум случаям в последнее время присоединился третий, упомянутый выше, а именно: невеста может после сватовства отказаться от жениха, который моложе ея более чем на шесть лет. Подобные случаи бывают после смерти перваго жениха, когда невеста обязана по обычаю выйти замуж за его брата. Иных поводов отказа киргизские обычаи не знают и в старину, если невеста либо жених отказывались по каким-либо причинам, кроме указанных выше, то их заставляли силой вступать в брак. Обычай этот проводился настолько последовательно, что жених должен был жениться на просватанной невесте даже в том случае, если он уже женился на другой. В настоящее время, прежний взгляд на обязательность брака после сватовства сохранился в принципе, но меры, принимавшияся для осуществления его в жизни, изменились. Грубое насилие заменилось более утонченной системой гражданских взысканий, штрафов.

По отношению к штрафам различаются два периода: первый — с возникновения сватовства до момента уплаты калыма и второй — после уплаты калыма и перваго посещения невесты женихом.

Последствия нарушения договора в первый период изложены выше; отказ-же во втором периоде, т. е. после перваго посещения «урун-келю», влечет для жениха потерю уплаченнаго калыма, для невесты-же — обязанность возвратить полученный калым и сверх того доплатить штраф до 3-х тогузов. За отказавшимися, женихом и невестой, сохраняется право вторично свататься. От перваго посещения невесты женихом — «урун-келю», которое допускается только после полной уплаты калыма, отличается еще посещение, предшествующее полной уплате калыма — «джасырын-келю» и окупаемое каким-нибудь незначительным подарком, напр. бараном. Значение этого посещения выражается в том, что оно влияет на увеличение установившагося штрафа в том случае, если жених откажется от невесты до «урун-келю».

Как на особенность киргизскаго быта следует указать на следующий случай, вызывающий довольно часто притворное сватовство и отказ от него. Богатый киргиз, у котораго барантачи угнали весь скот, или значительную часть его и который не может получить его обратно, сватается с каким-либо влиятельным человеком одного с барантачами рода и при помощи его получает скот свой обратно, после чего отказы-

вается от сватовства. Отказ считается тяжким оскорблением для другой стороны и служит весьма и весьма часто причиной продолжительной родовой вражды.

Киргизы смотрят на сватовство не как на предполагаемую связь между определенными личностями, женихом и невестой, а как на связь между двумя семействами, к которым принадлежат жених и невеста, следовательно сватовство не прекращается со смерью жениха либо невесты. В случае смерти жениха, невеста переходит к одному из его братьев, по преимуществу холостому, или при неимении таковых, к ближайшему родственнику в боковых линиях. «Ага ульседженге мурас; ат ульсе-сауры мурас», т. е. если умрет брат, то сноха — наследство; если подохнет лошадь, то шкура — наследство. Если жених посещал невесту, то после его смерти, родители невесты привозят ее в траурной повязке в аул умершаго и здесь она оплакивает покойнаго в течение года, а затем выходит замуж за брата умершаго или его родственника. Родителям умершаго жениха делаются родителями невесты утешительные подарки — «аза».

После смерти невесты, за жениха отдается ее младшая сестра, а если таковой не имеется, то — одна из близких родственниц. В случае, если оставшияся сестры в слишком нежном возрасте, то одна из них выходит замуж, за тот-же калым, за одного из младших братьев жениха, а последний вступает в новое сватовство. Калым возвращается лишь в том случае, если некого отдать вместо умершей.

Большое значение, в случае смерти невесты, имеет момент перваго посещения — «урун-келю». Жених, котораго невеста умерла после урун-келю, доплачивает за ея сестру или родственницу к калыму — в 27 голов — верблюда и лошадь, а к калыму в 47 голов 4 — 5 верблюдов. Если же некого выдать за жениха, имевшаго с умершей тайное свидание, то ему возвращается только половина уплаченнаго калыма.

Как отец жениха обязан уплатить калым, так отец невесты обязан дать за дочерью приданое «джасау». Размеры последняго однако не определяются обычаями, и стороны не заключают условия на счет приданого. Отец невесты, смотря по своему желанию, может дать приданое или более или менее против калыма. Обыкновенно люди бедные и средние дают менее, нежели получают и выдача дочери замуж составляет для них доходную статью. Богатые, в особенности потребовавшие калым свыше 77 голов, считают своею обязанностью возвратить в приданом по крайней мере всю стоимость полученнаго калыма. Все приданое в отличие от калыма, состоящаго из скота или денег, заключается преимущественно в вещах: одежде, белье, коврах, домашней утвари, юрте и т. п. К этому присоединяются лишь верховая лошадь для невесты и выючный верблюд. По старинному киргизскому обычаю, все вещи, за исключением «саукеле» (см.) и предметов роскоши, обязательно давались в девяти экземплярах. В настоящее время обычай этот не соблюдается, и между тем, как богатые дают иногда по 40 штук каждой вещи, бедные дают лишь по одной вещи, да и то не в полном наборе.

Полный набор заключает в себе следующия вещи: лошадь — ат, верблюда — тюз, юрту — утау, седло — эрь, седельный прибор: потник — олбур, женския стремена — узенгы, нагрудник — умуль-дурук, потфею — куюскан, узду — джугень, покрывало на переднюю часть седла — уртук-миндер, покрывало на заднюю часть седла и лошади — джамчи, плеть — кажчи; посуда: котел — казан, таган — очаг, чашка — аяк, блюдо — табак, ковш — чомуш, ложка — касык, умывальник — кумган; мебель: кровать — тюсек агач, сундук для съестных припасов — кебеже,

ящик для платья — абдра; платье: головной убор — саукеле, накидка — джелек, рубаха — куйлюк, штаны — дамбал, сапоги — етык, халат шитый — тон, шуба — ишик, опояска — бильбеу; постель: тюфяк — тюсек, подушка — джистык, одеяло — курпе, занавес — чимылдык, кошма, украшенная узорами — тус-кииз; предметы роскоши: ковер — клем, попона — алача, кошма шитая — сырмак и т. д.

Из всех означенных предметов имеют специально свадебное значение только джелек и саукеле. Джелек — накидка делается преимущественно из красной материи и носится новобрачной в течении целаго года. Саукеле есть высокий, конусовидный колпак из кошмы оклеенный внутри и снаружи красным и черным сукном и богато украшенный золотом, серебром, кораллами, жемчугом и камнями. Сверху к нему прикрепляется несколько черных перьев, а снизу несколько шнуров кораллов и жемчуга, спадающих ниже колен. Саукеле надевается при приезде новобрачной в аул родителей жениха. Убор этот, по своей дороговизне недоступный для бедных и средних людей крайне тяжел, неудобен и безобразен. Этим объясняется, вероятно, то, что он в настоящее время выходит из употребления и вместо него даже богатые предпочитают дать дочери какой-нибудь другой предмет роскоши напр. тарантас.

Саукеле замечательно еще тем, что оно остается всегда собственностью новобрачной и возвращается в ея род, если она умерла бездетной.

Между сватовством и формальным браком у киргизов проходит большею частью много времени. Нередко жених, даже после уплаты всего калыма, выжидает по году и более, пока родители невесты изготовят приданое и согласятся отпустить ее в аул жениха. Во все это время жених имеет право посещать свою невесту. Посещения эти, хотя они и делаются с ведома родителей невесты, считаются тайными и сопровождаются, в особенности первое «урун-келю», массой своеобразных обычаев (см. н).

Когда наконец приданое готово и наступает условленное время, то жених отправляется с товарищами в аул отца невесты.

Свадьбы совершаются у киргизов во всякое время. Избегают только несчастного месяца «сафар-айт»[1] и поста — «уразы»; впрочем эти требования магометанского духовенства соблюдаются только богатыми людьми.

В ауле отца невесты, свадьба празднуется пиром, байгой и т. п. увеселениями, длящимися по нескольку дней. Обряд венчания совершается лишь перед самым отъездом молодых и состоит, большею частью, в прочтении баты муллою или каким-нибудь грамотным киргизам. Для венчания жених и невеста входят в юрту родителей, где они остаются каждый за собой занавеской. Занавеса жениха поднимается, а занавеса, за которой находится невеста, опускается. По средине юрты остаются родители невесты, по два свидетеля с каждой стороны и совершающий брак. Мулла или заменяющий его, читает бату и спрашивает венчающихся, согласны-ли они вступить в брак. Жених и невеста могут не отвечать и молчание их принимается за знак согласия. Если, однако, они отвечают, то ответ должен быть обязательно дан в прошедшем времени, напр. на вопрос: «желаешь-ли вступить в брак?», должно ответить: «Я желал» или «я желала».

В прежнее время при венчании приносилась чашка с чистой водой, в которую бросали серебро, жемчуг и кораллы. Из этой чашки пили по-

[1] Второй месяц мусульманского календаря. Сост.

глотку жених, невеста и все присутствующие. Чашка и содержимое шли в пользу муллы. У современных киргизов обряд этот вышел из употребления. После окончания венчания, отец невесты обращается к дочери со словами: «балам джеман болма атанга налет кельтересин», т. е. живи так, чтобы меня не проклинали, а затем к зятю: «балам хорлама кызынде, атагымде ультересин», т. е. не оскорбляй жену, этим погубишь мою славу. После этого невеста с матерью отправляется в путь а после их отъезда жених прощается с тестем и догоняет поезд, с которым приезжает вместе в аул своего отца.

В прежнее время киргизы придавали девственности новобрачной большое значение, как это можно судить по следующему обычаю, называемому «дженге» и сохранившемуся в настоящее время лишь в памяти стариков. В первую ночь, которую новобрачные (не имевшие с собою тайных свиданий «урун-келю») проводили вместе, на постель их клался кусок белой шелковой материи — «неке-джаулык». На другое утро, после выхода жениха, две выбранныя свахи входили в юрту и материю с доказательствами непорочности несли матери невесты, от которой получали в знак радости материю и какие-нибудь подарки, а затем оглашали по аулу о том, что невеста оказалась невинной. Если жених лишил свою невесту невинности во время «урун-келю», то он обязан был объявить об этом свахам, которыя передавали известие матери невесты и всему аулу. Подруги невесты, после подобного оповещения, нападали на жениха, угрожая распороть брюхо его лошади и ради умилостивения получали подарки.

Найдя невесту лишенной девственности, жених объявлял об этом свахам, которыя несли известие матери невесты и затем объявляли от ея имени дочери, что она причиняла ей много стыда и «сделала лицо черным». Далее свахи старались разузнать виновнаго, дело переходило на суд биев и с виновнаго взыскивался в пользу жениха штраф в один тогуз. Кроме того отец невесты бил свою жену за то, что она не сумела предохранить дочь свою от соблазна, а жених заявлял родителям невесты через нарочно посланнаго человека о своём неудовольствии. Если оказывалось, что виновными были сами родители, напр. если они продали дочь свою, то жених мог потребовать младшую дочь или возврата калыма. Обычаи, соблюдавшиеся в случае если невеста оказывалась лишенной невинности, называются «катын-чекты», т. е. бабой вышла. В настоящее время за женихом, который найдет свою невесту лишенной невинности, сохраняется право взять обратно калым и отказаться от свадьбы, но он должен доказать свидетельскими показаниями виновность невесты; «киит» при этом пропадает. Впрочем это бывает только у богатых. Бедные обыкновенно довольствуются штрафом.

Родители невесты и жених во все время сватовства не имеют с собою никаких непосредственных сношений. Как выше сказано, жених не ездит со сватами во время формальнаго предложения, а если затем и приезжает посещать невесту, то посещения эти считаются тайными и он во все время пребывания в ауле будущаго тестя тщательно скрывается как от него, так и от будущей тещи. Первая встреча с тестем происходит при прощании, когда новобрачная отправляется в аул мужа. Затем молодые не должны являться в аул родителей невесты в течение трех лет. Обычай этот, довольно стеснительный для бедных, нуждающихся во многом, в особенности в первое время самостоятельнаго хозяйства, нарушается ими довольно часто и на эти нарушения смотрят киргизы весьма снисходительно. В отношении невесты обычай этот гораздо строже. Он требует, чтобы невеста во всю свою жизнь скрывалась как от

отца мужа, так и от всех его восходящих родственников мужескаго пола. По приезде в аул мужа, невеста должна обязательно навестить свекра и свекровь в праздничном наряде, — но при этом лицо ее всегда закрыто и открывается лишь на одно мгновение при совершении обычая, называемого «келын-курумдык», т. е. показание невесты. (см. н).

С этих пор невестка и свекор избегают взаимных встреч и нередко свекор, даже после многолетняго проживания в одном ауле, не узнает своей невестки. Некоторые киргизы, насмотревшиеся на отношения русских семей, стараются искоренить этот обычай, но встречают при этом сильное противодействие, в особенности со стороны женщин. Существующая у киргизов пословица: «хатын кадыр бельмейде-етын куреде; келеныи кадыр бельмейде-бетын куреде», т. е. жена не уважает мужа, потому что часто видит его голое тело; свекор не будет уважать невестки, если будет часто видеть ее лицо — едва-ли — верно передает причину, по которой невестка скрывается от свекра. Во всяком случае этот обычай в значительной степени объясняет то, что у киргизов не встречается случаев снохачества, которому должна-бы так сильно способствовать подчиненность членов семьи главе ея.

Обряд сватовства и свадьбы у киргизов

Киргиз, заключивший предварительное условие о сватовстве обязан позаботиться о скреплении этого условия, о придании ему санкции, требуемой народным обычаем. С этой целью он должен предпринять формальное сватовство, которое сопровождается обыкновенно всякой, доступной для киргиза, роскошью. Формальное сватовство происходит в ауле родителей невесты, куда отправляются сваты, выбранные из числа самых почетных родичей жениха, а очень часто в их числе и отец последняго. Чем знатнее сватающиеся, чем богаче они, тем больше посылается сватов, число которых бывает иногда больше двадцати.

Приближаясь к аулу отца невесты, сваты останавливаются в ближайшем ауле родственников последняго, и оттуда посылают извещение о своем приезде. Отец невесты немедленно оповещает своих родственников и друзей о прибытии сватов приглашает их в свой аул, распоряжается выставлением юрт для гостей и наконец назначает день, в который сваты могут прибыть к нему в аул. В назначенный день сваты являются к отцу невесты и тут, в присутствии собравшихся гостей, делают предложение, которое принимается и закрепляется колотьем белаго барана и прочтением молитвы. За этим обрядом следует угощение и увеселения, продолжающияся, смотря по хлебосольству и состоятельности хозяина, по несколько дней. Пир состоит преимущественно из вареной баранины и конины, кумысу, чаю и пр., а увеселения — из байги, борьбы, пения мужских и женских хоров и солистов и киргизской музыки — балалайки, скрипки (кобуз) и флейты (сыбызга). Во все время празднества, называемого «той куда тюсер», самую печальную роль играют виновники его, сваты — «кудалар». Молодыя женщины и девушки всевозможными способами потешаются над этими почтенными аксакалами (аксакал — Белая борода — есть название киргиза, окруженнаго уважением, почетом). Их пришивают к кошмам во время еды, водят к колодцу и обливают водою, запрягают в телеги и заставляют возить себя и пр. Моментом расплаты для сватов служит последнее угощение. Тут подается между прочими кушаньями куйрюк-баур, приготовленный из печени и сала заколотаго в начале празднества белаго барана.

Кушанием этим, подаваемым исключительно при сватовстве сваты угощают хозяев и их родню и подавая еду в руке, стараются размазать по лицу угощаемаго. Поднимается общий хохот, суматоха и кутерьма, которая может быть вполне приравнена киргизской кутерьме, кончающей так называемыя байги с кутерьмою. Во время угощения раздаются сватам отцом невесты подарки, носящие названия «киит». Они достигают у богатых весьма значительных размеров и разнообразятся, смотря по достоинству получающаго подарок, так что самому почетному дается самая ценная вещь, а затем подарки уменьшаются. Впрочем отец жениха, хотя-бы он и не был самым почетным, получает лучший подарок, который вручается ему тут-же, если он в числе присутствующих, или-же посылается на дом со сватами.

После формальнаго предложения отец невесты обязан отправиться со своими сватами в аул отца жениха для получения калыма за дочь.

Как время для приезда сватов со стороны жениха определяется отцом невесты, так отец жениха назначает срок, в который он отдаст своему свату условленный калым. К этому определенному времени отец невесты отправляется со сватами или же посылает только одних сватов к отцу жениха. Здесь повторяются те-же церемонии и угощения, которыя имели место в ауле невесты, с тем лишь различием, что здесь не обязательно угощение куйрюк-бауром и что отец жениха дает сватам невесты менее ценные подарки, нежели отец невесты. Калым платится публично в конце празднества или весь сразу или по частям, смотря по условию и состоятельности. В уплате калыма участвует впрочем не один отец жениха, туда вносят свою лепту и сваты жениха и участие их тем значительнее чем больше полученный от отца невесты подарок. Если калым платится в несколько приемов, то празднество при последующих за первой уплатах не повторяется. Передача дальнейших уплат происходит однако обязательно публично, при многочисленных свидетелях, необходимых на случай возникновения какого-нибудь спора. По уплате всего калыма, в период изготовления приданого невесты, начинаются посещения невесты женихом. Первое из этих посещений — «урун-келю» — имеет более всего значения и сопровождается самыми сложными обрядами. Отправляясь к невесте, жених берет с собою целую свиту, состоящую из одного почетного киргиза — «отагосы» и самых ловких сверстников. По приезде в ближайший аул от аула невесты, он останавливается и, так же как и сваты, посылает извещение о своем прибытии, ожидая, чтобы его пригласили приехать. В ауле невесты, немедленно по получении извещения, собирается юрта для жениха на значительном расстоянии от юрты родителей невесты, а свахи между тем садятся на лошадей и спешат на встречу гостю, чтобы пригласить его в палатку. Та из свах, которая добежит раньше к жениху, все время не слезающему с лошади, получает подарок, называемый «чаун-кельды», т. е. прискакали. Затем весь поход двигается по направлению к юрте, у которой стоят собиравшия ее женщины в ожидании обычаев освященнаго подарка «чатыр-байгозы».

Войдя в юрту, жених посылает ближайшим родственникам невесты (матери, бабушке, сестрам) привезенные с собою подарки — «илю», разнообразящиеся, смотря по состоянию жениха. «Илю» дается всякими вещами: верблюды, ямбы, ковры, материи и пр. и тут соблюдается следующий порядок: самый ценный подарок делается матери невесты, следующий — ея бабушке и т. д., уменьшаясь смотря по степени родства. Вместе с «илю» посылается еще три рода подарков: «каде», «уйгекрер», «джартыс». Первые, т. е. каде предназначаются женам братьев

и дядей невесты, ближайшим свойственницам ея, «уйге-крер» — самой невесте, а «джартыс» — всем остальным. Обычай дать означенные подарки считается настолько существенным, что у киргизов существует поговорка, по которой свадьба может состояться скорее без калыма, чем без подарка. Кроме описанных подарков, жених обязан во время перваго посещения раздать еще массу разных более мелких, при исполнении отдельных обрядов и с этой целью он имеет всегда при себе сопровождающаго его джигита «кнеу-джигит», который держит за пазухой несколько подарков. Вообще, подарками заведует «кнеу-джигит»; он предъявляет их родственницам невесты по приезде жениха в аул и он, в случае если они будут признаны удовлетворительными, распределяет их по назначению, за исключением лишь «джартыс», который целиком передается матери невесты и ею уже распределяется по усмотрению. Киргизки весьма требовательны по отношению к подаркам и в прежнее время, разсмотрев их, они нередко заявляли, что подарки слишком ничтожны, что они стыдятся принять их и не допустят жениха до пожатия руки невесте. В таком случае жених или отправлялся назад или посылал одного из джигитов за новыми подарками.

В настоящее время подобных случаев не бывает, но с другой стороны надо признать, что каждый киргиз старается привезти в аул невесты по возможности лучшие подарки.

Когда подарки приняты, начинается «той» — празднество, продолжающееся весь день. В этот-же день невеста, не показываясь жениху, бежит из аула родителей в один из ближайших аулов ея родственников, где и скрывается.

Пир в ауле отца невесты состоит, как и всякое киргизское празднество, из обильнаго угощения мясом, кумысом, куртом и пр. и из развлечений таких, как байга с призами и борьба.

Вечером того-же дня устраивается второй «той» в том ауле, куда скрылась невеста, на котором присутствуют свахи и подруги невесты и, за исключением жениха, вся молодежь, участвовавшая в первом тое. Во время этих увеселений мать невесты посылает хозяйке аула подарок «кыз-казар», привезенный женихом специально для того аула, в который скроется невеста и предназначенный для того, чтобы хозяйка согласилась отпустить невесту. К концу тоя, перед разсветом, хозяйка аула действительно старается отдать невесту свахам, но подруги не выдают ее и между ними с одной стороны, а с другой — свахами и товарищами жениха завязывается борьба, называемая «тартыс», т. е. тянуться. Каждая из сторон старается завладеть невестой, подруги — для того чтобы удержать ее у себя, свахи для того, чтобы ствести в аул родителей, где ее ждет жених. Наконец подруги получают подарок «алым», т. е. сбор и, удовлетворенныя им, отпускают невесту, которая отправляется в юрту родителей с приготовленной для молодых постелью. Тут-же одна из свах отправляется за женихом, подводит его к юрте, в которой находится невеста и помогает взять руку невесты через кереги (деревянная решетка, на которой держится вся юрта). Обычай этот называется «колус-татар», т. е. пожатие руки. Сваха, соединившая руки невесты и жениха, получает подарок и затем жених уходит, а в ауле продолжается шум и веселье до утра, когда все разъезжаются по соседним аулам для отдыха. Следующий день проходит тихо. Жених находится безотлучно в своей юрте, где его посещают свахи, принося всякия угощения. С наступлением ночи, в юрте родителей невесты вновь приготовляется постель для жениха, хозяин юрты уходит и свахи с величайшей таинственностью приводят жениха, который обязан дать слав-

ным постель подарок «тюсек-салар», т. е. приготовить постель. При входе жениха, мать невесты сыплет на него урюк, орехи, пряники, которые подбираются присутствующими. Подбирание сопровождается толкотней и разными шутками, возбуждающими общий смех и веселость. Обычай этот называется «чашу», т. е. сыпать. Вскоре затем вводится невеста, все удаляются из юрты и молодые остаются наедине, до возвращения родителей невесты, которые однако подают вид, что не замечают присутствия жениха и таким образом сохраняют до конца таинственность «урун-келю». В прежнее время, невеста, при входе в юрту, в которой уже ждал ее жених, выливала в горевший по средине огонь чашку масла, а все присутствующие кланялись в пояс, шагали через вспыхнувшее пламя и повторяли: «от-ана, май-ана, джарылга», т. е. огонь-мать, масло-мать, благослови, а затем начиналась весьма сложная церемония укладывания невесты с женихом, сопровождавшаяся новыми подарками в пользу свах. Обычаи эти описаны подробно в 1-м вып. Запис. Оренб. Отд. Геогр. Общ., а потому не приводится здесь. В настоящее время они вышли из употребления, сохранилась лишь обязанность для жениха дать после перваго посещения подарок — «кыз-кушактар», т. е. обнятие девицы. В следующие дни повторяются те-же посещения невесты, разнообразясь тоями, байгами и др. увеселениями и это продолжается до отъезда жениха. Перед отъездом отец невесты дает свите жениха подарки «кшит», а жениху кладет в мешки в которых были привезены подарки, особый подарок — «капка-салар», т. е. мешок положить. Вместо этого иногда возвращается часть уплаченнаго калыма или сбавляется кое-что из недоплаченного.

Посещения невесты женихом повторяются до свадьбы по нескольку раз, причем жених приезжает каждый раз в сопровождении своих товарищей и каждый раз привозит с собою новые подарки.

Свадьба, т. е. обряд венчания и взятие невесты в аул жениха, происходит в назначенное отцом невесты время. В этот раз, как и в предыдущия посещения аула невесты, жених приезжает в сопровождении старшаго, почетнаго отагасы и товарищей своих, киеу-джигитов. Привозимые женихом подарки отличаются как по названию и назначению, так и по ценности своей. Кроме джартыс и каде для родственниц невесты и на всякие предвиденные и непредвиденные случаи, жених обязательно привозит для матери невесты «сют-акы» — подарок за вскормление невесты молоком, затем — кошмы, которыми прикрывается юрта новобрачных, называемая «отау» и наконец скот для празднества — «той-мал». Подарки опять рассматриваются, ценятся и, наконец, принимаются, а затем начинается постройка юрты для молодых, причем деревянныя части и внутреннее устройство даются отцом невесты, а верхнее покрытие изготовляется из привезенных женихом кошм. До изготовления юрты — отау, жених живет в юрте, выставленной для него родителями невесты; когда-же отау готово, на что иной раз уходит месяц времени и более, он дает женщине, крывшей юрту, барана — «отау джабар» и, приглашаемый почетными родственницами невесты, переходит в новое помещение. Затем несколько свах отправляются за невестой, приводят ее к жениху, за что получают подарок — «дженгетай». Для приглашения жениха, равно как и для привода невесты, выбираются самыя здоровыя женщины, имевшия многочисленное потомство. Когда невеста войдет в юрту, жених должен положить ее в присутствии свах на постель «кыз-кутерек», но он может, впрочем, выкупиться от этой обязанности, давая свахам по куску ситцу на рубаху. От этого обычая — класть невесту на постель, первая ночь, проводимая молодыми вместе с ведома тестя, называется

«отауга-салар», т. е. положение. Свахи, получивши ситец, уходят и молодые остаются наедине.

На другое утро сопровождающий жениха «отагасы» отправляется к отцу невесты и узнает от него, в какой день он согласен отпустить свою дочь в аул ея мужа. Накануне отъезда делается той, колют скот, пригнанный женихом и устраивают байгу, с призами, назначенными отцом невесты.

Когда участвующие в байге отправятся, жених оставляет невесту и к ней собираются женщины, вооружаясь союлами,[1] Айбалтами,[2] палками и всяким, находящимся под руками, оружием и ждут окончания байги. Возвращающаяся молодежь окружает, не слезая с лошадей, «Отау» и все стараются снять с юрты «тюндюк», т. е. кошму, прикрывающую верхнее отверстие юрты. Женщины выбегают из юрты, защищают ее, бьют нападающих, а если удастся поймать одного из них, то втаскивают в юрту, как пленнаго, иной раз вместе с лошадью. Когда уже все устанут, когда женщины теряют надежду на то, чтобы им удалось отстоять юрту, они обращаются к нападающим с просьбами и в конце задабривают их подарком. Теперь начинается пение. В юрте остаются женщины и часть парней, старавшихся сдернуть тюндюк и они-то затягивают заунывную киргизскую песнь, каждая строфа которой кончается припевом «джаар, джар». Слова и мелодия постоянно разнообразятся, импровизируются но содержание всегда одно и тоже; посредством безконечных сравнений восхваляется жених и невеста, а последняя утешается по поводу предстоящей разлуки с аулом родителей. Все это время невеста остается в отау без жениха и слушает пение до тех пор, пока оно ей не надоест и она не заставит певцов замолчать, дав им какой-нибудь подарок.

Вечером приглашают жениха. Он является в отау со своими песенниками; женщины и мужчины разделяются по-парно, садятся затем друг против друга в два ряда и опять начинается пение. Мужской хор восхваляет женщин, а женский — мужчин. Оба хора поют поочередно по одной строфе, импровизированной как и предшествовавшее пение в честь невесты и жениха.

Мало по-малу восхваление переходит в порицание, вместо исчисления доблестей, начинается указывание на пороки и к разсвету получается площадная брань, в которой одна сторона старается перещеголять другую. Кто съумеет заставить противника замолчать, кто окажется более изобретательным в ругани, тот дает противной стороне мелкие подарки, как-то: платки, бусы, кольца, перья для аракчинов и т. п. Обычай этот называется «кнэменде», т. е. моя вина. Так проходит вся ночь, в которую жених и невеста не ложатся спать. После пения вся молодежь собирается в юрту молодых. едят баранину, пьют кумыс, а позвонки барана дают жениху, который привязывает к ним по куску ситцу или по платку и бросает их в открытый тюндюк. Если он не попадает, если позвонок упадет в юрту, то ситец достается присутствующим женщинам. Утром свахи собираются у невесты, — одевают ея в лучшее из всего приданаго платье, сажают на предназначенную для нея лошадь и ведут к юрте для прощания с родителями. По уходе невесты, отец ея собирает все приданое, показывает зятю и сватам, затем все считается, увязывается в тюки и навьючивается на верблюдов. Невеста приходит в последний раз в юрту родителей и прощается с ними с пла-

[1] Длинная березовая палка с утолщением на конце.
[2] Небольшой топорик, насаженный на длинный черен.

чем и рыданиями, причем отец спрашивает ее, не осталось-ли в ауле какой-нибудь особенно излюбленной вещи, которую она желала-бы взять с собою. Вещь таковая беспрекословно отдается дочери.

Далее следует описанный выше обряд венчания.

После окончания обряда венчания, молодая идет в свою юрту, где одевается в костюм замужней «джавлук» — белый головной убор с прорезом для лица, «экчин» — повязку вокруг лба, «саукеле» — высокий богато украшенный колпак и «джелек» — легкий халат, набрасываемый на голову, садится на лошадь и отправляется с матерью в аул жениха. Молодую провожают на некоторое разстояние от аула ее подруги. После отъезда невесты жених отправляется в юрту тестя, прощается с ним и догоняет свою жену, с которой отправляется вместе в аул своего отца.

При приближении поезда к аулу отца жениха, на встречу ему выбегают родственницы жениха и останавливая верблюдов невесты, не пускают их в аул до получения выкупа, состоящаго обыкновенно из халата, называемого в данном случае «тюе мурундук», т. е. повод верблюда. Дальнейшия церемонии заключаются в смотринах невесты, происходящих в юрте родителей жениха. Невеста отправляется в сопровождении поющих мужчин и женщин в юрту отца жениха. При входе, она кланяется им и в это время один из присутствующих песенников палочкой открывает ея лицо, которое она немедленно закрывает. При этом отец жениха дает ей подарок, называемый «курюмдык». Весь этот обряд называется «келын-курюмдык». В прежнее время невеста, войдя в юрту родителей жениха, должна была поклониться им с коленопреклонением, но в настоящее время под влиянием магометанства, недозволяющаго стоят на коленях перед людьми, обычай этот выходит из употребления. После смотрин невесты открывается как и при всяком торжественном случае, той, продолжающийся далеко за полночь, а в конце, уже при отъезде матери невесты в свой аул, отец жениха дает ей подарки «киит» для нее, для свата и для родственников последняго.

Прекращение брака

Брак прекращется у киргизов вследствие развода, расторжения и смерти одного из супругов.

Развод бывает последствием или взаимнаго соглашения супругов или-же единоличнаго желания мужа. Взаимное согласие, завися вполне от воли супругов, позволяет им установлять какия им угодно условия как по отношению к детям, так и по отношению к имуществу. Обыкновенно жена, уходя от мужа без детей, потому-ли что они остаются с отцом или же потому, что детей нет, получает лошадь, верблюда, постель и часть своего платья; если-же дети остаются при матери, то отец выделяет в их пользу часть своего имущества и этим имуществом управляет жена под условием, что она не выйдет вторично замуж и не перейдет на жительство к своим родовичам.

Развод, по одностороннему желанию мужа, не требует приведения наличности никаких провинностей со стороны жены. Достаточно, чтобы муж трижды в один день сказал жене «уйди прочь», «син талак» и она — разведена навсегда. Случаи немотивированного развода бывают однако очень редко; большею частью муж отсылает свою жену вследствие ее дурного поведения, неумения вести хозяйство и т. п. причин. В подобных случаях муж обязан выдать жене тоже самое, что выдается в случае развода по взаимному согласию.

Супруги, разошедшиеся по взаимному согласию или вследствии односторонняго желания мужа, могут опять сойтись до истечения 3-х месяцев и 10-ти дней и в таком случае никаких формальностей не соблюдается; по истечении же этого срока требуется чтобы они вторично обвенчались.

Исключение представляет лишь заимствованный из корана развод вследствие троекратнаго прогнания жены мужем. Развод этот, считающийся самым позорным, не позволяет супругам ни под каким видом сойтись опять. Если однако муж не скажет трижды «талак», а остановится после перваго или втораго раза, то брак может быть возстановлен с соблюдением следующих условий: разведенная жена выходит для виду замуж за кого-либо посторонняго и, не вступая с ним в супружеское сожительство, на третий день берет разводную запись «талахат», а затем вступает в брак с своим прежним мужем. В степи встречается еще иногда, что, муж, обеднев, уступает свою жену кому-либо из посторонних за вознаграждение, а затем, когда его обстоятельства поправятся, требует ее обратно. Подобные случаи представляются переживанием давно прошедших времен, когда мужу принадлежала по отношению к жене такая же власть, как господину по отношению к рабу. Дела, в роде вышеописаннаго, доходят иногда даже до суда биев, где мужу в иске проданной жены отказывают.

Жена не может требовать развода ни в коем случае. Ни неверность мужа, ни его жестокое обращение не уполномачивают ее на оставление мужа и если жена, по какой-либо причине вздумает уйти, то бии, по жалобе мужа, заставляют жену вернуться и жить с ненавистным ей человеком. Единственное право жены по отношению к неверному или жестокому мужу заключается в возможности жаловаться родственникам своим или мужа, которые делают виновному наставления или-же уговаривают его дать жене разводную запись. В самое последнее время между киргизами замечается некоторое стремление к изменению вековых правил и к обеспечению за женщиной больших прав. Стремление это выражается напр. по отношению к бежавшей жене в том, что в случае вторичного побега за женой должен явиться один из родственников мужа по выбору тестя и уверить торжественно, что она неправа; в противном случае жена не возвращается мужу и тесть может перенести на суд биев дело о возвращении приданаго. При третьем побеге муж должен обратиться к суду биев, которые иногда оставляют жену у ее родственников.

Главным образом жена может в настоящее время обратиться к биям в случае жестокаго с ней обращения мужа и жалоба ея имеет некоторые шансы на успех. Случаи подобные очень редки, жалобы, даже основательныя, остаются и в настоящее время большею частью неудовлетворенными, но один факт появления примеров, подобных указанным выше, служит признаком изменения, происходящего во взглядах киргизов на права женщины.

Расторжение брака возможно только в двух случаях: вследствие прелюбодеяния жены и вследствие неспособности мужа или жены к брачному сожительству.

Прелюбодеяние доказывается на суде или простым заявлением мужа, если он поймал жену на месте преступления, как говорят киргизы «клычны кынында», т. е. в положении не вытянутой из ножен сабли, или-же свидетельскими показаниями и присягой если жена не поймана in flagrante. Расторжение это не влечет за собой никаких имущественных

последствий, так что калым остается у родителей жены, а приданое — у мужа...

Смерть одного из супругов отражается весьма различно на оставшемся в живых, смотря по тому, кто умер: муж или жена. Между тем как смерть жены вполне прекращает отношения мужа, обязывая его лишь отдать родственникам покойной саукеле ея и немногия вещи, вдова, по смерти мужа должна по обычаю перейти к брату или ближайшему родственнику покойнаго в боковой линии и может уклониться от этой обязанности лишь в том случае, если она не пожелает совсем выйти замуж и посвятить себя воспитанию детей.

По отношению к срокам для новой свадьбы и ношения траура замечается тоже самое различие. Смерть жены не влечет никаких обязанностей для мужа и детей; напротив, смерть мужа возлагает на жену и дочерей обязанность носить в течении года траурную повязку и не совершать свадьбы в течение того-же времени. В настоящее время срок этот для вдовы сократился под влиянием корана и она не должна выходить замуж лишь в течение 100 дней. Что-же касается сватовства, то оно может иметь место во всякое время.

Вдова, не желавшая выйти замуж за брата умершаго, принуждалась к этому силой. Ея привязывали к четырем столбам, заковывали в железные пута и старались добиться согласия ея подобными мерами. В настоящее время не прибегают киргизы к столь крутым мерам и стараются добиться согласия упорствующей посредством более мягких приемов, что обыкновенно и удается.

Впрочем вдове, не желающей выйти замуж за ближайшаго брата умершаго, предоставляется выбор между несколькими родственниками, причем она дает маленький подарок тому, который имел ближайшее право и за которого она не пожелала выйти. Уйти к своим родственникам вдова, имеющая детей, без согласия родственников мужа, не может. Если однако последние согласятся, то она иногда возвращается вместе с детьми в свой род, который принимает на себя заботы о детях.

Вдова, которая пожелала-бы выйти замуж за посторонняго, помимо родственников мужа, считается безнравственной женщиной. В случае побега ея за нея взыскивается с увезшего калым, равный первой приплате к калыму в 47 голов, т. е. 5 верблюдов «бас-джаксы». Калым этот поступает в пользу родственников умершаго мужа.

К своим родственникам вдова может уйти только в одном случае, а именно, если у нея нет детей и если у покойнаго мужа ея не было родственников, за которых она могла-бы выйти замуж. Уходя в таком случае к своим родственникам, вдова получает $^1/_6$ часть имущества своего мужа. Если иногда, что бывает очень редко, родственники мужа отпускают в аул родителей и детную вдову, то дают ей лишь $^1/_8$ часть имущества и позволяют взять с собой грудного ребенка, если он имеется. Требовать этого вдова однако не вправе.

Выше было уже сказано, что со смертью жены прекращаются всякия отношения между вдовцом и семейством умершей, за исключением лишь обязанности возвратить немногия вещи. Момент смерти жены при этом не играет никакой роли, так что остается безразличным, умерли она на второй день после свадьбы или после долголетняго сожительства. Спор мог-бы возникнуть только в том случае, если-бы имущественныя отношения родов в момент смерти не были приведены в порядок, если-бы напр. калым был уплачен не весь или отдано не все приданое. Так как однако венчание является заключительным актом, совершаемым после окончания разчетов, в которых уплаченный калым возмещается

приданым, то естественно, что смерть жены не может послужить поводом для споров и исков.

Здесь кстати заметим, что в прежнее время муж после смерти жены должен был возвратить родственникам последней не только саукеле, часть постели и один из ея костюмов, но также по одной штуке всяких вещей, полученных в приданое в нескольких экземплярах, напр. из нескольких ковров — один, одного верблюда, если их получено несколько и т. д.

Отношения между членами семьи

Как давно замечено (Баллюзек), власть главы семейства, некогда бывшая у киргизов неограниченной, уменьшается постепенно. Древний обычай, по которому власть отца распространялась даже на жизнь детей, и который сохранился в пословицах и поговорках: «аталы ул, кожалы кул», т. е. сын перед отцом, как раб перед господином или: «улун сатыб, ат кельды, кызын сатыб, ас кельды», т. е. продав сына, имел лошадь, продав дочь имел пищу (поговорка относится ко временам разграбления киргизов дзюнгарами), — в настоящее время смягчился весьма существенно. Отцу, по отношению к личности сына, представляется право наказывать его телесно, прогнать от себя, отдать до трех раз в заработки. Что касается прав отца на имущество сына, то надо различать сыновей отделенных и не отделенных. Первые никаких имущественных прав не имеют и все нажитое ими поступает в непосредственное распоряжение их отца. Отделенный сын считается главой самостоятельнаго хозяйства, но нуждающийся отец может всегда потребовать, чтобы сын прокармливал его, принял в свой аул. Таким-же правом пользуется и мать. Кроме того отец может взять у сына любую вещь и пользоваться ею. Исков детей к родителям бии не принимают и все подобныя дела решаются родственниками, которые, заметив разлад в семье, отделяют отца и сына, передавая большую часть семейнаго имущества отцу или же (у бедных) обязывая сына давать из своих заработков содержание отцу. Жалобы отца на сыновей пользуются, напротив, особенными преимуществами и, если отец живет с матерью сына, удовлетворяются немедленно. В разбор основательности требований отца бии входят лишь в том случае, если он живет с мачехой того сына, которым он недоволен. Дочь в сравнении с сыном находится в несколько ином положении, объясняющемся тем, что она остается членом семьи лишь временно, до выхода замуж и что затем прекращается почти всякая связь между семьей и ею.

Во время пребывания в родительском ауле, дочь находится в непосредственном распоряжении матери, а отец не имеет на нее прямаго влияния и, будучи ею недоволен, не наказывает ея сам, а поручает это матери. Меры, принимаемые последней, состоят в пинках толчках, запирании в отдельное помещение и т. п. Подобные наказания не рекомендуются однако киргизами; их педагогика предписывает по отношению к девушкам более кроткия меры, напр. увещевание: «аке урган, ул унгар; чише урган, кыз унбас», т. е. отец бьет сына к лучшему; мать бьет дочь не к лучшему (портит ее).

С момента выхода замуж, киргизская девушка эмансипируется из-под родительской власти и переходит во власть мужа, а отчасти и свекрови, которая однако по отношению к невестке получает лишь право увещеваний. За то власть мужа над личностью жены простирается гораздо дальше власти матери над дочерью. Муж имеет право наказывать ее более строго, до нанесения легкаго увечья, лишь-бы это наказание не

носило характера истязаний. Так напр. на мужа, которому вздумается наказывать жену союлом или баканом,[1] или же раздев ее до нага, или бить ее вне юрты, или же прижигать тело, жена может жаловаться и суд признает за ней право вернуться к своим родителям. Как преступление, преследуются только убийство жены или нанесение ей тяжкаго увечья. За первое полагается полный кун, за второй — пол куна.

Права отца и матери на имущество замужней дочери также весьма ограничены. Неимущий отец может поселиться у нея только с согласия зятя, мать-же хоть и не обязана испрашивать согласия но может поселиться у дочери лишь тогда, когда у нее нет сыновей, которые могли бы приютить ее.

Со смертью отца, если при жизни его не наступило выдела всех сыновей, за исключением младшаго, не выделенные сыновья иногда делятся, но чаще остаются вместе. В последнем случае права главы семейства переходят к старшему брату, который управляет общими делами или единолично или под наблюдением матери. Нередко впрочем случается, что по молчаливому согласию всех полноправных членов семьи бразды правления переходят не к старшему, а к умнейшему из братьев. Управляющий семьею называется «билеучи агасы», т. е. управляющий брат.

Имущественныя права киргизской женщины крайне ограничены. Пока она не замужняя, за ней, как и за всеми несамостоятельными членами семьи, никаких прав на семейное имущество не признается. Глава семейства, будь это отец или брат, управляет всем имуществом и распоряжается им по своему усмотрению. Количество калыма, получаемое при выдаче замуж за дочь или сестру зависит от главы, к которому и переходит все, уплаченное женихом. От главы семейства зависит также размер приданаго, которое опять-таки поступает не в собственность выдаваемой замуж, а в собственность ея мужа, если он отделен, или тестя, если женившийся сын не отделен. Что же касается ее родственников, то они никаких прав по отношению к имуществу не имеют, вышедшая замуж вполне отделилась от своего аула: «чиккан-кыз, чийден тыз каре», т. е. вышедшая замуж дочь остается вне юрты. Исключение составляет только одно «саукеле», которое во всю жизнь признается собственностью жены. К саукеле можно еще, пожалуй, причислить постель с кровати жены и один из костюмов, данных в приданое, так как эти вещи, после смерти жены должны быть тоже возвращены ея родственникам. Принимая, однако, во внимание, что она ни постелью, ни платьем своим при жизни самостоятельно распоряжаться не может, вернее эти вещи исключить из числа предметов, составляющих собственность жены. Всякое затем другое имущество, которое каким бы то ни было образом досталось замужней киргизке, напр. заработано ею, получено в подарок, переходит в распоряжение мужа, который может распоряжаться им по своему произволу. Киргизы, в этом отрицании имущественных прав за замужней женщиной до крайности последовательны. Даже муж, расточающий не только свое, но и внесенное женою имущество, не ограничивается в своих правах. В крайних случаях ему делаются увещевания, напоминания сперва со стороны своих родственников, а если это не подействует, то и со стороны родственников жены, но этим дело и кончается. До суда биев не доходят жалобы, да если-бы и дошли, то бии не сочли-бы себя вправе разсматривать подобныя дела.

Иногда случается видеть в степи, что аулом управляет женщина — вдова. Подобныя явления не противоречат высказанному взгляду. Кир-

[1] Палка, которой подпирают юрту изнутри.

гизка, распоряжающаяся в ауле, не есть его хозяин; она только временно управляет, до тех пор, пока сыновья ея не достигнут совершеннолетия, вернее — пока они сами не будут в состоянии заняться своими делами. Впрочем и вдова, мать малолетних детей, не всегда остается хозяйкой. Для этого надо, что бы она отказалась от втораго брака и посвятила себя исключительно своим детям.

Будучи так ограниченной со стороны правового обычая в своих имущественных и общественных правах, киргизская женщина отвоевывает себе весьма выгодное положение. Замкнутая жизнь ея в пределах аула ведет к тому, что все имущество и все хозяйство лежит на ея руках. Между тем как киргиз большую часть года проводит на лошади, в постоянных разъездах, занимаясь общественными делами рода, волости, старшинства, — настоящим, фактическим хозяином дома остается жена его и она управляет всем, по своему усмотрению, низводя мужа на степень номинальнаго хозяина и главы семейства. Подобныя явления в настоящее время не могут еще быть признаны общим правилом; тем не менее они из года в год встречаются все чаще и чаще и могут служить довольно верным предзнаменованием тому, что в юридических взглядах киргизов на роль и права замужней женщины должны произойти в близком будущем весьма существенныя изменения. В современном нормальном киргизском хозяйстве муж оставляет за собою непосредственный надзор и управление конскими табунами, а в местностях земледельческих, напр. в Бельагачской волости Семипалатинского уезда, за хлебопашеством. Домашнее-же хозяйство и надзор за баранами, верблюдами и рогатым скотом лежит на жене.

Если у киргиза несколько жен, то их обязанности делятся так, что у каждой своя юрта и отдельныя стада верблюдов, баранов, которыми заведует она.

Усыновление у киргизов встречается довольно часто. Бездетные, как и имеющие детей, усыновляют большею частью детей близких родственников с мужеской стороны.

В прежнее время часто встречались случаи усыновления детей рабов, а султанами — тюленгутов. Усыновляемый причислялся к роду усыновителя и пользовался одинаковыми правами с детьми усыновителя. Слияние усыновленного с семьей усыновителя настолько тесно, что даже в сношениях с властями русскими, где киргизы называются по имени и отчеству, усыновляемый присваивает себе отчество от имени усыновителя.

Чужие, имеющие родителей или сироты, усыновляются очень редко, а незаконнорожденные, преследуемые у киргизов вечным презрением, никогда не усыновляются.

Незаконнорожденными считаются у киргизов вообще все дети, прижитые вне брака, или-же замужней не от мужа своего. С понятием этим у киргизов однако не соединяется тех последствий какия привыкли соединять русские. Между тем как в одних случаях незаконное рождение не влечет за собою никаких тяжелых последствий ни для рожденнаго, ни для матери его, в других случаях оно отражается на них весьма тяжело, тяжелее, пожалуй, чем у русских. Во внимание принимается у киргизов не столько факт вне брачной или прелюбодейной связи, сколько права вступивших в связь лиц по отношению к друг другу. Так, ребенок, прижитый невестой с женихом, вдовой с братом покойного мужа, господином с рабыней или служанкой, считается членом семьи своего отца, остается у него и участвует после его смерти в наследовании имущества наравне с другими детьми. Напротив того, дети прижитыя

женщиной с посторонними людьми, напр. непросватанной девушкой с кем-нибудь, просватанной не с женихом, прислугой с чужим человеком, вдовой или замужней с посторонним, никаких прав по отношению к своему отцу не имеют, остаются при матери, после ея смерти переходят к ея роду, где всю жизнь считаются презренными существами.

Презрением преследуются не только они, но и их матери и это-то служит причиной распространеннаго в степи обычая изгнания плода у девушек. Умерщвление плода в утробе матери производится механическим путем и не считается предосудительным. В прежнее время забеременевшую девушку убивали.

В Мукурской волости, Семипалатинского уезда, до сих пор сохранилось название местности «тентек кыз», т. е. дурная девка, где была убита непросватанная девушка, оказавшаяся беременной. Проезжая по широкой альджанской степи, среди разсеянных по ней могил, киргизы указывают на две старинныя могилы, довольно хорошо сохранившияся. По преданию, под одной из них покоится киргизская девушка, вступившая в связь с киргизом соседняго рода, помимо воли родителей. Когда она уже не могла скрывать беременности, то решилась бежать с возлюбленным, но была догнана родовичами и убита. Киргиз сразу спасся от мести, но по требованию обиженных был убит своим родом, предпочевшим лишится своего члена, лишь-бы не вступать во вражду с соседями. Киргиз этот похоронен в могиле рядом с девушкой.

В настоящее время ответственость за прелюбодеяние ограничивается штрафом от 1 до 2-х тогузов, поступающих в пользу отца непросватанной или жениха просватанной. При этом, как отец, так и жених могут требовать от провинившагося, чтобы он уплатил калым за оболь-щенную и женился на ней, получив приданое. Обыкновенно киргизы стараются избежать позора, падающаго на все семейство, в котором девушка родит и как только откроется беременность, стараются выдать девушку замуж.

Бранных названий, которыми преследуются постоянно незаконнорожденные, у киргизов очень много. Самыя употребительныя следующия: никесыз — безвенчанный, арамзада — поганый плод, картокум — плод публичной женщины, валядоззина (араб.) — сын от прелюбодеяния.

В делах семейных киргизы по возможности избегают обращения в суд, да и бии неохотно вмешиваются в эти дела, что в значительной степени объясняется тем, что в настоящее время неприменимы строгия меры, установленныя киргизским обычаем за нарушения семейных прав. Вмешательство духовенства тоже явление очень редкое и вполне чуждое киргизского быта и киргизских воззрений, отличающихся (как и большинство кочевников) крайним индеферентизмом в религиозных делах. Чаще всего семейныя дела решаются в самой семье, а супружеския — мужем, который может решить всякое дело по своему усмотрению, дав жене развод.

Многоженство у киргизов признается, как и у всех магометан, а число жен, которое в древности могло доходить до 7-ми, в настоящее время — до 4-х. По нескольку жен берут обыкновенно люди богатые, у которых большое хозяйство или которые хотят увеличить число юрт в своем ауле. Иными причинами многоженства служат неимение потомства от первых жен или смерть женатых братьев, вдовы которых переходят к брату, оставшемуся в живых. Бедные киргизы живут большею частью в одноженстве да и вообще киргизы смотрят не одобрительно на людей, имеющих много жен: «тентек бакан джиаде, тейлехатын джиаде», т. е. злой собирает палки, глупец набирает жен.

Опека и попечительство

Дети потерявшия отца, либо мать, остаются на непосредственном попечении оставшегося в живых родителя, а если мать выходит замуж за брата или родственника покойнаго, то на попечении его остаются и дети. Единственный, весьма впрочем редкий случай, что дети остаются на попечении родственников при жизни матери, бывает тогда, когда вдова, отказываясь от выхода замуж за родственников мужа, убегает с посторонним. В этом случае поступают с детьми, как с круглыми сиротами и их отдают одному из ближайших родственников, стараясь выбрать так, что бы последний был богаче сирот. Имущество сирот соединяется с имуществом опекуна, последний воспитывает их, выдает девушек замуж, женит сыновей и отдает последним оставшееся от родителей имущество. Бывают примеры, что опекуны обижают опекаемых, обделяют их при выделе имущества или возвращают не все. Подобныя дела решаются биями по иску обиженного, причем в решении участвуют всегда почтенные киргизы из рода тяжущихся. Сироты бедных, живших в степи, принимаются на попечение кем-либо из богатых, в ауле котораго и остаются до достижения зрелого возраста. Затем девушки выдаются замуж, опекун получает калым, дает приданое, а затем, или передает калым, за вычетом приданаго, брату вышедшей замуж, или же, если нет брата, оставляет себе. Парень остается обыкновенно в работниках у опекуна, но это для него необязательно и он может уйти в другое место, если ему не нравится пребывание у опекуна. Дети бедных киргизов, живущих близь городов, т. н. джатаков, никем не призреваются и ведут с самых ранних лет бродячую жизнь нищенствующих. В степи подобных явлений быть не может. Родовое начало, на котором зиждется весь строй общественной киргизской жизни, настолько неблагоприятен для лиц, которыя не имели бы родственников, что даже в тех редких случаях, когда появляются личности совсем чуждыя, они стараются приобрести покровителей и с этой целью становятся под защиту какого-нибудь влиятельнаго киргиза и присоединяются к его роду. С того момента они становятся сородовичами и, в случае их смерти, дети поступают уже на призрение котораго либо из приобретенных сородовичей. Несмотря на то, что при изложенных порядках, сироты в степи всегда гарантированы от голодной смерти, участь сирот вообще, а в особенности девушек, весьма незавидна.

Вырастая большею частью без надзора и присмотра, сирота считается неблаговоспитанной, плохой хозяйкой и с трудом находит себе мужа. В отношении к сиротам всего яснее проглядывает взгляд киргизов на женщину, как на хозяйку, воспитательницу детей, словом на ту силу, которая исключительно своими попечениями охраняет домашний очаг. Из многих, относящихся сюда народных пословиц, приведем две, касающияся сирот и, выражающия весьма рельефно значение женщины внутри аула. Вот они: «акеэле джетым — арсыз джетым, энеэле джетым — эрке джетым», т. е. при отце сирота, безсовестная сирота, при матери сирота — ценная сирота; «чишэсы бар джетымнын башында торак кол ойнер»; «чишесыз джок джетымнын башында битпен сырке ойнер», т. е. на голове сироты при матери играет рука и гребенка; на голове сироты без матери играет вошь и насекомыя.

II. Имущественное право

Усвоенное русским законодательством деление имуществ на движимыя и недвижимыя вовсе неизвестно киргизам и не вызывает в них никаких особых представлений о юридическом различии между означен-

ными вещами. При кочевой жизни, когда источником богатства является исключительно скот, и когда вместе с тем скот играет и роль денег, зародилось другое деление, проводящее грань между скотом и всяким другим имуществом.

Скот, по киргизски «мал», называется «даулет», т. е. богатство; все же остальное движимое и недвижимое называется «мульк», т. е. имущество. Движимостью называются еще «нарсэ» — вещи, но это название юридического значения не имеет.

Что же касается вышеуказаннаго деления на богатство и имущество, то оно проходит сквозь весь строй имущественных отношений киргизов, и хотя нигде строго не определяется, тем не менее дает себя чувствовать на каждом шагу, как это неоднократно увидим ниже.

Все имущественныя права основываются у киргизов отчасти на владении, отчасти на юридических фактах и сделках, каковы напр. находка, договор, наследование, дарение и т. п. Самыми употребительными, или вернее, чаще всего встречаемыми из этих способов, следует признать: 1) приобретение посредством наследования, т. е. ата-мурасы, 2) узю-табасы, т. е. благоприобретение (напр. прирост скота), 3) бурушты-мал, т. е. гражданския сделки (напр. торговля, сватовство, наем и пр.). К этим видам следует прибавить еще один способ, свойственный киргизам вместе со многими народами, стоящими на низших ступенях гражданскаго развития и известный под названием организованнаго самоуправства. Способ этот состоит в захвате скота у человека, неудовлетворяющаго какой-либо законной претензии; угон скота, баранта, по киргизски — «барымта».

Особенным уважением со стороны киргизов пользуется наследование. Человек, владеющий значительным богатством, перешедшим к нему от отца, сплошь и рядом отличается от таких, которые сами приобрели состояние, а имущественное положение его считается более надежным, более прочным.

Захват и завладение

Строго определеннаго понятия о давности, как об институте гражданскаго права киргизы не имеют и всякое право, нарушенное хотя бы в незапамятные времена, может быть возстановлено, если только есть ясныя доказательства его. В случае отсутствия последних, а в особенности в случае давнишних, встречных исков, бии нередко кончают дело, прекращая всякия претензии и санкционируя то положение, в котором находятся стороны в момент решения дела. Это прекращение дела, необусловленное никаким определенным сроком, называется «салават», т. е. прощение.

В прежнее время, повидимому, существовал срок давности в 50 лет. Так можно заключить по существующей поговорке: «елю джилда, ель джанга; джуз джил, казан», т. е. пятьдесят лет создают новыя права; сто лет не оставляют от прежнего ничего.

Права на землю различаются, смотря по тому назначению, которому служит каждая местность. Так, все, занятые киргизами, местности разделяются на три части: летния пастбища — «джайляу» осенния пастбища «кузеу» и зимовыя стойбища — «кыстау». Первыя из них, по старинному обычаю, находятся в общей собственности всех киргизов вообще и каждый волен пасти свой скот, где ему угодно. Со времени введения в жизнь Временнаго Положения,[1] летния стойбища разделены между

[1] Имеется в виду Временное Положение об Управлении в Степных областях от 21 октября 1868 года. **Сост.**

уездами и волостями, но это на практике не имеет значения. Чуть только стаят снега и начнет показываться зелень, киргизы укочевывают целыми старшинствами из пределов своей волости, в чужия, очень часто в чужой уезд или чужую область, а из некоторых волостей Зайсанского приставства даже в пределы Китая и затем, постепенно передвигаясь, приближаются осенью к своим зимовкам и лежащим близ них осенним пастбищам.

Наравне с летними пастбищами считаются общей собственностью дороги, леса, пресныя и соленыя озера, речки, рыбные и звериные промыслы. Осенью пастбища, зимовки и близ лежащие сенокосы составляют частную собственность, отдельных семейств, равно как и находящиеся на них колодцы и леса. В некоторых местах у подножья гор встречаются участки, занятые под хлебопашество. Участки эти орошаются арыками, разветвляющимися по всему занятому пространству и получающими воду из главной канавы, которая соединяется с каким-нибудь горным ручьем. Они обрабатываются обыкновенно многими семействами, которыя общими силами выводят магистральную канаву и зорко следят за тем, чтобы никто к ним не присоединился без общаго согласия, чтобы проведенная с значительными затратами вода не терялась на орошение чужаго участка. Занятый такой земледельческой колонией, укочевывающей, впрочем, на лето, участок считается ея собственностью, равно как и речка, из которой берется вода. Хлебопашество встречается, впрочем, у киргизов весьма редко, а потому подробных правил относительно пользования пахотной землею не выработано.

Со времени водворения в степи спокойствия и порядка у киргизов, в особенности у тех, которые живут вдали от центров, количество скота быстро растет и в настоящее время нередко раздаются среди киргизов голоса, указывающие на недостаток мест, в особенности на недостаток сенокосов и зимовых стойбищ. Менее состоятельные киргизы постоянно удаляются с лучших зимовок, с мест, которыя прикрыты от ветров, а потому, не будучи заносимы снегом, дают возможность прокормить зимою скот. Вследствие этого, джут, падеж скота от бескормицы, все чаще и чаще повторяются и обрушиваясь всею силою на менее зажиточную часть населения, способствует все возрастающему делению населения на два класса: бедных и богатых.

Среди гор, которыми усеяна степь, в долинах и ущельях существует много мест, которыя в настоящее время служат лишь летними пастбищами, между тем как на них могли-бы поместиться десятки и сотни зимовок и можно бы не только собирать большой запас сена, но и кормить зимою на подножном корму громадныя стада.

В таких местностях киргизы не могут однако селиться. По своей отдаленности от населенных мест, от долин, усеянных зимовками, многия богатыя и роскошныя долины гор, напр. чингизских, представляют слишком мало защиты против двух исконных врагов кочевника — волков и барантачей, для того чтобы туда мог забраться отдельный аул. Заселить эти места могли бы только целыя партии, которыя, строя зимовки на недалеком разстоянии одну от другой, общими силами вели-бы борьбу с такими разрушительными силами, как волк и барантач. Не без влияния остается и киргизская общительность. Жить вдали от людей, не видеться с соседом, родственником, не толковать о всевозможных делах киргиз не может. Ему нужно общество, постоянный обмен мыслей и впечатлений. Между тем, забившись в горныя ущелья, отделенная от остальных зимовок непроходимыми в зимнее время цепями сопок, он в течении пяти месяцев был-бы отрезан от све-

та. И вот, под влиянием этих условий, киргизы теснятся на давно занятых местах, и оставляя пустыми многия урочища, оберегают старыя места, делят их, окружают разными граничными знаками естественными и искусственными, а с другой — придумывают всевозможныя хитрости, чтобы расширить тесный участок на счет соседей.

Обыкновенными граничными знаками служат естественные пределы, не поддающиеся изменению, напр. горы, сопка, река, озеро или искусственные, напр. могила, колодез, ямы, столбы из камней. Все эти знаки, называемые «булюкныи бельгесе», т. е. решительная черта или «булюк тас», т. е. куча камней или «оба», т. е. пирамида, охранялись в древности, как святыня; в настоящее же время часто встречаются подделки знаков, выдумывание новых названий для мест и т. п. явления, направленныя к тому, чтобы завладеть чужою местностью, чтобы ввести в заблуждение судей, если дело дойдет до спора. Споры о местностях весьма часты. В старину они решались лицами, коротко знавшими местность, по выбору спорящих. В настоящее время, под влиянием Временного Положения, передавшаго эти дела в руки постоянных киргизских властей, прежний порядок практикуется реже и все подобные дела, равно как и дела о повреждении граничных знаков разбираются биями на съездах. За повреждение граничных знаков бии приговаривают к штрафам. При разделении участков между членами волостей или старшинств съезды руководствуются потомственным владением и выделяют всякому участок смотря по тому, чем пользовались его родители. Количество скота при этом во внимание не принимается. Затем уже, человек, получивший лишний для себя участок, вступает в сделку с нуждающимся в большем пространстве и уступает свой участок за известную плату. Временное Положение требует, чтобы участки делились по количеству скота, но требование это, несоответствующее киргизским взглядам, остается большею частью мертвой буквой и приводится в жизнь лишь редко, под давлением какого-нибудь богатаго киргиза, съумевшего сорганизовать в волости большинство покорное его требованиям и служащее его интересам.

Придерживаясь по отношению к земле и ея поверхности того взгляда, что участки должны находиться в частной собственности отдельных семейств или родов, киргизы не проводят этого взгляда по отношению к кладу. Клад принадлежит тому, кто его нашел. Так можно судить по крайней мере по существующим у киргизов сказкам и преданиям. Что-же касается случаев находки клада, то они очень редки. Киргизы Семипалатинского уезда помнят лишь один случай, относящийся к концу XVIII ст., когда некто Эдиге нашел в пределах теперешней Аягузской волости (Сергиопольского уезда) клад, послуживший основанием богатству нашедшего и его потомков. Преданий о кладах, сказок относящихся к этому предмету, рассказов о местах, где должны находиться клады, зарытые еще калмыками, в народе живет много.

На горе Даголан, близ горы Орда, видной с дороги ведущей от Семипалатинска к Сергиополю и лежащей в пределах Чингизской волости, множество ям, доказывающих, что здесь неоднократно искали скрытых богатств. В народе сохранилось предание, что сто лет тому назад в пещере, на верху обнаженной горы кто-то нашел бронзовый котел, ствол большой сосны и кости сайги. С тех пор крепко держится поверие, что на этой горе зарыт клад и многие пытаются отыскать лежащия в земле богатства. Такое-же поверие существует относительно пещер в Кандыгатайских горах.

Как на сказку, можно указать на следующую, из которой исчезло

название действующих лиц и даже местности. Некто заметил у какой-то горы огонь и подойдя ближе увидел пещеру, заваленную камнями и глиной. Полагая, что в пещере скрыт клад, который и горел, находчик обратился к колдуну с вопросом, как открыть пещеру. Колдун ответил, что пещера сама откроется, но только тогда, когда открывший ее срубит 40 голов. Тогда нашедший пещеру выделал из дерева 40 головок, срубил их и перед ним открылась пещера с несметными богатствами.

Весьма распространена сказка про братьев Аттантая и Джамарта. Первому из них удалось завладеть золотым истуканом. Истукан обладал таким свойством, что каждая отрубленная часть его немедленно возстанавливалась. Перед смертью Аттантай бросил истукана в воду. Накопленныя Аттантаем богатства перешли к брату его, Джамарту, но так как у него они не возобновлялись, то Джамарт обеднел и умер с голоду. По первоначальному происхождению, сказка эта не киргизская. Она занята из арабской литературы, где говорится про человека Хатым, жившаго в местности Тай, прозваннаго щедрым, — джамерт. Киргизы, соединив слова Хатым и Тай и отделив Джамарт, сделали из одной личности двух братьев.

Как выше сказано, клад, по мнению киргизов, должен принадлежать тому, кто его нашел. Но если бы при находке присутствовал старик, не принимавший в самой находке активнаго участия, то ему, из уважения к годам, должно дать значительную часть найденного. Эту дань возрасту киргизы платят также при охоте. Первая добыча принадлежит старику, встретившемуся ранее, чем охотник успеет приторочить пойманнаго зверя.

Переходя затем к находке потерянной кем-либо вещи, надо заметить, что самый факт находки служит лишь основанием для получения вознаграждения — «Чуюнчи» и что вещь остается в руках нашедшаго ее лишь в том случае если не найдется хозяин т. е. если она представляется ничьею вещью. Кто найдет какую-нибудь вещь, должен в присутствии народа объявить о находке, прокричав трижды: «я нашел такую и такую-то вещь», напр. топор. Неисполнивший этого обряда, называемого «луката» (араб.), может быть привлечен к суду биев, которые обязывают возвратить вещь без получения чуюнчи и объявляют нашедшаго потеренную вещь ненадежным человеком. Размер чуюнчи простирается до $^1/_5$ стоимости потерянной вещи. Изложенныя правила применяются киргизами одинаково ко всем вещам, за исключением овец. Нашедший овцу оставляет у себя ея потомство, а хозяину возвращает только потерявшуюся штуку. Если однако окажется на овце испорченным знак потерявшаго ее хозяина, то это считается указанием на то, что нашедший намеревался присвоить ее и тогда он обязан возвратить овцу вместе со всем приплодом. При киргизской общественности, при постоянных посещениях и разъездах из аула в аул, в степи весьма быстро обнаруживается всякая находка, всякая новая вещь, появившаяся у того или другаго. Одинаково быстро расходится и известие о потерявшемся, а потому скрыть находку очень трудно и почти всегда потерянная вещь возвращается в руки своего хозяина, что и выражается у киргизов в следующей пословице: «тапкан сюинэдэ, таныган аладэ», т. е. нашедший радуется, опознавший возьмет.

Дарение

Дарение у киргизов весьма развито; нет в их жизни ни одного торжественнаго случая, который не сопровождался бы более или менее зна-

чительными, обязательными подарками, а кроме того существуют особыя, точно определенныя юридическия отношения, сущность которых сводится к обязанности давать и праву получать подарки. О многих обязательных подарках, даваемых при сватовстве и свадьбе, было сказано выше и там замечено, что, по мнению киргизов, свадьба может скорее иметь место без уплаты калыма, нежели без подарков. Последним из подарков, даваемых по случаю свадьбы, считается «туркундеу», подарок, даваемый отцом жениха невесте при въезде ея в аул мужа. Этот подарок не обязателен. Отец жениха может и не дать «туркундеу» и никто требовать его не вправе. Но после смерти отца «туркундеу» может быть отыскиваем на суде и бии обязывают выделить из наследства часть, у богатых обыкновенно 100 баранов, которая должна вознаградить невесту, не получившую «туркундеу».

К числу дальнейших, обязательных между родственниками подарков, принадлежат подарки, делаемые отцом замужней дочери при каждом посещении ею родительскаго аула и подарки, даваемые дочерью родителям, когда они приезжают в аул ея мужа. Одинаково с предыдущими, обязателен подарок внуку от дочери при посещении им деда. Если-бы дед в три первыя посещения ничего не дал, то внук может взять из имущества перваго, что ему угодно, а жалоба на такой захват не будет уважена, потому что захвативший вещь поступил, как внук — «джиендык калды». При посещении почетными киргизами друг друга, в особенности если посещение неожиданно, обязательно тоже дать подарок, разнообразящийся в стоимости по достоинству гостя.

Всего замечательнее однако подарки, делаемые тамырами, т. е. друзьями, заключающими между собою дружбу, большею частью исключительно ради обмена подарками.

По происхождению своему, тамырство относится к глубокой древности, к тем временам, когда киргизы, кочуя ближе к Средней Азии, приходили в постоянные столкновения, как с иными племенами, так и между собою и когда каждый старался создать для себя более прочное положение посредством приобретения возможно большаго количества друзей, обязанных защищать тамыра под условием взаимности. С умиротворением степи, с водворением в ней гражданскаго порядка, постепенно исчезает потребность в прежних связях и от древняго тамырства остаются лишь кое-какие остатки, потерявшие прежний практический смысл. В настоящее время различаются три рода тамырства: самая крепкая связь — это дружба, соединяющая между собою доз-тамыров, т. е. друзей до века. Заключается доз-тамырство посредством объятия с обнаженной грудью «кушак таскан» или пожатия друг друга за большой палец — «бармак уз таскан». Доз-тамыр обязан всегда помогать своему другу, он может взять у него без спроса все, что ему угодно и никаких расчетов между друзьями не полагается. Время существования этой дружбы не определяется; она переходит с отцов на сыновей до тех пор, пока сын одного из тамыров не просватает за себя дочери другаго. В сватовстве, равно как и в потребованных вещах тамыр не должен отказывать другу. В настоящее время доз-тамырство встречается очень редко и преимущественно между стариками.

Вторую степень представляет сюек-тамырство, т. е. костяная дружба, связующая между собою сватов и не требующая никаких особых обрядов, кроме описанных выше. Наконец низшая, весьма распространенная форма — это словесная дружба (аус-тамыр). Спустя некоторое время после заключения тамырства словеснаго, предложивший дружбу посылает своему другу подарок, а затем, через несколько месяцев или

год получает сам равноценную вещь, называемую «колка». Если один из тамыров, сделавший подарок, не получит взамен равноценной вещи, или если кто-нибудь из них не пособит другому в несчастном случае, напр. при уплате куна, справлении поминок и т. п. специальным подарком — «джилу», то дело обыкновенно переходит на суд биев, которые своим решением заставляют неверного друга расчитаться. С некоторым уважением относятся киргизы в настоящее время к тамырству между сватами, полагая, что сватовство установляет действительно прочную связь: «су сузельмейдэ, суек узельмейдэ», т. е. вода не цедится (не дает осадка), кость не разъединяется. Словесная-же дружба не пользуется популярностью. На человека, имеющаго много тамыров, смотрят как на ветренника, не умеющаго ценить своего имущества и уверены, что рано или поздно он поссорится с своими друзьями: «тамыр тюбе дау, курдас тюбе джау», т. е. тамыры кончат спором, ровесники кончат враждою.

Обязателен, наконец, подарок т. н. второму тестю, а равно со стороны последняго — приемному зятю. Дело в том, что у каждого киргиза, кроме отца жены, имеется второй тесть — «укынь-ата», т. е. вверенный тесть. Когда киргиз женится, то один из почетных аксакалов его рода вызывается сам или приглашается женихом быть вторым тестем и при этом делает приемному зятю небольшой подарок. После свадьбы, когда жених приедет с женой в аул отца «укыль-ата», может взять из приданого любую вещь, за что после, при выделе отцом приемнаго зятя, обязан сделать последнему хороший подарок.

Патриархальный строй киргизской жизни, подчинение всех членов семьи главе ея, в настоящее время, при более близком столкновении с русскими, приходит постепенно в упадок, и прежде всего это отражается на возрастающем постоянно количестве выделов, распадений семьи на несколько самостоятельных семейств. Обыкновенно указываемыя киргизами причины каждаго отдельного выдела, как-то: семейный разлад, невозможность вести в одном месте значительное хозяйство и содержать большие табуны, неспособность престарелого главы управляться со сложным хозяйством, желание приобресть новыя зимовья и т. н. причины, не более как внешние стимулы, прикрывающие собой настоящую, более глубокую причину, а именно переворот, совершающийся постепенно во всех взглядах и потребностях киргизов. Замечательно при этом то обстоятельство, что разделы преимущественно практикуются среди богатых киргизов, т. е. той части населения, которая ближе всего входит в прикосновение с русскими, которая сталкивается с ними не случайно, мимоходом, а завязывает более постоянныя сношения. Между тем как люди средние и бедные живут все еще по прежнему, между тем, как у них, в общем семейном имуществе нередко можно встретить часть брата, живущего далеко и лишь изредка посещающаго родной аул, — богатые, пользующиеся у киргизов особым почетом, имеющие громадное влияние на всех окружающих и имеющие больше возможности сохранять в целости старинные обычаи, легче всего отказываются от них.

Решившись по каким-бы то ни было причинам выделить одного из своих сыновей, выделяющий созывает родственников и друзей и объявляет им торжественно о своем намерении и о том, какую часть своего имущества он дает выделяемому. При этом, как и при всяком торжественном случае, режется баран, читается бата, а затем начинается выдел и, обыкновенно, наложение знака, тавра, нового владельца на каждую выделяемую из стада штуку. Присутствующие родственники в свою очередь помогают выделяемому, делая ему подарки — «нимеурун». В тот

день, когда выделяют баранов, жена выделяемаго отдает свекру одну из лучших вещей своего приданаго, напр. хороший халат; после этого подарка, называемаго «косак басы», т. е. аркан голов (овцы и бараны привязываются у киргизов в длинный ряд за головы к волосяной веревке) читается бата.

Часть, выдаваемая отцом сыну зависит вполне от перваго и никаких протестов против этого со стороны сына не допускается.

В первое время после выдела отец обыкновенно помогает сыну напр. при приобретении хорошей зимовки, но затем, когда хозяйство последняго упрочится, то сын обязан помогать отцу, причем помощь эта выражается преимущественно в личных услугах, напр. закупке необходимых вещей на средства, отпускаемыя отцом, продаже лошадей, баранов и пр.

Если у киргиза имеется несколько сыновей, желающих жить отдельно, то все они выделяются, а отец остается один в своей кибитке, которая после его смерти переходит к старшему из сыновей. Чаще однако младший из сыновей не выделяется и живет при отце до его смерти, а после того наследует один все оставшееся имущество, на которое выделенные братья его никаких прав не имеют. Завещания стали появляться у киргизов весьма недавно, но они не пользуются популярностью и бии не придают им никакого значения.

Договоры

Договоры у киргизов заключаются или просто посредством словеснаго обещания, или-же облекаются в более торжественную форму посредством присяги, присутствия свидетелей и наконец, с недавняго времени, письменных договоров. Первые, т. е. словесные договоры, юридической силы не имеют и неисполнение данного слова или обещания считается лишь делом безчестным, недостойным порядочнаго человека: — «увадасы джокта-иман джек; иманы джокка-худай джок», т. е. кто не сдерживает слова, у того нет веры; у кого нет веры, у того нет Бога.

Несдерживающий обещания называется «вагдасыс», т. е. ненадежный или «суайт», лгун.

Несмотря на то, что договоры, заключающиеся без свидетелей не имеют юридической силы, люди, доверяющие друг другу, избегают свидетелей и ограничиваются одним обещанием, в той надежде, что если впоследствии возникнут какия-либо недоразумения, то они выяснятся очистительной или подтвердительной присягой, принимаемой посторонним киргизом, по убеждению. Этот способ решения споров через присягу посторонняго, пользующагося доверием киргиза, составляет старинную принадлежность киргизского процесса и хотя он вообще и сохраняет свою силу по настоящее время, но по отношению к спорам, вытекающим из договоров, он вытесняется постепенно свидетельскими показаниями, а в новейшее время, с распространением грамотности, письменными документами. Общеупотребительная форма состоит в принятии присяги в присутствии одного до трех свидетелей. Договаривающиеся читают в присутствии свидетелей бату, обещаются исполнить свято договор, затем объявляют присутствующим о содержании договора и наконец угощают свидетелей мясом.

В менее важных случаях прочтение присяги сопровождается рукобитием, в более же важных какой нибудь клятвой напр. «осу сюземыс ны бузга, ныызды худай бузсын», т. е. да испортит Бог того из нас, кто испортит сии наши слова; или же произносят договор, положив себе

на голову камень, что называется «тас коюскан» и равняется клятве; или же едят хлеб с солью «нан-туз», т. е. хлеб-соль.

Специальные обряды соблюдаются при заключении между киргизами условия об общей вражде и при примирении с врагом. В первом случае собираются в одну юрту все почетные киргизы данной партии, уславливаются на счет вражды, обещают себе взаимную помощь, обязуются не заключать мира по одиночке и затем колют или серую лошадь с лысиной — «кок каска» или белого барана с желтой головой — «ак сар бас», при чем закалывающий говорит: «Пусть течет кровь того, кто изменит, как у этой лошади (или у этого барана)», а все присутствующие отвечают «амин». При заключении мировой, представители обеих партий собираются два раза; сначала в ауле одного из почетных киргизов одной партии, а после в ауле другой партии и каждый раз колют барана, читая трижды бату, а именно: в момент заклания барана, когда его мясо сварится и после съедения мяса.

Побочными договорами, подкрепляющими главный, служат у киргизов поручительство и залог. Последний, т. е. залог появился сравнительно недавно и ограничивается залогом зимовок. В случае неисполнения контрагентом условия, заложенная зимовка переходит во владение кредитора, который пользуется ею до выкупа должником. Если однако должник в течение 10 лет не выкупит зимовки, то она переходит в собственность кредитора.

Поручительство различается двух видов: порука за человека т. е. за действие его и порука за имущество. В первом случае поручитель обязан исполнить сам те действия, от исполнения которых добровольно или недобровольно уклонился первоначально обязавшийся: «ерге кепель уледе», т. е. за человека порука умирает (исполняет обязательство).

Во втором случае поручитель, в случае уклонения должника обязан удовлетворить кредитора своим имуществом. «Малга кепель тулейде», т. е. за скот порука платит.

Процентов, задатков, неустоек киргизы не знают в сделках между собою; встречаются подобныя условия только в сделках с русскими или татарами.

Обязательство, лежащее на киргизе, переходит после его смерти на наследников, которые, из нежелания запятнать память умершаго, платят очень исправно оставшиеся долги, так что подобныя дела сравнительно редко доходят до суда биев.

Меры употребляемыя киргизами в сделках между собою суть следующия:

а) меры длины:

«кулач», т. е. мах — длина вытянутых горизонтально рук человека средней величины, «тюс-чары» — пол маха, «сере» — большая четверть, пространство между большим пальцем и мизинцем «карыс» — пространство между большим пальцем и безимянным, «сюем» — малая четверть, пространство между большим пальцем и указательным, «тутам» — кулак, т. е. ширина сжатой кисти, «еле» толщина большаго пальца. Расстояния измеряются посредством шагов «адым» и «чакрымом», т. е. разстояния, на какое слышен человеческий голос, 1 — 2 верст, и наконец «кеч» — перекочевка, т. е. пространство, на которое передвигается аул во время кочевки. Различается еще кечь весенний и осенний, причем первый меньше втораго, так как весною, когда скот не успел еще оправиться, аулы передвигаются тише, нежели осенью.

Сыпучия тела измеряются посредством капов — мешков, сшиваемых из узких полос (в малую четверть) самодельной киргизской материи. Ка-

пы весьма разнообразны; едва-ли найдутся две волости, в которых они были бы одинаковой величины, а потому мерой служить не могут и требуют сами определения посредством какой-нибудь другой более постоянной единицы. Единицей такой служат полосы, о которых упомянуто выше — «ин», так что величина капа определяется по числу полос, из которых он сшит. Меньшими мерами служат: «чилик» — деревянная мера, величиною с ведро, «косус» — пригоршня, «уус» — горсть. Жидкости измеряются посредством «чидик», «суузсын, аяк» — чашка, утоляющая жажду, «керсен» — чашка в три раза больше предыдущей, «чара» — большая чашка для кумусу и пр. При продаже скота единицей считается взрослый баран. Десять баранов равняются одной лошади, а четыре (пять) лошади — одному верблюду. Шесть мерлушек, а в последнее время пять, равняются половине барана. Звери, шкуры звериныя, птицы и рыбы продаются поштучно. В сделках с русскими киргизы употребляют русския меры и русския деньги.

Самые употребительные имущественные договоры киргизов сводятся по отношению к недвижимости к отдаче в аренду зимовых мест и пашень; по отношению же к движимости — к отдаче в ссуду скота и вещей.

Зимовые стойбища отдаются бедными богатым большею частью только на один год за весьма разнообразную цену. В те годы, когда корму много, когда скоту не угрожает джут, плата за зимовки весьма низка, иногда не превышающая собою стоимости барана или количества годовой подати. Когда же зима стоит суровая и пастбища занесены снегом или, что еще хуже, после временной оттепели покроются тонким слоем льда, тогда цены растут быстро и доходят до громадных размеров. Бывали случаи, что за зимовыя стойбища хозяин получал $^1/_{20}$ и даже $^1/_{10}$ часть пасшегося на них скота.

Пашни гораздо реже сдаются в аренду и то только в тех случаях, когда оне принадлежат богатым киргизам, не имеющим ни возможности, ни желания заниматься земледелием. Обыкновенная в таких случаях система состоит в получении с обрабатывавшаго землю части хлеба, большею частью столь значительной, что работавшему остается лишь необходимое для пропитания себя в течение зимы. Громадное большинство пашень, кое-где разсеянных по степи, принадлежит беднякам. Люди эти, называемые «эгенчи» — земледелец, к весне весьма часто не имеют даже семян для засева своих крохотных полосок и в таких случаях либо передают землю более счастливым родственникам за ничтожное вознаграждение из будущаго урожая, или же занимают семена, за которыя отдают значительную долю из будущаго урожая. Вообще, так как земледелие у киргизов мало развито и так как киргизы неохотно принимаются за хлебопашество, то и обычаи, относящиеся сюда, весьма мало развиты и не представляют из себя ничего более или менее постояннаго. Ссуда практикуется преимущественно по отношению к скоту; богатый киргиз считает своим долгом каждое лето снабдить не только неимущих родственников, но и многих знакомых необходимым скотом. Верблюды даются для кочевок, лошади для езды, а бараны и рогатый скот для удоя. За ссуду вознаграждения никакого не берется и для взявшаго существует только обязанность возвратить скот в целости. Отдача лошади называется отдачей под жир — «май», т. е. до тех пор, пока лошадь не похудеет, что, смотря по езде, наступает в 2 — 3 месяца. В случае если скот возвращается в захудалом виде, хозяин может не взять его обратно и тогда пользовавшийся им или оставляет его у себя до поправления, или же возвращает хозяину стоимость скота. Отдача скота для доения — «сютун саунга берсень» сопровождается иногда, а

особенности близ городов, платой, не превышающей 5 — 7 рублей за лето.

Из вещей отдаются в пользование юрты, телеги и т. п. безплатно, но с обязанностью возвратить вещь в целости. При исполнении сделок киргизы между собою стараются быть по возможности аккуратными. В случае обеднения, несостоятельности, они делают друг-другу отсрочки, уменьшают требования, а при полной невозможности получить удовлетворение, если несостоятельность произошла помимо вины несостоятельнаго — «худай амре (араб.) менен», т. е. по повелению Божию, долг прощается вполне и превращается в обязанность молиться за простившего «зякет» (коран).

Если однако причина неуважительна вызвана легкомыслием должника, то кредитор может при производстве взыскания взять все вещи, за исключением юрты, тагана, чашек, ложек, постели и необходимой мужской и женской одежды, а несостоятельному должнику присваивается кличка «боршкор», т. е. задолжавший кругом.

Отрабатывание долга встречается очень редко и только по желанию самаго должника.

В сделках с русскими киргизы руководствуются совсем противоположными принципами. Между тем как между собою и по отношению к татарам и сартам, в особенности поселившимся окончательно в степи, замечается у киргизов много честности и уважения к торгующим, купцы проживающие в городах и производящие торг в степи временно, в особенности-же русские торговцы, вынуждены быть всегда на стороже. Обман и мошенничество по отношению к ним не только не считаются преступлением, но всегда найдут среди киргизов помощь и защиту. Причиною этому служит отчасти религиозный и национальный антагонизм по отношению к русским, в большей-же степени грубая эксплоатация, жертвой которой становятся киргизы и которая направляется исключительно на киргизский скот. Обыкновенными приемами служат ссуда денег осенью отдельным лицам, старшинствам или даже волостям для взноса податей и продажа осенью товара. Как в том так и в другом случае киргизы обязываются произвести уплату весной скотом по заранее определенной цене, равняющейся нередко половине нарицательной цены. При продаже товара вдолг купцы выигрывают кроме того очень много, сбывая киргизам товар худшаго качества и внося в условия громадные неустойки на случай несвоевременной расплаты.

С наступлением весны, а вместе с тем с приближением срока уплаты, картина изменяется и теперь киргиз наровит всеми силами обмануть купца. Он укочевывает со скотом в отдаленныя местности, скрывает лучшие стада у родственников, отдавая кредиторам слабыя штуки, расплачивается скотом не той породы, какая следует купцу по условию, заявляет себя несостоятельным и добивается сбавки долга, словом употребляет все возможныя меры для того, чтобы избавиться от платежа долгов, насчитываемых на него купцами. Подобныя отношения приводят, конечно, сплошь и рядом до судебнаго разбирательства, которое может иметь место и рядом или в суде биев или же в русском суде, у уездных судей. Купцы предпочитают в подобных случаях суд биев, по тому, что решения его пользуются у жителей степи большею популярностью нежели русский суд и потому что исполнение бийских решений в степи представляет менее затруднений, так как бии, проживая в степи, лучше знают экономическое положение каждаго киргиза и могут указать на средства для удовлетворения претензии. Проживающие постоянно в степи торговцы не встречают описанных затруднений по двум

причинам: во 1-х им отлично знакомы все киргизы, а потому они легче избегают рискованных сделок, а во 2-х, на них смотрят как на людей трудолюбивых и относятся к ним с уважением. Сами киргизы занимаются торговлей сравнительно редко и то большею частью лишь те, которые поселились в городах или поблизости их. В отдаленных волостях найдется лишь несколько человек, которые не ограничиваясь скотоводством производят торг скотом или красным товаром.

Выше было уже изложено, что у киргизов, по отношению к предметам, допускающим выделение их в частное владение, преобладает принцип семейной собственности, и что этот принцип проводится на практике весьма последовательно, даже в таких случаях; когда вещь не может принести ея владельцу непосредственного дохода и когда на основании существующих узаконений она должна бы перейти в другия руки (выдел зимовок лицам, не имеющим скота). Из означенного принципа существуют лишь немногия исключения, которыя, не будучи настолько разработаны, чтобы представлять из себя специальный институт, т. н. прав на чужия вещи, поддаются разве перечислению по одиночке. Прежде всего обращают на себя внимание те случаи, в которых киргизу дозволяется пользоваться чужою движимостью.

В старину право это распространялось на все необходимыя орудия и на лошадей, так что нуждающийся в орудиях или лошади киргиз мог без всякого спорса взять у хозяина необходимую ему вещь и пользоваться ею до минования необходимости. Со временем, обычай этот изменился значительно и в настоящее время означенное право, съуженное в своих размерах, сохранилось лишь для родственников владельца. Родственник может всегда взять без спроса лошадь для езды или баранов для доения или даже в крайности для уплаты долга, но обязан возвратить их к осени или к определенному сроку. Посторонние вправе взять любую лошадь у каждаго человека лишь в одном случае, а именно если она необходима для погони за угнанным стадом или для преследования воров и барантачей. Самое широкое право пользования сохраняется за нуждающимся отцом по отношению к имуществу выделеннаго сына. Как выше замечено, отец вправе взять любую вещь у сына и пользоваться ею сколько ему угодно. Протест сына, даже в случае заявления его, во внимание не принимается.

Недвижимыя имущества, состоящия в частной собственности, от всяких ограничений в пользу других лиц вполне изъяты и всякий ущерб, причиненный хозяину, всякая потрава влечет за собою обязанность вознаградить последняго, а если за нанесшим убыток можно предполагать умысел, то и обязанность уплатить штраф. Так, киргиз, совершивший по неведению порубку в частном лесу, выкосивший сено на частном сенокосе, потравивший необерегаемый чужой хлеб или чужое сено, обязан вознаградить собственника, смотря по количеству причиненнаго вреда, при чем количество последняго обыкновенно определяется двумя посредниками выбираемыми по одному со стороны виновнаго и потерпевшаго. Разбирая подобные дела, бии обыкновенно присуждают уплатить только стоимость вещи до момента нарушения, напр. стоимость нескошенной травы, не вырубленнаго леса. Если поэтому, потерпевший получает самую вещь, то он обязан вознаградить провинившагося за потерянный им труд. Если однако выкошенным или потравленным окажется хлеб или сено, охранявшееся, то нанесение убытка считается умышленным и виновный обязан возместить стоимость снятаго хлеба или сена.

Все подобные иски решаются большею частью миролюбиво выбираемыми в каждом отдельном случае посредниками.

Личный наем

При большом хозяйстве, многочисленных стадах, киргизы не могут обходиться без рабочих. Часть их дают воспитанныя при богатых аулах сироты и бедные родственники, поселившиеся у богатаго человека и состоящие под его покровительством. Остальные-же нанимаются из числа бедных лиц, не имеющих собственных средств для пропитания себя и семьи. Нуждающийся в работе предлагает обыкновенно сам свои услуги и нанимается на полгода, т. е. на 7 летних месяцев (с апреля) или на 5 зимних месяцев (с ноября). Только хороший работник, известный своим трудолюбием и честностью, отыскивается хозяевами и получает приглашения; остальные, желая наняться, кочуют от аула к аулу, отыскивая себе работу. Условия найма весьма разнообразны; они зависят от качеств рабочаго и от того, нанимается ли он один или с семейством; плата производится всегда натурой. Если нанимается один только рабочий, а семья его остается в своей юрте, то ему, смотря по достоинству его, дается пища и 10 — 40 овец для пропитания семьи, которая доит овец, приготовляет из молока запас курта и масла на зиму, и стрижет шерсть на кошму. С окончанием срока службы, бараны возвращаются хозяину. Работник, поступающий в услужение со всею семьею, кроме пищи для себя и баранов для пропитания семьи своей, получает необходимую одежду для себя, а именно: шаравары, сапоги, тулуп или халат и пр. для жены платье или джавлук и сверх того 5-ти летняго мерина или 4-х летнюю кобылу (хорошему работнику), 2-х летняго жеребенка (среднему рабочему) или барана (плохому рабочему). Иногда и работник и жена его пользуются хозяйскими харчами; в таком случае число баранов для удоя уменьшается на половину.

Обыкновенная пища киргизов, в особенности работника, не отличается разнообразием. Летом она состоит из молока свежаго и кислаго (айран) и иногда из кумысу; зимою главными кушаньями служат «бидайкоже» — жидкая каша из зерен пшеницы, сваренных в воде с молоком, и курта (курт — сыр из овечьяго молока), к чему изредка прибавляется мясо заколотых осенью баранов и лошадей.

В прежнее время некоторые работы производились киргизами с помощью целаго рода. Таковы складывание памятника над умершим, проведение арыка, постройка зимовки. В настоящее время обычай этот вышел из употребления, а на его место явилась «момошь», т. е. помощь, заимствованная у русских. На помощь созываются все соседи и близкие, преимущественно для спешных раб, каковы косьба сена для слабаго скота на зиму и исправление скотских дворов и зимовок. Во время помощи хозяин обязан угощать всех приезжих мясом, кумысом и пр.

Артелей у киргизов не существует. Нечто похожее на артели представляют впрочем охотничьи товарищества, составляющияся очень редко для охоты за сайгами, куланами, сурками и пр.

В товарищества эти собираются 10 — 20 человек, которые избирают старшину — «отагосы», а затем делят добычу поровну между всеми членами или-же по уговорам, разнообразящимся в каждом отдельном случае. Для обыкновенной охоты за маралами, архарами, за лисицами с беркутом и для рыбной ловли (на озере Зайсанском) никаких товариществ не составляется и каждый ведет охоту сам по себе на свою руку.

III. Уголовное право

Преступление и наказание вообще

Киргизы не различают деяний преступных, безнравственных и противу религиозных. Все эти категории поступков сливаются у них в одну группу вредных деяний, совершаемых человеком по злой воле, вследствие подстрекательств злаго духа, шайтана, который безусыпно старается принести человеку какой-либо вред, то истребляя скот, то причиняя боли и огорчения, то наконец направляя его деятельность на худые поступки. Множество поговорок, сваливающих главную вину на шайтана, как нельзя рельефнее рисуют этот взгляд киргизов: «шайтан азгырды», т. е. чорт соблазнил, «шайтан бас тады», т. е. чорт был в голове, «шайтан мойна мэнды», т. е. чорт на шею сел, «адаспан дегень джигитэ карангэ туман адас тырар», т. е. никогда бы не заблудился молодец, но в темном тумане запутался, и т. д.

С другой стороны, киргизы верят в предопределение божие, в то, что Богом заранее определен всякий факт, и что человек безсилен противодействовать этому предопределению: «худай тагаланын бийругы», т. е. так определено ему Богом; «худай тахтыры», т. е. божья воля. Практический вывод из означенных двух взглядов ведет киргизов к тому, что за преступление или, по киргизски, за греховное деяние, «куня», сам Бог наказывает, выбирая для этого самые разнообразные пути, как на земле, так и в загробной жизни, в пылающем огне — «дозак». «Сом тэмиргэ балга бар; сом сынганга таныр бар», т. е. для крепкаго железа есть молоток, для самонадеяннаго человека есть бог. Бог внимает молитвам обиженных, он является их защитником и покровителем, мстит за них: «зурлук кургенды, кудай куреды», т. е. обиженнаго Бог призреет.

Что же касается разных преступных деяний, то киргизы различают умышленныя «шайтанга эрды, напсынэ (араб. навсь) эрды», т. е. преступления, совершенныя по навождению шайтана и по внушению страстей; неосторожныя деяния — «хаталык», т. е. ошибка и случайныя — «худай эсе», т. е. по божьей воле. Общее название для всех преступлений — «куня», т. е. грех, дурное дело, которое по делению, заимствованному из корана, распадается на «улькун куня», т. е. большой грех и «кши куня», т. е. малый грех.

Человеческое правосудие у киргизов сводится к возмещению понесеннаго им материальнаго ущерба и к удовлетворению чувства мести. В старину, оба эти взгляда, как можно судить по народным воспоминаниям, находили себе полное выражение в жизни, в личных расправах оскорбленных с оскорбителями, в безконечных родовых расспрях и войнах. С относительным водворением мира, с установлением хотя и слабой ханской власти, прежний взгляд выливается в новую форму — строгих наказаний, которыя в большинстве случаев могут быть искуплены частными сделками, кунами и аипами, установленными биями, но могущими быть измененными по соглашению потерпевших и обвиняемых.

В настоящее время месть в прежней, признанной обычаем, форме почти не практикуется, исчезнув из жизни под влиянием соприкосновения с русской цивилизацией, и почти единственными киргизскими наказаниями за всякия деяния, начиная с убийства и кончая ничтожнейшим поступком, являются штрафы — «аип» за маловажные проступки и «кун» за лишение жизни, увечья и раны.

Низкая, сравнительно, ступень культуры, на которой находятся киргизы, объясняет не только общий взгляд на деяние преступное, но и

отношение к многим деяниям, преследуемым более цивилизованными обществами, у киргизов же являющимся вполне закономерными. Не говоря уже о множестве, т. н. полицейских правонарушений (contravention), о которых киргизы понятия не имеют, здесь нельзя не отметить их отношения к таким деяниям, как изгнание плода, умерщвление новорожденнаго ребенка, оставление человека в опасности, мошенничество и самоуправство, которыя признаются за деяния или вовсе непредосудительныя, или-же, как мошенничество, за деяния, служащия основанием гражданских исков.

Самоуправство, в виде баранты, т. е. насильственнаго угона скота, составляет даже род подвига и настолько укоренилось в народном сознании, что борьба с ней русских властей, несмотря на всю свою продолжительность, не дает никаких положительных результатов. Между тем как грабежи и разбои почти исчезли и в этом отношении умиротворение степи сделало значительный шаг вперед, баранта процветает по прежнему, обогащая каждый год летописи степнаго правосудия сотнями и тысячами новых дел о барантах, а в народной памяти число батырей, героев, постоянно возрастает, присоединяя к прежним богатырям новых, прославившихся не борьбой с врагом, с барсом или кабаном, а удачным угоном стад.

С другой стороны, киргизская жизнь и киргизские обычаи выделяют отдельныя, безразличныя в юридическом отношении деяния и делают из них проступки, преследуемые народным судом. Сюда относятся прежде всего отказ в гостеприимстве и отрезание хвоста у лошади.

Киргизский обычай не только вменяет гостеприимство в обязанность, но старается даже странника заставить пользоваться гостеприимством. Отправляясь в дорогу, киргиз не берет с собою припасов, за исключением лишь случая, если путь его пролегает по безлюдным местам и когда он, следовательно, по необходимости должен запастись хотя-бы самым ничтожным количеством курта и айрана. Если, поэтому, кто нибудь откажет в принятии странника, не накормит, не напоит его, то оскорбленный может жаловаться на это, а суд биев приговаривает виновнаго к уплате штрафа («аип») — лошадь и халат — «ат-чопан», увеличивая и уменьшая штраф, смотря по обстоятельствам.

Обрезание хвоста у лошади, как проступок, заключает в себе элемент оскорбительный и, в то же время, угрозу. По киргизскому обычаю, обрезывают хвост у лошади парня, пойманнаго в момент полового сожительства с посторонней ему девушкой (у девушки обрезывается коса), следовательно обрезание хвоста указывает на опозорение владельца лошади. Угроза находится в связи с обычаем обрезывать хвост у лошади после смерти ея хозяина и обводить ее затем покрытою красным сукном вокруг аула, а по истечении года закалывать ее на «аше», поминках. Обрезание хвоста у лошади живаго человека считается угрозой лишить его жизни посредством насилия или колдовства, а потому виновный подвергается штрафу в размере половины стоимости лошади (в прежнее время до одного тогуза), а если в течении года хозяин лошади умрет или-же умрет кто-нибудь в его ауле, то обещают взыскать полный кун с обрезавшаго хвост. Впрочем угроза эта в исполнение не приводится.

Предрассудки и фанатизм остаются тоже не без влияния на взгляд киргизов на преступление, вызывая иногда самыя возмутительныя преступления. Так напр. у киргизов, вследствие сознания своего племеннаго различия с русскими, сложилось убеждение, что всякия отношения к русским властям дозволяется вести так, чтобы обмануть последния. Прежде всего взгляд этот отражается на отношении киргизов к русско-

му суду. Ложныя показания, ложные доносы, лжеприсяга — все это дозволено и даже более все это похвально, потому что киргиз находится здесь в борьбе, потому что он должен обойти противника, заставить его поступить сообразно интересам киргиза. «Клыч устенде, серт джок», т. е. меч условий не знает, «джавга джанынды бэр, сырынды бирме», т. е. врагам отдай душу, присягу, но не выдавай секрета.

Очень часто совершаются преступления при лечении больных. По воззрению киргизов, болезни происходят по воле шайтана, поселяющагося в человеке. Для излечения призывается колдун — «бакса», который лечит посредством нашептывания, молитв и высасывания червяка, для чего разрезывают тело, вызывая этим иногда увечье и даже смерть.

Тяжелые роды тоже дело шайтана, а именно шайтана, называемаго «абласты». Чтобы принести родильнице облегчение, надо отогнать шайтана. Вокруг страдающей поднимается шум, бросаются на нее с пиками, союлами, трясут немилосердно, а в конце весьма нередко получается смерть родильницы.

Суеверием вызываются также некоторые другие проступки. Для предотвращения «джута» хозяин скота должен поесть мясо краденаго барана; для отогнания появившейся в ауле оспы или повальной болезни на скот надо украсть в одном из соседних аулов барана, заколоть его и вынутыми легкими ударять по больным людям или по больному скоту, а затем легкия зарыть подальше от аула. Мясо заколотаго барана варят, едят вместе и ругают при этом шайтана для того, чтобы он ушел в легкое.

Здесь, наконец, надо упомянуть о прелюбодеянии, совершаемом бездетными киргизами с лицами, имеющими многочисленное потомство. Подобныя прелюбодеяния, совершаемыя единственно с целью иметь детей, не считаются киргизами нарушением супружеской верности.

Понятие об умысле, злой воли, у киргизов смешивается с понятием злобы, утонченности в приведении в исполнение умысла и с понятием закоренелости и служит в некоторых случаях лишь причиной, увеличивающей взыскание или наказание.

Киргизы не имеют даже понятия о тех различиях, которые установлены криминалистами в учении о внутренней стороне преступления; находясь в настоящее время на той ступени развития, на которой преобладает взгляд на преступление, как на деяние, причиняющее вред другому лицу, киргизы прежде всего спрашивают о размерах вреда, стараются вознаградить потерпевшаго, лишь изредко, в отдельных случаях, задаваясь вопросом о том, не доказывает-ли факт преступления того, что данная личность вообще вредна, что общество должно принять по отношению к ней известныя предупредительные меры.

Существуют у киргизов выражения — «кас кунем», т. е. злой умысел, «кек», т. е. месть, но выражения эти не имеют сколько нибудь определенного юридическаго значения и прилагаются к случаям жизни весьма различно и большею частью относятся народом к прошлому. Так, напр., киргизы утверждают, что в старину убийца, затаивавший долгое время свое намерение с целью привести его в исполнение при самых благоприятных условиях, подвергался смертной казни, аул его разграблялся, а родственники платили «кун» простой (кун простой, т. е. штраф за убийство обыкновеннаго киргиза, равняется 50-ти верблюдам).

Изучая, между тем, жизнь киргизов и решения их биев, не встречается нигде тройных и двойных наказаний за обыкновенныя преступления, напротив, существует пословица, отрицающая возможность двух наказаний: «бер кой дан еке тере саймайде», т. е. с одного барана двух

шкур не дерут (известный приговор бия Туле по делу об убийстве хана, где убийца был приговорен к смерти, а родичи его к уплате громаднаго куна, не может быть приведен в доказательство возможности двух наказаний, потому что приговор состоялся при исключительных условиях— совершено убийство хана орды). Бывают случаи, когда суд биев увеличивает и даже удваивает установленное обычаем взыскание, но при этом он не соединяет вместе двух вполне различных взысканий, а потому можно с большей вероятностью полагать, что в старину, сочетание куна, смертной казни и разграбления аула, никогда не имело места. Мнения об этом, высказываемыя современными киргизами и не подтверждаемыя указаниями на конкретные случаи, появились в позднейшее время и указывают на новый взгляд, зарождающийся в сознании народа.

Во всех случаях, где удается наблюдать у киргизов усиление ответственности, увеличение взыскания или наказания, преобладает материальный взгляд на преступление, принимающий во внимание факт преступления, внешнюю обстановку его, а не импульсы, руководившие преступником. Выше было указано на приговор бия Туле, увеличивший обыкновенное наказание за убийство в виду того, что убито важнейшее лицо, хан. Здесь укажем еще на несколько примеров: убийство, сопровождавшееся истязанием, влекло смерть убийцы, с причинением ему тех-же истязаний, которыя причинены жертве (в настоящее время умышленныя убийства не подсудны суду биев); убийство, сопровождающееся сокрытием трупа, влечет за собою увеличение куна, потому что сокрытие трупа лишает родственников возможности устроить обязательные поминки — «аш». Кун, взыскиваемый в последнем случае, увеличивается за мужчину на 10 — 20 верблюдов, а за женщину на 5 — 10 верблюдов и называется «сюек-кун». Впрочем, пределы эти не точны, они бывают гораздо больше и еще в сентябре 1884 г. на Урджарском съезде бии по одному делу об убийстве с сокрытием трупа подо льдом наложили на виновного двойной кун, т. е. 100 верблюдов. Увеличиваются затем взыскания за преступления, совершенныя против султанов, особенно почетных биев, в особенности за оскорбление, нанесенныя им при большом стечении народа; против родовичей, беззащитных; если местом преступления был аул преступника; если преступление совершено во время рамазана (коран) и т. п.

Повторение преступления не влияет на возвышение взыскания. Каждое преступление, напр. несколько убийств, разсматривается порознь и взыскание, в настоящее время исключительно уплата куна, определяется за каждое порознь.

Уменьшается ответственность, если преступление совершено нечаянно, малолетним, пьяным, лицом обиженным над обидевшим в горах, вдали от жилых мест.

Возраст преступника, до недавняго времени, во внимание не принимался и только с усилением влияния магометанской культуры, при взыскании с преступника принимают в разчет года его, так что наказание для детей моложе 13-ти лет, называемых «сабый» (араб.), уменьшается. Иногда, относительно детей, равно как и относительно душевно больных, практикуется испытание умственных способностей, но подобные случаи весьма редки и определенных правил испытаний не существует. Киргизы разсказывают, что способом испытания должно служить напр. предложение подозреваемому в невменяемости схватиться рукою за горящий предмет, напр. пук зажженной соломы. Как на пример испытания, укажем здесь на следующий разсказ, весьма распространенный в степи. Какой-то хан, имя котораго не сохранилось, был убит братом. Убийца вступил на престол и усыновил сына убитаго. Когда он однажды играл с усы-

новленным племянником, то этот схватил нож и ранил своего приемнаго отца. Последний пожелал предать племянника смерти за покушение на убийство, но по представлению жены своей, матери ребенка, отказался от перваго намерения и велел испытать способность малолетняго относиться сознательно к своим действиям. Воткнули в землю нож острием вверх и предложили сыну хана пасть грудью на острие ножа. Мальчик исполнил предложение и бросился на нож, но так, что тяжестью тела нагнул нож в сторону и вышел из испытания невредимым, за исключением незначительной раны на боку. Тогда все присутствовавшие убедились, что он действовал сознательно и сын убитаго хана был казнен за покушение на убийство своего дяди.

Степеней участия в преступлении киргизы тоже не знают. Все, так или иначе причастные к преступлению, отвечают вместе, платят один и тот-же аип или кун по частям, или же ответственности подвергается главный виновник, а затем уже он разсчитывается с остальными, как знает и может. Исключение допускалось в прежнее время в одном лишь случае. Человек, убивший кого-нибудь по приказанию другаго лица, подвергался смертной казни, а подстрекатель платил полный кун за казненнаго в пользу родственников последнего. Вообще же «урды-гэнгэ зоргельмес, урганга зоргелер», т. е. кто велел бить, не наказывается, кто бил, тот наказывается. Название характеризующия роль каждаго отдельнаго лица, принимавшаго участие в преступлении следующия: «кунекер», т. е. плательщик куна, главный виновник, «джартуул-басы», т. е. глава шайки, «азграучи» — подговорщик, подстрекатель, «комекче» — пособник.

Киргизами преследуется вообще только оконченное преступление. Покушение остановленное даже по обстоятельствам, не зависящим от преступника, не влечет за собой никаких взысканий. Только отдельные два-три случая выделяются в особые преступления и влекут за собой определенныя аипы. Так, за покушение на убийство взыскивается 1 — 3 тогузов, за угрозу лишить жизни — атчопан аип, т. е. лошадь и халат. (Обрезание хвоста у лошади см. выше).

Здесь же следует упомянуть о том, что при встрече в степи с заведомым вором, у последнего дозволяется отобрать лошадь и оставить его пешком, в виду предположения, что вор отправился совершить преступление.

Взгляд киргизов на преступника определить довольно трудно. Не смотря на то, что по их мнению преступление оставляет на преступнике неизгладимое пятно, что по поговорке — «бок джагыман нетеды, джуса кетеды; ат танылган нетеды, сюе гемен нетеды», т. е. замаранный навозом вымоется и все сойдет, а дурныя слова прекращаются со смертью, — не смотря на это, в жизни встречается множество примеров, прямо противоречащих указанному взгляду. Не говоря уже о том, что те из преступников, которые скроются и, мучимые совестью, ведут строгий образ жизни, пользуются большим почетом под именем несчастных — «байгус», нельзя здесь не указать на то, что почти каждая волость знает и окружает почетом лиц, добывавших состояние преступными действиями, что многия из подобных лиц приобретают большое доверие. Характерна и та черта, что киргизы очень часто не преследуют лиц, совершивших преступления, что преступник спокойно проживает на своем месте и никто не старается обнаружить его, равно как никто не выдает бежавшаго с каторги или ссылки и вернувшагося на свою родину. Отчасти отношение это объясняется отношением киргизов к русскому суду. Поселившийся между ними антагонизм к представителям полиции и су-

ду заставляет их всеми силами стараться сделать из полиции и суда орудие, служащее их целям. Поэтому то, рядом с множеством ложных обвинений, направленных на то, чтобы причинить противнику возможно больший вред, часто встречаются случаи скрывания преступления и преступника, если нет поблизости кого-нибудь заинтересованнаго в раскрытии истины.

В раздражении киргиз не приминет упрекнуть преступника, назвать убийцу «кан-ишер», т. е. кровопийца, вора или грабителя «уру, мундер», т. е. вор, негодяй, но подобным словам не придается значения, они забываются всеми, не оставляя никаких следов, не влияя нисколько на прежния отношения к опозоренному.

К числу фактов, иллюстрирующих взгляд киргизов на преступление и преступника, может служить то обстоятельство, что почти каждый вор находит в своей волости влиятельных защитников, более или менее заинтересованных в этой защите, потому что часть краденнаго поступает в их пользу. Укрыватели эти, называемые «залим», т. е. вредный, пользуются вообще безнаказанностью и изредко только подвергаются штрафам, в особенности если главные виновники не обнаружены. Чаще случается, что укрыватель добровольно входит в сделку с потерпевшими и удовлетворяет их за понесенный от преступлений вред. Кроме того, весьма многие почетные и богатые киргизы, содержащие джигитов для защиты своих стад от барантачей, посылают этих джигитов сами на баранту увеличивая этим способом свое состояние.

Самыми опасными классами в степи являются постоянные конокрады, рекрутирующиеся из числа бродяг всяких народностей, преступников, бежавших от преследования или после наказания. По установившемуся еще во времена ханов обычаю, лица эти пользуются до настоящаго времени покровительством, и, как люди опытные находят легко место у какого-нибудь богатаго киргиза, который, как выше описано, дает им возможность продолжать преступную деятельность, а в случае опасности защищает их своим авторитетом.

Отношения киргизов к доносам и доносителям весьма различны, смотря по обстоятельствам, при которых донос сделан.

Основательный донос, сделанный народному суду, не только не считается предосудительным, но даже похвальным, а также киргизы не видят ничего дурнаго в ложном доносе, сделанном русским властям с целью повредить врагу, отомстить ему за причиненныя оскорбления, вред, убытки. Иные роды доноса вызывают, напротив, горячий протест, а сами доносители считаются людьми дурными, к ним прилагается множество оскорбительных названий и на их счет существуют весьма нелестные пословицы. Вот некоторые из означенных выражений: «бельдручи», «джалакр» — ябедник, «утрюкчи» — лгун, «уекчи» — сплетник, «бублюкчи» — бунтовщик, «бзувчи» — разстройщик. «Джазалы орунын бер бете кара; джазалы айгактын еке бете кара», т. е. у вора одна щека черная; у ложнаго доносчика обе щеки черны.

Существующий у киргизов обычай платить вознаграждение «чуюнчу», тому, кто укажет похищенную вещь или похитителя ея, поддерживает в степи доносы и порождает для некоторых лиц особый промысел, состоящий в ложном доносительстве. Чуюнча равняется приблизительно $^1/_5$ стоимости вещи.

Способ доносить делится на две части: на открытое доносительство и на тайное. Открытый доносчик — «бет айгак» является прямо к потерпевшему, уславливается на счет чуюнчи и затем берет на себя доказать истину слов своих на суде.

Заочный доносчик — «сырт айгак», уславливаясь с потерпевшим на счет чуюнчи, которая бывает большею частью весьма ничтожна, по сравнению с похищенным имуществом, не объявляет ни имени вора, ни обстоятельств, при которых он узнал о краже и остается сам в дальнейшем ходе дела в стороне. Все подробности он обязывается открыть кому-либо из почетных киргизов и последний принимает на себя представление доказательств виновности, не указывая, на доносчика. Последняя форма доносительства особенно развита между киргизами, потому что при ней доносчик избегает неприятностей, которыя могут ему причинить преступники. Так как однако последняя форма т. е. закрытое доносительство, дает гораздо более возможности к злоупотреблениям, и ложные доносчики прибегают почти исключительно к ней, то вместе с тем она пользуется гораздо меньшим уважением, нежели открытое доносительство.

Ложные доносители преследуются биями. Убедившись, что донос ложен, бии все-таки продолжают разбор дела и назначают обвиняемому очистительную присягу. Раньше принятие присяги обвиняемый мирится с потерпевшим, платя ему половину похищеннаго, а затем уже отыскивает настоящаго вора и доносителя, если последний был закрытым. Поиски приводят обыкновенно к желанному результату и тогда начинается новое дело. С виновнаго взыскивается сполна стоимость похищеннаго в пользу потерпевшаго, а невинно оговоренный получает удовлетворение с ложного доносчика, при чем с последняго взыскивается не только безвинно уплаченная половина похищеннаго, но и все убытки по делу, как-то: чуюнча, уплаченная ему, чуюнча, уплаченная за открытие настоящаго вора, расходы по разъездам и розыскам и т. д.

Более тяжкими преступлениями у киргизов считаются богохульство, нарушение брачного союза, соединенное с насилием, убийство, оскорбление родителей и разграбление аула; менее важными — воровство, личныя оскорбления, отказ в гостеприимстве.

Преступления, совершенныя против иноверцев и иноплеменных, в настоящее время преследуются, хотя и смотрят на них снисходительнее, нежели на преступления против киргизов. В прежнее же время, во время независимости киргизов, преступления, совершенныя против племен или народов, находившихся во враждебных отношениях с киргизами, не преследовались: «дын сыздын малы алал, кызы алал, каны алал», т. е. у неверующих можно взять скот, дочь и кровь.

Наказания за преступления у древних и современных киргизов весьма сильно разнообразятся. В прежнее время существовали следующия: смертная казнь через побивание камнями, повешение, перерезание горла и наконец, по преданию, растерзание лошадьми. Самой позорной считалась казнь через побиение камнями. Она применялась за преступления против веры и отличалась медленностью и жестокостью. Каждый, приезжавший на казнь, должен был бросить в приговореннаго камень, а самое бросание производилось не сразу а в известные промежутки времени. Повешение применялось за прелюбодеяние замужней с холостым. Им надевали на шею две петли, сделанныя на концах одной веревки, которую перебрасывали через спину верблюда. Растерзание посредством привязывания к конским хвостам происходило следующим образом: у преступника делали в нескольких местах на теле глубокие разрезы, в которые продевали десять хвостов молодых лошадей; затем лошади разгонялись в разные стороны. Казнь эта, впрочем, вряд-ли когда-либо практиковалась; современные киргизы не помнят даже в далеком прошлом ни одного конкретнаго случая растерзания лошадьми.

За смертной казнью шли разные членовредительныя наказания как-то: отрезание уха, носа, губ и рвание ноздрей за прелюбодеяние холостаго или женатаго с девицей, — далее телесное наказание плетью и книжегами (ремни от седла) за оскорбление родителей, при чем преступника раздевали, связывали руки на спине, и на веревке, надетой на шею, водили по аулам, били и при этом произносили, за что бьют. В конце лестницы наказаний стоят имущественные наказания, самыя употребительныя в древности, и единственныя из давнишних, сохранившихся по настоящее время.

Взыскания эти распадались и распадаются на куны и аипы, т. е. большие и малые штрафы скотом и вещами. Кун, как в прежнее время, так и теперь, полагается за простого киргиза в 100 взрослых лошадей с приплатой 27 верблюдов — «алты джаксы», в числе которых один черный одногорбый покрытый ковром — «кара-клем»; за простую киргизку — 50 лошадей и ½ приплаты, за султана — 7 кунов обыкновенных, т. е. 700 лошадей, за женщину султанскаго рода — ½ султанскаго куна. В случае сокрытия трупа убийцами, налагается особый кун с приплатой за мужчину — 10 — 20 верблюдов, а за женщину — 5 — 10 верблюдов.

Следующее наказание составляет ½ куна за некоторыя увечья, а далее идут разнообразные штрафы — «аип» от 3 тогузов (тогуз — девять означает девять штук разнаго скота; самый употребительный тогуз тот, в котором самую ценную штуку представляет обыкновенный верблюд) и кончая аипом «ат-тон» или «ат-чопан», т. е. лошадь и халат, который состоит из малоценной лошади и куска бязи на халат. Телесныя наказания, за исключением вышеуказаннаго случая, а также лишение свободы составляют нововведение русских и применяются киргизами весьма неохотно. Высший размер телеснаго наказания — 60 ударов розгами, а лишения свободы — арест на 1 месяц.

Лишения свободы, встречавшияся в прежнее время и сохранившияся в разсказах, как-то: заковывание в конския путы, сажание в глубокия ямы применялись для предотвращения побега, а следовательно наказаниями названы быть не могут.

Самым легким наказанием считается наконец испрошение прощения.

При исполнении некоторых наказаний, а именно при уплате куна за убийство и при испрошении прощения соблюдаются следующие обряды: когда родственники убитаго приближаются к аулу убийцы для получения куна, для них выставляется особая юрта, к которой привязывается черный баран и затем приезжающие извещаются, что все готово для их приема. Приезжие скачут к юрте с флагами и обнаженными шашками и с криком «ой, баур», т. е. ой, родной рубят на куски барана. Исполнив над бараном символическую казнь, приезжие входят в юрту и при входе ударяют шашками в верхнюю перекладину двери. Тут к ним являются родственники убийцы и начинаются переговоры о платеже куна. Виновный все это время, вплоть до заключения мира, не является. Когда же кун уплачен, то он приходит в юрту и тут совершается обряд «ала аркан кестэ», заключающийся в следующем: убийца и брат убитаго держат концы пестрой веревки; к ним подходит почетный киргиз и разрезывает веревку, за что получает халат. С момента перерезания веревки вражда считается прекращенной.

Испрошение прощения за личныя оскорбления происходит публично, при большом стечении народа. Виновный подходит к оскорбленному, снимает свой аракчин и кладет с плетью у ног его говоря: «мене басым кесен, мене каным тексен», т. е. режь мою голову, проливай мою кровь. В ответ на это потерпевший говорит: «кештым», т. е. прощаю.

Уличенный в прелюбодеянии при входе в юрту оскорбленнаго, подвергается следующему оскорблению: раньше чем он сядет, хозяин юрты говорит ему: «джаксы уйге кралмаймыз, джаман уйге сыймаймыз», т. е. у хорошаго не принимается, у дурнаго не вмещается. После этого виновный уходит и не смеет во всю жизнь явиться в аул оскорбленнаго.

Здесь, кстати, упомянем о наказании, применяемом за маловажныя проступки и состоящем в том, что виновнаго сажают на несколько часов под три палки, вбитыя в землю так, что их верхние концы сходятся, или под кереги (решетку от юрты). Наказание это публично.

Преступлениями, всего чаще в степи встречаемыми, являются конокрадство и баранта, которыя нередко сопровождаются не осторожным убийством или нанесением опасных повреждений, влекущих за собою смерть. Конокрадство за последние два десятка лет сделалось настоящим бичем в степи, от которого страдают одинаково как сами киргизы, так и жители поселков и деревень и проезжие.

Что же касается баранты, то она совершается преимущественно в случаях неудовлетворения каких-либо законных требований при полной невозможности достигнуть удовлетворения иным путем. Киргиз, имеющий какое-либо основание требовать с другаго уплаты или вознаграждения, обращается к последнему, просит разсчитаться миром. При нежелании обязаннаго, он обращается к родственникам его, а в конце к почетным аксакалам рода того, с кого следует получить удовлетворение. Переговоры тянутся иногда по нескольку лет и только потеряв надежду в возможность сведения счетов мирным путем, обиженный обращается к помощи своих родовичей, объявляет им о своей претензии и нежелании противников удовлетворить его. Родовичи образуют шайку, вооружают ее преимущественно, союлами, айбалтами и пиками и посылают угнать скот у одного из аксакалов того рода, к которому принадлежит ответчик для того, чтобы заставить аксакала вмешаться в дело и доставить обиженному удовлетворение.

Когда удовлетворение доставлено, то угнанный скот возвращается и стороны мирятся. Предводители шайки барантачей отличаются смелостью, сметливостью и умением владеть тяжелым и неудобным киргизским вооружением; их ловкость выходит нередко за пределы вероятнаго и часто в степи встречаются батыри и джигиты, которые сбрасывали пикой с лошади десятки наездников, не причинив им ни малейшей царапины. Поскольку батырь служит правому делу, он пользуется уважением и почетом; в последние годы однако батыри нередко становятся во главе шаек, занимающихся барантой как ремеслом, а вместе с тем падает значение батырей и вырождается баранта, этот остаток первобытного организованнаго самоуправства.

Отдельные роды и виды преступлений

1. Преступления религиозныя

Выше было упомянуто, что в прежнее время, за преступления религиозныя киргизы приговаривали к смертной казни. Так утверждают современные киргизы, хотя этому трудно верить, зная индефферентность киргизов к религиозным вопросам и влияние современных мулл и ходжей, направленных к тому, чтобы разжечь в них фанатизм. В настоящее время, за исключением лжеприсяги (о которой ниже), дела о преступлениях религиозных возникают крайне редко, и решаются большею частью в пределах аула старшими рода.

Относительно ложной присяги и ложнаго свидетельства необходимо различать древний и новый обычай. В древнее время, человек, принявший ложную присягу, подвергался штрафу ценностью в лошадь или верблюда, устранялся на будущее время от присяги и участия в общественных делах и считался опозоренным. Современные киргизы смотрят на ложную присягу снисходительнее и заставляют виновнаго лишь уплатить все убытки, происшедшие по причине ложно принятой присяги, а решенное на основании ея дело, решают вторично. Значение присяги у киргизов громадно, так как на двух видах ея, очистительной и подтвердительной, почти всецело покоится киргизский процесс. Именно: бии разсматривая дело почти всегда определяют, чтобы дело кончилось присягой одной из сторон, при чем присягают не непосредственно заинтересованные, а кто-нибудь из близких им лиц, по выбору противной стороны. Выбранный для присяги со стороны обвиняемаго или ответчика, выбирает в свою очередь из противной стороны человека, перед которым он хочет присягать. Последний приезжает в аул присягающаго и тут дело кончается простым рукопожатием, отчего и сам обычай называется «колчи», т. е. принимающий руку. Более торжественен второй вид присяги, называемый «курмалдык», т. е. жертвоприношение. Избранный для принятия очистительной присяги призывает к себе обвиняемаго с его родственниками, заставляет их колоть чернаго барана, обходить вокруг себя и поклясться, что обвиняемый невиновен. Затем сам присягатель отправляется к потерпевшим и принимает присягу, обходя вокруг могилы какого-нибудь известнаго и почетнаго киргиза.

Многие смотрят до настоящаго времени на присягу, как на весьма серьезное дело и всеми силами стараются избавиться от нея. Есть в степи целые роды, напр. Кунанбаевых, раз навсегда освобожденные от присяги и никто из членов такого рода не может быть избираем для присяги. Иные, для того, чтобы избегнуть присяги, соглашаются уплатить половину иска из своего имущества и это называется «джан садагасы», т. е. выкуп души, так как присяга называется «джан берю», т. е. душедаяние. Присяга по делам производящимся в русских учреждениях, перед русскими властями, никакого значения для киргизов не имеет. Без всякаго зазрения совести киргиз всегда готов на последнюю, не имея никакого понятия о тех обстоятельствах, о которых он призван дать показание, или же зная, что его показание ложно. Это отношение влияет и на значение присяги перед народным судом и в настоящее время, по отзывам самих киргизов, ложная присяга представляется в степи весьма обыкновенным явлением.

2. Преступления против личности

Выше было указано на существовавшия в прежнее время строгия наказания за лишение жизни. В настоящее время, с изъятием умышленнаго убийства из ведения народного суда и с ограничением его компетенции лишь незначительными наказаниями, бии могут разбирать лишь дела о неосторожном убийстве (с 1884 г),[1] а практикуемое ими наказание — уплата куна в означенных выше (стр. 278) размерах. Более часто является расправа родственников убитаго — остаток прежней кровной мести. Она выражается в барантах, грабежах, ложных обвинениях и проч. и продолжается, переходя из поколения в поколение, до тех пор,

[1] Последними указами Сената разъяснено, что за смертоубийство вообще киргизы судятся по общим законам Империи.

пока не наступит примирения, сопровождающагося символической казнью над черным бараном.

Оставление в опасности человека не считается преступлением; киргизы помнят лишь один случай, когда бий Туле, разбирая дело о замерзшем человеке, котораго не спас проезжающий, выразился о последнем, что он должен уплатить ½ куна за замерзшаго, если был сам в волчьей шубе и должен быть оправдан, если был в бараньей шубе. При нападениях барантачей нередко оставляется какой нибудь человек во власти врагов или на поле драки в безпомощном состоянии, но это происходит как по трусости киргизов, так и потому что они боятся, чтобы в случае смерти не пало на них подозрение и родственники не стали взыскивать с них кун за умершаго.

Самоубийство — явление крайне редкое между киргизами (это не относится к умалишенным, которые часто кончают жизнь повешением). На самоубийц смотрят весьма различно, смотря по мотивам самоубийства. Между тем как обыкновенно над самоубийцей не читается молитв, и он считается не верующим, некто Тумарбай Бийтыков (Акчаулинской вол. Сергиопольского уезда) пользуется славой героя. Тумарбай был жестоко оскорблен киргизом Кебежаном, но так как последний был очень влиятелен и находился в хороших отношениях с султанами, то Тумарбай не мог получить удовлетворения. Он созвал своих родовичей на пир (той) разсказал им о поступке Кебежана и объявил, что не может пережить оскорбления, а потому, завещая месть, лишает себя жизни и тут-же ножом распорол себе живот.

Телесные повреждения преследуются смотря по тяжести их и по тому, намеренно-ли они причинены. Так, за лишение глаза, уха и правой руки полагается ½ куна, за левую руку ¼ куна, за повреждение ноги, влекущее за собою сильную хромоту, — ½ куна; если-же потерпевший прихрамывает лишь слегка, — ¼ куна, а если он может ходить без костыля, то всего 1 — 3 тогузов; за неосторожное отрубление 5-ти пальцев на руке — ½ куна, а на ноге — ¼ куна, за большой палец правой руки — два тогуза, за указательный один тогуз, средний — верблюд, безъимянный и мизинец — по лошади и верблюду; на левой руке за большой палец — один тогуз, указательный — лошадь и верблюд, средний — лошадь и халат, безъимянный и мизинец — по верблюду. За умышленное лишение одного из пальцев на руке полагается штраф за все пальцы. На ногах большие пальцы ценятся по верблюду, остальные-же по лошади. Из зубов всего дороже ценятся резцы — по тогузу; находящиеся рядом с резцами — по верблюду, а остальные — по лошади и халату.

За причинение выкидыша штрафы разнообразятся, смотря по степени развития плода. Плод выкинутый в два последние месяца, вызывает платеж ½ куна, на 6 — 7 месяце беременности — 3 тогуза; ранее того, если плод сформирован, но не показывает признаков жизни, — 2 тогуза; пока-же он представляет безформенную массу — один тогуз. За серьезныя повреждения, влекущия за собою продолжительное лечение, виновный дает потерпевшему годовое содержание и покрывает расходы по лечению в случае-же смерти, платит кун.

Раны, смотря по важности, вызывают уплату штрафа от одного тогуза до барана. Нанесение побоев и оскорблений действием наказывается штрафом в лошадь и халат, но и этот незначительный штраф может быть смягчен, если виновный извинится. За побои и оскорбления в драке, когда нельзя разобрать, кем они нанесены, ответственность падает на зачинщиков. Оскорбления на словах вообще у киргизов не преследуются, если они нанесены не почетному лицу. В последнем случае, т. е. ког-

да оскорблен какой нибудь аксакал, равно как и при всех оскорблениях действием, бии присуждают виновнаго к уплате штрафа в лошадь и халат (ат-чопан анп) или к испрошению извинения, с соблюдением обряда, описаннаго выше. Если оскорбитель не желает извиниться, то предоставляется сделать это одному из его почетных родственников. К юрте оскорбленнаго приводится лошадь, предназначенная для уплаты штрафа, а принявший на себя обязанность извиниться, входит в юрту и извиняется, за что получает лошадь.

Самыми тяжкими считаются оскорбления, нанесенныя родителям, в особенности сыном отцу. Но так как налагаемое за это варварское наказание плетьми в настоящее время неприменимо, то дела подобныя до суда биев не доходят и с виновным расправляются его старшие родственники, по своему усмотрению.

Оскорбительнейшими считаются следующия выражения: «иманын джок денсыз», т. е. некающийся и неверующий, «ант-турган» — проклятый, «худай урган» — Богом проклятый, «дюзун-кара» — черная совесть, «уру» — вор, «донгус» — свинья, «ит» — собака, «арзыс» — безсовестный и т. д.

3. Нарушение прав семейных

Существовавшия ранее у киргизов наказания за прелюбодеяние в настоящее время не применимы, вследствие строгости своей а потому и самыя преступления эти, непотерявшие в глазах киргизов прежняго значения, влекут за собою своеобразную расправу, неимеющую ничего общаго со старыми обычаями и весьма мало похожую на сколько нибудь правильно организованный суд. Сожительство неженатаго с незамужней, влекшее за собою рвание ноздрей, отрезание губ или ушей, вызывает у современных киргизов опозорение посредством отрезания кос у провинившейся и хвоста у лошади провинившагося, но это совершается помимо суда. На суде же до котораго подобныя дела редко доходят, весь вопрос сводится к определению штрафа и калыма. Так за просватанную девицу или взыскивается калым в пользу жениха, отказывающагося от изменившей невесты, или-же требуется возврат изнасилованной с уплатой штрафа от 1 — 3 тогузов, которые взыскиваются, в случае несостоятельности виновнаго, с его родственников.

Любовная связь с непросватанной влечет за собою, при равном экономическом положении обеих сторон и при согласии виновных, выход замуж девушки за обольстившаго ее, — а в случае, если виновный не состоятелен, а родители девушки люди зажиточные, то виновный платит штраф в размере от 1 — 3 тогузов и изгоняется из аула оскорбленных, как это описано выше. Виновный в изнасиловании чужой жены или в обольщении ея никогда не призывается прямо в суд биев. Чаще всего оскорбленный муж ограничивается тем, что с женой расправляется домашним порядком, посредством нанесения побоев, а с виновнаго получает вознаграждение от 1 — 3 тогузов. Если однако вичовный не соглашается платить добровольно, то муж обращается к биям и заявляет, что виновный украл у него ночью какую-нибудь вещь. Бии, понимая, что под вымышленным обвинением кроется обвинение в нарушении виновным супружеской чести потерпевшаго будто бы от кражи, приговаривают обвиняемаго к наказанию розгами и уплате штрафа за кражу.

В заключение здесь следует упомянуть о том, что со времени подчинения киргизов русским властям, их взгляды на семейные, а в особенности брачныя отношения, не могут вылиться в жизни в полном и чистом виде, благодаря тому, что весьма часто женщины, преследуемыя

мужьями или родственниками за нарушение семейных и брачных отношений, обращаются за содействием к русским властям. Последние, применяя к делу свои взгляды, идущие в разрез с правосознанием киргизов, создают вполне чуждыя киргизам отношения, которыя в конце-концов доводят по отдельным случаям до семейной вражды с ея неизбежными спутниками грабежом, барантой и ложными обвинениями.

4. Преступления имущественная

Преступления имущественная, по киргизским обычаям, представляются в сравнительно простом виде. Многия подразделения их, установленныя наукой и правом цивилизованных народов, отсутствуют в степи, так что грабеж, кража, мошенничество, присвоение приравниваются друг к другу и подводятся под одну общую категорию, которую можно бы назвать похищением чужаго имущества. Обстоятельства, служащия у нас основаниями для проведения родового различия между разными преступлениями, напр. насилие, составляющее отличительный признак грабежа, выделяется у киргизов в самостоятельное преступление, влекущее за собой отдельное наказание. Некоторое различие имеется впрочем в названиях: грабитель называется «зорлук», т. е. берущий силой, а похищающий вещь тайно — «уру», т. е. вор. Таким образом, похищение имущества с насилием, напр. нанесением раны, наказывается как за похищение вещи и нанесение раны. За то у киргизов существует другое деление, сохранившееся лишь в незначительной степени в законодательствах западных народов, это — деление похищения на дозволенное, непреследуемое и на недозволенное. К первому относится прежде всего баранта, как самоуправное осуществление своего права, взятия отцом вещи у сына, внуком у деда и родственником у родственника скота на уплату долга, прокормление себя и своего семейства, в случае нужды, взятие лошади под жир или для преследования воров, если собственник лошади отказался дать ее добровольно, отнятие лошади у заведомых воров в степи, если есть основание подозревать, что они отправляются на воровство и наконец взятие добычи, пойманной беркутом. Во всех означенных случаях похищение не считается преступным и не влечет за собою никакой ответственности, кроме обязанности возвратить родственнику в целости лошадь, взятую под жир или для преследования воров или же — скот, взятый для прокормления себя и семейства.

Всего распространеннее у киргизов кража скота, а именно — лошадей. Что же касается вещей, то они редко составляют объект кражи и по отношению к ним киргизы, проживающие в степи, весьма безпечны. Так, у них не только оставляются отпертыми юрты во время отсутствия хозяев, но даже в летние месяцы, в кочевое время, на зимовках оставляются многия вещи, неудобныя для перевозки или-же лишния летом. Вещи эти частью зарываются в землю или кий (топливо из бараньяго помета) или же прячутся в ущелья гор и скал. За последнее время стали впрочем появляться изредка случаи краж из зимовок, а потому богатые киргизы оставляют на лето при своих зимних помещениях сторожей, которым дают для прокормления необходимый скот.

Кроме указанных случаев, встречаются еще кражи вещей женщинами, тайно уходящими из аула родителей или мужа, кража диких зверей, пойманных в капканы, и затем в городах и селениях все виды кражи, перенятые киргизами у русских и татар и практикуемые преимущественно по отношению к ним. Нормальным видом похищения, служащим так сказать мерилом по отношению ко всем другим видам, явля-

ется кража лошадей в своей волости, за что виновный ранее приговаривался: к штрафу в пользу потерпевшаго — «мойна косак кутене тыркеу», т. е. к шее привязать, к хвосту привязать, и к «камандат», т. е. кровавая лошадь, под чем подразумевалась обязанность отдать потерпевшему и ту лошадь, на которой вор совершил кражу; — «ханлык» — штрафу в пользу хана, равному одному верблюду и «бийлык» — штрафу в пользу судей, равному лошади и халату.

В настоящее время применяется только первая часть наказания — штраф мойна косак кутене тыркеу. Штраф этот состоит в том, что вор, кроме украденнаго, возвращает еще двойное количество лошадей, но ниже ценностью. Так, если украдено, положим, 5 взрослых лошадей, то вор возвращает 5 взрослых лошадей, 5 3-х леток и 5 2-х леток. От этого нормальнаго штрафа идет целый ряд градаций вверх и вниз, смотря по важности кражи и обстоятельствам, увеличивающим или уменьшающим виновность.

Уменьшается наказание преимущественно если кража совершена в чужой волости. В этом случае бии иногда приговаривают виновнаго лишь к возвращению половины украденнаго. Правило это допускает впрочем на практике множество исключений, так как бии руководствуются преимущественно отношением биев потерпевшей волости к своей волости, и если они наказывают строго своих воров, то и соседние бии считают своей обязанностью платить тем-же.

Увеличивается наказание за кражу по весьма многим причинам. Ранее уже было замечено, что кража священных предметов и кража в степи у известнаго ворам человека усиливает взыскание. Здесь отметим еще, что кража считается тем позорнее, чем легче ее совершить. Поэтому кража неохраняемых вещей и кража платья у детей и женщин влекут за собою наказание, доходящее до удвоеннаго нормальнаго штрафа. На том-же основании преследуется строже кража баранов, если она не достигает значительных размеров (бараны оберегаются слабее, нежели остальной скот). Наказание за кражу баранов полагается следующее: за кражу 1 — 9 баранов виновный уплачивает, сверх украденнаго, 9 баранов одинаковой стоимости с украденными, напр. за однаго барана он возвращает десять, за 2-х 11, за 3-х 12 и т. д. За кражу свыше 9 баранов применяется нормальный штраф «мойна косак кутене тыркеу». Усиливается так-же наказание за кражу так называемой траурной лошади «тулды-ат», т. е. любимой лошади умершаго киргиза, предназначенной для закола при поминках. Наконец обстоятельством, всего более влияющим на усиление наказания за кражу, следует признать степень испорченности виновнаго, которая заставляет иногда биев прибегать к непопулярному у киргизов наказанию розгами.

Из всей массы имущественных преступлений у киргизов выделяются два, подходящия под наше понятие повреждение и истребление чужаго имущества. Преступления эти — обрезание хвоста у лощади и разрушение аула. Выше было указано, что обрезание хвоста у лошади заключает в себе элементы угрозы и оскорбления и что это обстоятельство влияет на установление специальнаго наказания, равняющагося половине стоимости обезображенной лошади.

Разрушение аула считается весьма тяжким преступлением и влечет за собою сложное и тяжелое наказание. Виновные обязываются возвратить все разграбленное, возместить стоимость всего разрушеннаго, уплатить аипы и куны за все увечья побои, раны и проч. преступления, совершенныя при разорении аула и сверх того у них отнимаются все лошади, на которых они приехали разрушать аул.

Мошенничество и обман практикуются киргизами очень часто, в особенности в городах. В степи развиты преимущественно ложные доносы для получения чуюнчи и обманное получение лошади или скота для пользования. Наказаний за мошенничество и обман киргизы не знают; преступления эти служат поводом для вчинания исков, при чем виновный приговаривается к уплате убытков и уплате 10% со стоимости иска в пользу биев (бийлык). 10% взыскивается всегда, как при решении гражданских, так и при решении уголовных дел и поступают всецело в пользу биев. Эта значительная плата составляет немаловажное взыскание, падающее на ответчика или на виновнаго, если иск или обвинение признаны хоть отчасти основательными, а на истца или обвинителя лишь в том случае, если в иске ему вполне отказано или обвинение не доказано.[1]

[1] Семипалатинский Областной Статистический Комитет, Омск, Типография Окружного Штаба, 1886 г.

МАТЕРИАЛЫ
ПО КАЗАХСКОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Предлагаемый ниже материал по казахскому обычному праву, содержащийся в «Сборнике киргизского обычного права», изданном Семиреченской областной типографией, находится в подлиннике в Государственной публичной библиотеке им. Пушкина в г. Алма-Ата в единственном экземпляре. Установить по нему имя автора или составителя и год его издания невозможно. Во всех каталогах библиотеки он указывается без автора и года.

Судя по содержанию материала сборника, составление его относится к концу XIX в. или даже началу XX в. В подтверждение этого предположения можно указать на следующее.

Ст. 23 и примечание к ст. 248 сборника указывают на некоторые особенности адата в Сыр-Дарьинской области, которая была образована в составе Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 году.

По сравнению с источниками казахского адата начала и середины XIX века в сборнике сильно расширена правоспособность женщин. Ст. 11 предусматривает возможность отказа от заключения брака как со стороны жениха, так и со стороны невесты, ст. 19 говорит, что «если жена пожелает оставаться вдовой, то ее никто не может принудить ко второму браку», ст. 23 предусматривает развод по желанию жены, ст. 76 говорит о праве наследования у дочерей.

В противоположность древнему адату, который предусматривал ответственность родственников, ст. 50 сборника говорит, что за долги отдельных сыновей даже отец не отвечает, а ст. 51 указывает, что в случаях взыскания куна выделенный сын отвечает лишь своим имуществом.

В противоположность всем предыдущим источникам ст. 91 говорит об обязанности опекуна представлять отчеты о состоянии имущества опекаемого, а ст. 93 о праве опекаемых взыскивать судом причиненный им ущерб, в случае явно небрежного управления опекуном их имуществом.

В разделе об обязательствах по договорам сборник приводит новые виды договоров, неизвестные старому адату, как, например, заклад, хранение, подряд и др. В сборнике много говорится о деньгах как объекте правоотношений.

Таких примеров можно привести еще очень много.

В сборнике встречаются многие правила шариата, выдаваемые за нормы казахского адата. Это говорит о том, что в Семиреченской области, где составлялся сборник, на адат имело сильное влияние мусульманское право. Так, например, ст. ст. 14, 17 сборника, указывающие на препятствия к заключению брака, ст. 22, говорящая об оформлении развода, — являются воспроизведением норм шариата.

Составителем сборника являлся, повидимому, русский чиновник, хорошо разбиравшийся в юридических вопросах, но недостаточно знакомый с жизнью и бытом казахского народа. В сборнике можно встретить

[1] От составителей.

чисто юридические выражения, как, например, «юридическое лицо» (ст. 105), «безвестное отсутствие» (ст. 26), «пассив наследственной массы» (ст. 102), «недвижимое имущество» (ст. 103), которые по имеющимся у нас сведениям были неизвестны казахскому адату.

Вызывает сомнение достоверность ст. 24, говорящей, что в случае если муж замахнется на жену ножом, топором, шашкой и т. п. орудием, он платит ее родственникам аттон. Ст. ст. 141 и 142, отрицающие существование как исковой, так и приобретательной давности, противоречат другим источникам адата, указывающим как раз на появление институтов давности в конце XIX века в обычном праве казахов. Ст. ст. 69 и 74 противоречат друг другу, ибо если уплата калыма «заменяется обязательством зятя работать на отца своей жены» (ст. 69), то это как будто бы исключает право зятя и уйти от тестя, когда того пожелает (ст. 74).

Судя по содержанию, системе и структуре построения сборника, можно прийти к выводу, что составлялся он, повидимому, во исполнение официального задания по сбору норм обычного права казахов Семиреченской области, возможно, членами одной из тех комиссий, которые проводили ревизию Туркестанского края в конце XIX и начале XX века, может быть даже членами известной комиссии, работавшей под руководством К. К. Палена.

К достоинствам сборника можно отнести то, что все нормы адатного права приведены в стройной системе по главам, разделам и параграфам и расположены правильно не только с систематической и логической, но и с юридической точки зрения.

Основная ценность приведенного материала, по нашему мнению, заключается в том, что его можно использовать для сравнительного изучения обычного права отдельных областей Казахстана и для исследования изменений, которые произошли в обычном праве казахов под влиянием присоединения Казахстана к царской России.

Можно не сомневаться в том, что дальнейшее исследование откроет как имя автора, так и год издания настоящего сборника. Но поскольку наши предварительные поиски положительных результатов не дали, мы решили не задерживать издание его и поместить материал анонимно.

СБОРНИК КИРГИЗСКОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА

Часть I

Право семейственное

Брак

1. Брак есть договор, имеющий целью приобретения женщины для брачного с нею сожительства.

2. Существенным условием законности брака является брачный договор, состоящий в произнесении слов: «взял» и «отдал», и соглашение о калыме. Для действительности этого договора не требуется ни писанных актов, ни религиозных церемоний; однако, последния являются обычными сопровождающими его формальностями.

3. Брачный договор заключается старшими ближайшими родственниками жениха (или им самим, если он самостоятельный хозяин) и старшими ближайшими родственниками невесты.

ПРИМЕЧАНИЕ: Под ближайшими родственниками невесты-вдовы понимаются ближайшие родственники ея покойного мужа.

4. Содержанием брачного договора служат взаимныя обещания договаривающихся сторон, с одной стороны — отдать известную женщину в жены, с другой — уплатить за нее известную плату — калым-мал, как выкуп за невесту, часть которого должна итти на ее приданное «джасау».

5. Жених вправе требовать выдачи своей невесты для фактического с нею сожительства, только после уплаты им всей условленной суммы, но не ранее, однако, достижения невестой брачного возраста, т. е. 15 лет.

6. Жених обязан уплатить договоренную сумму не позднее момента достижения невестой 20 лет, после какового срока договор считается ничтожным.

ПРИМЕЧАНИЕ: Если брачный договор совершен после достижения невестой 20-ти летнего возраста, то срок выполнения принятого обязательства зависит от соглашения сторон.

7. В случае невыдачи невесты родителями или заместителями их, не смотря на законное требование жениха, выполнившего все обязательства брачного договора, последний вправе требовать возвращение уплоченного калыма с аибом в 9 голов скота.

В случае неуплаты женихом договоренной суммы или имущества до достижения невестой 20 лет или до истечения условленного срока (см. ст. 6), жених теряет право на обратное получение одной трети уплоченного калыма.

8. В случае смерти невесты, место ея заступает следующая за нею непросватанная сестра ея (балдыз), буде таковая имеется; в противном же случае жениху возвращается весь уплоченный калым. Отказом от балдыз жених теряет право на обратное получение трети уплоченного калыма.

9. В случае смерти жениха, преимущественное право на невесту имеет брат жениха, непосредственно за ним следующий, или ближайший родственник умершего. Если такового нет или он не пожелает воспользоваться своим правом, или невеста откажется за него выйти, родителям умершего жениха возвращается $\frac{1}{2}$ уплоченного калыма.

10. Болезнь или увечье жениха или невесты, делающия их неспособными к брачному сожительству или безобразящия их и появившияся после заключения брачного договора, приравниваются к смерти и влекут все последствия, указанные в ст. 8 и 9, если противная сторона выразит желание отказаться от брака.

11. При выдаче невесты, брачущимся представляется заявить свое несогласие на брак и требовать расторжения брачного договора. При отказе невесты от брака, родителями ея возвращается весь калым с аибом. При отказе жениха, последний теряет весь калым и платит аиб.

12. Брак запрещен сумасшедшим и с родственником ближе четвертой степени, как самого брачущегося, так и кого либо из его предков и потомков по прямой линии. Брак запрещен со снохою и мачихой. Молочные (но не сводные) родственники приравниваются к кровным.

13. Мужчине запрещается иметь одновременно женами двух родственниц, ближе четвертой степени.

14. Брак с иноверцем или иноверкой запрещен.

15. Одновременно нельзя иметь более четырех жен.

16. Согласия наличных жен на взятие новой не требуется.

17. Бывшие супруги могут снова сочетаться браком даже до трех раз. В четвертый раз женщина может выйти за своего прежняго мужа только в том случае, если она после третьяго брака была замужем за посторонним.

18. Вдова, после смерти мужа, может вступить в новый брак не ранее, как через четыре месяца и 10 дней, а обычно через год по совершении торжественных поминок. Беременная женщина не выходит замуж до истечения срока дней по разрешении от бремени.

19. Если жена пожелает оставаться вдовою, то ее никто не может принудить ко вторичному браку.

20. Если брат покойного уступит свое право женитьбы на его вдове родственнику (но не брату), то он может настаивать на аттоне в свою пользу.

21. Если женщина выходит замуж за человека, постороняяго умершему мужу, то таковой уплачивает семье покойного калым в размере не более одной трети уплоченного первоначально, а в случае, если женщина выходит за него, не спросясь родни покойного мужа, то калым взыскивается в усиленном размере, т. е. до половины первоначального. В случае-же, если никто из родни покойного не женится на его вдове, то последняя заявляет об этом старшим в роде, которые и разрешают ей вернуться в свою семью. Если она, после того, выйдет за постороннего человека, то последний уже не платит калыма семье покойного мужа своей невесты.

Развод

22. Муж вправе во всякое время дать жене развод в виде разводного письма, закрепленного подписью двух свидетелей. Если муж неграмотен, он обращается к бию для составления письма и утверждения его.

23. При разводе по желанию жены таковой разрешается собранием родственников и лишь при недостижении ими соглашения, дело передается Судье (в Сыр-Дарьинской области участие народного Судьи обязательно).

24. Если муж всенародно замахнется на жену ножем, топором, шашкою или нанесет ей рану подобными орудиями, то родне женщины, которая возбуждает иск, присуждается аттон. Третий случай такой жалобы влечет за собою развод, причем калым не возвращается.

25. Если жена в третий раз уйдет к родственникам, вследствие жестокого с нею обращения мужа, то она более не возвращается (подобно первым двум разам), а между обеими сторонами производится расчет. В случае вины мужа, жена получает развод с правом сохранения калыма. Если окажется виноватой жена, то она либо водворяется обратно, либо полностью возвращается калым.

26. Брак расторгается при безвестном отсутствии мужа в течении года, при отказе его содержать жену и при шестимесячном уклонении его от полового общения с женою.

27. Брак расторгается также и после долгих лет сожительства при неспособности одного из супругов к супружеской жизни. В этом случае развод выдается лишь по истечении годичного срока со дня заявления об этом и при условии, что больной супруг в этот срок не вылечится.

28. После развода, дети остаются у отца или его родственников.

Грудные же дети остаются у матери до окончания периода кормления, за что отец ребенка должен вознаградить ее.

29. Разведенную (хотя и не по своей вине) жену муж отпускает к родственникам ее, снабдив ее лишь одеждой и лошадью.

О правах и обязанностях супругов

30. Супруги должны жить вместе, а потому жена при перемене мужем места жительства обязана следовать за ним.

31. Муж обязан доставлять своей жене пропитание и содержание.

32. Жена должна повиноваться во всем своему мужу и исполнять все его требования и приказания.

33. Мужу принадлежит право в случаях неповиновения жены употреблять домашние исправительные меры, т. е. наказывать ее телесно.

34. Жена не может иметь отдельного от мужа имущества и все принесенное ею в приданное и приобретенное ею своим трудом считается собственностью ее мужа.

35. Жена не может распоряжаться семейным имуществом без особого на то разрешения мужа, которому принадлежит исключительное право распоряжения им.

36. В случае развода, ни жена, ни ее родные не могут требовать возврата приданого, но муж обязан выдать разведенной своей жене одежду и постельные принадлежности, если развод состоялся по вине жены. Если же развод произошел по желанию мужа, без всякой вины со стороны жены, последняя получает, кроме указанных предметов, еще лошадь и халат.

О правах и обязанностях родителей и детей

37. Родители должны воспитывать своих детей, обучать их, сыновей женить и выделять, а дочерей выдать замуж за человека, соответствующего положения, снабдив их приданым.

38. Сыновья до выдела, а дочери до замужества должны повиноваться во всем своим родителям, преимущественно отцу.

39. Дочерей отец имеет право просватать в малолетстве и дочь по достижении брачного возраста, не должна отвергнуть выбранного отцом жениха.

40. Неотделенных сыновей отец может отдавать в работники к посторонним, и такая сделка для сыновей обязательна.

41. Родителям принадлежит право наказывать непослушных детей и последние не могут на них жаловаться в суде.

42. От обязанности женить сыновей и выделять им часть имущества отец ни в каком случае не освобождается.

43. Сыновья могут требовать выдела лишь по очереди (по старшинству) и при том при условии, что они женаты и достигли двадцатилетнего возраста.

44. Одного из сыновей, обыкновенно младшего от своей старшей жены, отец может не выделять, и этот сын остается при отце до смерти последнего.

45. Размер надела зависит от усмотрения отца, но на нем лежит нравственная обязанность так наделять сыновей, чтобы интересы невыделенных не пострадали.

46. Неотделенные члены семьи не могут владеть отдельным имуществом, а также не вправе распоряжаться отцовским имуществом без особого на то полномочия со стороны отца.

47. За кражи у родителей дети, в том числе и отделенные, не могут быть привлечены к судебной ответственности перед бием.

48. Все сыновья обязаны содержать своих престарелых родителей, в особенности же тот сын, который остался при отце.

49. При первом посещении родительского аула, после выхода замуж, дочь имеет право на получение подарка от отца. Если последний этого обычая не исполнит, то зять может требовать у тестя имущества, соответствующего по ценности подарку судом.

ПРИМЕЧАНИЕ: Ценность указанного подарка равняется 5 — 10% благосостояния отца.

50. За долги отделенных сыновей отец не отвечает, а равно и не обязан платить долги неотделенных членов семьи, если эти долги являются последствиями сделок, заключенных без его разрешения.

51. Всякие взыскания, являющиеся последствием совершенных невыделенными сыновьями преступных деяний, в том числе и кун за убийство, обращается на имущество отца. Выделенный же сын отвечает в подобных случаях лишь своим имуществом.

52. За оскорбление отца отделенные сыновья могут быть приговорены судом к уплате штрафа.

53. Родительская власть над дочерью прекращается с момента выдачи ее замуж, над сыновьями же она никогда не прекращается.

54. Все имущественные отношения между отцом и детьми совершенно прекращаются: для сына с момента выдела его, для дочери с момента выдачи жениху ее приданого и указанного в ст. 49 подарка, почему право на наследство, оставшееся после смерти отца, имеют лишь неотделенные члены семьи его.

55. Исключение из правил, изложенного в ст. 54, составляет лишь тот случай, когда дочь его получает развод от мужа. В этом случае отец обязан принять в дом, ее кормить и одевать.

Усыновление

56. С момента усыновления родительская власть переходит от отца к усыновителю.

57. Самостоятельные юртовладельцы вправе усыновлять как своих приемышей, так и чужих детей, но только не старше 5 — 6 лет.

ПРИМЕЧАНИЕ: Если дядя усыновляет племянника, то последний может быть и старше указанного возраста.

58. Усыновлять можно лишь детей своей родни.

59. Никто не может быть усыновлен двумя лицами.

60. При усыновлении кем нибудь ребенка, требуется на то согласие жен усыновителя: несогласие же его детей значения не имеет.

61. Для усыновления требуется согласие отца (или его заместителя) усыновляемого, а в случае, указанном в примечании к ст. 57, требуется и собственное его согласие.

62. Усыновление совершается путем передачи усыновляемого из рук в руки или перехода его в юрту усыновителя при свидетелях.

63. По достижении 15 лет, усыновленные могут вернуться к своей родне, причем усыновитель не обязан им что либо давать, кроме как (если это девочка) полученного за нее калыма.

64. Усыновленные дети пользуются всеми правами родных, кроме прав наследования и на выдел. При уходе усыновленного к своей родне, всякая связь его с усыновителем прекращается.

65. С момента усыновления все личные и имущественные отношения

усыновленного с его семьей прерываются. Это не распространяется, однако, на его права наследования в имуществе покойного отца, каковыя остаются неприкосновенными и одинаковы с правами остальных братьев.

66. Усыновленный имеет право носить имя усыновителя.

67. Усыновитель, после совершения акта усыновления, вправе в любое время отказаться от усыновленного и вернуть его обратно его родне.

Взятие в дом зятя

68. Всякий самостоятельный кибитковладелец имеет право принять в дом мужа своей дочери, без испрошения на то согласия других членов семьи.

69. При взятии в дом зятя, отец освобождается от обязанности выдать дочери приданое, а зять от уплаты будущему тестю калыма; в таких случаях последний заменяется обязательством зятя работать на отца своей жены. Однако, родительская власть его на зятя не переходит.

70. Зять с переходом в дом тестя никаких прав на имущество последнего не приобретает, а потому не может ни требовать от него выдела, ни наследовать в его имуществе.

71. Тесть вправе выделить зятю часть своего имущества, и неотделенные члены семьи против такого выдела протестовать не могут.

72. Зять может самостоятельно распоряжаться лишь тем имуществом, которым владел до принятия его в дом тестем; все приобретенное им за время нахождения в доме тестя считается принадлежащим последнему.

73. Тесть вправе в любой момент потребовать ухода зятя из своей семьи.

74. С своей стороны, зять может уйти от тестя, когда того пожелает.

75. Дочь имеет право требовать от отца подарка (см. ст. 49) следуемого ей при первом посещении родительского аула, если бы она жила с отцом врозь; подарок этот составляет собственность зятя, и последний может им распоряжаться по своему усмотрению.

76. Дочь имеет право на долю наследства, оставшегося после смерти отца, наравне с другими дочерьми, живущими в семье отца.

ПРИМЕЧАНИЕ: За последнее время под влиянием шариата дочери предоставляется право на долю наследства отца; при чем в случае смерти ее ранее открытия наследства, ни ее дети, ни ее муж права на ее долю наследства не имеют.

Опека

77. Обычным правом установлено два вида опеки: а) над несовершеннолетними и б) над безумными и сумасшедшими.

Опека над несовершеннолетними

78. Несовершеннолетними по обычаю считаются лица, недостигшие пятнадцати лет.

79. Возраст несовершеннолетнего определяется показаниями ближайших родственников.

80. Несовершеннолетний не может ни управлять самостоятельно имуществом, ни распоряжаться им, и все без исключения совершенныя им сделки признаются недействительными.

81. По достижении восьмилетнего возраста, несовершеннолетнему предоставляется право просить родственников о замене назначенного ими ранее опекуна другим лицом из ближайших родственников.

ПРИМЕЧАНИЕ: Заявление достигшего 8 лет опекаемого принимаются во внимание лишь в тех случаях, когда он своими действиями доказывает способность сознательно относиться к вопросам хозяйства.

82. Достигший пятнадцатилетнего возраста вступает в самостоятельное управление своим имуществом, которым может распоряжаться по своему усмотрению.

83. Для попечения о личности и имуществе несовершеннолетних ближайшие родственники умершего их отца назначают из своей среды опекуна, который вступает в исправление своих обязанностей без всякого утверждения со стороны общественных органов управления.

84. Родственники умершего не осуществляют своего права избрания опекуна в следующих случаях:

а) Когда умершим в завещании указано лицо, которое должно принять на себя опеку.

б) Когда вдовы, выделенные мужем при его жизни и известные родственникам, как женщины благоразумные и способные самостоятельно хозяйничать,— откажутся от вступления в новый брак и потребуют, чтобы опека над их детьми была возложена на них и им было вверено управление той частью имущества, которая им была выделена мужем.

в) Когда вдова или вдовы умершего выходят замуж за ближайшего родственника их умершего мужа. Этот родственник может требовать, чтобы ему была вверена над несовершеннолетними и их имуществом опека.

85. Опекун, назначенный родственниками согласно ст. 83, имеет попечение о лице и имуществе несовершеннолетних лишь до тех пор, пока один из сыновей умершего не достиг 15 лет. В таком случае он сам становится опекуном своих несовершеннолетних братьев и сестер и вступает в управление своим и их имуществом.

86. Во всех остальных случаях, т. е. когда опекунами являются лица, указанные в ст. 84, достигшие совершеннолетия опекаемые могут требовать выдела их наследственной доли, но не делаются опекунами над другими несовершеннолетними, попечение о которых лежит на прежних опекунах.

87. Опекун обязан заменять опекаемым отца и заботиться о их воспитании, а по отношению к дочерям умершего — выдать их замуж, за мусульманина хорошего положения и завести им на полученный калым приданое.

88. Имущество несовершеннолетних опекун принимает без описи, с ведома родственников, коим состояние сего имущества всегда известно.

89. Имуществом несовершеннолетних опекун должен управлять с такой же заботливостью, как своим собственным.

90. Опекуну разрешается расходовать имущество опекаемых на их содержание, воспитание и уплату выкупа (калыма) за невест высватанных им для вверенных его попечению мальчиков.

91. Периодических отчетов о состоянии имущества опекун давать не обязан, но по требованию ближайших родственников или достигшего совершеннолетия опекаемого, он не имеет права отказать в представлении такового.

92. Если опекун или опекунша злоупотребят оказанным им до-

верием, или опекаемый (не моложе 8 лет) заявит о желании иметь другого опекуна, то ближайшие родственники опекаемых могут таких опекунов устранить, и опеку поручить другому лицу из своей среды.

93. За явно небрежное управление имуществом или корыстное пользование таковым опекун отвечает перед опекаемыми, которые, по достижении совершеннолетия, могут взыскать с опекуна судом все причиненные убытки.

94. Призрение неимущих сирот лежит на всех ближайших родственниках их умершего отца. Обязанность эта осуществляется следующим образом:

а) если мать сирот в живых, и она не выйдет замуж, родственники дают ей сообща необходимые средства для пропитания детей;

б) если матери нет или она выходит замуж за постороннего то либо сироты переходят в семью одного из ближайших родственников, либо их распределяют между таковыми;

в) если мать сирот выходит замуж за одного из ближайших родственников ее покойного мужа, то сироты переходят в его дом, и он должен их кормить.

Опека над безумными и сумасшедшими

95. Попечение о личности и имуществе безумных и сумасшедших сыновей и живущих при родителях дочерей при жизни родителей лежит на отце, а попечение о личности замужней дочери на ее муже, если он не отошлет ее обратно к тестю, дав ей развод.

96. В тех случаях, когда отца нет в живых, опека над слабоумными и сумасшедшими его сыновьями и живущими в его доме дочерьми осуществляется в порядке, установленном для опеки над несовершеннолетними и их имуществом, с тем лишь различием, что она прекращается лишь тогда, когда родственники опекаемых убедятся, что последния выздоровели.

97. Призрение за неимущими сумасшедшими и слабоумными лежит на их ближайших родственниках.

98. Попечение о личности обнаружившей сумасшествие вдовы, получившей надел при жизни и мужа, принадлежит ближайшему родственнику ее покойного мужа. В случае его отказа, вдова отсылается к родне ее, которая в таком случае имеет право на получение причитающейся доли из имущества ее умершего мужа. Если вдова не имеет отдельного имущества, то родня ее, и в первую очередь ее отец, должна питать ее и блюсти безвозмездно.

99. Все сделки, заключенные безумными и сумасшедшими, признаются недействительными.

100. Опекуны над личностью и имуществом, как несовершеннолетних, так и безумных и сумасшедших, никакого вознаграждения за свои труды требовать не могут.

Часть II

Право наследственное

О духовных завещаниях

101. Духовное завещание может быть составлено только лицом имеющим по обычаю право отчуждать свое имущество.

102. Свободному завещательному распоряжению наследователя подлежит только треть его имущества, причем эта треть исчисляется по ликвидации всего пассива наследственной массы и по уплате расходов на погребение наследодателя.

103. В треть, подлежащую свободному распоряжению завещателя, ни в коем случае не могут быть включены: недвижимое имущество его, находящееся в пределах родовых стойбищ, юрта, в которой жили предки, со всем убранством и утварью и, наконец, доспехи предков.

104. В случае составления завещания с нарушением правил, изложенных в статьях 102 и 103, завещание исполняется лишь в законной его части, т. е. выдается лишь треть, указанная в ст. 102, а имущество, завещанное с нарушением ст. 103, вовсе не выдается, и стоимость его не возмещается другим имуществом.

105. Наследником по завещанию может быть всякий, независимо от национальности, возраста и пола, а равно и юридические лица.

ПРИМЕЧАНИЕ: Лица женского пола, за редкими исключениями, завещают лишь одежду или предметы домашнего обихода, которые поступают в их исключительное пользование.

106. Завещание может быть словесное и письменное. В обоих случаях для действительности его требуется, чтобы воля завещателя была объявлена в присутствии большинства наследников и не менее двух свидетелей, коими могут быть старшие родственники завещателя или посторонние, известные народу своей благонадежностью.

107. Завещатель, объявляя свою волю о судьбе имущества на случай своей смерти, должен быть в здравом уме и твердой памяти.

108. Завещателю представляется право изменить или даже совершенно уничтожить составленное завещание.

109. Акт изменения или уничтожения завещания должен произойти в присутствии наследников по измененному завещанию, а в случае полного уничтожения завещания в присутствии указанных в нем наследников и не менее двух свидетелей, при чем не требуется, чтобы это были те же самыя лица, которые присутствовали при составлении первоначального завещания.

110. Для действительности завещания не требуется, чтобы все завещаемые предметы были переименованы; достаточно, если воля завещателя будет объявлена общей фразою: «завещаю такому то вещей на такую то сумму».

111. Предварительно исполнения завещания, достоверность его устанавливается старшими родственниками умершего, путем опроса свидетелей, причем, даже в случае спора против достоверности завещания, свидетели допрашиваются без присяги.

112. Правильно составленное завещание, подлинность коего установлена порядком, указанным в предыдущей статье, не может быть оспорено.

113. Никаких сроков для исполнения завещания не установлено; оно исполняется простой передачей отказанного имущества наследникам, при первом их посещении аула завещателя.

114. Исполнение завещания лежит на обязанности законных наследников завещателя, но последний вправе назначить для исполнения завещания особое лицо из среды родственников.

115. Если законные наследники мужского пола еще не достигли совершеннолетия, и завещателем не указан особый исполнитель завещания, то последнее проводится в исполнение старшим родственником умершего.

116. В случае обнаружения долговых обязательств наследователя, после получения наследственных долей наследниками по завещанию, последние отвечают перед кредитором наравне с наследниками по обычаю.

О наследовании по обычаю

117. Наследниками по обычаю являются не выделенные сыновья все вообще живущие при отце дочери, вдовы, отец, родная мать и мачехи наследодателя.

118. Наследством, подлежащим распределению между наследниками по обычаю, считается та часть имущества наследодателя, которая остается за вычетом всех долгов и родового имущества (статья 103).

119. Наследники по обычаю получают из наследственного имущества следующие доли:

а) одна восьмая наследства идет в пользу вдов наследодателя;

б) одна двенадцатая получается отцом наследодателя;

в) одна двенадцатая идет в пользу всех жен отца наследодателя;

г) остальная часть наследства делится между сыновьями и дочерьми наследодателя; причем сын получает вдвое больше дочери.

120. Если отца нет в живых, а дед жив, то доля отца наследодателя переходит к деду. Также точно, если отсутствует мать и мачехи, наследственная доля их переходит к женам деда наследодателя по мужской линии.

121. Отцу, матери и мачехам наследодателя обычай предоставляет законные наследственные доли, отдельно отцу и отдельно всем женам его в совокупности, а потому при отсутствии жен, отец наследодателя не имеет права на женину долю и наоборот.

122. Если сына наследодателя уже нет в живых, но от него остались дети мужского пола, то они пользуются правом представления, т. е. получают ту часть наследства, которую получил бы их отец, если в момент открытия наследства был бы в живых.

123. Правом представления не пользуются дети замужней дочери, живущей с мужем в доме отца (ст. ст. 68 — 76).

124. При отсутствии в живых невыделенных сыновей или их мужского потомства, место их заступают выделенные сыновья, при чем мужское потомство их пользуется правом представления.

125. Если нет в живых наследодателя и мужского потомства их, то часть имущества, указанная в лит. Г. ст. 119, делится поровну между дочерьми, живущими в доме отца.

126. Если при открытии наследства имеется в живых лишь замужняя дочь, проживающая с мужем в доме отца, то она получает ½ наследственного имущества (лит. Г. ст. 119). Право наследования другой половины, а при отсутствии такой дочери, всем наследством (лит. Г. ст. 119) переходит к отцу наследодателя, деду, родным братьям, их сыновьям, родным дядям, родным племянникам и т. д., причем ближайшая степень родства исключает дальнейшую.

127. При переходе права наследования к братьям, дядям наследодателя и т. д., их мужское потомство приобретает право представления лишь в том случае, когда нет в живых ни одного из братьев, дядей и т. д.

128. Наследство, доставшееся лицам, находящимся в той же степени родства с наследодателем, делится между ними поровну.

129. Из лиц женского пола правом наследования пользуются исключительно лишь перечисленные в ст. 119, причем и они, за исключением дочери, живущей в доме отца, (ст. 68 — 76) приобретают только право пользования наследственными долями до замужества или до смерти.

130. При выходе их замуж или по смерти их, полученные ими наследственные доли поступают к сонаследникам мужского пола.

131. От наследования устраняется всякий отпавший от магометанства.

132. Родовое имущество (ст. 103), сверх установленной обычаем наследственной доли, переходит к младшему сыну старшей жены наследодателя, а в случае его смерти, к его сыну. Если же и такового не существует — к старшему его брату, к сыновьям его в порядке старшинства; затем к следующему брату, к сыновьям последнего, в таком же порядке и т. д. При отсутствии братьев, к отцу, деду, дядям, двоюродным братьям и т. д.

133. Составление описи наследственного имущества не требуется.

134. Раздел имущества не может быть произведен до совершения поминок.

135. Если в момент смерти наследодателя одна или несколько из его вдов окажутся беременными, то раздел имущества, и по совершении поминок откладывается до разрешения всех их от бремени.

136. Если между наследниками не состоится полюбовного раздела, наследство распределятся народным судом.

137. По принятии наследства, наследники отвечают перед кредиторами наследодателя лишь в размере полученной доли, или если требование не превышает всего наследственного имущества, пропорционально полученным долям.

Часть III

О собственности

138. Предметом личной собственности может быть все, что возможно передать путем продажи, мены, дарения и наследования.

139. Женщины быть субъектами права собственности не могут. Все, чем они владеют, находится у них лишь на праве пользования, пожизненного или до выхода замуж.

140. Право собственности приобретается куплей, меной, наследованием и дарением.

141. Давности для возбуждения дел о праве собственности не существует.

142. Владение охраняется самим владельцем и в случае нарушения его восстанавливается судом по жалобе потерпевшего. Никакая давность не покрывает неправильного владения чужим имуществом.

Об обязательствах по договорам

143. Принимать на себя личные или имущественные обязательства может всякое лицо мужского пола, за исключением состоящих под опекою и невыделенных членов семьи.

144. Родовое имущество не может быть предметом имущественных сделок (ст. 103).

145. Все договоры могут быть заключены словесно.

Личный наем

146. Если лица, заключающие между собою договор личного найма, оба выделенные члены семьи, то наем считается состоящимся, как только между ними состоялось соглашение.

147. Если одна из договаривающихся сторон — невыделенный член семьи, то на заключение договора о личном найме должно быть испрошено разрешение у главы семьи.

148. Отец вправе отдать в услужение или в работники своего сына, совершеннолетнего не выделенного — с его согласия, а несовершеннолетнего даже против воли, и заключенный таким образом договор считается действительным.

149. Однако несовершеннолетнего сына своего отец может отдать в работники или в услужение лишь при том условии, если сыну этому минуло уже 8 лет.

150. Наиболее продолжительный срок, на который может состояться договор личного найма — годичный, а потому всякий договор, заключенный на более продолжительный срок, может быть нарушен сторонами по истечении года.

151. Договаривающиеся стороны могут по обоюдному соглашению включать в договор всякия условия, не противные обычаю.

152. Если в договоре не упоминается о сроках, в которые должна быть произведена уплата, нанявшийся может требовать уплаты ему $^1/_2$ суммы, которую он должен получить за все время, считая по заключении сделки, а остальная половина должна быть ему выдана по окончании срока найма.

153. Работник обязан исполнять все требования хозяина, вытекающие из существа заключенного с ним договора, относиться к нему почтительно, без его разрешения никуда не отлучаться и беречь хозяйское имущество, как свое собственное.

154. Хозяин обязан отвести своему слуге приличное помещение кормить соответственно состоянию и не имеет права подвергать его телесным наказаниям.

155. В случае неисправного исполнения нанявшимся принятых на себя обязанностей, наниматель вправе нарушить договор до истечения срока и в таком случае расчет производится им по день увольнения.

156. Если нанявшийся будет уволен без всякой с его стороны вины, то хозяин обязан выдать ему половину всей условленной платы, если увольнение последовало в первую половину договоренного срока, и всю плату, если он был уволен во второй половине упомянутого срока.

157. Если нанявшийся нарушит договор ранее условленного срока, то отвечает перед хозяином за все те убытки, которые он ему своим самовольным уходом в действительности причинил.

158. Нанявшийся отвечает только имущественно за те убытки и всякий вообще ущерб в имуществе хозяина, которые произошли по его, работника, явной вине и недосмотру.

159. Для наследников нанимателя заключенный последним договор личного найма обязателен.

160. Время болезни нанявшегося засчитывается ему в срок службы.

161. В случае, если нанявшийся по приказанию нанимателя причинит постороннему лицу вред и убытки, за последние отвечает хозяин.

162. За присвоение и растрату вверенного имущества нанявшийся отвечает, как за кражу.

163. Если нанявшийся совершит, по приказанию хозяина, какое либо преступное деяние, недопустимость которого несомненна, то он отвечает за это наравне с хозяином.

164. Если нанявшийся, исполняя свои обязанности, получит увечье или даже совсем погибнет, то с хозяина за это кун не взыскивается.

Заем

165. Предметом займа может быть всякое движимое имущество, в том числе и деньги.

166. Заимодавцу запрещается выговаривать какой бы то ни было прирост.

167. Если при денежном или имущественном займе не будет специально оговорено, какими ценностями долг должен быть погашен, возвращению подлежат однородныя с полученными ценности и соответствующия им по своим качествам.

168. В случае, когда по условию денежный заем должен быть возвращен скотом (наиболее распространенный вид уплаты по займу), то при заключении сделки заранее устанавливается, какой скот и по какой цене должен быть принят в уплату займа.

169. Договор о займе не может быть заключен на срок, более одного года.

170. Если при заключении договора о займе срок уплаты не оговорен, то заимодавцу предоставляется право требовать исполнения договора в ближайшую осень или весну, после совершения займа.

171. В случае если должник не уплатит своего долга в условленный срок, заимодавец имеет право взыскать с него подлежащее уплате имущество, а равно и все действительно понесенные убытки.

172. Заемщик не вправе требовать, чтобы заимодавец принимал частичную уплату долга до наступления срока, по наступлении же срока частичная уплата допускается.

Заклад

173. Закладывать можно всякое движимое имущество.

174. Заклад считается совершенным с момента фактической передачи имущества.

175. Оценка заложенного имущества производится по соглашению сторон, при чем присутствия свидетелей не требуется.

176. Принявший имущество в заклад не имеет права им пользоваться, а должен хранить его, как свое собственное.

177. За утрату имущества, происшедшую без вины закладодержателя, последний не отвечает, но теряет, однако, право на получение долга.

178. В случае не исполнения закладчиком договора в условленный срок, заложенное имущество переходит в собственность закладодержателя.

179. Если закладодержатель до наступления условленного срока продаст или иным путем отчудит заложенное имущество то он теряет право на получение долга и, кроме того, должен уплатить закладчику стоимость имущества по оценке, а если при продаже было выручено больше, то всю вырученную сумму.

Хранение и поклажа

180. Предметом договора о хранении и поклаже может быть всякое движимое имущество, в том числе деньги и акты.

181. Договор хранения и поклажи есть договор безвозмездный. Однако если хранитель или приемщик понесли расходы, вызванные необходимостью сбережения вверенного им имущества, то имеют право на возмещение со стороны хозяина или покладчика, в размере понесенных расходов.

182. Определенного ограничения срока для договора о хранении не установлено, срок договора о поклаже определяется условием, заключенным между покладчиком и приемщиком.

183. Хранитель или приемщик поклажи обязаны охранять порученное им имущество, как свое собственное, в случае утери чего либо из

этого имущества, порчи или истребления его, произошедших от стихийных или иных неотвратимых причин, немедленно заявить об утере властям, своим старшим родственникам или почетным лицам и произвести тщательный розыск.

184. Хранитель обязан возвратить хозяину вверенное ему на хранение имущество по первому его требованию; приемщик поклажи обязан доставить и вручить все принятое имущество получателю поклажи, указанному покладчиком и в срок, установленный условием.

185. Хозяину имущества и его хранителю предоставлено право во всякое время нарушить договор о хранении, т. е. первому во всякое время потребовать у хранителя возвращения сданного на хранение имущества, а последнему — потребовать во всякое время, чтобы хозяин принял его обратно.

186. Хранитель и приемщик поклажи не имеет права без особого на то уполномочия хозяина или покладчика пользоваться принятым имуществом.

187. Если хранитель или приемщик поклажи своевременно и порядком, указанным в ст. 183, заявит о порче или уничтожении, происшедших от стихийных или других причин, или утере вверенного им имущества, то за уничтожение, порчу или утерю его ни личной ни имущественной ответственности не несет, при чем имеют право требовать с хозяина возмещения расходов, понесенных при розыске утерянного.

188. Если же такого заявления сделано не было, то хранитель или приемщик подвергается ответственности в размере стоимости исчезнувшего или испорченного имущества.

189. Присвоение хранителем вверенного ему имущества приравнивается к краже.

190. Приемщик поклажи, истративший часть ее по нужде, ответствует лишь в размере стоимости истраченного, а если поклажа служит предметом торговли и предназначается для продажи, то приемщик поклажи ответствует в гражданском порядке и лишь в том случае, если растрата или присвоение части поклажи не вызывалась нуждою.

191. В случае смерти приемщика поклажи или хранителя, наследники возвращают поклажу покладчику.

192. Если имущество исчезнет или испортится, не по вине наследников хранителя, они не ответствуют.

193. Присвоение или растрата такого имущества, произведенная наследниками, приравнивается к краже.

Поручительство

194. Поручительство допускается во всех договорах.

195. Принятие или не принятие поручительства известного лица зависит от усмотрения сторон.

196. Вознаграждение за поручительство не подразумевается, если оно не будет особо оговорено при заключении сделки.

197. Если продолжительность действия поручительства при заключении договора не была точно оговорена, то поручитель отвечает перед лицом, принявшим его поручительство, пока не будет выполнено первоначальное обязательство.

198. Лицу, принявшему поручительство, предоставлено право, при неисправности контрагента по договору, по своему усмотрению взыскивать убытки либо с него, либо с поручителя.

199. При отсутствии условия о том, в какой части поручитель при-

нимает на себя ответственность за неисполнение договора, он считается поручившимся за исполнение всего договора полностью.

200. Если по тому же обязательству есть несколько поручителей, то при отсутствии особого условия, все они отвечают равномерно.

201. В случае, если один из поручителей обеднеет или сделается несостоятельным, другие сопоручители за него не отвечают.

202. По истечении срока договора, ответственность поручителей прекращается, а при возобновлении того же договора ответственность их обуславливается получением от них согласия быть поручителями.

203. Поручитель, исполнивший договор за принявшего на себя обязательство и оказавшегося не исправным, вправе взыскать с последнего все убытки и расходы.

204. Если лицо, за которое было дано поручительство, ведет свои дела так, что ему в скором времени грозит сделаться несостоятельным, то поручителю принадлежит право требовать судом, чтобы лицо это или внесло ему ту сумму, в которой он отвечает, или же выполнило обязательство немедленно.

205. Со смертию поручителя, имущественная его ответственность прекращается.

Подряд и поставка

206. Подрядчик обязан к условленному сроку выполнить договор, а если он этого не сделает, то теряет право на плату за уже произведенную им работу, и кроме того уплачивает подрядившему его сумму, равную договорной.

207. Исключение из предыдущей статьи составляет лишь тот случай, когда неисправность подрядчика произошла по независившим от него причинам. В таком случае подрядчик сохраняет свое право на вознаграждение, за уже выполненную часть договора, а подрядившему его предоставляется право передать подряд другому лицу.

208. Если подрядивший нарушит условия договора без вины подрядчика, последний считается свободным от принятого на себя обязательства и имеет право взыскать с своего контрагента причитающуюся ему плату и все действительно понесенные им убытки.

209. Если в договоре не определены сроки уплат, то подрядчик может требовать таковой по мере исполнения подряда.

Мена

210. Договор мены совершается фактической передачей договаривающимися сторонами обмениваемого движимого имущества по произведенной ими оценке.

211. Расторжение сделки мены допускается лишь в том случае, если одна из сторон скрыла бывшие в момент совершения сделки существенные недостатки обмениваемого имущества.

212. Срок для расторжения такой сделки точно не установлен.

Ссуда

213. В ссуду дается скот и другое имущество для безвозмездного им пользования на срок по соглашению сторон, но не дольше чем на год.

214. По истечении условленного срока, давший свое имущество имеет право потребовать его обратно, а при отказе в выдаче, обратиться в суд.

215. Убытки, происшедшие по вине получателя ссуды, последний обязан возместить ссудившему.

216. Получивший данное в ссуду имущество обязан за присвоение такового заплатить хозяину.

217. За продажу ссужаемого имущества без вины взявшего ссуду, последний не отвечает.

218. Если взявший ссуду будет пользоваться имуществом так, что оно должно притти в полную негодность, хозяин может требовать возвращения ссуды и ранее условленного срока, но за порчу имущества взявший ссуду не отвечает.

Имущественный наем

219. Сделка найма скота и другого имущества совершается сторонами на непродолжительное время по взаимному соглашению, но на срок не более года и за условленное вознаграждение.

220. Ответственность нанявшего ограничивается лишь теми убытками, которые произошли от неправильного пользования этим имуществом.

Аренда

221. Сделки найма земельных угодий, на срок не более года совершаются на условиях, выговоренных в договоре.

222. Означенные в предыдущей статье угодия, если бы не было на то особого соглашения, могут быть использованы так, как были бы использованы самим хозяином; в противном же случае арендодатель может взыскать причиненные ему арендатором убытки.

223. Переуступки аренды без особого разрешения на то арендодателя не допускается.

Доверенность

224. Через посредство договора доверенности может быть дано полномочие на совершение всяких законных действий.

225. Доверенность может быть дана на словах в присутствии свидетелей или на письме, с приложением именной печати, если доверитель неграмотный.

226. Недействительными почитаются лишь доверенности на совершение развода, принятия присяги, отбытие наказания и составление завещания.

227. Если дана общая доверенность на ведение всех дел, то доверенный тем не менее лишен права отсуждать имущество доверителя путем дарения.

228. Доверитель ни в каком случае не имеет права опротестовать действия своего доверенного, если последний действовал в пределах данного ему полномочия и не нарушит тех ограничений, кои наложены на него предыдущей статьей.

229. Доверенный имеет право на вознаграждение доверителем; причем вознаграждение это может быть выговорено в определенном размере или в виде участия в ожидаемых от предприятия выгодах.

230. Доверенный подлежит материальной ответственности лишь в тех случаях, когда он причинил своему доверителю убытки с корыстной целью.

231. Действие доверенности прекращается смертью одной из договаривающихся сторон, истечением срока, на который доверенность выдана и, наконец, по заявлению одной из сторон.

Купля — продажа

232. Купля — продажная сделка считается состоявшейся с того момента, как стороны ударили друг друга по рукам.

233. Продавец обязан или указать покупателю известные, как хозяину, недостатки продаваемого имущества или должен предупредить покупателя о необходимости тщательно осмотреть покупку, с указанием, что он слагает с себя ответственность в случае обнаружения недостатков в проданном, после совершения сделки.

234. В случае несоблюдения продавцем указанного в предыдущей статье правила, покупатель, по обнаружении недостатков в купленном имеет право требовать расторжения сделки; подобное требование должно быть предъявлено в непродолжительный срок.

235. Обман, допущенный со стороны продавца при продаже, служит основанием расторжения сделки, при чем продавец наказанию не подвергается.

236. Если сейчас же по совершении сделки, до уплаты денег, одна из сторон откажется от выполнения ее, то отказавшийся уплачивает другому в виде штрафа до одного рубля.

237. Если продавец, получивший деньги за проданный товар, не выдаст такового покупателю, то обязан вернуть ему полученныя деньги и возместить его расходы, сопряженные с неполучением купленного, в том числе и издержки на поездку за товаром.

238. Покупатель, получивший купленное и не уплативший условленной суммы, подвергается тем же последствиям как и продавец по предыдущей статье.

239. При запродаже имущества покупатель обязан уплачивать договоренную сумму сполна при заключении сделки.

240. Если же покупатель уплатит при заключении такой сделки лишь часть договоренной суммы, то продавец обязан выполнить договор лишь в размере полученной им суммы.

Дарение

241. Всякий самостоятельный юртовладелец — имеет право отчуждать свое имущество, в том числе и долговыя обязательства путем дарения.

242. Невыделенные сыновья, опекаемые и женщины не пользуются таким правом.

243. Даритель должен сообразовать размер делаемых подарков со своим имущественным положением.

244. Не подлежит дарению недвижимое имущество, расположенное в пределах родовых стойбищ, кибитка (юрта), оставшаяся от предков, со всем убранством, утварью и доспехами этих предков.

245. Если дарение совершено невыделенным сыном, опекаемым или женщиной, или предметом дарения оказалось имущество, упомянутое в предыдущей статье, то самое дарение признается недействительным, а подарок может быть потребован обратно.

246. Лица, имеющие право совершать дарение, при совершении последнего, лишаются всяких прав на возвращение им дара и могут требовать его обратно лишь в случаях, когда в состав подарка вошло запрещенное для дарения имущество, когда подарок был сделан при заключении союза дружбы (тамырство) или когда подаренное было передано за радостное известие (сююнча).

247. Лицо, сделавшее подарок при заключении союза дружбы (тамырство) и не получившее в установленный для этого (годичный) срок ответного дара, имеет право требовать или возвращения сделанного подарка или возмещения его стоимости — судом.

248. Если радостное известие, за которое, по обычаю, был сделан принесшему его подарок (сююнча), окажется не верным, то даритель имеет право требовать судом возвращения сделанного дара или возмещения его стоимости.

ПРИМЕЧАНИЕ: В Сыр-Дарьинской области всякий, оказавший кому либо материальную поддержку при случившемся несчастии, имеет право требовать судом такого же подарка от лица, которому помощь была оказана, если оказавший ее сам подвергся несчастию. (Пожар, падеж скота и пр.).

249. Даритель имеет право одарять, кого захочет и не ограничен в этом ни родственными связями с одаряемым, ни возрастом, ни полом его.

250. Дарение считается совершившимся с момента фактической передачи дара; до указанного момента дарение почитается за обещание, исполнение коего не обязательно для дарителя.

251. За тайное похищение сделанного подарка даритель личному наказанию не подвергается, но лицо, получившее подарок, имеет право требовать от дарителя судом или возвращения похищенного подарка или возмещения его стоимости.

252. Письменной формы при дарении не требуется.

Обязательное дарение

253. Отец обязан сделать своей замужней дочери, прибывшей к нему, по обычаю, в течение первых 5 лет супружества, для совершения обряда «теркун демек», — подарок в размере от 5 до 10% всего своего имущества.

254. Дочь, получившая подарок в размере меньшем установленного предшествующей статьей, или не получившая подарка вовсе, имеет право потребовать таковой или разницу.

Право гостеприимства

255. Всякий юртовладелец обязан оказать путнику, почитаемому по обычаю гостем, прибывшему к нему в дом, полное гостеприимство, которое должно заключаться: в предоставлении гостю помещения для отдыха, постели для ночлега и барана в пищу.

256. Лицо, которому не было оказано гостеприимство или было оказано не в полной мере, имеет право подать жалобу в суд, который и приговаривает виновного в неисполнении установленных обычаев по отношению к гостям обязанностей, к уплате в пользу истца 1 лошади и 1 халата, в виде аиба.

Находка

257. Нашедший утерянное имущество обязан немедленно объявить об этом своим однообщественникам.

258. Необъявление о находке может иметь последствием обвинение в краже.

259. При обнаружении хозяина находки до года, последний обязан вознаградить нашедшего по добровольному с ним соглашению; если же

соглашение не достигнуто, то размеры вознаграждения определяются судом; сверх того хозяин находки возмещает все расходы, которые понес нашедший по хранению имущества.

260. До истечения годичного срока нашедший не имеет права пользоваться находкой.

261. По истечении годичного срока, нашедший имеет право пользоваться находкой; при обнаружении же хозяина, возвращает ему находку в том виде, в какой она пришла за время пользования и за происшедшую потерю в цене не отвечает.

262. За утерю, порчу и истребление находки, без вины нашедшего последний не отвечает.

263. При обнаружении хозяина найденного, после истечения года, он обязан вознаградить нашедшего в размере ½ стоимости находки; если же нашедший достаточно обеспечен материально, то права на вознаграждение не имеет.[1]

---

[1] Типография Семиреченского Областного правления.

ПЕРЕЧЕНЬ КАЗАХСКИХ СЛОВ, ТЕРМИНОВ, ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ И ВЫРАЖЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТАХ МАТЕРИАЛОВ ПО КАЗАХСКОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

ПОЯСНЕНИЕ К ПЕРЕЧНЮ КАЗАХСКИХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТАХ МАТЕРИАЛОВ СБОРНИКА

Словарный абзац состоит, во-пёрвых, из казахского слова с начертанием букв по тексту материалов, затем посредством знака = дается орфография того же слова, термина, юридического понятия или выражения в их унифицированном, современном виде. Далее идет их русский перевод, и если слово или выражение имеет несколько значений, то каждое из них отделяется буквами русского алфавита.

Варианты русского перевода отделяются друг от друга точкой с запятой вне зависимости от того, близки эти русские варианты между собою по значению или нет.

Условные сокращения: букв. означает буквальный или дословный перевод слова, термина, юридического понятия или выражения; уст. означает устарелость данного слова, выражения; см. означает смотрите соответствующее слово, причем см., взятое в скобки, т. е. (см.), означает, что следует смотреть предыдущее слово, а см. без скобки, т. е. см., означает, что следует смотреть последующее слово. Слова, взятые в скобки, означают пояснение предыдущего слова или выражения, а также в скобках повторяется их русский перевод.

ПРИМЕЧАНИЕ: Если основное казахское слово не повторяется посредством знака = это означает, что орфография слова по тексту материалов и его унифицированная орфография совпадают.

А

Абе = Оба — могильный холм, курган; к нему за отсутствием плиг неизменением муллы в ауле приводили соответствующее лицо для отобрания присяги.

Ага ульсе женге мура, эни ульсе келин мұра, ат ульсе сауры мура = аға өлсе жеңге мұра, іні өлсе келін мұра, ат өлсе сауры мұра — «Старший брат умрет — жену его младший берет, младший умрет — жену его старший берет, а лошадь умрет — хозяин шкуру возьмет». Поговорка эта отражала положение женщины при патриархально-феодальном строе.

Агытай = ағатай — см. *уран = ұран*.

Адаспан денегь джигите каранге туман адастырар = адаспан деген жігітті қараңғы тұман адастырар — букв. «Молодца, уверенного в том, что он никогда не заблудится, густой туман собьет с дороги», т. е. от случайности никто не гарантирован.

Адым — шаг (мера длины), например, *екі үйдің, арасы бес адым жер* — расстояние между домами в пять шагов. Меры (и в том числе меры длины) имели значение при решении некоторых судебных споров.

Аза — поминальные подношения родичами или друзьями скота (преимущественно лошади), денег или иного имущества в дом умершего.

Аза салу — букв. доставить поминание; взаимная обязанность друзей, сватьев, нагашы и др., заключавшаяся в явке в аул умершего для прочтения там поминальной молитвы по покойнику с приводом нескольких голов скота — (аза).

Азграучи = азғырушы — подстрекатель к совершению преступления.

Азусыз-ат, жиексиз-тун = азусыз ат, жиексіз тон — букв. «Лошадь без коренного зуба, шуба без каймы», вид налагаемого штрафа, в действительности под ним подразумевается один баран и один конец бязи (выбойки или крашенины). Штраф этот налагался за самый маловажный проступок.

Аип = айып — штраф, взимаемый с виновного сверх возмещения ущерба.

Аир-тамга = айыр таңба — скотоводческое тавро в виде вил.

Айбана — высший вид *айып* (см.) штраф, налагаемый на вора (сверх возврата или восстановления покраденного), заключавшийся в обязательстве уплатить трижды девять (тогуз = *тоғыз* (см.), напр., при краже верблюда вор выплачивает пострадавшему сверх стоимости этого верблюда следующий штраф: а) начиная с племенного верблюда, — 3 верблюда, 3 лошади и 3 головы рогатого скота; б) начиная с коня, — 3 лошади, 3 шт. рогатого скота и 3 барана и в) начиная с вола, — 3 головы рогатого скота и 6 голов баранов или одного быка и 8 баранов, а всего 27 голов скота.

Айгак = айғақ — свидетель.

Айгактын тайгагы = айғақтың тайғағы — букв. неустойчивый; свидетель, дававший разноречивые показания, вследствие этого его свидетельство подтверждалось еще присягой кого-либо из его родственников или однородцев, хотя бы и непричастных к делу.

Айдаучи = айдаушы — букв. погонщик; лицо, назначенное для соблюдения порядка на призовых скачках. При нарушении соревнующимися правил айдаушы имел право снимать скакуна с состязания.

Ак койдын каны, ак бата окуганы = ақ қойдың қаны ақ бата оқығаны — букв. «Пролита кровь белого барана, прочитана чистая молитва»; по обычаю казахов кровь белого барана — знак согласия, договоренность (т. е. соглашение достигнуто, договор заключен, скреплен и освящен). Обычно же при жертвоприношении казахи резали баранов белой шерсти «ак сарбас», «боз каска» (см.) и т. д.

Акс ургап ул унгар, чише ургап киз унбас = әке ұрған ұл оңар, шеше, ұрған қыз оңбас — «К лучшему, — если отец бьет сына, не к добру, — если мать бьет дочь»; поговорка, отображающая воспитательные меры казахов.

Аксарбас = ақсарбас — букв. белый (баран) с желтой головой; закалывался: а) при жертвоприношениях для предотвращения угрожающей опасности, б) при заключении мира между двумя враждовавшими родами, в) закалывающий аксарбас (кой) при этом произносит: «Пусть у того, кто изменит, — вытечет кровь так же, как у этого барана», на что присутствующие отвечают «аминь».

Акеэле джетым — арсыз джетым, энеэле джетым — ерке джетым = әкелі жетім — арсыз жетім, енелі жетім — ерке жетім — «При отце спрота — просто спрота, при матери спрота — баловень спрота».

Ак-сояк = ақ сүйек — белая кость, потомки ханов-султанов, считающих свое происхождение от Чингиз-хана и пользовавшиеся правовым преимуществом, как, например, повышенный штраф, взыскиваемый в их пользу, повышенный размер куна (см.) при их убийстве, увечьи и т. п.

Алааркан кесте = ала арқан кесу — букв. «разрезать разноцветную веревку». См. *аладжип = алажіп*.

Аладжип = алажіп — букв. «разноцветная веревка»; обряд примирения, заключающийся в том, что истец и ответчик или виновный и потерпевший (или его ближайший родственник) держали концы разноцветной веревки, а третье «почетное» лицо — разрезало ее пополам.

Алач = алаш — см. *ураи = ұраи*.

Албасты — по поверию, нечистая сила, затруднявшая роды.

Алдамжар — см. *ураи = ұраи*.

Алдиар = алдияр — приветствия, с которым обращались к *ак-сояк* (см.), и выражающие покорную готовность.

Алдонгар = алдоңғар — см. *ураи = ұраи*.

Алип-тамга = әліп таңба — скотоводческое тавро кипчаков, Уртаюз = Орта Жуз — Среднего жуза (подобие эліп первой буквы алфавита с арабским начертанием).

Алла — см. *ураи = ұраи*.

Алты-джаксы = алты жақсы — букв. шесть лучших; половина мужского *кун = құн* (см.), бравшаяся отборным скотом, например, 500 баранов или 50 хороших лошадей или же 25 лучших верблюдов во главе с одногорбым (кара нар), покрытым добротным шерстяным ковром (қалі кілем).

Алькоран = алькўран = қўран — книга, в которой изложены догмы мусульманской религии и основы шариата.
Амангер = әмеңгер — старший или младший брат умершего, по обычному праву казахов, наследовавший его.
Амангерлик = әмеңгерлік — амангерство (см. амангер).
Аманджол = аманжол — см. *уран = ўран*.
Ант-ургак = ант-ўрған — «клятвопреступник», «проклятый».
Ар — совесть, стыд.
Арамзада — букв. поганый плод; так называли незаконнорожденного.
Аркар = арқар — см. *уран = ўран*.
Арсыз — «бессовестный».
Ас-атау — выплата лицом виновным в неумышленном убийстве в пользу ближайших родственников убитого нескольких голов скота (на помин души).
Ас беру — см. *джилын беру = жылын беру*.
Атамурасы = ата мўрасы — отцовское имущество, наследуемое одним из сыновей.
Аталы ул-кожалы кул = аталы ўл — қожалы құл — «Сын перед отцом, как раб перед господином» — поговорка, характеризующая место отца в феодальной семье.
Ат май = ат майы — букв. «сало коня». а) Временное пользование лошадью с последующим ее возвратом; б) вознаграждение, выплачиваемое за счет виновного или обвиняемого нарочному, посланному за свидетелями, экспертом или иными лицами, а также отправленного для исполнения судебного решения.
Ат-тун-айп = ат тон айып — штраф в размере одной лошади и одной шубы.
Ат-чопан = ат шапан айып — штраф в размере одной лошади и халата, налагаемый за оскорбление личности (например, за отказ в гостеприимстве и т. д.). Нередко лошадь (ат) остается лишь номинальным штрафом, а взыскивается халат.
Аш = ас — поминки по умершем по истечении одного года. Устраивались родственниками или даже всем родом умершего, в зависимости от степени значимости покойного.
Аяк джаксы = аяқ жақсы — букв. хорошая нога; приплата к высшему калыму (см.) равнялась стоимости четырех верблюдов.

Б

Байрак = байрақ — см. *уран = ўран*.
Байбича = бәйбіше — старшая или первая жена; первое лицо после мужа в семье.
Байга = бәйге — конские ристалища — скачки с призами.
Байгус = байғўс — бедняга, беспомощный, несчастный, раскаявшийся преступник, вызывающий одним видом сострадание.
Байгут = байшат = бәйгі ат — скаковая лошадь; за кражу ее взимался повышенный штраф вплоть до айбана (см.).
Беймурат = баймўрат — см. *уран = ўран*.
Байтерек = бәйтерек — см. *уран = ўран*.
Бакай = бақай — см. *уран = ўран*.
Бакса = бақсы — знахарь, шаман.
Бактыбай = бақтыбай — см. *уран = ўран*.
Балам джеман болма, атанга, налет кельтерерсин = балам жаман бол-

ма атаңа нәлет келтірсің — «Ребенок мой, веди себя так, чтобы не проклинали твоего отца». Этими словами обычно напутствовал отец свою дочь после выдачи ее замуж.

Балам хорлама кызымде, атагымде ультересин = балам қорлама қызымды, атағымды өлтірісің — «Сын мой, не оскорбляй мою дочь, не то погубишь мой авторитет» — напутствие тестя, обращенное к зятю после бракосочетания.

Баламалы калым = баламалы қалың — ограниченный калым, его размер колебался от 20 до 40 скотин.

Балдыз калым = балдыз қалың — букв. «выкуп за младшую сестру невесты»; балдыз калым выплачивался женихом дополнительно за сестру невесты в том случае, если невеста умерла уже после свиданья с женихом.

Барак = барақ — см. *уран = ұран*.

Баранта = барымта — самовольное взятие скота или другого имущества, без применения его с целью принудить потерпевшего или его родичей дать удовлетворение за нанесенную обиду или вознаградить за причиненный ущерб.

Барантачи = барымташы — участник барымта (см.).

Бармак устаскан = бармақ ұстасқан — пожатие друг друга за большой палец. Такое пожатие означало заключение друг с другом самой крепкой и длительной дружбы, так называемый доз-тамыр = = достамыр (см.).

Бас-джакеы = бас жақсы — букв. «хорошая голова», прилата к высшему калыму, равнявшаяся стоимости пяти верблюдов, состояла из следующих предметов: а) меткого ружья; б) сауат = сауыт — кольчуги; в) скакуна призовика и г) редкого по росту, красоте и силе одногорбого верблюда (дулыгалы кара нар).

Бата оку = бата оқу — см. *аза салу*.

Бекет — см. *уран = ұран*.

Бельдручи = бұлдіруші — «разрушитель»; вредитель, ведущий подрывную работу.

Беркойдан еке тере соймайде = бір қойдан екі тері соймайды — «с одного барана двух шкур не дерут»; «дважды не наказуется за одно и то же преступление».

Бести-ат = бесті ат — пятилетний конь; см. *дюнежин байтал = дөнежін байтал*.

Бести-атан = бесті атан — пятилетний кастрированный двугорбый верблюд, см. *дюнежин байтал = дөнежін байтал*.

Бетайгак = бетайғақ — очный или открытый свидетель, доказчик. Если доказчик не сумел доказать виновность оговоренного им в краже, то он должен справедливость оговора подтвердить присягой родичей, в противном случае он возмещает покраденное и возвращает сююнчи = суйунші (см.).

Бзубчи = бұзушы — нарушитель, разрушитель.

Бийлик = билік — власть; решение; приговор; штраф в пользу бия или судьи, решившего дело, — равнялся половине хандык (см.).

Билеучи агасы = билеуші аға — властвующий или управляющий брат: переход права главы семьи после смерти отца к наиболее способному и умнейшему из братьев (а не к старшему, как это было принято по обычному праву казахов).

Билдеу = белдеу — веревка-аркан, обтягивающая решетку юрты. Если чья-либо лошадь, привязанная к белдеу не в отведенном для

этого места, лягнет и убьет одного из домочадцев, то владелец платит за убийство от половины до полного куна (см.).

Бок джағылған кетеды, джуса кетеди, ат тағылған кетеды, сүегемен кетеды = Боқ жағылған кетеді? Жуса кетеді. Ат тағылған кетеді? Сүйегімнен өтеді — «Что сделается с приставшей грязью? Она смоется. Что сделается с дурной славой? Она пронзит кости и не смоется», т. е. «преступление клеймит несмываемым пятном».

Боршқор = борышқор — букв. «задолжавший», несостоятельный должник. В случае признания причины несостоятельности уважительной взыскание может быть уменьшено или даже анулировано вовсе.

Бошибай-бошибай — см. *уран = ұран*.

Брат = бір ат — штраф в одну лошадь, взимаемый за проступки и маловажные преступления.

Бртюе-бр чапан = бір түйе, бір шапан — букв. «один верблюд — один халат», вид штрафа.

Бтеу такта = бітеу тақта — букв. «цельная доска»; бтеу такта.

Бедеу = бітеу тақта бедеу — женщина, не способная к деторождению. Муж имел право отослать такую жену к ее родным. Тогда калым подлежал возврату.

Буйдак = бойдақ — барашек или овечка по второму году, так, например, в случае, если кто-либо, взяв во временное пользование неученого и неиспытанного беркута, не возвратил его хозяину, или этот беркут околел, пострадавший имел право требовать с временного держателя бойдак, составлявший стоимость птицы.

Булюкның белгесе = бөліктің белгісі — букв. знак разделения, межевой знак; пограничный знак. Уничтожение или же повреждение бөліктің белгісі преследовалось как нарушение границы.

Булюк тас = бөлік тасы — букв. «камни разделения»; куча камней, служившая межевым знаком или пограничной чертой. См. *булюкның белгесе = бөліктің белгісі*.

Булюнчи = бүлікші — уст. бунтовщик.

Бурушты мал = борышты мал — букв. «долговое имущество» — предметы гражданских сделок по торговле, найму, займу и т. д.

Бусага = босаға — порог юрты у самых дверей; см. *бильдеу = белдеу*.

В

Вардасыс = уәдесіз — «не сдерживающий обещания», ненадежный.

Г

Гаиб = айып — см. *аип = айып*.

Д

Дау — тяжба; иск; претензия.

Даукара = дауқара — см. *уран = ұран*.

Даугеча-жипкесер = даушыға жіп кесер — букв. перерезать веревку. Церемония перерезания веревки знаменовала окончание дела и освобождение преступника.

Даучи = даушы — истец; тяжобщик; претендент.
Дейт = дәйт — см. *уран = ұран*.
Дэкаблук = жаулық — белый головной убор из батиста, маделолама или бязи, который завязывался на подобие чалмы и надевался на голову замужней женщины после замужества, обычно через год после замужества.
Джаза = жаза — наказание; кара.
Джазалы орунын бер бете кара, джазалы айгактын еке бете кара = жазалы ұрының бір бетi қара, жазалы айғақтың екі бетi қара — «у уличенного вора одна щека черна, а у уличенного лжесвидетеля обе».
Джайляу = жайлау — летнее пастбище.
Джаксы уйге краламаймыз, джаман уйге сыймаймыз = жақсы үйге кіре алмаймыз, жаман үйге сыймаймыз — «хороший дом нам недоступен, а в плохом не поместимся».
Джаксылы-крк джеты = жақсылы қырық жеті — букв. «отборных сорок семь»; высший разряд калыма, т. е. выкупа за невесту, где *бас жаксы = бас жақсы* (см.) и *аяк джаксы = аяқ жақсы* (см.) заменяются лошадьми.
Джалакр = жалақор — клеветник.
Джанберю = жанберу — букв. «отдача души», присяга.
Джансадакасы = жан садақасы — букв. «выкуп души»; «согласие привлеченного к даче присяги» уплатить половину цена своего с тем, чтобы освободиться от обязанности присягателя.
Джанга-устамган = жаңа ұстаған — букв. «выдвинутый к присяге». По обычному праву такая очистительная присяга давалась уважаемым родственником или сородичем ответчика.
Джар-джар = жар-жар — друг; «возлюбленная»; название игры, которой развлекается молодежь обоего пола. В этой игре импровизируется песня с постоянным и обязательным припевом «жар-жар».
Джаркын = жарқын — «светлый»; лучезарный; свет; ласк. «светик». Вежливое обращение замужних женщин к младшим родственникам своего мужа. Нарушение этого правила, освященного обычаем, осуждалось.
Джартыс = жартыс — букв. разрывание; раздирание; подарки сватьев жениха или самого жениха женам родственников невесты.
Джартуул басы = жортуыл басы — глава, руководитель шайки.
Джасау = жасау — приданое невесты (заключалось в вещах, платьи, домашней обстановке, седельном приборе, кухонных принадлежностях и т. п.).
Джауга джанынды бэр, сырынды бирме = жауға жаныңды бер, сырыңды берме — «отдай врагу душу, но секрета не выдавай», т. е. в борьбе дозволено все, вплоть до ложных доносов, лжеприсяги, оклеветания и др.
Джелек = желек — покрывало; у богатых женщин оно из тонкого шелка, обведенное по краям золотым позументом с кисточкой или же из бархата; у менее зажиточных желек из дешевого материала покрывает голову замужней женщины в первый год ее замужества.
Дженге = жеңге — жена старшего брата, старших родственников по отношению к их младшим.
Дженгетай = жеңгетай — невестушка; сношенька или же ласкательное обращение к старшей по возрасту женщине; подарки жениха к дженге = жеңге (см.) невесты, которая оказывает ему разные услуги.

Джигит-тюе, калым тюе = жігіт түйе, қалың түйе — букв. «с джигита верблюд, калым верблюд»; приплата к калыму (см.), равная стоимости двух верблюдов.

Джиендык кылды = жиендік қылу — букв. поступить как внук по материнской линии; право внука по материнской линии, т. е. на самовольный угон или присвоение скотины или вещи из имущества своего нагашы (деда).

Джилик = жілік — трубчатая кость; вид вспомоществования в размере одного ягненка при *кызыл котерю = қызыл көтеру* (см.).

Джилу = жылу — вид вспомоществования со стороны родственников, однородцев, друзей и т. п. при несчастных случаях, постигших пострадавшего, стихийном бедствии (напр. *джуте = жұт*) (см.) или утере какой-либо ценности, покраже и т. д.

Джилин-берю = жылын беру — букв. отметить годовщину; поминки по умершему, устраиваемые родными, родственниками или всем родом покойника через год после смерти.

Джирма джеты = жиырма жеті — двадцать семь.

Джурга = жорға — иноходец — объект наибольшего иска, за который полагался повышенный штраф.

Джут = жұт — бедствие; повальный падеж скота от гололедицы, бескормицы или других стихийных бедствий.

Джюйрек = жүйрік — призовая лошадь; скакун — предмет наибольшего иска.

Доз-тамыр = дос тамыр — букв. друг за друзей; крепчайший вид дружбы надолго. Достамыры обязаны всегда и во всех случаях помогать друг другу, они вправе брать друг у друга без спроса все, что им понравится. Достамырство переходит от отцов к сыновьям и т. д.

Дозак = дұзақ — буқв. ад, мука; мученье. Дузаком пытались в старину устрашить подозреваемого преступника или свидетеля, якобы ожидающим наказание в загробной жизни, чтобы добиться правдивых показаний.

Домалак крк джети = домалақ қырық жеті — букв. кругленьких сорок семь; *калым = қалың* (см.) в сорок семь голов скота, состоявший из трехлетних кобыл — байтал, являвшийся высшим разрядом калыма. К домалақ қырық жеті полагалось две приплаты: а) *баджаксы = бас жақсы* (см.) и б) *аяк-джаксы = алқ жақсы* (см.).

Донгус = доңыз — «свинья», оскорбительное выражение.

Дулыгалы нар, аир уркечти жампоз = дұлығалы нар, айыр өркешті жампоз — отборный одногорбый верблюд, двугорбый красавец; штраф, взыскиваемый преимущественно при покраже крупной и ценной скотины.

Дунгелек калым = дөңгелек қалың — кругленький калым; самый меньший разряд выкупа за невесту, состоящий из десяти голов скота.

Дынсыздын малы алал, кызы алал, каны алал = дінсіздің малы адал, қызы адал, қаны адал — букв. у неверующего чист скот, чиста дочь, чиста кровь, т. е. дозволялось отнимать у неверующих скотину, дочерей и проливать их кровь.

Дюзун-кара = жүзі қара — букв. черноликий; черная, нечистая совесть, оскорбительное выражение.

Дюнежин байтал = дөнежін, байтал — букв. «четырехлетняя кобылица» взыскивалась с уличенного в краже кобылы.

Е

Ерге кепель уледе = ерге кепіл өледі — букв. «за человека умирает поручитель», обязательство поручителя исполнить все действия, требующиеся с поручаемого, от исполнения которых он пробовал уклониться.

Ж

Жазаулу = жасаулы — см. *жасаулакы = жасаулы ақы.*

Жан айгакдын тазасынан = жан айғақтың тазасынан — букв. «присяга чистого свидетеля»; а) свидетель, согласившийся под присягой подтвердить правильность или искренность своих показаний; б) присяга другого лица — родственника или однородца, свидетеля хотя и непричастного, но удостоверяющего правильность показаний очного свидетеля.

Жанама жаксы = жанама жақсы — букв. «параллельное, лучшее»; так назывался иноходец, взыскиваемый, например, сверх аипа (см.).

Жан бергенге жай бер — присягодателю, т. е. предоставь время для дачи присяги.

Жан берю = жан беру — см. *джан берю = жан беру.*

Жары булу = жар болу — букв. разделить пополам; в случае если не ясно, кто из двоих претендентов более прав, сборное имущество делилось пополам.

Жасаулакы = жасаулы ақы — см. *ат май = ат майы* 2.

Жаулук = жаулық — см. *джаблук = жаулық.*

Жеке тубие = жеке тубие — отборная, жирная взрослая кобыла, являвшаяся одною из трех неразлучных принадлежностей кырк-жети = қырық жеті (см.); остальные две принадлежности: *«жанама жақсы»* (см.) и *тюс-ат = түс ат* (см.).

Жиен — дети от дочери, называвшиеся жиены, имели право на долю из наследства деда «нағашы» — отца матери.

Жиерма = жиырма — букв. двадцать; вид калыма (см.), заменяющий четыре предмета, которые перечислены в *«баедджаксы = бас жақсы»* (см.); жиерма состоит из двадцати голов скота и является основным мерилом или единицей калыма.

Жиин бузган тентек = жиын бұзған тентек — буян, нарушивший торжество собрания или празднества, подвергался штрафу *«ат-тун = = ат тон»* (см.).

Жлмиган жюйрюк, жлжлган жорга = жылмыйған жүйрік, жылжыған жорға — прославленный скакун, знаменитый иноходец, за кражу его взыскивалось две пятилетних лошади и сверх того полная стоимость первого очередного приза, который мог бы взять скакун.

Жлу = жылу — см. *джилу = жылу.*

Жолаучс = жолаушы — путник; странник. Ограбление жолаушы считалось позором и с грабителя взыскивался наивысший штраф тогузами (см.) за каждый им ограбленный с путника предмет в отдельности.

З

Залим = залым — жестокий; тиран; обидчик; притеснитель; а также — укрыватель воров.

Зерь-кепиль = зор кепіл — поручатель. В случае просрочки отдачи долга зор кепіл обязывался погасить задолженность из своих средств.

Зорлук = зорлық — насилие; принуждение; ограбление. *Зорлықшыл* — насильщик; грабитель.

Зорлық кургенды кудай куреды = зорлық көргенді құдай көреді — обиженного (гонимого) бог призреет; каждому воздастся по его заслугам.

Зякет = зекет — отчисление, предписываемое шариатом, налог в размере одной овцы с юрты или с каждой сотни баранов, или с 5 верблюдов по одному барану и т. д., собиравшийся в пользу духовных лиц, ханов и их ставленников на местах.

И

Иль чабу, эрис бузу = ел шабу, ырыс бұзу — букв. ограбление народа, нарушение счастья; грабежи или набеги, производившиеся целыми родами аулы казахов другого рода.

Илю = ілу — букв. привес: а) плата, следуемая с жениха за первое свидание с невестой, — по существу ілу — часть калыма, равная *қара мал* (см.); б) подарок, доставляемый невестой родителям, старшим братьям и другим ближайшим родственникам жениха.

Иманын джок денсыз = иманы жоқ дінсіз — букв. «ни святыни и ни веры» — неверующий, оскорбительное выражение.

Ин = ен — а) метки; полоски; мера ширины; б) метка на ухе у скотины; в) мера сыпучих тел: полоски, определяющие объем қап — мешочка и служившая основным мерилом сыпучих тел.

Инчи = енші — доля из отцовского имущества, которой наделялись сыновья и усыновленные при их выделении в самостоятельное хозяйство.

Иргеден шыгару = іргеден шығару — букв. «удалить из дома», лишение вдовы права на имущество мужа, в случае выхода ее замуж не за своего аменгера.

Ирьдин куны, нардын булы = ердің құны, нардың бұлы — букв. «возмещение за убийство и иск до стоимости одногорбого верблюда»; право судьи-бия рассматривать уголовные дела вплоть до убийства; имущественные дела по иску вплоть до стоимости одногорбого верблюда, который считался наибольшей ценностью у казахов.

Исек = өсек — баран по второму году, он обычно служил частью штрафа.

К

Каде = каде — а) обычай; обыкновенно; правило; обряд; церемония; б) подарок жениха родственникам, родственницам, подругам невесты и т. п.

Калым-калыңг = қалың — выкуп за невесту, производимый женихом, его родителями, родичами или свойственниками родителям, родичам или свойственникам невесты деньгами, скотом или другим имуществом.

Калынсыз-кыз болсада кадесіз куеу болмас = қалыңсыз қыз болсада, кедесіз күйеу болмас — «невеста без выкупа может быть, но не может быть жениха без подарка — каде».

Кан-ишер = қан ішер — кровопийца.

Канды-кара чулак-ат = қанды қара шолақ ат — кровавая лошадь с отрезанным хвостом, указывающим на ее преступность, заключавшуюся в том, что при совершении убийства еще была под убийцей. Подлежала отправке в аул убитого в том случае, если аул и весь род убийцы согласны платить *кун = құн* (см.) за убитого. См. *суек-кун*.

Канды-кару = қанды қару — окровавленное оружие, которое в случае согласия аула или всего рода убийцы уплатить кун подлежало отправке в аул убитого.

Капка-салар = қапқа салар — букв. класть в мешок; подарок отца невесты ее жениху, состоявший в том, что он клал в мешок жениха, в котором тот привозил свои подарки в аул невесты, что-либо из ценных вещей.

Кара бура = қара бура — см. *уран = ұран*.

Кара-клем = қара кілем — черный ковер, подлежавший отправке стороной убийцы роду убитого и символизировавший траур. Траурным ковром накрывались носилки с телом убитого. Отправка «қара клем» означала согласие виновной стороны уплатить *кун* (см.).

Кара-мал = қара мал — рогатый скот и верблюды; основная часть қалын, как бы определившая стоимость невесты.

Кара нар = қара нар — одногорбый верблюд, который в случае согласия родичей убийцы внести кун за убитого немедленно отсылался в аул погибшего. См. *суек кун*.

Каратай = қаратай — см. *уран = ұран*.

Кара тон = қара тон — букв. черная шуба; халат с верхом из черного бархата или шелка, который аул убийцы должен был отправить в аул убитого в случае, если он был согласен внести кун.

Каргы-бау = қарғы бау — букв. привязь ошейника; приподношение скотом или другим имуществом родными жениха родным невесты и как бы скрепляющее их взаимную договоренность о предстоящем сватовстве. Этот задаток не входил в состав *калын* (см.). При нарушении сговора о предстоящем сватовстве со стороны родителей или родичей жениха, қарғы бау возврату не подлежал.

Карсы-куда = қарсы құда — букв. «встречный сват, встречное сватовство», при котором каждый из сватьев отдает свою дочь замуж за сына другого.

Карындас булу = қарындас болу — см. *жары болу*.

Карыс = қарыс — мера длины; расстояние между концами раздвинутых большого и среднего пальца; четверть аршина.

Каскунем = қас күнем — злоумышленник.

Кек — месть. По обычному праву казахов за убийство требовалось отомстить убийством и поэтому в отмщение убить убийцу или же кого-либо из его ближайших родственников.

Келын-курумдык = келін көрімдік — букв. за показ невесты; обряд показа невесты свекру, свекрови и другим старшим родственникам жениха. При этом показе невесту приводили в ее праздничном наряде и под покрывалом, закрывающим ее лицо. Каждый, кому торжественно показывали невесту, дарил ей что-нибудь из имущества или скота.

Кенже бала — самый младший сын в семье. По обычаю казахов «кенже бала» должен был жениться последним и он же наследовал все отцовское имущество, состоявшееся у последнего после отделения старших сыновей.

Кепиль = кепіл — поручитель.

Кештым = кештім — букв. «прощаю»; произносилось при примирении двух враждующих сторон или лиц.

Кэтеке = қызтекке — гемофродит.

Киеу-джигит = күйеу жігіт — сопровождающий жениха, он распоряжался подарками жениха, доставленными в аул невесты.

Кият = киит — подарки сватам «құда» (см.) как со стороны жениха, так и невесты, преподносились при завершении сватовства.

Кылыч устенде серт джок = қылыш үстінде серт жоқ — букв. раз вынут меч — нарушены все условия; в борьбе дозволительны все средства, вплоть до обмана и лжеприсяги.

Кылычны кыснында = қылышты қынында — букв. «сабля в ножнах». Муж, застигнув жену на месте прелюбодеяния, получал право на расторжение брака. При этом калың (см.) оставался у родителей жены, приданное невесты у мужа.

Кмызды км ичбейди, кызга км бармайды = қымызды кім ішпейді, қызға кім бармайды — «кто не пьет кумысу и кто не ухаживает за девушкой». Поговорка, возникшая во второй половине XIX века, отражающая терпимое отношение к прелюбодеянию.

Кнэ менде = кінә менде — моя вина.

Кок каска = көк қасқа — букв. серая с лысиной; серая лошадь с лысиной, закалываемая в день примирения с врагом, в честь мира см. *аксарбас*.

Кол-устатар = қол ұстатар — букв. пожатие руки; обряд показа невесты жениху. Жених преподносит «женге», соединявшей их руки, подарок, именуемый «қол ұстатар».

Колчи = қолшы — букв. принимающий руки; вид присяги, ограничивающийся простым рукопожатием.

Кор-кебнь = көр кебін — букв. могильный саван; погребальные расходы на несколько голов скота, добровольно уплачиваемые роднею случайного убийцы семье убитого.

Косак басы = қосақ басы — букв. «начало кучи»; овцы и бараны за головы привязывались к волосяной веревке в длинный ряд в день выделения кого-либо из сыновей в отдельное хозяйство, с получением *инчи* (см.) жена выделяемого сына преподносила своему свекру в день выделения баранов одну из лучших вещей из своего приданного. Эта церемония называлась «қосақ басы».

Косус = қос ыс — пригоршня.

Кочьке-тию = көшке тию — нападение на перекочевку; нападение на аул в его кочевом состоянии.

Ку шунак = қу шұнақ — «бестия, мошенницы», пренебрежительный или бранный эпитет, которым называла старшая жена младших жен своего мужа.

Куда кудалар = құда құдалар — сват, сватья как со стороны жениха, так же и невесты.

Куда-тюсер = құда түсер — подарок, который дарили гонцу, передающему приглашение сватьев в аул жениха или невесты.

Куз-тамга = көз таңба — тавро, наподобие глаз, с чертою вниз от одного из глаз; принадлежало одному из родов племени «арғын».

Кузеу — осенние пастбища.

Куйрук-баур = құйрық-бауыр — курдючное сало и печенка; блюдо, подаваемое сватьям при церемонии сватовства.

Калач = құлаш — мера длины; расстояние между концами тянутых в стороны и находящихся в горизонтальном положении рук — маховая сажень.

Кулка = қолқа — а) аорта; б) ответный подарок; қолқа салу — назначение подарка по выбору и усмотрению одаряемого.

Кулун = құлын — жеребенок первого года рождения; құлын оценивается в одну «қозылы қой» — одну овцу с ягненком.

Кун = құн — выкуп за убийство и телесное повреждение, уплачиваемое стороной убийцы его родичам или роду убитого или потерпевшим и освобождающий от мести или преследования.

Кунак ас = қонақ асы — букв. пища гостя (қонақ — гость, ас — пища); обязательное угощение гостя. Нарушение этого обычая влекло имущественную ответственность.

Кункер = құнакер — плательщик куна, см. *құн*.

Куня = кунэ — грех, вина, влекущие наказание.

Курмалдык = құрмалдық — очистительная присяга, обставленная особой торжественностью и сопровождающаяся жертвоприношением.

Курумдык = көрімдік — подарки за показ; см. *келын-корумдык*.

Кушактаскан = құшақтасқан — церемония заключения доз — *тамырства* (см.) посредством крепкого объятия с обнаженной грудью.

Куш васин = көш басшы — вожак, руководитель перекочевывающего аула.

Кушик куйеу = күшік күйеу — букв. «зять-щенок»; зять, перешедший к тестю с присоединением своего стада к стаду последнего и ставший под его главенство, а после смерти тестя участвующий в дележе наследства на правах одного из средних сыновей.

Кыз-кашар = қыз қашар — букв. «убегание невесты»; возмещение расходов женихом за увеселительный вечер, устраиваемый родственниками невесты.

Кыз-кутерер = қыз көтерер — букв. «поднятие девушки»; подарок жениха лицам, которые уносят невесту на ковре на увеселительный вечер молодежи.

Кызыл-котерю = қызыл көтеру — букв. «поднять мертвечину», обычай вспомоществования односаульцев лицу, у которого подохла одна из немногих голов крупного рогатого скота, заключавшийся в том, что павшую скотину разбирали по 12 частям *джилик = жілік* (см.), заплатив за каждый «жілік» по одному ягненку всего 12 ягнят.

Кырк-жети = қырық жеті — см. *домалак-крк джеты*.

Кыстау = қыстау — зимовья; зимние стойбища.

Кши-юз = Кіші жүз — Младший жуз.

М

Мамлыбай — см. *уран = ұран*.

Мал — скот, имущество, богатство.

Малга кепель тулейде = малға кепіл төлейді — букв. за скот порука платит; в случае уклонения должника от погашения долга, поручитель сам обязан рассчитаться с кредитором.

Манатау — см. *уран = ұран*.

Мата — мануфактура; один конец бязи, либо выбойки или крашенины, являвшиеся одною из составных частей всякого рода приподношений, подарков, мелких штрафов и т. п.

Мене басым кесен, мене каным тексен = міне басым — кессең, міне қаным — төксең, — букв. «вот моя голова — можешь ее отсечь, вот моя кровь — можешь ее пролить». Произнеся эти слова, обидчик снимает с себя верхнее платье и вместе со своей плетью кладет у ног обиженного.

Момощь = момыш (искаженное от русского слова помощь); помощь соседей и родственников при исполнении спешных работ, например, косьбе сена, исправлении скотских загонов дворов и зимовок.

Муйнина курум илип-аул айналдру = мойнына құрым ілін аул айналдыру — наказание, заключавшееся в проведении преступника вокруг аула с привязынным к шее куском закопателой кошмы.

Муйнина-кусак, сонына-тркеу = мойнына қосақ, соңына тіркеу — «привязка к шее, придача к хвосту»; вид штрафа, взыскиваемого сверх покраденного и состоявшй из лошади трехлетки (кунан) в качестве привязки к шее и лошади-двухлетки (тай) в качестве придачи к хвосту.

Мульк = мүлік — все имущество, за исключением скота *мал* (см.).

Мундер — негодяй; проклятый.

Мура — память; наследство.

Н

Намаз — мусульманская молитва.

Намыс — честь; репутация; доброе имя; родовая честь. Так, например, отказ в убежище, если он однороден и убил человека из другого рода, считался позором, затрагивающим родовую честь, т. е. намыс.

Нан туз = нан тұз — хлеб-соль; обряд, по которому проба хлеба и соли заменяли дачу или принятие присяги и по своей значимости считалась равным ей и имела такое же юридическое значение, как и дача или принятие присяги.

Нарсэ = нәрсе — вещь, штука.

Неке — венчание; неке кыю — обряд бракосочетания.

Неке джаулык = неке жаулық — один конец белой материи (коленкора, бязи, батиста), которым жених отдаривал старших родственников невесты *дженге* (см.) при совершении обряда бракосочетания.

Неке кию = неке қыю — см. *неке*.

Ника аста = неке асы — букв. обряд венчания; подарок жениха родителям невесты после окончания муллов обряда венчания.

Немеурун = немеурін — помощь выделяемому в отдельное хозяйство со стороны родственников, состоявшая в дарении нескольких домашних животных или вещей.

О

Ой, баур! = ой бауыр — букв. Ой, родной! а) Обряд, символизирующий казнь убийцы и состоявший в том, что сторона убитого при приезде в аул убийцы за куном убивала черного барана, привязанного к *белдеу* (см.) юрты; б) крик, поднимаемый родичами, друзьями и другими близкими при приближении в аул покойника.

Он джеты = он жеті — букв. семнадцать: один из низших разрядов *қалың* (см.) в 17 голов скота, иногда снижавшийся до двух лошадей.

Осу сюземысны бузганымызды худай бузсын = осы сөзімізді бұзғанымызды құдай бұзсын — да проклянет бог того из нас, кто изменит своему слову; клятва, сопровождавшая принятие присяги в более важных случаях.

От-ана, май-ана, джарылга = от — ана, май — ана жарылқа! — букв. «огонь — мать, масло — мать, благословн»; обряд, состоявший в том, что невеста, входя в юрту, где ее ждал жених, выливала чашку масла в тлевший очаг, и все, сопровождающие ее, шагали через вспыхнувшее пламя со словами: «Отана, май-ана, жарылқа» и низко кланялись огню. Вслед за этим происходила церемония представления друг другу жениха и невесты, сопровождавшаяся получением от жениха подарков.

Отагосы = отағасы — букв. распорядитель огня; старший в каком-либо обществе.

Отау — юрта невесты, часть ее приданного; кошмы, которыми покрывали юрту, или их стоимость доставлялись женихом.

Отау джабар = отау жабар — букв. за покрытие юрты невесты; название подарка, состоявшего из одного барана, преподносимого женихом женщине, крывшей кошмами юрту невесты.

Отуз-джеты = отыз жеті — букв. тридцать семь; разряд целый (см.) в 37 голов скота.

П

Пул = пұл — деньги; чаевые; посредническое вознаграждение.

Р

Рамазан — пост; по обычному праву казахов, за преступления, совершенные во время рамазана, назначалось усиленное наказание.

С

Сабый = сәби — букв. младенец; ребенок; при совершении детьми, не достигшими 13-летнего возраста, преступления, за них назначалось уменьшенное наказание и такая категория малолетних преступников называлась сәби.

Салават = салауат — взаимное прощение; взаимный отказ от претензий, иска и т. д.

Сарпа — плата в один халат или барана, или в одну лошадь лицу, совершившему обряд обрезания мальчику.

Сары жаулык = сары жаулық — букв. желтый женский головной убор; *жаулық* (см. *жаулық*), который присылался родичами убийцы в случае согласия их платить кун (см.) в аул убитого и жена убитого носила его в течение года в знак траура по мужу.

Сәукеле = сәукеле — старинный головной убор замужней женщины, украшенный золотом, жемчугом и другими драгоценностями, составляющий часть ее приданного.

Сере — мера длины, равная ширине слегка раздвинутых четырех пальцев.

Сен талак = сен талақ — *букв.* «ты разведена», трижды в течение одного дня повторенная мужем жене по обычному праву казахов, навсегда закрепляла развод.

Синь токал-неме = сен тоқал неме — букв. ах, ты токалщина; пренебрежительное выражение, равнозначащее выражению: «*құ шұнақ қатын*» (см.).

Сом тәмирге балгабар; сомсынганга таныр бар = сом темірге балға бар; сомсынғанға тәңір бар — букв. «для крепкого железа есть молоток, для плута есть бог»; на всякого найдется управа.

Су сузель мейдэ, суйек узельмейди = су сүзілмейді, сүйек үзілмейді — «вода не цедится, родство не прерывается». Пословица эта указывает на прочную связь родства.

Суайт — лгун, см. *уағдасыз*.

Сугум = соғым — букв. осенний убой скота; обязательное приподношение зависимыми людьми султанам, биям, правителям, старшинам упитанной скотины.

Суек-кун = сүйек құн — букв. «возмещение за кость»: родственники или же весь род убийцы, согласный уплатить *құн* (см.) за убитого, заблаговременно посылали в аул убитого так называемый «сүй-

ек күн», состоявший из а) коня, бывшего под убийцей в момент совершения им убийства, б) оружия, которым было совершено убийство, в) каранар (см.), г) «*қара тон*» (см.) и д) сары *жаулық* (см.).

Сузсын аяк = сусын аяқ — букв. «чашка, утоляющая жажду»; мера жидкости.

Суил айбанасы = сойыл айбанасы — букв. суил = *дубина айбана* (см.) штраф за дубину; штраф в один халат, которому подвергался вор, пойманный на месте преступления с дубиною в руке и в добавок к этому у него отбиралась лошадь, бывшая под ним.

Суйлескендей адам барма = сөйлескендей адам барма — букв. «есть ли кто, с которым бы поговорить?»; этими словами путник давал понять аулу, около которого он находился, о своем желании остановиться на отдых.

Суюнчи = сүйінші — подарок за сообщение радостной вести; подарок лицу, открывшему преступление.

Сырт-айгак = сырт айғақ — заочный доказчик; свидетель, по каким-либо основаниям не желающий открыто фигурировать в деле, тайно сообщал потерпевшему свои сведения и брал от него небольшое вознаграждение, которое по обычаям не обязывало его выступать свидетелем.

Суем = сүйем — мера длины, равная расстоянию между вытянутыми в разные стороны большим и указательным пальцами.

Сют-акы = сүт ақы — букв. «плата на молоко»; плата жениха за материнское молоко, которым в детстве вскармливалась невеста. Эта плата являлась одною из составных частей калыма (см.).

Сютун саунга берсень = сүтін сауынға бөрсең — букв. «дал бы скотину для доения»; отдача молочной скотины для доения с последующим возвратом ее в упитанном виде или возмещением полной стоимости в случае ее падежа или пропажи.

Т

Тай — жеребенок по второму году. Он фигурирует в штрафах, например, в штрафе «туйе бастатқан тоғыз».

Тайлақ = тайлақ — верблюжонок по второму году, часто один из элементов штрафа; см. *туйе бастатқан тоғыз*.

Тамга = таңба — клеймо; метка, тавро; особые знаки, присущие каждому роду казахов в отдельности.

Тамыр — друг; приятель; тамырство — дружба. Споры по тамырству относились к разряду исковых дел.

Тамыр тюбе дау, курдас тюбе джау = тамыр түбі дау, құрдас түбі жау — букв. «дружба кончается тяжбой, ровесники кончают враждою». Пословица эта указывает, что дружба могла быть ненадежной и неустойчивой.

Тана — см. *уран = ұран*.

Тапкан сюинэде, таныган аладэ = тапқан сүйінеді таныған алады — букв. «нашедший радуется, узнавший забирает»; находка подлежит обязательному возврату. Собственник отдает нашедшему суюнчи (см.), если тот заблаговременно объявил о находке.

Тас коюскан = тас қойысқан — букв. «класть камень»; в некоторых случаях заключение договора скреплялось обрядом, при котором стороны произносили определенную форму держа на голове камень. По своему значению это равнялось клятве.

Таузырь = таузыр — вид телесного наказания, при котором стоящему преступнику наносились удары по обнаженной спине.

Тендик = теңдік — букв. равенство; равноправие; а) правосудие, напр., «теңдігімді сұраймын, я аламын» — «прошу и добиваюсь правосудия»; б) клятвенное показание; клятва, даваемая за другого в подтверждение правильности его показания.

Тентек бакан джиаде, тейле хатын джиаде = тентек бақан жыйады, телі қатын жыйады — «отчаянный собирает дубины, глупец набирает жен». Поговорка, выражающая неодобрительное отношение к многоженству.

Тогуз = тоғыз — букв. девять; вид аила — *айыл* (см.), состоявший из девяти голов скота во главе с верблюдом, или лошадью или быком и по этому различию начального своего предмета он был трех родов (см.):

а) түйе бастатқан тоғыз;

б) ат бастатқан тоғыз;

в) өгіз бастатқан тоғыз.

Токал-тогуз = тоқал тоғыз — букв. сокращенное девять; *тоғыз* (см.), состоявший только из восьми баранов без обычного начала с верблюда, лошади или быка, поэтому и называвшаяся «токал тоғыз».

Токты = тоқты — ягненок от шести месяцев, фигурирующий как часть *аил* (см.) или *тоғұз* (см.) или как подарок.

Тостиган = тостиган — см. *уран = ұран*.

Той = той — пир, пиршество, свадебное пиршество; празднество.

Той мал = той мал — букв. скот для свадебного торжества; составная часть *қалың* (см.), потребная на расходы по устройству «той», которую должен был доставить жених одновременно с частью кошем для покрытия юрты, т. е. *«отау»* (см.) невесты. Действительные размеры «той мал» зависели от размеров приданного невесты.

Тулды ат = тұлды ат — букв. траурная лошадь; любимая лошадь умершего, предназначавшаяся к закланию на поминках по нем. За кражу «тулды ат» полагалось усиленное наказание.

Тулпар = тұлпар — см. *уран = ұран*.

Тунаш = тонаш — букв. ограбление; грабеж.

Тутам = тұтам — мера длины, равная ширине четырех пальцев.

Тышу кистэ = тұсіш кесті — а) тертый, много перевидевший, опытный; б) обряд резания веревки, якобы опутывающей ноги ребенка с тем, чтобы ребенок скорее начал ходить сам без помощи других; в) см. *аладжип*.

Тюе-бастатқан-тогуз = түйе бастатқан тоғыз — букв. девять во главе с верблюдом; этот «тоғыз» состоял из трех верблюдов, трех лошадей и трех голов рогатого скота с тем, чтобы в нем было из каждого означенного рода скота по матке.

Тюрегге барып тюбегге чыкбаяк = төрегге барып төбегге шықпаяқ — букв. не восходя на возвышение и не доходя до султана или судьи; предложение кончить дело миром.

Туркиндей-келю = төркіндей келу — букв. первый приезд замужних женщин к своим родным и родственникам, приуроченный к первому визиту, наделение замужних дочерей долею из отцовского имущества.

Тюркун = төркін — родня замужней женщины.

Тюсат = тосат — отменная лошадь, входившая в состав *қалың*.

Тюс-чары = төс жары — мера длины, равная половине *кулач* (см.).

У

Уадасы джокта-иман джок; иман джок та-худай джок = уәдесі жоқ-

та — иман жоқ; иман жоқта — құдай жоқ — букв. «кто не сдерживает слово — у того нет совести; у кого нет совести — у того нет бога»; хотя словесный договор не имеет юридической силы и его нарушение имеет только моральные последствия, пословица эта осуждает нарушителя как человека бесчестного и недостойного уважения.

Узю-табасы = өз табысы — благоприобретенное (имущество).

Уйбас = ойбас — см. *уран = ұран*.

Укрюк = құрық — букв. палка с привязанной к ее верхнему концу и середине веревкой для ловли лошадей; воткнута в землю кушбачши (см.) *«құрық»*, обозначал его приказ кочевью остановиться на привал. Самовольное уничтожение этого знака преследовалось по обычному праву казахов.

Укыль-ата = уәкіл ата — букв. вверенный отец; у невесты, кроме своего отца, по обычаю был так называемый «вверенный отец» (посаженный отец) — «уәкіл ата», который как бы замещал родного отца, покровительствовал, одаривал ее подарками. Невеста в свою очередь была обязана оказывать ему знаки уважения и делать подарки из своего приданного.

Улы жөз = Ұлы жуз — Большой жуз.

Улькун куня = үлкен күнә — букв. большой грех; большое, серьезное преступление, подлежащее суровому наказанию.

Улюбюм = өлі бұйым — букв. «мертвые вещи» — товары казахского изделия: кошмы, арканы, выделанные шкуры и т. п.

Урдегенге зоргельмес, урганга зор келер = ұр дегенге зор келмес, ұрғанға зор келер — букв. пострадает не тот, что посоветовал бить, а тот — кто бил; основную ответственность несет преступник и лишь затем подстрекатель.

Ураза = ораза — см. *рамазан*.

Уран = ұран — боевой клич, провозглашавшийся при враждебных столкновениях разных родов, племен или же при столкновении казахов с иными противниками. Ұран обычно состоял из имени отдаленного предка или из имен позднейших предков.

Урель = өрелі — букв. соответствие; око за око; кровь за кровь; при взыскании *құн* (см.) за кровь и жизнь убитых не в самой схватке или стычке, а после пленения в случае равенства убитых, пзувеченных в той и другой сторон, т. е. при наличии «өрелі» стороны взаимно освобождаются от уплаты құна.

Урта юз = Орта жуз — Средний жуз.

Уру = ұру — род, например, беріш ұруы — Бериневский род.

Урун-килю = ұрын келу — первое посещение (женихом невесты); при первом посещении невесты жених обязывался доставить *илю* (см.).

Уры сериги менен хортуул жолдасы менен = ұры серігі мен, жортуыл жолдасы мен — букв. вор с соучастником; вор должен страдать вместе с соучастником, а грабитель — с сообщником; лица, уличенные в соучастии с преступником, также подлежали осуждению.

Урының ую кюйсин-аяма = ұрының үйі күйсін — аяма — букв. пусть его: горит жилище вора — не жалей; преступник подлежит суровому наказанию.

Усекчи = өсекші — сплетник.

Утау = отау (см.).

Утрюкчи = өтірікші — лжец; лицо, уличенное в лжи, не допускалось в свидетели.

Утуз-жеті = отыз жеті — см. *отуз джеты*.

Х

Хан сыртынан джудурук = хан сыртынан жұдырық — букв. «за спиною хана кулак». Можно и хану показать кулак, лишь бы он не видел; если кто-нибудь заочно поносит кого-либо оскорбительными словами, он за это не преследуется и никакому взысканию не подвергается.

Хан улы күпрь болса басып утпе, узю булган жігітке тясибитпе = хан ұлы көпір болса басып өтпе, өзі болған жігітке нәсіп етпе — букв. «пусть из ханского отпрыска устроен мост, не переходи по нему, но не пренебрегай и джигитом, пробившимся в люди личным превосходством».

Хандык = хандық — позитивность в пользу хана или султана.

Хат = хат — букв. а) письмо; б) мера наказания по шариату. Преступник, приговоренный к порке «хат», получал наказание лежа ударами по обнаженной по пояс спине.

Худай ургап = құдай ұрған — букв. «богом проклятый», презренный — оскорбительное выражение.

Ч

Чакрым = шақырым — расстояние, на какое слышен человеческий голос.

Чатыр-байгозы = шатыр байғазы — букв. подарок за шатер; подарок, преподносимый женихом при входе его вместе с «куда» (см.) в «отау» (см.).

Чауп-кельды = шауып келді — букв. прискакали; по обычаю казахов жених с сопровождающими его куда (см.) останавливался на известном расстоянии от аула невесты и посылал вперед гонца. Молодежь из аула невесты бросалась навстречу ожидающим, и первый прискакавший приглашающий их в аул получал от жениха подарок, именуемый «шауып келді».

Чашу = шашу — букв. разбрасывание; при первом приближении жениха в заготовленный для него «отау» (см.) или при первом входе в юрту родителей жениха одна из «дженге» (см.) жениха или невесты сыплет разные сладости на входящего, что сопровождается шумом, весельем, вызванным подбиранием разбросанных сладостей. Это разбрасывание сладостей и называется «шашу».

Чидер-кос, аркан-дос, тусау-бос = шідер — қос, арқан — дос, тұсау — бос — букв. «треноги, палатка, веревка — друг, путы — пустяки, что застреножено, все равно, что под замком», аркан средство верное, но путы очень ненадежны.

Чикан кыз, чийден тызкаре = шыққан қыз шиден тысқары — букв. дочь, выпедшая замуж, уже вне юрты; родные и родственники замужней женщины не имеют никаких прав на нее и ее имущество.

Чилик тамга = шілік таңба — тавро рода Керей.

Читесы барджетымнын башында торак кол ойнар, — чиесы джок джетым мынын башында бит пен сырке ойнар = шешесі бар жетімнің басында тарақ-қол ойнар, шешесі жоқ жетімнің басында бит пен сірке ойнар — букв. на голове сироты при матери играет рука и гребенка, — на голове сироты без матери играет вошь и насекомые. Выражение, отображающее большое значение женщины в семье.

Ш

Шаграй = шағырай — см. *ұран = ұран.*

Шайтан азғырды = шайтан азғырды — букв. чорт соблазнил; поддался искушению. Выражение, употребляемое уличенным с тем, чтобы добиться смягчения наказания.

Шайтан бастады — букв. чорт повел; поддался дурному влиянию. См. *шайтан азғырды.*

Шибага = сыбаға — преподношение уважаемым лицам части зарезанного скота в сыром или вареном виде.

Э

Эгер утрюк аутсам худай атсын, удуйнеде иманым буюрмасын, бу дуйнеде мал басымнын иглигин кюрмейин = егер өтірік айтсам құдай атсын, о дүниеде иманым бұйырмасын, бұ дүниеде мал басымның игілігін көрмейін — «да покарает меня бог, если я лгу, да буду лишен на том свете всякого воздаяния за мою веру в него и за все мои добродетели, а на этом да не увижу добра от моего имущества и детей». Формула присяги.

Эрден кетсенде ильден кетпейсин = ерден кетсеңде, елден кетпейсің — букв. «можешь уйти от одного, но из рода не уйдешь». Выражение, характеризующее подневольное положение казахской женщины при феодально-патриархальном строе; см. аменгерство.

Эсаул хаки = жасауыл ақы — см. *жасаул акы.*

Ю

Юз = жуз — жуз, орда.

Я

Янымагалым = жанама қалың — см. *жанама калым.*

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТЕКСТАМ МАТЕРИАЛОВ СБОРНИКА

А

Аза — см. поминки.
Айып — 169, 275, 282; случаи уплаты А. — 170, 171, 180, 190, 198, 204, 227, 276, 279, 295; размеры А. — 169, 170, 171; см. также ат-тун, штраф.
Ак-суйек — см. белая кость.
Алажип — см. примирение сторон.
Алкоран — 109, 122, 128, 129, 131, 168; выписки из А. — 123, 150, 151; см. также шариат.
Аменгерство — см. жены.
Аппеляция — см. судебное решение, обжалование.
Аренда — А. земли — 265, 271, 309, условия договора А. — 309.
Ат-тун — 135, 169, 228, 282; случаи уплаты А. — 131, 133, 134, 178, 179, 180, 181, 185, 186, 187, 204, 208, 209, 210, 212, 217, 232, 235, 236, 276, 279, 296, 311; размеры А. — 131, 169, 170, 228; см. также айып, штраф.
Аул — 50, 57, 87, 127, 288; ответственность за долги одноаульца — 21, 79, 87, 134, 145, 146, 277.

Б

Барымта, общие положения — 21, 76, 134, 195, 197, 198, 199, 200, 246, 263, 276, 283, 287; основания для производства Б. — 21, 79, 199, 200, 246, 283; проведение Б. — 21, 79; ответственность за Б. — 21, 47, 55, 56, 62, 76, 77, 84, 198, 230.
Безвестное отсутствие — 296.
Белая кость — привилегии Б. К. — 19, 122, 136, 139, 208, 212, 215.
Бии — общие положения — 33, 34, 35, 36, 44, 45, 46, 76, 77, 96, 102, 110, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 130, 148, 163, 218, 225, 230, 272; выбор Б. — 97, 125, 126, 164, 218, 229; вознаграждение Б. — 21, 34, 84, 90, 102, 111, 112, 125, 126, 139, 171, 196, 198, 230, 238, 288, 289; съезды Б. — 128, 229, 265, 278; известные Б. — 76, 86, 89, 95, 99, 100, 101, 102, 110; см. также суд, подсудность.
Богохуление — ответственность за Б. — 20, 31, 32, 130, 281.
Брак — 23, 80, 98, 141, 173, 174, 242, 243, 253, 294, 295; брачный возраст — 233, 243; обстоятельства, препятствующие заключению Б. — 26, 98, 243, 295; совершение Б. — 24, 25, 80, 86, 93, 98, 104, 108, 109, 114, 141, 248, 253, 254, 255; обряд венчания — 24, 93, 142, 248, 249, 257; прекращение Б. — 234, 255, 256, 257, 258; см. также жены, развод.

В

Водопользование — 140, 264.
Волость — ответственность В. за долги — 36, 42, 43, 53, 55.
Воровство — 133, 168, 195, 227, 237, 280, 283, 287, 307; ответственность за В. — 19, 21, 53, 54, 55, 57, 61, 79, 84, 90, 102, 103, 108, 133, 134, 171, 192, 195, 196, 197, 198, 237, 238, 281, 288; ответственность за В., совершенное членами семьи, — 57, 297; ответственность за повторное В. — 55, 87, 195, 196, 238, 278; ответственность за кражу со взломом — 54, 133, 134; судопроизводство по кражам — 87, 110, 192, 193, 194, 195, 231.
Выделение сына, общие положения — 25, 97, 189, 236, 258, 259, 268, 269, 297; порядок В. С. — 268, 297; назначение инчи — 97, 189, 236, 269, 297; В. усыновленного — 145, 186, 191.
Выемка — см. обыск.
Вырубка леса — см. лес.

Г

Гостеприимство, общие положения — 92, 210, 276, 311; последствия отказа в Г. — 210, 211, 276, 281, 311.
Грабеж — 54, 198, 199, 276, 287; ответственность за Г. — 19, 54, 56, 84, 195, 199, 238; ответственность за Г. с убийством — 21, 54, 84.

Д

Давность — 36, 64, 128, 263, 304; прекращение иска Д. — 36, 128; приобретательная Д. — 263, 270; срок Д. — 230, 263.
Дарение, общие положения — 266, 310, 311; см. также подарки.
Деньги, применение Д. — 41, 81, 90, 105, 115, 206, 228, 305, 306.
Дети, общие положения — 81, 91, 189, 190, 191, 297; власть главы семьи — 66, 91, 132, 208, 245, 258, 259, 297, 298, 304; отдача Д. в работники — 55, 297, 305; обязанность содержать родителей — 258, 259, 298; ответственность Д. за оскорбление родителей — 21, 49, 91, 131, 208, 236, 281,

282, 286, 298; незаконнорожденные Д. — 68, 69, 237, 260, 261; см. выделение сына, также несовершеннолетие.
Доверенность — 309.
Договор — 269, 270, 271, 304; заключение Д. — 98, 304; формы Д. — 269, 304; исполнение Д. — 269, 272, 306.
Доказательства — 39, 52, 56, 127, 167; см. свидетельские показания, присяга, очная ставка; доказчик — 42, 103, 111, 193, 230, 231, 280, 281.
Долг — 61, 86, 108, 146, 272; уплата Д. — 90; последствия невозможности уплаты Д. — 21, 61, 108, 146, 206, 238, 272, 298; отрабатывание Д. — 52, 55, 60, 63, 272; см. заем, родство, работник.
Донос — 50, 57, 58, 127, 280, 289; возникновение дел на основании Д. — 32, 38, 58, 102, 110, 126, 127, 128, 281; ответственность за ложный Д. — 32, 33, 34, 42, 50, 58, 127, 229, 280, 281; см. доказчик, недоносительство.

Ж

Жених — право на выдачу невесты — 104, 178, 179, 234, 295; посещение Ж. невесты — 23, 24, 51, 80, 85, 93, 98, 104, 114, 179, 234, 246, 247, 248, 251, 253; отказ от невесты — 80, 105, 180, 181, 234, 246, 249, 286, 295; см. сватовство.
Женщины, правовое положение — 23, 52, 128, 174, 183, 188, 201, 203, 243, 259, 260, 262, 304; отстранение от свидетельства Ж. — 21, 39, 127, 167, 232; похищение Ж. — 20, 53, 178, 179, 180, 245, 246; см. кун, оскорбление, убийство.
Жены, правовое положение — 23, 57, 81, 88, 91, 105, 108, 115, 142, 149, 183, 184, 234, 243, 256, 258, 259, 260, 286, 296, 297; многоженство — 22, 23, 88, 98, 141, 234, 261, 296; отделение Ж. — 25, 97, 142, 234, 236, 260; старшая жена — 25, 26, 88, 97, 108, 142, 149, 181, 191; младшие жены — 25, 26, 108, 191; переход Ж. после смерти мужа к его родственникам — 26, 66, 67, 68, 81, 88, 91, 97, 105, 115, 144, 187, 188, 189, 190, 235, 257, 296; см. сватовство, развод.
Животные, ответственность за вред, причиненный домашними Ж. — 63, 64, 209, 210; убийство Ж. — 21, 61, 63, 64, 65.

З

Завещание — 68, 269, 300, 302; составление З. — 21, 68, 143, 301, 302; действительность З. — 302; наследники по З. — 302; исполнение З. — 83, 143, 302.
Завладение — 147; приобретение права собственности на основании З. — 147, 266.
Задаток — 270.
Заем — 81, 90, 106, 145, 272, 305; совершение договора З. — 98, 145; условия договора З. — 87, 115, 146, 272, 306; срок договора З. — 145, 306; см. долг.
Закон, законы казахские — 19, 76, 89, 101, 102, 110, 123, 163, 221; сбор казахских З. — 31, 74, 75, 76, 83, 86, 89, 95, 100, 101, 107, 109, 120, 121, 122, 123, 124; систематизация З. — 121; З. хана Тауке — 19 — 26, 243; З. российские — 31 — 69, 188, 263, 265; см. шариат.
Залог, общие положения — 59, 60, 270, 306; кража заложенной вещи — 59; гибель заложенной вещи — 59, 60, 306.
Землевладение (землепользование) — 64, 82, 88, 92, 99, 139, 140, 212, 238, 263, 264, 265, 271; земельный кризис — 264, 265.
Зякет — 137, 272; взымание З. — 149; порядок сбора З. — 137, 138; размер З. — 137, 138.

И

Изгнание из общества — 32, 50, 59, 87, 196.
Изнасилование, ответственность за И. — 20, 51, 52, 85, 237, 281, 286; женитьба на изнасилованной девушке — 20, 52, 105, 237.
Имущество, деление И. — 262, 263; право распоряжения И. — 68, 259, 297, 301, 310; см. родство.
Инче — см. выделение сына.
Иск — 20, 21, 43, 54, 55, 56, 61, 62, 65, 85, 126, 206, 246, 258, 289.
Иностранцы, возможность быть свидетелем И. — 41, 232.

К

Казий — 123, 138, 143, 149.
Калым, общие положения — 20, 22, 51, 53, 98, 104, 105, 141, 142, 174, 233, 237, 245, 261, 286, 295, 296; размер К. — 22, 66, 85, 88, 108, 141, 175, 176, 177, 233, 245; уплата К. — 23, 80, 88, 104, 108, 114, 141, 180, 181, 182, 244, 251, 259, 295; замена К. — 177, 245, 299; случаи возвращения К. — 24, 25, 52, 80, 104, 105, 114, 181, 182, 183, 234, 235, 246, 247, 249, 295, 296.
Клад — 265, 266.
Клевета — 65; ответственность за К. — 50, 132; см. донос.
Коран — см. шариат.
Кочевка — 82, 88, 99, 107, 115, 140; виды К. — 107, 238, 263; занятие К. — 82, 99, 109, 139, 212, 238, 265; последствия занятия чужих кочевок — 60, 139, 140, 212, 265; право пользования К. — 213, 238, 263, 264, 265, 271.
Кража — см. воровство.
Кровная месть — 19, 20, 48, 201, 202, 273, 284.
Кровосмешение, наказание за К. — 20, 52, 237.
Кун — 20, 79, 84, 171, 195, 196, 203, 275, 282; случаи уплаты К. — 20, 35, 36, 37, 43, 46, 47, 51, 53, 54, 55, 65, 66, 69, 76, 77, 78, 83, 84, 87, 128, 131, 202, 205, 210, 259, 277, 278; размер К. — 35, 47, 51, 66, 83, 87, 171, 228, 277, 282; К. за мужчину — 20, 77, 203, 282; К. за женщину — 20, 45, 49, 203, 205, 282; К. за хана, султана, ходжу — 20, 42, 43, 77, 204, 282; К. за действия, послужившие причиной выкидыша у женщины, — 20, 48, 49, 205, 285; К. за телесные повреждения — 20, 47, 48, 78, 87, 131, 204, 228, 282, 285; порядок уплаты К. — 43, 83, 131, 202, 282; срок уплаты К. — 131, 202; уменьшение К. — 84, 204, 205, 210; случаи освобождения

от уплаты К. — 200, 203, 205, 210, 305; см. штраф.
Купля — продажа, общие положения — 53, 87, 98, 105, 108, 115, 273, 310; совершение договора К. П. — 145, 310; условия договора К. П. — 310; ответственность сторон при К. П. — 310; К. П. краденого — 55, 134, 194.

Л

Лес, ответственность за порубку Л. — 61, 273.

М

Мена — 81, 86, 87, 98, 106, 108, 115, 146; совершение договора М. — 145, 146, 308; условия договора М. — 146, 308.
Мировая сделка — см. примирение сторон.
Многоженство — см. жены.
Мошенничество — 133, 272, 276, 287, 289; ответственность за М. — 64, 84, 90, 289.
Мулла — 104, 137, 138, 149; значение М. — 21, 22, 23, 24, 42, 68, 93, 94, 97, 98, 109, 142, 242, 243, 248, 283; вознаграждение М. — 67, 83, 86, 87, 109, 113, 142, 143; отречение от должности М. — 138, 149.

Н

Наследование имущества, общие положения — 25, 26, 67, 77, 79, 85, 88, 91, 97, 103, 104, 108, 113, 144, 189, 190, 191, 192, 236, 263, 269, 298, 299, 301, 302, 304; порядок Н. выделенным детям — 21, 67; лишение Н. — 113, 303, 304; Н. женщинами — 67, 68, 85, 88, 103, 104, 108, 113, 144, 189, 236, 257, 299, 302, 303; переход по Н. долгов и исков — 92, 270, 302, 303, 304; см. завещания.
Наем, личный наем — 274, 305; совершение договора личного Н. — 137, 274, 304, 305; условия договора Н. — 137, 274, 305; плата работнику — 137, 274; см. работник; Н. имущества — 146, 309.
Наказание, общие положения — 20, 21, 45, 77, 78, 102, 128, 169, 228, 273, 277, 278, 281, 282, 283, 288; уменьшение Н. — 20, 78, 111, 128, 169, 278, 288; увеличение Н. — 78, 111, 128, 277, 278, 288; Н. домашнее — 20, 48, 49, 50, 52, 56, 57, 65, 132, 208, 237, 286; см. также телесные Н., айып, ат-тун, кун, штраф.
Находка — 58, 266, 311, 312; объявление о Н. — 266; вознаграждение за Н. — 59, 311, 312; ответственность за присвоение Н. — 58, 194, 238, 266, 311.
Недоносительство — 21, 32, 57.
Незаконнорожденные — см. дети.
Несовершеннолетние, общие положения — 21, 41, 81, 85, 103, 126, 278, 299, 300; невозможность Н. быть свидетелем — 41, 127, 167; применение телесных наказаний к Н. — 49, 128, 232; см. дети, опека.

О

Обида — см. оскорбление.
Обман — 272, 289; ответственность за О. — 59, 62, 289.
Обыск, производство О. и выемки — 127.
Опека — 21, 68, 81, 85, 88, 92, 97, 103, 108, 112, 144, 145, 190, 235, 236, 262, 299, 300; порядок назначения опекуна — 68, 103, 144, 300; права и обязанности опекуна — 92, 103, 112, 144, 262, 300; ответственность опекуна за имущество опекаемого — 81, 92, 103, 112, 113, 145, 262, 300, 301; учреждение О. над безумными — 68, 144, 299, 301; учреждение О. над расточителями — 144, 259.
Оскорбление — 207, 276, 286, 288; ответственность за О. — 20, 43, 44, 80, 90, 103, 111, 132, 236, 281, 282, 285, 286; О. султана, ходжи — 20, 42, 43, 131, 207, 208; О. судьи — 35, 131, 208; О. женщины — 20, 44, 132, 208; заочное О. — 45, 208, 236; см. дети.
Оставление в опасности — 56, 212, 276, 285.
Отдача в работники — см. работник.
Отрабатывание долга — см. долг.
Охота — 213, 274; правила О. — 147, 148, 209, 213, 214, 215, 266.
Очная ставка — 128; О. С. свидетелей — 41.
Ответчик, признание иска О. — 56, 82, 110, 169; см. суд.

П

Пеня, случаи уплаты П. — 20, 32, 33, 43, 84; взыскание П. — 21, 126.
Перекочевка — см. кочевка.
Побои — ответственность за П. — 20, 37, 42, 43, 44, 45, 48, 111, 131, 208, 236, 285.
Поверенный — 47, 126; ответственность П. перед доверителем — 63, 145; недобросовестные действия П. — 63, 65, 145, 230.
Погребение — 83, 87, 94, 99, 107, 109, 115, 130; обряд П. — 86, 94, 143; П. самоубийц — 20, 47, 143.
Подарки, общие положения — 24, 139, 267, 310, 311; обязательные П. — 80, 81, 105, 139, 267, 268, 269, 298, 299, 311; отдаривание П. — 139, 268; см. сватовство.
Поджог, ответственность за П. — 52, 53, 140.
Подлог (подделка), ответственность за П. — 135; ответственность за продажу подделанных вещей — 59.
Подряд — 59, 146, 308; условия договора П. — 147, 308;
Подсудность — 21, 128, 272; П. дел биям — 75, 77, 79, 87, 90, 96, 102, 110, 124, 125, 148, 164, 229, 261, 284; П. дел русскому суду — 75, 228, 229, 284.
Покупка краденого — см. купля — продажа, ответственность за П. К.
Поминовение (поминки) — 47, 67, 68, 83, 109, 257, 304; сроки П. — 83, 87, 94, 99, 107, 109, 115, 143, 216; обряды П. — 83, 94, 99, 107, 143, 217; аза — 99, 247; лишение богохульителя П. — 32.
Поручение — 309; см. поверенный.
Поручительство — 81, 106, 115, 130, 145, 146, 270, 307; виды П. — 206, 270; применение П. — 90, 307; поручитель — 206; взятие на поруки — 90, 238; ответственность П. за долги — 62, 81, 106, 115, 206, 270, 307, 308.

Посредники — 21, 98, 206, 273, 274; выборы П. — 273; вознаграждение П. — 21.
Потрава, ответственность за П. — 60, 61, 140, 273.
Правила общественного поведения — 139, 179, 215, 216, 217, 237, 249, 250; ответственность за нарушение П. О. П. — 35, 179, 209, 216, 237.
Прелюбодеяние — 20, 185, 188, 256, 277, 286; ответственность за П. — 20, 52, 69, 91, 105, 115, 132, 133, 183, 185, 235, 237, 257, 261, 277, 281, 283.
Преступление, общие положения — 123, 124, 128, 129, 227, 275, 276, 277, 279; совершение несколькими лицами П. — 46, 55, 83, 129, 238, 279; пособничество в П. — 47, 194; ответственность за покушение на П. — 47, 129, 279; см. убийство.
Приданое невесты — 23, 24, 80, 86, 97, 105, 114, 142, 177, 235, 247, 295, 297; выдача П. — 25, 178, 179, 182, 254; размер П.—23, 26, 98, 177, 178, 233, 234, 247, 248, 259.
Примирение сторон — 37, 79, 82, 84, 96, 106, 110, 128, 135, 194, 196, 226, 227, 270, 281, 282.
Приплод, случаи взыскания П. — 21, 62.
Присяга — 38, 96, 102, 111, 127, 143, 168, 169, 171, 230, 232, 269; виды П. — 166, 171, 284; случаи применения П. — 20, 21, 32, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 69, 82, 87, 90, 96, 102, 111, 127, 146, 180, 181, 185, 192, 193, 194, 195, 200, 205, 226, 227, 230, 233, 238, 256, 269, 281; значение П. — 39, 96, 102, 111, 146, 166, 168, 226, 284; принятие П. — 21, 118, 143, 172, 173, 284; необходимое количество лиц для принятия П. — 20, 32, 69, 82, 102, 205; отстранение от П. — 21, 96, 167, 232; неявка для принятия П. — 38, 172, 230; отказ от принятия П. — 21, 32, 38, 102, 111, 172; ответственность за ложную П. — 39, 149, 232, 284; см. свидетели, родство.
Проценты — 81, 106, 108, 270, 306.
Прощение — см. салават.

Р

Работник — 21, 40, 45, 53, 137, 232, 236, 274; ответственность Р. за гибель вещи — 62, 137, 305; ответственность Р. за кражу вещи — 62; отдача в Р. — 52, 55, 62, 129, 134, 146; см. долг, наем.
Рабы, общие положения — 21, 40, 45, 53, 135, 136, 167; случаи отдачи в Р. — 53, 84; стоимость Р. — 21; отпуск Р. на волю — 45, 135; ответственность Р. за преступления — 45, 53.
Развод — 26, 57, 88, 97, 142, 183, 255, 261, 296; основания для Р. — 52, 91, 142, 183, 184, 185, 234, 235, 255, 256, 296; совершение Р. — 142, 235, 255, 256, 296; последствия Р. — 91, 142, 184, 185, 235, 255, 256, 296, 297, 298.
Ранение — см. телесные повреждения.
Расточители — см. опека.
Религия — 229, 275; значение Р. — 26, 149, 228, 229, 261, 283, 295; перемена Р. — 26, 33, 304; последствия принятия христианства — 20, 33.
Родители — см. дети.
Родство — 20, 21, 50, 52, 295; правовые последствия Р. — 19, 21, 26, 34, 40, 42, 80, 97, 98, 126, 164, 165, 199, 202, 225, 226, 232, 243, 262, 274, 284, 286, 295, 302; ответственность за долги родственников — 21, 129, 134, 145, 146, 196, 206, 238, 286, 298; случаи обязательной помощи Р. — 201, 211; уплата куна Р. — 20, 42, 43, 48, 78, 79, 196, 282, 298; право самовольного отнятия вещей у Р. — 81, 105, 192, 258, 267, 273, 287; присяга Р. — 38, 41, 42, 58, 64, 66, 82, 108, 127, 166, 169, 180, 181, 184, 193, 194, 226, 227, 231, 233.
Россия, русское влияние на казахское право — 89, 90, 91, 242, 243, 250, 268, 274, 275, 282, 286, 287; русские власти — 44, 84, 230, 287; см. законы русские, подсудность русскому суду.

С

Салават — 20, 37, 65, 128, 201.
Самоубийство — 47, 285; погребение С. — 20, 47, 143.
Самоуправство — 20, 31, 32, 47, 237, 276; см. барымта.
Свадьба — см. брак.
Сватовство, общие положения — 23, 80, 85, 88, 92, 98, 104, 113, 174, 175, 233, 243, 246, 247, 250, 251, 252, 253, 297; условия С. — 23, 93, 174, 244; обряды С. — 23, 233, 244, 250, 251, 252, 253; подарки при С. — 23, 24, 80, 85, 104, 114, 174, 177, 234, 244, 251, 252, 253; последствия нарушения условий С. — 23, 66, 80, 105, 114, 180, 181, 182, 234, 244, 246, 295; встречное С. — 234, 245; последствия смерти жениха — 24, 80, 98, 105, 114, 183, 234, 246, 247, 295; последствия смерти невесты — 24, 98, 182, 234, 247, 295; см. жених.
Свидетели — 39, 40, 41, 42, 96, 98, 165, 231, 232, 233, 256, 269; необходимое количество С. — 20, 21, 31, 39, 41, 87, 108, 127, 184, 231, 302; порядок допроса С. — 41, 42, 87; присяга С. — 41, 82, 87, 108, 127, 166, 172, 233; необходимые качества С. — 39, 127, 232; отстранение от С. — 21, 39, 40, 41, 127, 165, 166, 167, 232; последствия неявки С. — 40, 232; ответственность С. за ложные показания — 39, 232, 284.
Скачки — 25, 83, 88, 99, 107, 109, 115, 148, 217.
Скот — 21; значение С. — 20, 53, 81, 87, 90, 98, 108, 115, 133, 168, 195, 206, 237, 263.
Следы, значение С. — 56.
Смертная казнь, случаи применения С. К. — 19, 20, 32, 33, 37, 42, 45, 46, 48, 51, 53, 55, 65, 69, 77, 78, 80, 84, 104, 114, 128, 130, 277; порядок производства С. К. — 20, 22, 32, 281; освобождение от С. К. беременных женщин — 20, 48.

Собрание — 19, 22, 97, 200, 218; порядок проведения С. — 19, 22.
Собственность, общие положения — 98, 174, 212, 273, 304; возвращение своей С. — 64, 79, 85, 102, 311.
Совершеннолетие — см. несовершеннолетие.
Соучастие — см. преступление.
Ссуда, общие положения — 271, 272, 308; условия договора 271, 308; ответственность ссудодержателя за имущество — 309.
Старшины, правовое положение — 21, 22, 44, 45, 46, 82, 96, 107; судебная власть С. — 21, 108.
Сугум — 138, 149; уплата С. — 139.
Суд, общие положения — 21, 90, 97, 108, 124, 125, 126, 163, 164, 165, 225, 226, 284; состав С. — 21, 33, 90, 110, 164, 229; отстранение судей — 21, 34, 229; порядок судопроизводства — 64, 77, 79, 82, 90, 96, 106, 108, 110, 165, 166; решение дел С. — 34, 169; обжалование решений С. — 34, 36, 82, 106, 112; пересмотр решений С. — 34, 35, 76, 106, 112, 230; вызов в С. — 36, 37, 38, 84, 126, 164, 230; последствия неявки в С. — 21, 36, 37, 38, 111, 230; исполнение судебных решений — 21, 272; суд русский — 79, 90, 276, 277, 279, 280, 284; суд казиев — 123, 132.
Судьи — см. бии.
Султаны, общие положения — 19, 22, 35, 43, 45, 46, 76, 96, 98, 106, 112, 128, 132, 136, 164, 207, 215, 218; см. белая кость, кун, оскорбление; уплата податей С. — 138, 139, 149, 171.
Суйиши — 133, 134, 139, 193, 197, 231, 280, 281, 311; случаи уплаты С. — 199, 266, 289; размеры С. — 133, 197, 231, 266, 280, 281.

Т

Тамга — 22, 121, 220; значение Т. — 193; применение Т. — 22, 220, 268.
Тамырство — 207; происхождение Т. — 267; виды Т. — 267; отношения Т. — 207, 267, 268, 311.
Телесные наказания — 22, 228, 282; случаи применения Т. Н. — 22, 35, 36, 39, 42, 50, 51, 52, 58, 59, 69, 80, 81, 90, 91, 103, 104, 105, 106, 111, 114, 115, 132, 133, 232, 234, 236, 237, 238, 286, 288; порядок применения Т. Н. — 50, 126, 129, 130, 282; освобождение от Т. Н. — 49, 128; смерть от Т. Н. — 130.
Телесные повреждения — 285; ответственность за Т. П. — 19, 20, 35, 37, 42, 47, 48, 78, 131, 204, 236, 285; смерть от Т. П. — 35, 45, 48; см. животные.
Тогыз — 135, 170, 228, 282; случаи уплаты Т. — 129, 134, 178, 180, 181, 182, 183, 185, 187, 196, 199, 203, 204, 205, 208, 209, 219, 232, 235, 236, 237, 244, 246, 249, 260, 279, 285; размер Т. — 129, 170, 228.
Товарищество — 274.
Тюленгуты — правовое положение — 136, 137, 260.

У

Убийство — 20, 31, 45, 201, 205; ответственность за У. — 31, 35, 37, 38, 43, 46, 47, 87, 132, 202, 203, 204; У. хана, султана, ходжи — 20, 42, 77, 204; У. судьи — 36, 77; У. посланного — 37; У. женою мужа — 20, 46, 48, 78; У. мужем жены — 20, 46, 48, 78; У. родителями детей — 20, 46, 78, 276; У. детьми родителей — 77, 78; покушение на У. — 279; ответственность за неумышленное У. — 46, 49, 77, 205, 209.
Убытки — 275; случаи возмещения У. — 50, 53, 56, 60, 61, 62, 63, 140, 200, 209, 238, 273, 281, 284, 289, 305, 310.
Увечье — см. телесные повреждения.
Угроза — 276, 288; ответственность за У. — 209, 236, 276, 279.
Укрывательство, ответственность за У. преступников — 47, 49, 50, 201, 202, 279, 280.
Умалишенные, общие положения — 68, 127, 128, 209, 278; см. опека, свидетели.
Уран, понятие У. — 219; значение У. — 219; виды У. — 219, 220.
Умысел, значение У. — 46, 49, 50, 52, 53, 272, 273, 275, 277, 306, 307, 308, 309, 312.
Усыновление, общие положения — 145, 185, 191, 260, 298, 299; права и обязанности усыновителя в отношении усыновленного — 145, 186, 299; права усыновленного — 145, 192, 260, 298, 299; возвращение усыновленного к родителям — 185, 186, 191, 298; см. выделение У.

Х

Хан — 21, 22, 84, 85, 164, 216, 218; выборы Х, — 19, 217, 218; власть Х. — 21, 218, 219; подати Х. — 22, 137, 139, 171, 196, 199, 288; хан Тауке — 19; см. законы.
Хранение, общие положения — 58, 306, 312; условия договора Х. — 306, 307; ответственность за вещи, сданные на Х., — 58, 306, 307.

Ч

Членовредительство — см. телесные повреждения.

Ш

Шариат, значение шариата в казахском праве — 22, 80, 82, 83, 86, 98, 104, 107, 115, 122, 123, 130, 131, 132, 141, 143, 150, 173, 188, 220, 228, 242, 255, 256, 257, 278, 299; см. Алкоран.
Шибага — 139, 149.
Штраф, общие положения — 32, 42, 51, 79, 102, 111, 126, 169, 228, 232, 275, 282; случаи взыскания Ш. — 21, 32, 34, 35, 37, 39, 42, 43, 44, 45, 48, 50, 53, 54, 55, 56, 58, 60, 79, 84, 90, 96, 103, 105, 108, 111, 115, 170, 171, 180, 192, 196, 204, 208, 232, 234, 236, 237, 244, 246, 249, 265, 273, 284, 285, 286, 288, 310; размеры Ш. — 32, 228; см. ат-тун, кун, тогыз.

Ю

Юридические лица — 302.

Я

Явка с повинною — правовые последствия — 128.

КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО КАЗАХСКОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

АЛЕКТОРОВ А. Е. Барымта. Оренбургский листок, 1890, №№ 22 — 23.
АЛЕКТОРОВ А. Е. О рождении и воспитании детей у киргизов. Оренбургский листок, 1891, №№ 31 — 33.
АЛТЫНСАРИН И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства. Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества, Казань, 1870, вып. I.
АЛЬДЖАНОВ О. Печальное положение современной киргизской женщины. Киргизская степная газета, 1894, №№ 33, 34, 35.
АЛЬДЖАНОВ О. Ереже (постановление) одного чрезвычайного съезда народных судей. Киргизская степная газета, 1896, №№ 48, 49, 50; 1898, №№ 34 — 37.
АНИЧКОВ И. В. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899.
АНИЧКОВ И. В. Присяга киргизов перед русским судом. Журнал Министерства юстиции, 1898, кн. 9.
АНИЧКОВ И. В. Женский вопрос в киргизской степи. Журнал «Православный благовестник», 1894, № 23.
АРТЕМЕНКО С. К. О наследственном землепользовании у киргизов. Киргизская степная газета, 1895, №№ 38, 39, 40.
Астраханские губернские ведомости. Замечания о киргизской степи. (О законах и народоправлении киргиз), 1855, №№ 22 — 25, 29 — 41, 45 — 51, 1856, № 1, 3, 10, 11, 14, 22, 25, 29, 30, 34.
БАЛКАШИН Н. Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманцах, СПб, 1887.
БАЛЛЮЗЕК Л. Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона. Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Казань, 1871, вып. II.
БЕКМАХАНОВ Е. Б. Казахстан в 20 — 40-х годах XIX века. КазОГИЗ, Алма-Ата, 1947.
БРОДОВСКИЙ. Очерк киргизской степи, журнал «Землеведение» 1913, № 3.
БРОНЕВСКИЙ М. И. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. Отечественные записки, 1830, чч. 41, 42, 43.
ВАЛИХАНОВ Ч. Ч. Сочинения. Записки Императорского русского географического общества, т. XXIX, под. ред. Н. И. Веселовского, СПб, 1904.
ВИТЕВСКИЙ В. Н. и НЕПЛЮЕВ И. И. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань, 1889, вып. I, II, III.
ВЯТКИН М. П. Очерки по истории Казахской ССР, Л., 1941.
ВЯТКИН М. П. Батыр-Срым, М. — Л., издание Академии наук СССР, 1947.
ГЕЙНС А. К. Сборник литературных трудов, СПб, 1898, т. II и III.
ГЕЙНС А. К. Киргизские очерки. Военный сборник. 1866, №№ 1, 6, 7.
ГИНС Г. К. В киргизских аулах. Исторический вестник, 1913, с. XXII.
ГИНС Г. К. Основные начала проекта водного закона для Туркестана. СПб, 1912.
ГИНС Г. К. Действующее водное право Туркестана и будущий водный закон. (Отчет Переселенческого управления по командировке летом 1909 г. в Семиречье 1910 г.).
ГОТОВИЦКИЙ М. Значение обряда присяги у киргиз, ж. «Юридический вестник», 1885, № 5.
ГРОДЕКОВ Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1889, т. I.
ГУРЛЯНД Л. У. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Известия общества истории, археологии, этнографии при Казанском университете, 1904, т. XX, вып. IV, V.
ДАВЛЕТШИН. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области ознакомления с деятельностью народных судов. 1901.

ДАУЛЕТОВ. Есенбай. Ростовщичество и народный суд. Киргизская степная газета, 1895, № 35.
ДЕЛЬВИГ Б. Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края, Уральск, 1909.
ДИНГЕЛЬШТЕДТ Н. А. Одно из отживающих учреждений, ж. «Гражданское и уголовное право», 1892, кн. I.
ДОБРОСМЫСЛОВ А. И. Заметка о летних кочевках киргизов в Тургайскую область. Тургайские областные ведомости, 1894, № 19.
ДОБРОСМЫСЛОВ А. И. Суд у киргиз Тургайской области, Казань, 1904, вып. XVIII и XIX.
ЕМЕЛЬЯНОВ Н. Судебная реформа в степных областях и Туркестанском крае. Русский вестник, 1898, № 8.
ЗАГРЯЖСКИЙ А. Юридические обычаи киргизов и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края. Материалы для статистики Туркестанского края. Петербург, 1876, вып. IV.
ЗАГРЯЖСКИЙ Г. Кара-киргизы. Туркестанские ведомости, 1874, № 41.
ИБРАГИМОВ И. Очерки быта киргизов. Древняя и новая Россия, 1876, № 9.
ИБРАГИМОВ. Заметки о киргизском суде. Записки Русского Географического общества, 1878, вып. VIII, № 2.
ИБРАГИМОВ И. Очерки быта киргизов. Древняя и новая Россия. 1876, № 9, Известия Академии наук КазССР, № 50, серия юридическая, вып. I, 1948.
КАВЕЛИН Г. Отчет о поездке в киргизские степи, СПб, 1877.
КАЗАНЦЕВ И. Описание киргиз-кайсаков, СПб, 1867.
Киргизская степная газета, 1898, № 50. Поземельные споры киргизов.
Киргизская степная газета, 1894, № 42. Об изъятии дел по некоторым преступлениям из ведения народного суда.
КОНШИН Н. Я. Материал для истории Степного края. Памятная книжка Семипалатинской области, 1900, вып. IV, 1902, вып. VI.
КОЗЛОВ И. А. Обычное право киргизов. Памятная книжка Западной Сибири. Омск. 1882.
КРАСОВСКИЙ. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов, СПб, 1868, ч. I, II, III.
КРАФТ И. И. Из киргизской старины. Оренбург, 1900.
КРАФТ И. И. Султаны, тарханы, бии (историческая справка). Тургайская газета, 1897, № 120.
КРАФТ И. И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898.
КРАХАЛЕВ А. И. Древний суд биев. Акмолинские областные ведомости, 1883, №№ 48 — 51.
КРАХАЛЕВ А. И. Древний суд биев. Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям, 1888, № 48.
КРАХАЛЕВ А. И. Суд и следствие у киргизов Сибири. Юридический вестник, 1888, XXVIII.
ЛЕВШИН А. И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, СПб, 1832, ч. III.
ЛЕОНТЬЕВ А. А. Обычное право киргиз. Юридический вестник, 1890, т. V.
ЛОБЫСЕВИЧ Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства. М., 1891.
ЛОМАКИН. Обычное право туркмен (адат). Ашхабад, 1897.
МАКОВЕЦКИЙ П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, Материальное право, Омск, 1886, вып. I, II.
МАКСИМОВ С. Народный суд у киргизов. Юридический журнал, 1897, кн. VIII.
Материалы по истории Казахской ССР (1775 — 1828 гг.), т. IV, М. — Л., 1940, издание Академии наук СССР.
МЕЙЕР Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПб, 1865.
МЯКУТИН А. И. Юридический быт киргиз. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1910, вып. XXV.
НИКИТИН В. И. Исторический очерк Семипалатинской области. Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г.
Новости, 1891, № 190. О побратимстве киргизов.
НОЛЬДА А. Э. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», СПб, 1911.
НУРСКИН И. Объяснение некоторых терминов киргизского судопроизводства. Туркестанские ведомости, 1873, № 42.
Обозрение исторических сведений о своде законов степных кочевых инородцев Восточной Сибири, СПб, 1811.
О значении источников, на которых основан текст «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». СПб, 1841.
Оренбургская газета, 1912, № 5. Положение женщин у киргизов.
ПАЛЕН К. К. Отчет о ревизии Туркестанского края. Ташкент, 1909, т. I.

Переводчик, 1896, № 51. О киргизах.
Переводчик, 1895, № 19. Из нашей жизни.
РУМЯНЦЕВ П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб, 1910.
Русские ведомости, 1895, № 11. Из провинциальной жизни.
Русский вестник, 1880, № 4. О быте киргизов Тургайской области.
Русский Туркестан, 1901, № 181. Киргизский адат в русском суде.
САБОТАЕВ. Суд аксакалов и суд третейский у киргизов Кустанайского уезда Тургайской области. Этнографический сборник, 1900, № 3.
САМОКВАСОВ Д. Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Обычаи киргизов, Варшава, 1876.
Сборник решений чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1903 г., Ашхабад, 1910.
СЕДЕЛЬНИКОВ Т. Борьба за землю в киргизской степи. СПб, 1907.
Сибирский вестник, 1887, № 43. Интересный обычай у киргизов степняков.
Сибирь, 1877, № 28. Киргизские суды.
СЛОВОХОТОВ Л. А. Народный суд обычного права киргизов Малой орды. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1905, Оренбург, вып. XV.
СПАССКИЙ. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды, Сибирский вестник, 1820, т. IX.
Судебная газета, 1897, № 20. Присяга и свидетельские показания киргиз Степного края.
Сын Отечества, 1829, № 126. Нравы киргиз-кайсаков.
Сын Отечества, 1897, № 182. О мерах к охранению лесных богатств в Тобольской и Енисейских губерниях.
ТЕРЕНТЬЕВ М. Туркестан и туркестанцы. Вестник Европы, 1875, № 9.
Томские губернские ведомости, 1858, № 45. Образ управления и законы киргизов.
ТРОНОВ В. Д. Обычай и обычное право киргиз. Материалы по антропологии и этнологии киргизов. Записки по отделению этнографии, СПб, 1891, т. XVII, вып II.
Туркестанские ведомости, 1875. № 22. Права среднеазиатской женщины.
Туркестанские ведомости, 1873, № 42. Объяснение некоторых терминов, встречающихся в киргизском судопроизводстве.
Туркестанские ведомости. О подсудности брачных дел между туземцами Туркестанского края, 1882, № 47; 1883, № 9.
УСОВ. Исторический очерк Западной Сибири в царствование императора Александра II. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882.
ЧЕРМАНОВ М. Киргизские народные обычаи. Семипалатинские областные ведомости, 1871, № 32.
ЧУЛОШНИКОВ А. П. Очерки по истории казах-киргизского народа. Оренбург, 1924, ч. I.
ШАЛАМОВ М. П. Судебное устройство Казахстана. Москва, 1940.
ЩЕРБИНА Ф. А. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, СПб, 1897 — 1902.
ЮЗЕФОВИЧ Б. О быте киргизов Тургайской области. Русский вестник, 1880, апрель.
ЮЖАКОВ С. П. Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем. Русский вестник, 1891, кн. VII и VIII.
ЮШКОВ С. В. История государства и права СССР, Москва, 1947, ч. I.
ЮШКОВ С. В. Учебное пособие по истории государства и права СССР, Москва, 1945, вып. IV.
ЯДРИНЦЕВ Н. Сибирь как колония, СПб, 1832.
ЯКОВЛЕВ М. Д. Народный суд и степное положение, с киргизским переводом. Издание неофициальное, Казань, 1915.
ЯКОВЛЕВ М. Д. Справочная книжка для аульных старшин, волостных управителей и народных судей инородческого управления, Омск, 1912, изд. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Предисловие 3

II. От составителей 6

III. Извлечение из работы А. И. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей», СПб, 1832 г., ч. III 15
1. Предисловие 17
2. Извлечение из главы XIV. Образ управления и законы 18
3. Извлечение из главы XII. Обычаи. Свадебные обряды. 22

IV. Материалы по казахскому обычному праву и положения на них Омского временного комитета, 1824 г. 27
1. Предисловие 29
2. Собрание киргизских законов и положение на оные Омского временного комитета 31
1) О богопочитании 31
2) О суде и судьях 33
3) О свидетелях 39
4) О смертном убийстве и тому подобных преступлениях, так же о драке и обидах 42
5) О упуске и укрывательстве преступников 49
6) О содомском грехе, насилии и блуде 50
7) О зажигательстве 52
8) О воровстве и грабеже 53
9) По исковым делам 59

V. Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии в 1846 г. 71
1. Предисловие 73
2. Циркулярное письмо чиновникам Пограничной комиссии. . . . 74
3. Рапорт поручика Антова 76
4. Рапорт губернского секретаря Беглова 83
5. Рапорт губернского секретаря Лукина 86
6. Рапорт попечителя Александрийского 89
7. Рапорт губернского секретаря Половоротова 95
8. Рапорт попечителя Кастырина 100
9. Рапорт письмоводителя Ячменева 101
10. Рапорт письмоводителя Сосновского 107
11. Рапорт попечителя Белозерова 109

VI. Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений д'Андре в 1846 году 117
1. Предисловие 119
2. Инструкция 120
3. Рапорт чиновника особых поручений д'Андре 123
4. Описание киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона . . . 124
а) О судопроизводстве между киргиз-кайсаками вообще 124
б) О преступлениях и мерах наказания вообще 128
в) Состав гражданский 135
5. Докладная записка чиновника особых поручений д'Андре. . . . 150
6. Перевод выписок из Алкорана и других книг, помещенных в деле. . 150
7. 128 подтверждений материалов д'Андре. 151

VII. Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные военным губернатором Тургайской области Л. Ф. Баллюзеком в 1871 году. 159

1. Предисловие 161
2. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона 163

VIII. Статья И. А. Козлова «Обычное право киргизов», опубликованная в 1882 году. 223

1. Предисловие 225
2. Обычное право киргизов 225
   а) Общие основания киргизского суда 225
   б) О преступлениях и наказаниях 227
   в) О богопочитании 228
   г) О суде и судьях 229
   д) О свидетелях 231
   е) Семейное право 233
   ж) Преступления против личности 236
   з) Нарушение общественной тишины и благочиния, неповиновение властям и пр. 237
   и) Преступления против брака 237
   к) Кража и грабеж 237
   л) Землевладение киргизов 238

IX. Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные семипалатинским областным статистическим комитетом в 1886 году. 239

1. Предисловие 241
2. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Выпуск I. Материальное право 242

X. Материалы по казахскому обычному праву 291

1. Предисловие 293
2. Сборник киргизского обычного права 294

Перечень казахских слов 313

Предметный указатель 335

Краткий библиографический указатель литературы 343

Редактор *С. Г. Медведев*
Тех. редактор *А. К. Калинина*
Корректор *Р. И. Суворова*

*

Подписано к печати 10/XII 1948 г. Объем 21,9 п. л. Уч.-авт. л. 25,2.
Размер бумаги 70x108¹/₁₆. УГ 00994. Тираж 500. Цена 20 руб.

*

Тип. АН КазССР, г. Алма-Ата, Виноградова, 26. Зак. 1042

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Читать
17	22 сверху	(СПб, 1823 г)	(СПб, 1832 г)
19	30 сверху	Хана из Тявки	Хана их Тявки
30	сноска 5	С. Л. Фукс „К вопросу изучения истории казахского права".	С. Л. Фукс „Некоторые моменты истории казахского права и „Описание киргизских обычаев" д'Андре.
120	16 сверху	правое положение	правовое положение
243	3 снизу	сватовства	сватовство
248	11 снизу	собой	особой
264	2 снизу	отделенная	отдаленныя
294	13 сверху	и уйти от тестя	уйти от тестя
301	20 снизу	и мужа	ее мужа
302	12 сверху	лица женского пола	лицам женского пола
303	22 снизу	наследодателя	наследователя
309	15 снизу	отсуждать	отчуждать
318	4 сверху	наследовавший его	наследовавший его жену
323	20 сверху	сборное имущество	спорное имущество
323	1 снизу	насильщик	насильник
324	11 сверху	родами аулы	родами на аулы
324	4 снизу	еще была	она была
325	8 снизу	состоявшееся	оставшееся
326	24 сверху	на несколько голов	из нескольких голов
328	25 сверху	муллов	муллой
329	8 сверху	(см.)	(см.) калым
345	1 снизу	области ознакомлении	области для ознакомления.

ПРИМЕЧАНИЕ: Тамги, напечатанные на стр. 221, 222, относятся к материалу д'Андре, к стр. 158.

Зак. 1042